ББК 81
М 31

Рецензент: кафедра общего языкознания и классической филологии Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. С. В. Семчинский)

Маслов Ю. С.

М 31 Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов.—2-е изд., перераб. и доп.—М.: Высш. шк., 1987.—272 с.: ил.

В учебнике рассмотрены все разделы курса «Введение в языкознание». Теоретические положения разъясняются на конкретном материале славянских, германских, романских, а также латинского и некоторых других языков. Во 2-м издании (1-е — в 1975 г.) добавлены разделы о генеалогической классификации языков, о происхождении языка, отдельные разделы расширены и переработаны. В книге дан предметный указатель.

Учебное издание

Юрий Сергеевич Маслов

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Зав. редакцией *Л. П. Чебаевская*. Редакторы *М. В. Лагунова*, *А. Г. Бойчук*. Младший редактор *Н. В. Боровская*. Художник *В. М. Боровков*. Художественный редактор *М. Г. Мицкевич*. Технический редактор *Т. Н. Полунина*. Корректор *Л. А. Исаева*.

ИБ № 6225

Изд. № РЛ-282 Сдано в набор 14.11.86. Подп. в печать 14.05.87. А-03423. Формат 60×90/16. Бум.тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 17,0 усл. печ. л. 17,0 усл. кр.-отт. 20,35 уч.-изд. л. Тираж 29 000 экз. Заказ № 3471. Цена 1 руб.
Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113054, Москва, Валовая, 28.

М $\frac{4602000000(4309000000)—289}{001(01)—87}$ 257—87 ББК 81
4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий учебник излагает все темы, предусмотренные типовой программой курса «Введение в языкознание» (М., 1982) для филологических специальностей университетов. Книга знакомит студента-первокурсника с важнейшими разделами и проблемами науки о языке, с основными понятиями, которыми оперирует эта наука на современном этапе развития и знание которых необходимо для серьезного изучения каждого отдельного языка.

Предлагаемый учебник существенно отличается от одноименного пособия того же автора, выпущенного издательством в 1975 г. Добавлены разделы о происхождении языка, генеалогической классификации языков, расширены разделы о взаимоотношении языка и мышления, языка и общества, многие разделы коренным образом переработаны, так что книга теперь полностью соответствует программе курса, утвержденной Министерством высшего и среднего специального образования СССР. При переработке книги по возможности учтены новые достижения науки за истекшее десятилетие, а также пожелания, высказанные в рецензиях, которые после выхода учебного пособия появились в советских и зарубежных журналах. Вместе с тем опущены некоторые второстепенные детали, делавшие учебное пособие местами излишне трудным для студента первого курса. Текст разбит на параграфы, введены перекрестные ссылки (например, § 45,1 значит § 45, п. 1), добавлены некоторые схемы, способствующие наглядности изложения.

Автор выражает сердечную признательность всем лицам, которые своими критическими замечаниями и советами, высказанными на разных этапах работы над книгой, в печатных рецензиях, в письмах или в устной форме, существенно способствовали улучшению книги: А. А. Белецкому, В. П. Беркову, Л. В. Бондарко, Я. М. Боровскому, В. М. Глухову, Я. Горецкому (ЧССР), В. А. Дыбо, И. М. Дьяконову, В. А. Звегинцеву, Л. Р. Зиндеру, Е. М. Иссерлин, С. А. Крылову, Н. А. Мещерскому, Л. Ржехачеку (ЧССР), Л. В. Сахарному, С. В. Семчинскому, Л. Г. Скалозуб, Н. А. Слюсаревой, С. В. Смирнову, Т. В. Строевой, А. В. Федорову.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ НАУКА О ЯЗЫКЕ?

§ 1. На земном шаре существуют тысячи различных языков. И все же мы говорим не только о «языках», но также о «языке» — человеческом языке как о чем-то едином. Мы вправе поступать так потому, что при всех громадных различиях между языками они все в самом главном имеют между собой много общего.

Каждый язык — достояние какого-то коллектива и тем самым — явление общественно-историческое. Каждый язык — непременное условие развития человеческой культуры, поразительное по тонкости и совершенству орудие общения, непревзойденное средство формирования мысли и передачи ее другим людям. При посредничестве языка происходит «...приобщение широких масс населения к достижениям науки, ценностям культуры; формирование всесторонне развитой личности» [1]. Каждый язык пользуется для выражения мысли звуками, произносимыми человеком. Каждый язык членораздельный: нормальное высказывание на любом из языков членится на элементы, повторяющиеся в других комбинациях в составе других высказываний. Каждый язык обладает обширным набором таких повторяющихся элементов и гибкой системой правил, по которым эти элементы соединяются в осмысленные высказывания.

Я з ы к о в е д е н и е (языкознание, лингвистика) — наука, изучающая языки (в принципе — все существующие, когда-либо существовавшие и могущие возникнуть в будущем), а тем самым и человеческий язык вообще. Как всякая наука, языковедение возникло в связи с практическими потребностями, но постепенно развилось в сложную и разветвленную систему дисциплин как теоретического, так и прикладного характера. Внутри теоретического языковедения условно различают частное и общее.

Ч а с т н о е языковедение занимается отдельным языком (русским, английским, узбекским и т. д.) или группой родственных языков (скажем, славянскими языками). Оно может быть синхроническим, описывающим факты языка в какой-то момент его истории (чаще всего — факты современного языка), либо диахроническим [2] (историческим), прослеживающим развитие языка на протяжении определенного отрезка времени. Разновидностью диахронического языковедения является сравнительно-историческое, выясняющее путем сравнения родственных языков их историческое прошлое.

Общими особенностями человеческого языка занимается о б щ е е языковедение. Оно исследует сущность и природу языка, проблему его происхождения и общие законы его развития и функционирования, оно также разрабатывает методы исследования языков. В рамках общего языковедения выделяется типологическое языковедение, осуществляющее сопоставление между собой как родственных, так и неродственных языков, сопоставление, направленное на выяснение общих закономерностей языка. Общее и, в частности, типологическое языковедение выявляет и формулирует языковые у н и в е р с а л и и, т. е. положения, действительные для всех языков мира (абсолютные универсалии) или для значительного большинства языков (статистические универсалии).

Абсолютными универсалиями являются, например, следующие утверждения: 1) во всех языках существуют гласные и согласные звуки; 2) на всех языках люди говорят предложениями; 3) во всех языках есть имена собственные; 4) если в данном языке существует различие по грамматическому роду, то в нем обязательно существует различие и по числу. Пример статистической универсалии: почти во всех языках в местоимениях различается не менее двух чисел (исключения: древний и современный яванский).

Одной из важных задач общего языковедения является научное определение понятий, которыми пользуется языковедение,— таких, например, как упомянутые выше «гласный» и «согласный», «предложение», «имя собственное» и т. п.

П р и к л а д н о е языковедение также решает и частные задачи, касающиеся одного языка, и задачи, принципиально приложимые к материалу любого языка: создание и усовершенствование письма; обучение письму, чтению, культуре речи, неродному языку; создание систем автоматического перевода, автоматического поиска, аннотирования и реферирования информации, создание систем, обеспечивающих общение человека с машиной на естественном языке.

Для филолога языковедение является одной из важнейших наук, наукой «профилирующей», т. е. формирующей филолога как специалиста в своей области. Курс «Введение в языкознание» есть начальный, элементарный курс общего языковедения, дающий первые сведения о языке вообще, о его структуре, об основных понятиях и терминах языковедения, без знания которых невозможно серьезно заниматься ни одним языком.

§ 2. Языковедение тесно связано со многими другими науками. Прежде всего, конечно, с философией, изучающей наиболее общие законы природы, общества и мышления. Философской, методологической основой советского языковедения является диалектический материализм.

Так как язык — явление общественно-историческое, языковедение входит в круг наук о человеческом обществе и человеческой культуре, таких, как социология, история, этнография, археология. Анализируя общественную обусловленность языковых явлений, отражение в языке

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 140.

[2] *Синхронический* (от др.-греч. *syn* 'вместе с' и *chrónos* 'время') значит 'относящийся к одному времени'; *диахронический* (от *dia* 'через, сквозь' и *chrónos*) —'относящийся к изменению во времени'.

и в истории языка истории народа, советское языковедение опирается на исторический материализм.

Так как язык непосредственно связан с человеческим сознанием, мышлением и психической жизнью, языковедение имеет тесные связи с логикой и психологией, а через психологию также с физиологией высшей нервной деятельности. Изучение проблем происхождения и раннего развития языка осуществляется языковедением в контакте с антропологией.

Так как язык, как указывал М. Горький,— это «первоэлемент», «основное орудие» и «материал литературы» [1], языковедение в ряде точек соприкасается с литературоведением, поэтикой и фольклористикой, объединяясь с ними в комплексную дисциплину — филологию, изучающую язык, литературу и культуру данного народа в их взаимосвязях.

Так как наша речь воплощается в звуках, важные области языковедения связаны с акустикой — разделом физики, изучающим звук, а также с анатомией и физиологией органов речевого звукообразования в человеческом организме.

Наконец, решая разнообразные прикладные задачи, языковедение взаимодействует с педагогикой и методикой, с медициной, а в наши дни все в большей мере с такими науками, как математическая логика, статистика, теория информации и кибернетика.

В последние десятилетия в результате взаимодействия языковедения с другими науками возникли новые научные дисциплины на стыке традиционных областей знания — социолингвистика, психолингвистика, математическая лингвистика и некоторые другие.

[1] *Горький А. М.* Беседа с молодыми // Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. С. 212.

ГЛАВА I

СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА: ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ И ЕГО ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА

1. ЯЗЫК—ВАЖНЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ, ОРУДИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ВЫРАЖЕНИЯ МЫСЛИ

а) Общение языково́е и неязыково́е

§ 3. Общение в широком смысле слова существует не только в человеческом обществе, но и в животном мире, а в наши дни мы должны также учитывать общение человека с машиной. Во всех случаях общение есть передача некоторой информации, преднамеренно или же непроизвольно посылаемой отправителем и воспринимаемой получателем. Анализируя факты или процессы общения, следует различать в нем два плана: в ы р а ж е н и е, точнее, способ, или форму выражения (например, движение кончика хвоста у кошки) и стоящее за этим выражением с о д е р ж а н и е передаваемой информации (возбужденность животного).

§ 4. У животных общение основывается главным образом на врожденных, передаваемых по наследству (в меньшей мере на выработавшихся у данных особей) реакциях на определенные стимулы. Каждый раз, когда общение осуществляется, оно зависит от присутствия стимула в данной конкретной ситуации. Так, животное, заметившее грозящую опасность, кричит и тем самым предупреждает об опасности все стадо. Но этот крик обусловлен не осознанным намерением передать соответствующую информацию, а непроизвольной реакцией на возникшее у животного чувство страха. И другое животное, услышав этот крик, как бы «заражается» тем же чувством и начинает вести себя определенным образом. Поведение как отправителя, так и получателя информации не выходит здесь, используя терминологию великого русского физиолога И. П. Павлова (1849—1936), за рамки «первой сигнальной системы», т. е. системы безусловных и связанных с ними условных рефлексов — «ответов» животного на поступающие извне раздражения.

§ 5. Человеческое общение — феномен, глубоко отличный от того, что мы наблюдаем в мире животных, к а ч е с т в е н н о б о л е е с л о ж н ы й. Человеческое общение осуществляется главным образом с помощью звукового языка (а также с помощью письма и в других — производных по отношению к языку — формах, см. § 6). Вместе

с тем заметную роль в общении людей играют и невербальные (неязыковые) формы, в своих истоках общие у человека и животного.

Языковое общение составляет, по И. П. Павлову, «вторую сигнальную систему действительности», надстраивающуюся над первой, общей у человека с животными. Языковое общение всегда основывается на усвоении (стихийном или сознательном) данного языка участниками общения, не на врожденном, а на приобретенном знании. За редкими исключениями языковое общение носит преднамеренный, осознанный характер и, что очень важно, осуществляется не только как прямая реакция на непосредственно наличный стимул. Это значит, что, пользуясь языком, можно отвлечься от ситуации, говорить о том, чего в данную минуту нет, о прошлом и будущем, обобщать и строить предположения, т. е. мыслить, можно обращаться к воображаемому собеседнику и т. д. Содержание информации, передаваемой языком, в принципе безгранично, как безгранично само человеческое познание. Языковое общение выступает как качественно особый обмен информацией — не просто сообщение каких-то фактов или передача связанных с ними эмоций, но и обмен мыслями по поводу этих фактов.

Иной характер носит невербальное общение людей, представленное прежде всего непроизвольными проявлениями эмоций в форме смеха, плача, некоторых телодвижений, а далее — уже сознательной имитацией подобных проявлений и условными или ставшими во многом условными (и разными у разных народов) мимикой и жестикуляцией. Сюда же относятся явления, реализуемые в процессе речи, но обусловленные физическим или эмоциональным состоянием говорящего и от его воли, как правило, не зависящие,— изменения тембра голоса, темпа и плавности речи, дрожь в голосе.

Неязыковые формы общения генетически старше, чем звуковой язык, и у ребенка они также появляются в более раннем возрасте, чем пользование языком. Мимика и жест порой ярче и, так сказать, достовернее, чем слово, могут выразить чувство или волевое побуждение, но они сами по себе не способны выразить мысль, по крайней мере мало-мальски сложную, отчетливую и логически расчлененную (мы сейчас отвлекаемся от специальных «ручных языков» для глухонемых, о чем см. § 6). При пользовании звуковым языком мимика и жесты играют подсобную роль, сопровождая и своеобразно дополняя устную речь.

§ 6. Письмо в своих истоках, как мы увидим (§ 267 и след.), не было связано с фиксацией языковых высказываний, но в дальнейшей истории общества оно становится второй формой языка, особой разновидностью языкового общения, преодолевающей пространство и время. Специфическими «отпочкованиями» языка (и письма) являются также построенные человеком искусственные системы общения, применяемые в отдельных областях жизни и производственной деятельности,— разного рода сигнализация (дорожная, железнодорожная и т. д.), специальные коды и шифры, далее — символические «языки» науки (системы символов, применяемых для записи химических реакций, математических операций и т. д.), «языки программирования» (системы знаков, служащие для ввода и обработки информации в электронно-вычислительных машинах). Использование всех этих специальных систем предполагает предварительное усвоение «правил игры» участниками общения, причем это усвоение происходит на базе общения языкового. Сюда же относятся и «ручные языки» для глухонемых. Хотя план выражения в этих «языках» строится из движений рук, пальцев, мускулатуры лица, по существу это лишь «перевод в другую материю» единиц звукового (и письменного) языка.

Особое место в ряду форм человеческого общения занимает искусство.

б) Функции языка

§ 7. В языкознании слово «функция» обычно употребляется в смысле ‘производимая работа’, ‘назначение’, ‘роль’. Первейшей функцией языка является коммуникативная (от лат. *communicatio* ‘общение’), его назначение — служить орудием общения, т. е. в первую очередь обмена мыслями. Но язык не только средство передачи «готовой мысли». Он и средство самого формирования мысли. Как говорил выдающийся советский психолог Л. С. Выготский (1896—1934), мысль не просто выражается в слове, но и совершается в слове. С коммуникативной функцией языка неразрывно связана вторая его центральная функция — мыслеформирующая. Имея в виду эту функцию, крупнейший языковед-мыслитель первой половины XIX в. Вильгельм Гу́мбольдт (1767—1835) называл язык «образующим органом мысли». Органическое единство двух центральных функций языка и непрерывность его существования в обществе делают язык хранителем и сокровищницей общественно-исторического опыта поколений.

Соотношение языка и мышления мы подробнее рассмотрим ниже. Что же касается коммуникативной функции языка, то в науке выделяют ее отдельные стороны, иначе говоря, ряд более частных функций: констатирующую — служить для простого «нейтрального» сообщения о факте (ср. повествовательные предложения), вопросительную — служить для запроса о факте (ср. вопросительные предложения, вопросительные слова), апеллятивную (от лат. *appello* ‘обращаюсь к кому-л.’) — служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям (ср. формы повелительного наклонения, побудительные предложения), экспрессивную — выражать (подбором слов или интонацией) личность говорящего, его настроения и эмоции, контактоустанавливающую — функцию создания и поддержания контакта между собеседниками, когда передачи сколько-нибудь существенной информации еще (или уже) нет (ср. формулы приветствия при встрече и прощании, обмен репликами о погоде и т. п.), метаязыковую [1] — функцию истолкования языковых фактов (например, объяснение значения слова, непонятного для собеседника), эстетическую — функцию

[1] Приставка *мета-* (от др.-греч. *metá-* ‘вслед за’) обозначает здесь ‘нечто вторичное’: высказывания о языке вторичны по отношению к высказываниям о действительности.

эстетического воздействия. Особое место занимает функция индикатора (показателя) принадлежности к определенной группе людей (к нации, народности, к той или иной профессии и т. д.). В случае сознательного использования этой функции она превращается в своеобразное средство самоопределения индивида в обществе.

В конкретных высказываниях частные функции языка обычно выступают в разнообразных сочетаниях друг с другом. Высказывание, как правило, многофункционально. Яркая экспрессия может быть и в побудительном предложении, и в вопросе, и в формуле приветствия, и при констатации факта, и при объяснении слова, оказавшегося непонятным; предложение, повествовательное по форме (например, *Уже поздно*), может содержать скрытое побуждение, т. е. выполнять апеллятивную функцию.

в) Язык и речь

§ 8. Человеческий язык существует в виде отдельных языков — русского, английского, китайского и многих других. Ну, а в каком виде существует каждый отдельный язык?

Конечно же, не в виде составленных учеными словарей и грамматик. Ведь словари и грамматики составлены далеко не для всех языков. Там же, где они составлены, даже лучшие из них дают, очевидно, лишь более или менее приближенное и далеко не полное отражение того, что существует в языке объективно, т. е. независимо от описывающих его ученых. Можно сказать, что язык существует в сознании его носителей. Но и такой ответ не может удовлетворить нас. Подумаем, как возникает язык в сознании каждого отдельного человека. Мы уже говорили, что он не является «врожденным», переданным по наследству. Термин «родной язык» не значит «врожденный», а значит только «усвоенный в раннем детстве». В сознание каждого человека язык проникает, безусловно, «извне», проникает потому, что этим языком пользуются другие люди, окружающие. По их примеру им начинает с детства пользоваться и сам данный человек. И, с другой стороны, язык постепенно забывается, а в конце концов и начисто исчезает из памяти (даже и родной язык), если человек почему-либо перестает им пользоваться. Из всего этого явствует, что о подлинном существовании языка можно говорить лишь постольку, поскольку им пользуются. Язык существует как живой язык, п о с к о л ь к у о н ф у н к ц и о н и р у е т. А функционирует он в речи, в высказываниях, в речевых актах.

Разграничение понятий «язык» и «речь» впервые в четкой форме было выдвинуто и обосновано швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857—1913), крупнейшим теоретиком в области общего языковедения и одним из зачинателей современного этапа в развитии нашей науки. Затем понятия эти были глубже разработаны другими учеными, в частности у нас акад. Л. В. Щербой (1880—1944) и его учениками. Заметим, что под р е ч ь ю (у Соссюра «la parole») современное языковедение понимает не только устную речь, но также и речь письменную. В широком смысле в понятие «речь» включается и так называемая «внутренняя речь», т. е. мышление с помощью языковых

средств (слов и т. д.), осуществляемое «про себя», без произнесения вслух.

Отдельный акт речи, р е ч е в о й а к т, в нормальных случаях представляет собой двусторонний процесс, охватывающий говорение и протекающие параллельно и одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного. При письменном общении речевой акт охватывает соответственно писание и чтение (зрительное восприятие и понимание) написанного, причем участники общения могут быть отдалены друг от друга во времени и пространстве. Речевой акт есть проявление р е ч е в о й д е я т е л ь н о с т и.

В речевом акте создается т е к с т. Лингвисты обозначают этим термином не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное (все равно — записанное или только произнесенное) «речевое произведение» любой протяженности — от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги. Во внутренней речи создается «внутренний текст», т. е. речевое произведение, сложившееся «в уме», но не воплотившееся устно или письменно.

Почему произнесенное (или написанное) высказывание в нормальном случае будет правильно понято адресатом?

Во-первых, потому, что оно построено из элементов, форма и значение которых известны адресату (скажем для простоты — из слов, хотя элементами высказывания можно считать, как мы увидим, и другие единицы).

Во-вторых, потому, что эти элементы соединены в осмысленное целое по определенным правилам, также известным (правда, во многом интуитивно) нашему собеседнику или читателю. Владение этой системой правил позволяет и строить осмысленный текст, и восстанавливать по воспринятому тексту его содержание.

Вот эти-то элементы высказывания и правила их связи как раз и являются языком наших участников общения, частями их языка, т. е. языка того коллектива, к которому данные индивиды принадлежат. Язык (у Соссюра «la langue») того или иного коллектива и есть находящаяся в распоряжении этого коллектива система элементов — единиц разных ярусов (слов, значащих частей слов и т. д.) плюс система правил функционирования этих единиц, также в основном единая для всех, пользующихся данным языком. Систему единиц называют и н в е н т а р е м языка; систему правил функционирования единиц, т. е. правил порождения осмысленного высказывания (а тем самым и правил

Рис. 1

его понимания),— грамматикой этого языка. Соотношение языка и речи и их отдельных аспектов иллюстрирует рис. 1.

§ 9. Ясно, что в речевых актах и в текстах как инвентарь, так и грамматика языка существуют, можно сказать, в «распыленном виде»: в каждом отдельном предложении представлены какие-то элементы из инвентаря языка и использован ряд правил грамматики. При этом некоторые из этих элементов и правил применяются часто, на каждом шагу, повторяются в тысячах и миллионах высказываний, другие используются реже, третьи — совсем редко. Задача лингвиста — разобраться в том «хаосе языковых фактов», который представляет собой речь, выявить и взять на учет все элементы инвентаря, все действующие правила грамматики и точно описать их, одним словом, «вышелушить» из речи объективно заложенный и скрытый в ней язык, недоступный как целостная система непосредственному наблюдению, но стоящий как своего рода абстрактная сущность за конкретностью и бесконечным многообразием явлений речи.

Наука вообще, как правило, идет от явления, от непосредственной данности к сущности, к внутренним закономерностям и связям [1]. Не составляет в этом отношении исключения и наука о языке. Когда лингвист исследует живой язык, ему даны не только тексты — устные или письменные, но и возможность наблюдать речевые акты носителей данного языка. Кроме того, как подчеркнул Л. В. Щерба, лингвист может в этом случае экспериментировать, т. е. создавать сам слова, грамматические формы и целые тексты на исследуемом языке и проверять приемлемость и понятность созданного, привлекая живых носителей данного языка (в том числе и себя самого, если объектом изучения является родной язык исследователя). Если же изучается мертвый язык, т. е. такой, которым уже никто не пользуется (по крайней мере в качестве основного средства общения), например латынь, древнегреческий, старославянский и т. д., ученый располагает только письменными текстами, более или менее ограниченными по объему (иногда даже только отдельными словами или формами, так или иначе сохраненными в текстах других языков). Ни наблюдения за актами общения, ни эксперимент здесь уже невозможны.

Что касается природных носителей живых языков, то у них владение языком создается постепенно, начиная с раннего детства, и создается в принципе тем же путем, каким идет и ученый лингвист: каждый человек познает свой родной язык, «добывая» его из речи. Только процесс этого добывания носит в этом случае не вполне осознанный характер, протекает в основном интуитивно, особенно в детстве. Слушая речь окружающих, т. е. встречаясь с различными высказываниями, произносимыми в той или иной ситуации, ребенок постепенно научается связывать с повторяющимися элементами этих высказываний определенные смыслы, т. е. начинает понимать и выделять эти элементы, запоминает, а позже начинает и сам воспроизводить их в соответствующих ситуациях. Шаг за шагом он усваивает и практически применяет правила комбинирования этих элементов и так незаметно овладевает системой родного языка. Известную роль играет и целенаправленное сообщение взрослыми ребенку тех или иных элементов инвентаря (слов), а на более поздних этапах — и правил грамматики. Но в основном знание родного языка все же добывается индивидом из собственного речевого опыта; в процессе переработки данных этого опыта из всей массы услышанного, а затем и прочитанного неуклонно и постепенно отбирается, обобщается и складывается в систему все повторяющееся, все более или менее устойчивое и все это тут же проверяется на практике, «пускается в ход» в новых и новых высказываниях. Так «сырой» речевой опыт индивида превращается в его «организованный» языковой опыт, и в сознании человека вырабатывается почти автоматический механизм владения родным языком и «контролер» этого механизма — так называемое языково́е чутье, или «языкова́я компетенция».

[1] Ср. у В. И. Ленина в конспекте книги Гегеля «Лекции по истории философии»: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т. д. *без конца*» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227).

Язык и речь различаются так же, как правило грамматики и фразы, в которых использовано это правило, или слово в словаре и бесчисленные случаи употребления этого слова в разных текстах. Речь есть форма существования языка. Язык функционирует и «непосредственно дан» в речи [1]. Но в отвлечении от речи, от речевых актов и текстов всякий язык есть абстрактная сущность. Как отмечал В. И. Ленин, «в языке есть только *общее*» [2].

§ 10. Абстрактный характер языка можно ясно показать также на его отдельных элементах. Возьмем, например, следующий текст, начало известного стихотворения Пушкина:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит...

Сколько слов в этом отрывке? Можно ответить, что семь. Отвечая так, мы говорим о «речевых словах» или отдельных «словоупотреблениях», о конкретных экземплярах слов в тексте. Можно ответить, что пять (ворон, к, ворону, летит, кричит). В этом случае мы уже перешли от речи к языку, так как считаем два экземпляра формы *ворон* за одно слово и два экземпляра формы *ворону* также за одно слово. Таким образом, мы уже отвлекаемся от конкретных экземпляров и считаем некие абстрактные единицы — словоформы. Словоформа представляет собой абстракцию «первой степени». Но мы можем пойти дальше, к абстракции «второй степени» и сказать, что здесь всего четыре слова: в этом случае мы уже считаем две словоформы *ворон* и *ворону* за одну единицу, т. е. говорим о слове *ворон*, отвлекаясь от его грамматических видоизменений — отдельных словоформ. Слово, понимаемое в этом смысле, называют «лексемой». Лексема, таким образом, есть слово как абстрактная единица в системе данного языка.

[1] Для языка, ставшего мертвым, формой существования нужно признать его тексты, если они были записаны и сохранились. Такой язык «непосредственно дан» нам только в этих текстах.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 249.

Ниже мы увидим, что аналогичное различение конкретного речевого «экземпляра», более абстрактного языкового «варианта» и еще более абстрактной языковой единицы, так называемого «инварианта», проводится и по отношению к другим элементам языка.

§ 11. К середине XX в. и в СССР, и за рубежом рядом с языковедением, издавна изучающим речевую деятельность и текст с целью понять и описать лежащий в их основе язык (языковую систему), сложилась еще одна наука, исследующая речевую деятельность человека под другим углом зрения. Это наука психолингвистика — пограничная дисциплина, развившаяся на стыке языковедения и психологии. Она изучает — в первую очередь экспериментальными методами — психические закономерности порождения и восприятия речевых высказываний; механизмы, управляющие этими процессами и обеспечивающие владение и овладение языком; наконец, вообще языковую способность человека в широком контексте его психических и интеллектуальных способностей [1].

г) Взаимоотношение языка и мышления

§ 12. Будучи, как сказано, орудием закрепления, передачи и хранения информации, язык тесно связан с мышлением, со всей духовной деятельностью людей, направленной на познание объективно существующего мира, на его отображение (моделирование) в человеческом сознании. Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «язык *есть* практическое… действительное сознание» [2], «непосредственная действительность мысли» [3]. Вместе с тем, образуя теснейшее диалектическое единство, язык и мышление не составляют, однако, тождества: они разные, хотя и взаимосвязанные явления, их области пересекаются, но не совпадают полностью.

§ 13. Так же, как и общение (см. § 5—6), мышление может быть вербальным и невербальным. Невербальное мышление осуществляется с помощью наглядно-чувственных образов, возникающих в результате восприятия впечатлений действительности и затем сохраняемых памятью и воссоздаваемых воображением. Невербальное мышление представлено в той или иной степени уже у некоторых животных, и именно это обеспечивает животному правильную ориентировку в ситуации и принятие целесообразного решения. Высокоразвитые формы невербального мышления (в сочетании с мышлением вербальным) находим у человека. Так, невербальной является мыслительная деятельность при решении творческих задач технического характера (например, связанных с пространственной координацией и

[1] Из литературы по психолингвистике: Теория речевой деятельности. М., 1968; *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969; Психолингвистика за рубежом. М., 1972; *Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М., 1976; Психолингвистика: Сб. статей. М., 1984.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 29.

[3] См. там же. С. 448.

движением частей механизма). Решение подобных задач обычно не протекает в формах внутренней (и тем более внешней) речи. Это — особое «техническое», или «инженерное», мышление. Близко к этому мышление шахматиста. Особый тип наглядно-образного мышления характерен для творчества живописца, скульптора, композитора.

Вербальное мышление оперирует понятиями, закрепленными в словах, суждениями, умозаключениями, анализирует и обобщает, строит гипотезы и теории. Оно протекает в формах, установившихся в языке, т. е. осуществляется в процессах внутренней или (при «размышлении вслух») внешней речи. Можно сказать, что язык определенным образом организует знания человека о мире, расчленяет и закрепляет эти знания и передает их последующим поколениям. Понятийное мышление может опираться и на вторичные, искусственные языки, на построенные человеком специальные системы общения. Так, математик или физик оперирует понятиями, закрепленными в условных символах, мыслит не словами, а формулами и с помощью формул добывает новое знание.

Учет всех этих фактов говорит о том, что мышление человека многокомпонентно, что оно есть сложная совокупность различных типов мыслительной деятельности, постоянно сменяющих и дополняющих друг друга и нередко выступающих в синтезе, во взаимопереплетении. Вербальное, речевое мышление является, таким образом, лишь одним из компонентов человеческого мышления, хотя и важнейшим.

§ 14. Чрезвычайная сложность структуры человеческого мышления подтверждается и современными данными о работе головного мозга человека. Принципиальная особенность нашего мозга состоит в так называемой функциональной асимметрии, т. е. в определенной специализации функций левого и правого полушарий. У большинства людей в левом полушарии расположены зоны порождения и восприятия речи, так называемые зоны Брока́ и Ве́рнике (см. § 43 и 46), таким образом, левое полушарие является «речевым», а тем самым, обычно, и «доминантным» (т. е. «главенствующим»); точнее, оно ответственно за логико-грамматическую расчлененность и связность нашей речи, за ее форму, а также, по-видимому, и за абстрактную лексику, короче — за аналитическое, абстрактное мышление. При афази́ях (нарушениях речи), обусловленных травмами левого полушария, речь теряет грамматическую правильность и плавность (причем по-разному, в зависимости от того, какие участки коры поражены — лобновисочные или задневисочные). В противоположность левому правое полушарие теснее связано с наглядно-образным мышлением, со зрительными, пространственными, звуковыми или иными образами, а специально в области языка — с предметными значениями слов, особенно конкретных существительных. Оно характеризуется нерасчлененным, но зато и более целостным восприятием мира и является источником интуиции. При заболеваниях и травмах, поражающих правое полушарие, грамматическая правильность высказываний может сохраняться, но речь становится бессмысленной. Интересно, что в детском возрасте асимметрия мозга еще не проведена пол-

ностью и в случае частичного поражения того или иного участка коры головного мозга другие участки могут взять на себя его функции. Вообще в норме оба полушария работают в непрерывном контакте друг с другом, совместной работой обеспечивая все поведение человека, его мышление и речь.

§ 15. Язык связан со всей психической деятельностью человека, т. е. не только с мыслью, но также с чувством и волей. В частности, у ребенка первые проявления речи направлены не столько на осуществление познавательной деятельности, сколько на выражение волевых побуждений и требований, обращенных к окружающим (доминирует апеллятивная функция). Можно сказать, что на раннем этапе младенчества развитие речи и интеллектуальное развитие еще мало связаны друг с другом. Но постепенно обе линии развития объединяются и примерно с двухлетнего возраста язык становится важнейшим средством формирования мысли ребенка и его приобщения к опыту взрослых.

§ 16. Множественность и чрезвычайное разнообразие языков мира нисколько не подрывают принципиального единства человеческого мышления, единства законов логики, по которым протекает мыслительная деятельность; однако инвентарь понятий, зафиксированных в словах и грамматических формах, конечно, отличается от языка к языку (подробнее см. в § 107—108). Хотя в речи и в языке все подчинено задаче выражения смыслового содержания и тем самым одухотворено мыслью, некоторые стороны в структуре языка и в процессах речевой деятельности связаны с формулируемой в высказывании мыслью лишь очень косвенно, через целую цепочку посредствующих звеньев. Иногда языковая форма отражает «вчерашний день» мышления, не современные логические понятия, а понятия, ушедшие в прошлое. Элементарный пример: мы говорим *солнце взошло*, *солнце село*, хотя прекрасно знаем, что не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. Более сложный случай: принадлежность в русском языке, например, глагола *колю* к I, а глагола *хвалю* ко II спряжению определяется, конечно, не какими-либо различиями в мысли, в логических категориях, к которым относятся соответственно понятия 'колоть' и 'хвалить', а исключительно языковой традицией; мы можем предполагать, что в своих далеких истоках различие I и II спряжений было как-то связано со смысловыми различиями, но сейчас от этих смысловых различий не осталось и следа.

д) Язык и общество

§ 17. Язык всегда — д о с т о я н и е   к о л л е к т и в а, «...существующее,— как это формулируют Маркс и Энгельс,— и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого...» [1]. Организация совместной трудовой деятельности, функционирование социальных институтов, развитие культуры имеют своим непременным условием постоянное и активное речевое общение членов коллектива. В громадном большинстве случаев коллектив людей, говорящих на одном языке («языковая общность»),— это коллектив э т н и ч е с к и й (нация, народность, племя). Языки некоторых этнических коллективов используются и как средство межэтнического общения. Так, русский язык является национальным языком русских и одновременно языком межнационального общения всех наций и народностей СССР. Как отмечается в новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, «...овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры» [1]. Русский язык является также одним из мировых языков.

Иногда в силу исторических причин в одном этническом коллективе используется не один язык, а параллельно два (и больше), причем сферы их употребления обычно так или иначе разграничиваются (например, один язык — дома и в кругу друзей, другой — на работе, в официальной обстановке и т. д.). Иногда, напротив, один язык обслуживает в качестве основного средства общения несколько разных народов (§ 20). В особых условиях возникают и такие языки, которые ни для кого не являются основными (родными) и служат только для межэтнического общения (§ 220).

Язык этнической общности, как правило, не является абсолютно единым на всей территории своего распространения и во всех сферах своего использования. В нем обнаруживаются определенные внутренние различия: более или менее единый литературный язык обычно противостоит заметно различающимся между собой местным диалектам, а также профессиональным и другим разновидностям языка, отражающим внутреннее членение данного языкового коллектива. Диалекты и групповые различия в языке изучает д и а л е к т о л о́ г и я, а всю совокупность вопросов, связанных с воздействием общества на язык и с языковыми ситуациями, складывающимися в обществе,— так называемая с о ц и о л и н г в и́ с т и к а.

§ 18. Даже на сравнительно небольшой территории диалекты порой заметно отличаются друг от друга. Такие более дробные диалекты называют говорами. Они объединяются лингвистами-диалектологами по тем или иным признакам в группы, называемые наречиями. Так, например, севернорусское наречие характеризуется «оканьем», т. е. произношением звука «о» не только под ударением (*бросить*, *водный*), но и в неударных слогах (*брОсать*, *вОда*, *бОрОда*) [2], а также «стяженными» формами в спряжении настоящего времени (*бываш*, *быват*), совпадением тв. п. мн. ч. с дат. п. (*пойти за грибам*, *с рукам*, *с ногам*), многими специфическими словами (*орать* в смысле 'пахать') и т. д.,

[1] *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 29.

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 157.

[2] В этих примерах «окающее произношение» совпадает с принятой орфографией (звук «о» произносится там, где пишется буква *о*). Но такое совпадение не обязательно: слово *паром* произносится в «окающих» говорах «пором».

причем каждая такая особенность имеет свою географическую зону распространения, не вполне совпадающую с зоной других диалектных особенностей. В результате диалектолог имеет дело не столько с «границами диалектов», сколько с границами отдельных диалектных явлений, так называемыми изоглоссами[1]. Между «типичными севернорусскими» и «типичными южнорусскими» говорами выделяется полоса переходных (среднерусских) говоров, сближающихся одними чертами с севером, а другими, в частности «аканьем» (произношением «брасать», «вада», «барада»),— с югом.

Картографирование явлений, представленных в диалектах (нанесение этих явлений на географическую карту), составляет задачу диалектогра́фии (лингвистической географии), занимающейся также историческим истолкованием изоглосс: их расположение отражает факты истории края — направление и пределы влияния экономических, политических и культурных центров, пути расселения, торговые пути и т. д.

В настоящее время в русском и во многих других языках диалекты постепенно изживаются. В более или менее чистом виде они сохраняются у старших поколений деревенского населения. Для значительной части носителей диалекта характерно своеобразное «двуязычие»: владея параллельно и родным диалектом, и литературным языком, они пользуются то одним, то другим, в зависимости от ситуации общения. Это ведет к появлению смешанных, переходных форм, так называемых «полудиалектов».

В некоторых языках, например в немецком, итальянском, китайском, положение диалектов другое. Они используются значительно шире, в том числе и в среде образованных (в неофициальном общении), так что литературно-диалектное «двуязычие» охватывает практически почти все население. В ряде стран возникла и современная художественная литература на диалекте.

§ 19. Литературный язык — вариант общенародного языка, понимаемый как образцовый. Он функционирует в письменной форме (в книге, газете, в официальных документах и т. д.) и в устной форме (в публичных выступлениях, в театре и кино, в радио- и телепередачах). Для него типично наличие сознательно применяемых правил, т. е. нормы, которой обучают в школе. Письменная разновидность литературного языка наиболее строго кодифицирована, устная тоже регламентируется, в частности орфоэпическими нормами (нормами правильного произношения), отвергающими, например, севернорусское «оканье». Наименее регламентирована существующая в русском и в ряде других литературных языков обиходно-разговорная разновидность. Еще дальше, собственно уже за пределами кодификации, лежит так называемое просторечие. Оно содержит элементы, имеющие широкое территориальное распространение, но не включаемые в литературную норму либо как «грубые» (например, *сквалыга, кумекать, оттяпать, выпендриваться, катись, ему до лампочки*), либо просто как оттесненные параллельными формами (так

[1] *Изогло́сса* (от др.-греч. *ísos* 'равный, одинаковый, тот самый' и *glōssa* 'язык').

ложить оттеснено литературным *класть*), а также новообразования, литературным языком не принятые *(захочем, выбора́, пекёт)*.

§ 20. Литературный язык, обслуживающий два или несколько разных народов, имеет соответственные варианты. Так, различают британский и американский варианты литературного английского языка. Ср., например, 'железная дорога': брит. *railway* — амер. *railroad*; 'метро': брит. *underground* — амер. *subway* (в Англии последнее слово обозначает 'подземный переход, тоннель'); 'багаж': брит. *luggage* — амер. *baggage*. Свои особенности имеют и другие варианты английского языка — австралийский, новозеландский, южноафриканский.

Сходными примерами можно было бы иллюстрировать различия между испанским языком в Испании и в Латинской Америке (причем в отдельных латиноамериканских странах есть еще свои местные особенности), между португальским в Португалии и Бразилии, между французским во Франции, в Бельгии, Швейцарии и Квебе́ке (франкоязычной части Канады). Для немецкого языка укажем на такие специфические варианты, как швейцарский и австрийский. Так, субботу в Австрии называют *Samstag* (в ГДР и ФРГ обычно *Sonnabend*), месяц январь — *Jänner* (в ГДР и ФРГ — *Januar*).

§ 21. Рассмотрим различия в языке, отражающие профессиональную дифференциацию общества. Каждая отрасль производства и науки нуждается в громадном количестве специальных слов и выражений, в богатой и разветвленной терминологии. Ср., например, термины автомобильного дела: *карбюратор, карданный вал, задний мост, коробка передач, бампер, буксовать* и т. д. или следующие особенности языка ряда специальностей: у моряков принято говорить *компа́с, рапо́рт*, у физиков — *ато́мный*, у техников — *искра́* (вместо литературных форм *ко́мпас, ра́порт, а́томный, и́скра*).

Кроме официальных терминов в каждой отрасли производства есть еще неофициальные обозначения тех или иных понятий, то, что называют профессиональным арго́. Так, в арго шоферов встречаем *мигалку* (официальное обозначение — «лампа указателя поворота»), *дворники* («щетки стеклоочистителей») и т. д.

В научной и технической литературе мы наблюдаем некоторые особенности и в употреблении грамматических форм. Так, в математической литературе почти не используется форма прошедшего времени, все изложение ведется с помощью настоящего. В любой научной литературе крайне редки формы 2-го лица, а форма 1-го лица ед. ч. часто заменяется формой мн. ч. (так называемое «авторское *мы*»); не используются образования с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Как видим, профессиональные особенности в языке не ограничиваются одной терминологией, в связи с чем теперь обычно говорят о профессиональных подъязыках: «подъязык радиоэлектроники», «подъязык биохимии» и т. д.

Близко к профессиональным и ремесленным арго стоят арго тех или иных коллективов, объединенных общими интересами. Таковы специфические выражения в речи охотников, рыболовов, шахматистов, школьников, студентов и т. д.

Существование профессиональных и иных подобных различий в языке не подрывает единства общенародного языка и, как правило, не служит помехой при общении между представителями разных профессий, разных поколений и т. д. При таком общении специфические профессиональные и арготические слова и выражения, которые могли бы быть непонятны собеседнику, обычно используются в меньшей мере, в контексте общепонятных слов и всегда — в составе предложений, строящихся по законам и моделям общенародной грамматики данного языка. Зато при общении членов данного более узкого профессионального или иного коллектива между собой соответствующие специфические особенности находят полное применение, позволяя более точно обозначить все детали и оттенки, порой очень важные для «посвященных». Таким образом, и здесь мы можем говорить о своеобразном «двуязычии» и даже «многоязычии»: представитель данной профессиональной группы владеет и общенародным языком, и его «ответвлением» — профессиональным «подъязыком» своей специальности, а также одним (или несколькими) арго.

§ 22. В обществе, разделенном на антагонистические классы, а тем более на резко обособленные и замкнутые сословия, касты и т. д., наблюдаются элементы еще большей социальной дифференциации в языке, возникают классовые, сословные и кастовые арго.

Так, в эпоху, предшествующую Французской буржуазной революции, верхушка французской аристократии обособляется от остального общества и создает свой особый «салонный язык», арго придворных кругов Версаля. В этом арго некоторые слова общенародного языка избегались как «неприличные», заменяясь жеманными описательными выражениями. Вместо *les oreilles* 'уши' предпочитали говорить *les portes de l'entendement* (букв. 'ворота слуха'). Вспомним также, как Гоголь высмеивал в «Мертвых душах» (т. I, гл. VIII) жеманную манеру светских дам своего времени: эти дамы отличались «необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка».

Особое явление представляют собой арго деклассированных элементов общества — нищих, бродяг, воров и т. д. В том «воровском жаргоне», который существовал в царской России и назывался «блатной музыкой», употреблялись, в частности, следующие специфические иносказательные выражения: *скамейка* 'лошадь', *колеса* 'сапоги', *мокрое дело* 'убийство', *царева дача* 'тюрьма'. «Воровской жаргон», а отчасти и некоторые другие арго являются своего рода «тайными языками»: в них существенную роль играет стремление «зашифровать», сделать непонятным для посторонних передаваемое сообщение.

§ 23. Итак, в общенародном языке наблюдается дифференциация, отражающая всю сложность внутреннего членения соответствующего языкового коллектива. Рассматривая эту дифференциацию, мы доходим до такой ячейки общества, как семья, которая тоже, как любое объединение людей, может иметь свои, пусть «микроскопические»,

особенности языка (что было подмечено, например, Л. Н. Толстым) [1]. Дальше идет уже отдельная личность, индивид со своими речевыми привычками, индивидуальным тембром голоса, со своей степенью владения языком и т. д. Наличие в устной и письменной речи индивидуальных особенностей (обобщаемых в понятии «и д и о л е́ к т» — индивидуальный вариант языка) несомненно, и ученые исследуют идиолекты отдельных личностей, в частности великих писателей, своим творчеством вносящих важный вклад в сокровищницу языка общенародного. Принятием понятия «идиолект» нисколько не отменяется принципиальная с о ц и а л ь н о с т ь языка. Ведь индивид осуществляет речевую деятельность, чтобы быть понятым другим. И в языке важно и значимо только то, что общезначимо, «надындивидуально», что — используя приведенные выше слова Маркса и Энгельса — существует «для других людей», т. е. для коллектива, и л и ш ь т е м с а м ы м «также и для меня самого», т. е. для каждого отдельного члена этого коллектива.

Язык коллектива (народа, нации, а также и более узких коллективов, например диалект отдельной области, говор района или отдельного села, то или иное арго и т. д.) не есть «научная фикция», вынужденное «усреднение» фактов индивидуальной речи. Он существует объективно, но только не как «непосредственная данность», а как о б щ е е, с у щ е с т в у ю щ е е в о т д е л ь н о м, как то, что вновь и вновь воспроизводится в речи, повторяясь в тысячах, миллионах и миллиардах высказываний, произносимых и воспринимаемых в соответствующем коллективе [2].

е) Стилистические различия в языке

§ 24. Обслуживая общество в самых различных областях его жизни и деятельности и как бы приноравливаясь к различным формам и случаям человеческого общения, язык, естественно, обнаруживает еще один тип внутренних различий — различия функционально-стилистические. Ср. нейтральные, вполне уместные и в случаях официального общения слова *отец* и *мать* с неофициальными, употребляемыми в семье и в кругу близких друзей словами *папа* и *мама*, или поэтическое *очи* и нейтральное *глаза*, или разговорное *картошка* и книжное *картофель* и т. д.

Имея в виду такого рода различия, говорят о языковых стилях, изучением которых занимается с т и л и с т и к а. Каждый стиль,

---

[1] В автобиографической повести «Юность» (гл. XXIX) Толстой писал: «... у нас с Володей установились, бог знает как, следующие слова с соответствующими понятиями: *изюм* означало тщеславное желание показать, что у меня есть деньги, *шишка* (причем надо было соединить пальцы и сделать особенное ударение на оба *ш*) означало что-то свежее, здоровое, но не щегольское; существительное, употребленное во множественном числе, означало несправедливое пристрастие к этому предмету и т. д., и т. д.».

[2] Из литературы по социолингвистике: *Швейцер А. Д.*, *Никольский Л. Б.* Введение в социолингвистику. М., 1978; Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7; *Белл Р. Т.* Социолингвистика. М., 1980.

кроме, пожалуй, лишь нейтрального, характеризуется прежде всего своими особыми, стилистически окрашенными словами, выражениями, оборотами. Их «окрашенность» выступает отчетливо на фоне слов нейтрального стиля. В известной мере для языковых стилей типичны и грамматические особенности.

Так, в русском языке для высокого стиля характерны, в частности, такие слова и выражения, как *година* (вместо нейтрального *время*), *гордыня* (вместо *гордость*), *отчизна, возмездие, чаяния, сокровенный, незыблемый, извечный, предначертанный, обуять, осенить, краеугольный камень, с открытым забралом, сжечь свои корабли* и т. д., более частое, чем в других стилях, использование устаревших церковнославянизмов (*страждущий* вместо *страдающий*, *разверстый* вместо *раскрытый* и т. д.).

В научном и научно-популярном стилях используются в большом количестве элементы специальной терминологии и такие слова и выражения, как *являться* (тем-то, таким-то), *представлять собой* (то-то), *подразделяться* (на), *состоять* (из того-то или в том-то), *как правило, по определению, такой и только такой, необходимое* и *достаточное условие* и т. д. Некоторые из этих выражений употребительны и в газетно-публицистическом стиле, но здесь к ним присоединяются новые: *поднять* (или *поставить*) *вопрос, взять обязательство, в центре внимания, тревожный сигнал, реагировать на критику* и др.

Для официально-делового стиля характерны такие слова и выражения, как *проживать* (вместо нейтрального *жить*), *жилплощадь, место жительства, наложить резолюцию, на повестке дня, в рабочем порядке, академическая задолженность.*

В области грамматики для рассмотренных стилей более или менее типичны широкое использование сложных предложений, обилие причастных и деепричастных оборотов, сравнительно частое появление страдательной конструкции, замена глаголов отглагольными существительными.

Противоположными признаками характеризуется разговорный стиль, и особенно его бытовая разновидность. Разговорными являются, например, такие слова и выражения, как *белиберда, околесица, проныра, пустомеля, хлипкий, горланить, ляпнуть, удосужиться, втирать очки, без году неделя, качать права*; такие варианты слов, как *печка, надо* (нейтральные — *печь, нужно*). В грубом сниженном стиле к этим словам присоединяются элементы просторечия (§ 19) и арго (§ 21). Особо выделяется так называемый сленг — стиль, характеризуемый сознательным, нарочитым отказом от принятых норм, ироническим переименованием некоторых понятий (*предки* вместо *родители, приварок* в значении 'незаконный приработок', *жестянка* — о легковой машине), демонстративной грубостью (*забалдеть, балдёж*) и цинизмом.

В области грамматики для разговорного стиля типичны более короткие (часто — так называемые неполные) предложения, формируемые «на ходу», прерываемые разного рода вставками, часто недосказанные или обнаруживающие некоторую рыхлость грамматической

структуры. Отмечается также широкое употребление уменьшительных, уничижительных или иных суффиксов эмоциональной оценки (ср. *домишко, домина, домище*).

Особое место занимают поэтический и народно-поэтический стили. Поэтический стиль отчасти смыкается с высоким (торжественным), но содержит и менее «патетические» слова и обороты (*тишь, синь, даль, лучистый, пламенеть, озарить, реять*), а также включает в том или ином количестве и разговорные элементы, порой даже бытовые и сниженные, придающие речи естественность и простоту или вносящие ироническую нотку. Современная поэзия зачастую нарочито сталкивает элементы разных языковых стилей или стремится почти полностью отказаться от использования «поэтических» слов, которые в той или иной мере воспринимаются как «избитые» и «затасканные». Напротив, весьма устойчив и традиционен состав стиля народно-поэтического: *добрый молодец, красна девица, белы рученьки, тоска-кручина, горе-горемычное, палаты белокаменны, леса дремучие, мать — сыра земля, буйная головушка, пригорюниться* и т. п.

§ 25. Специально в области произношения следует также выделить известные различия стилистического порядка, и прежде всего два главных стиля произношения — так называемые полный и разговорный. Полный стиль используется в публичной речи (лекции, доклад, выступление по телевидению и т. д.) и вообще в официальной обстановке, также нередко при телефонных переговорах; он характеризуется более тщательным и четким выговариванием всех элементов слова. Разговорный стиль встречается чаще всего в непринужденной беседе, когда многое «скрадывается», «проглатывается», так как речь и без того понятна собеседнику. В рамках этого стиля возникли разговорные варианты *здрасте!* и даже *драсть!* вместо *здравствуйте*, обращения вроде *пап! Петь!* с отпаданием конечного гласного, разговорные варианты имен и отчеств: *Иван Александрович* превратилось в *Иван Александрыч* и даже *Ван Санч*, *Мария Павловна* — в *Марь Пална*.

§ 26. В некоторых языках различия между языковыми стилями значительно глубже, чем в русском. Но в большинстве современных литературных языков между отдельными стилями нет непроходимых перегородок. Напротив, стили обычно взаимодействуют друг с другом, грани между ними являются подвижными.

Если территориальные, профессиональные, социальные различия в языке порождаются соответствующей дифференциацией языкового коллектива, то стилистические различия обусловлены многообразием ситуаций и форм использования языка в жизни общества. Поэтому каждый носитель языка в принципе владеет несколькими и даже всеми основными стилями данного языка (хотя разными стилями часто в неодинаковой степени). Стилистическое богатство и разнообразие языка — свидетельство сложности и богатства духовной жизни народа.

2. ЯЗЫК — СВОЕОБРАЗНАЯ ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

а) Что такое знак?

§ 27. В фантастических «Путешествиях Гулливера», написанных Дж. Свифтом, рассказывается, в частности (ч. III, гл. 8), об удивительных людях, которые решили обходиться без языка и вели беседы не с помощью слов, а с помощью самих предметов, предъявляемых «собеседнику». Фантазия Свифта наделила каждого такого мудреца большим мешком, в котором он носил с собой все предметы, нужные для «разговора». В действительности обмен информацией в человеческом обществе строится на другом, прямо противоположном принципе: адресату сообщения предъявляются вовсе не предметы, о которых идет речь, не те или иные «реальности», служащие темой сообщения, а некие з а м е с т и т е л и этих реальностей, представители их, вызывающие в сознании образ, представление или понятие об этих реальностях, в частности, и тогда, когда самих этих реальностей поблизости нет. Адресату сообщения предъявляется не *A*, о котором идет речь, а некое *B*, являющееся «представителем» этого *A* для сознания адресата. Вот это *B*, замещающее и представляющее *A*, мы и называем знаком. «Знаковая ситуация» наличествует всякий раз, когда, как говорили в старину по-латыни, *alĭquid stat pro alĭquo* — «ч т о - т о с т о и т в м е с т о ч е г о - т о д р у г о г о».

Впрочем эта формула является слишком широкой, и в нее нужно внести одно уточнение. Ведь нас интересуют знаки, используемые в процессе человеческого обмена информацией, осуществляемого его участниками сознательно, преднамеренно и целенаправленно. Тучи на небе можно в каком-то смысле назвать «представителем» приближающегося дождя, и они могут быть для человека своего рода «знаком». Восприняв этот «знак», человек сделает практические выводы (например, отправляясь из дому, захватит с собой зонт). Но в этом случае нет ситуации общения: нет «отправителя сообщения», нет и «адресата», для которого сообщение предназначалось. Здесь поэтому правильнее говорить не о «знаке», а о признаке, или симптоме. Симптом хотя и позволяет наблюдателю делать определенные выводы, но вовсе не предназначен специально для получения таких выводов. Знак же в собственном смысле имеет место лишь тогда, когда что-то (некое *B*) п р е д н а м е р е н н о ставится кем-то вместо чего-то другого (вместо *A*) с ц е л ь ю и н ф о р м и р о в а т ь кого-то об этом *A*.

Во всех случаях преднамеренного обмена информацией мы имеем дело с такого рода знаками. Портфель, случайно забытый на стуле в аудитории,— не знак (хотя и признак того, что там кто-то был); портфель же, сознательно положенный на стул, может служить знаком того, что место занято. Все системы средств, используемых человеком для обмена информацией, являются знаковыми, или семиотическими, т. е. системами знаков и правил их употребления. Наука, изучающая знаковые системы, называется с е м и ó т и к о й, или семиолóгией (от др.-греч. *sēma* 'знак').

Язык не составляет исключения из общего правила. Он тоже знаковая система. Но он — самая сложная из всех знаковых систем.

§ 28. Примерами относительно простых систем могут служить железнодорожный семафор, светофоры разных типов, дорожные знаки, информирующие водителей о тех или иных особенностях предстоящего отрезка пути либо предписывающие или запрещающие выполнение каких-то действий. Рассматривая эти и некоторые другие подобные системы, мы можем сделать следующие наблюдения:

1. Все знаки обладают материальной, чувственно воспринимаемой «формой», которую иногда называют «означающим», а мы будем называть «э к с п о н é н т о м знака» (от лат. *expōno* 'выставляю напоказ'). В наших примерах экспоненты (поднятое или опущенное крыло семафора, красный, зеленый или желтый огонь светофора, то или иное изображение на куске жести) доступны зрительному восприятию. В других случаях экспонент воспринимается слухом (например, в телефоне — непрерывный гудок низкого тона, частые гудки высокого тона и т. п.), осязанием (буквы шрифта для слепых) [1], в принципе возможны системы, использующие обонятельные и вкусовые экспоненты. Существенно только то, чтобы экспонент был так или иначе доступен восприятию человека (либо «восприятию» заменяющего его автомата), т. е. чтобы экспонент был м а т е р и а л ь н ы м.

2. Материальный, чувственно воспринимаемый объект (или материальное «событие» — например, гудок в телефонной трубке) только в том случае является экспонентом какого-то знака, если с этим объектом (или событием) связывается в сознании общающихся та или иная идея, то или иное «означаемое», или, как мы будем говорить, с о д е р ж а н и е з н а к а (ср. приведенный выше пример с двумя портфелями — случайно забытым и положенным на стул сознательно).

3. Очень важным свойством знака является его п р о т и в о п о с т а в л е н н о с т ь другому или другим знакам в рамках данной системы. Противопоставленность предполагает чувственную различимость экспонентов (например, поднятое крыло — опущенное крыло семафора) и противоположность или, во всяком случае, различность содержания знаков (в нашем примере: 'путь открыт' — 'путь закрыт'). Из факта противопоставленности знаков вытекает, что не все материальные свойства экспонентов оказываются одинаково важными для осуществления их знаковой функции: в первую очередь важны именно те свойства, по которым эти экспоненты отличаются друг от друга, их «д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы е п р и з н а к и». Некоторые же свойства оказываются и вовсе несущественными. Так, неважно, будет ли зеленое стекло в светофоре иметь оттенок, чуть более близкий к голубому или к желтому (но важно, чтобы оно достаточно отличалось от желтого стекла), будут ли зеленое, желтое и красное стекла расположены вертикально, одно над другим, или, как в некоторых светофорах, горизонтально и т. д. Противопоставленность знаков ярко проявляется в случае так называемого н у л е в о-

[1] Письмо для слепых (так называемый «Брайлевский шрифт»), как и всякое письмо, не принадлежит к простейшим знаковым системам.

го экспонента, когда материальное, чувственно воспринимаемое отсутствие чего-либо (объекта, события) служит экспонентом знака, поскольку это отсутствие противопоставлено наличию какого-то объекта или события в качестве экспонента другого знака. Так, включение левой или правой «мигалки» является знаком поворота автомобиля соответственно налево или направо, а невключение «мигалки» есть нулевой экспонент, передающий содержание 'еду прямо'.

4. Установленная для каждого данного знака связь между его экспонентом и содержанием является условной, основанной на сознательной договоренности. Она может быть чисто условной: например, связь между зеленым цветом и идеей 'путь свободен'. В других случаях связь между экспонентом и содержанием может быть в большей или меньшей степени мотивированной, внутренне обоснованной, в частности, если экспонент имеет черты сходства с обозначаемым предметом или явлением. Элементы такой изобразительной, наглядной мотивированности находим в некоторых дорожных знаках (например, изображение бегущих детей, зигзага дороги, поворота и т. д.).

5. Что касается содержания знака, то его связь с обозначаемой знаком действительностью носит принципиально иной характер. Содержание знака есть отражение в сознании людей, использующих этот знак, предметов, явлений, ситуаций действительности, причем отражение обобщенное и схематичное. Так, знак извилистой дороги (изображение зигзага) в каждом конкретном случае своего использования указывает на реальные извилины данной конкретной дороги, вообще же (потенциально) относится к любой извилистой дороге, к классу извилистых дорог, обозначает самый факт извилистости дороги как общую идею, в отвлечении от частного и конкретного. Этим содержанием знак обладает также и тогда, когда никакой извилистой дороги поблизости нет (например, в учебной таблице дорожных знаков).

б) Членение речевого высказывания (текста) и основные единицы языка

§ 29. Будучи средством общения, язык с необходимостью представляет собой систему знаков и правил оперирования этими знаками. Но какие же именно элементы (единицы) языка являются знаками? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сперва выяснить, каковы вообще единицы языка и каковы взаимоотношения между этими единицами. Выделение единиц языка связано с членением речевого высказывания, с членением текста и самого потока речи. Как же протекает такое членение?

Отдельное высказывание составляет основную единицу речевого общения. Как в любых случаях общения (§ 3), в высказывании различают две стороны: 1) «план выражения» и 2) «план содержания». План выражения — это звуковая, материальная сторона высказывания, воспринимаемая слухом (а при письменной передаче высказывания — материальная последовательность начертаний, воспринимаемая зрением). План содержания — это выраженная в высказывании мысль, содержащаяся в нем информация, те или иные сопровождающие эту информацию эмоциональные моменты. План выражения и план содержания изучаются в языковедении в тесной связи друг с другом.

Высказывание членится на предложения, следующие друг за другом, либо состоит из одного предложения.

§ 30. Предложение, в свою очередь, членится дальше на какие-то значащие части. Наиболее привычными для нас значащими элементами в составе предложения являются слова. Но слово даже в пределах одного, а тем более при сравнении между собой разных языков оказывается единицей очень неопределенной как с точки зрения своей структуры и своих формальных признаков, так и с точки зрения своего смыслового содержания. В частности, есть слова «знаменательные» («полнозначные»), называющие те или иные явления реальной действительности (предметы, процессы, свойства предметов и т. д.) или их отражения в сознании людей, и слова служебные (как иногда говорят, «формальные») — предлоги, союзы, артикли, вспомогательные глаголы и т. д., выражающие смысловые и/или грамматические связи и отношения. Нисколько не отрицая важности слова, сосредоточим сперва наше внимание на другой, более элементарной единице, именно на минимальной значащей единице, четко характеризуемой уже самим этим признаком минимальности, неразложимости на более мелкие значащие части. Такой единицей является в речи, в тексте так называемый морф, а в системе языка — соответственно морфéма (от др.-греч. *morphē* 'форма'). Морфы и морфемы — это, в частности, известные каждому из школы значащие части слова, такие, как корень, приставка, суффикс, окончание.

Различие между морфом и морфемой такое же, как между экземпляром слова в тексте и словом-лексемой. Так же, как в приведенном выше примере *Ворон к ворону летит, Ворон ворону кричит* лексема «ворон» представлена четыре раза (четырьмя «словоупотреблениями»); так, два раза (т. е. двумя морфами) представлена в этом примере морфема *-у* — окончание дат. п. ед. ч.; два раза (двумя морфами) — морфема *-т* — окончание 3-го лица в глаголе и четыре раза (четырьмя морфами) — корневая морфема *вóрон-*. Морфом и соответственно морфемой является и отдельное слово, если оно не членится на значащие части. В нашем примере такой случай представляет предлог *к*. Есть и другие типы морфем, с которыми мы познакомимся позже. Минимально предложение может содержать в себе одно слово (например, предложение *Замолчи!*), и это слово может быть одноморфемным (например, *Стоп!*).

Все значащие элементы внутри предложения, вплоть до морфа и морфемы, обладают, как и предложение, планом выражения и планом содержания. Например, у морфемы *-у* (в форме *вóрону*) план выражения представлен звуком «у», реализованным в определенной точке речевой цепи, а план содержания есть значение дательного падежа единственного числа. Обладая двумя указанными планами, и слово и морфема

являются, как и предложение, двусторонними единицами: слово в тексте и морф — двусторонние единицы речи, а лексема и морфема — двусторонние единицы языка.

§ 31. И в речи, и в языке кроме двусторонних единиц существуют единицы односторонние. Таковы звуковые единицы, выделяемые в плане выражения и связанные с содержанием лишь косвенно. В русском и в большинстве других языков отрезок речевого потока, соответствующий одному морфу, может члениться дальше на отдельные звуки, или фóны (от др.-греч. *phōnē* 'звук, голос'). Например, отрезок *рук-*, соответствующий корню слова *рука*, членится на три фона — *р*, *у* и *к*. Однако значение корня *рук-* не разлагается, конечно, на какие-либо элементы, которые можно было бы соотнести с каждым из этих трех фонов. Иными словами, нельзя ответить на вопрос: «Что значит *р* (или что значит *у* или *к*) в слове *рука* (или в корне *рук-*)?» По отдельности ни *р*, ни *у*, ни *к* здесь ничего не «значат», значение имеет только все сочетание *р* + *у* + *к* в целом. Фонам, выделяемым в потоке речи, в системе языка соответствуют фонéмы. Фоны — конкретные экземпляры фонем. Так, в произнесенном кем-либо слове *мама* — четыре фона, но только две фонемы (*м* и *а*), представленные каждая в двух экземплярах. Ниже мы увидим, что есть языки, в которых выделяются не фонемы, а так называемые силлабемы, или слогофонемы (см. § 70). Наблюдаются в языках и нелинейные единицы — явления, не вычленяемые в виде отрезков речевой цепи (например, ударение, см. § 76 и след.).

§ 32. Языковыми знаками можно считать, конечно, только значащие, двусторонние единицы, и прежде всего слово (лексему) и морфему. Значение, выражаемое словом или морфемой, есть содержание соответствующего знака. Материальным экспонентом знака является звучание (вообще, план выражения) слова или морфемы. В частном случае экспонент может быть нулевым: например, отсутствие окончания в форме *вóрон* есть показатель значения именительного падежа единственного числа (ср. другие формы того же слова — *ворона*, *ворону*, *вороном*, *вороны*, снабженные положительными, т. е. ненулевыми, окончаниями). Высшая языковая единица — предложение — чаще всего есть некая комбинация языковых знаков, создаваемая по определенной модели в процессе порождения высказывания.

Фонемы, будучи единицами односторонними, не являются знаками, но служат «строительным материалом» для знаков, точнее — для экспонентов знаков. Известный языковед Луи́ Ёльмслев (1899—1965) называл фонемы «фигурами плана выражения», «фигурами, из которых строятся знаки». В определенных случаях экспонент морфемы и даже слова состоит всего из одной фонемы. Таковы окончания *-а*, *-у*, *-ы* в разных формах слова *ворон* или предлоги *к*, *у*, *с*, союзы *и*, *а* и т. д. Но эти случаи, конечно, не стирают принципиального различия между фонемой и знаковыми (двусторонними) единицами языка, так же как случаи однословных (и одноморфемных) предложений не стирают принципиального различия между предложением и словом (или морфемой).

Многоярусность языковой структуры обеспечивает существенную экономию языковых средств при выражении разнообразного мыслительного содержания. Всего из нескольких десятков фонем, с помощью их различных комбинаций, язык создает экспоненты для тысяч морфем (для многих сотен корней, для десятков префиксов, суффиксов и окончаний). Сочетаясь различным образом, морфемы составляют уже сотни тысяч слов со всеми их грамматическими формами. Поистине, как говорил Ельмслев, «язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков» [1]. Но экономия языковых средств особенно наглядно выступает при построении высказывания. Комбинируясь по-разному в зависимости от содержания нашей речи, слова образуют уже миллионы и миллиарды предложений. Так многоярусность языковой структуры делает язык очень экономичным и гибким орудием, обеспечивающим удовлетворение выразительных потребностей общества.

§ 33. Между языковыми единицами одного уровня (словом и словом, морфемой и морфемой, фонемой и фонемой) существуют отношения двух видов — парадигматические и синтагматические.

1. Парадигматические отношения — это отношения взаимной противопоставленности в системе языка между единицами одного уровня, так или иначе связанными по смыслу. На этих отношениях основываются парадигматические ряды (парадигмы) типа *вóрон — вóрона — вóрону* и т. д. (грамматическая падежная парадигма, в которой противопоставлены друг другу морфемы — окончания разных падежей); *кричу — кричишь — кричит* (грамматическая личная парадигма, друг другу противопоставляются личные окончания); *ворон — сокол — ястреб — коршун* и т. д. (лексическая парадигма, друг другу противопоставлены слова, обозначающие хищных птиц) [2]. В нашей речевой деятельности мы в зависимости от смысла, который хотим выразить, все время выбираем тот или иной член из парадигматического ряда.

2. Синтагматические отношения — это отношения, в которые вступают единицы одного уровня, соединяясь друг с другом в процессе речи или в составе единиц более высокого уровня [3]. Имеется в виду, во-первых, самый факт сочетаемости (*ворон* соединяется с формой *кричит*, но не с формами *кричу* и *кричишь*, с прилагательным *старый*, но не с наречием *старо*; сочетаясь с *летит*, *кричит* и многими другими глаголами, нормально не сочетается с *поет* или *кудахчет*; мягкие согласные в русском языке соединяются с последующим *и*, но не с последующим *ы*). Во-вторых, имеются в виду смысловые отношения между единицами, совместно присутствующими в речевой цепи

---

[1] *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 305.

[2] *Паради́гма, парадигмати́ческий* — от др.-греч. *paradeigma* 'пример, образец, модель'. В грамматических пособиях парадигмами первоначально называли образцы склонений и спряжений.

[3] *Синтагмати́ческий* — от др.-греч. *syntagma* букв. 'вместе построенное, составленное'. Ср. также в более узком смысле термин «синтагма» и «синтагматическое ударение» (§ 84).

(например, в *старый ворон* слово *старый* служит определением к *ворон*), воздействие единиц друг на друга (звук «ч» в *кричу* выступает в огубленном варианте перед последующим «у», см. § 45, 1) и т. д.

в) Сходства и различия между языком и искусственными знаковыми системами

§ 34. Итак, мы признали знаками такие значащие единицы языка, как слова и морфемы. Посмотрим подробнее, что же у них общего со знаками искусственных знаковых систем.

1. Экспоненты морфем и слов, как и экспоненты дорожных и иных знаков, материальны: в процессе речи морфемы и слова воплощаются в звуковой материи, в звучании (а при письменной фиксации — в материальном начертании).

2. Все морфемы и слова обладают, как и неязыковые знаки, тем или иным содержанием: в сознании людей, знающих язык, они связываются с соответствующими предметами и явлениями, вызывают мысль об этих предметах и явлениях и, таким образом, несут определенную информацию (обычно частицу общей информации, заключенной в высказывании).

3. Подобно неязыковым знакам, морфемы языка и его слова участвуют в разнообразных противопоставлениях, как мы это видели в § 33,1. Именно в силу противопоставления, как и в искусственных знаковых системах, возможны случаи нулевого экспонента, а у положительных экспонентов не все материальные свойства являются существенными: будет ли слово *ворон* произнесено басом или дискантом, с «обычным» или с картавым *р*, это не отразится на его понимании.

4. Как и в искусственных системах, связь между экспонентом и содержанием языкового знака может быть либо чисто условной, либо в какой-то степени мотивированной. Но в языковых знаках изобразительная мотивированность экспонента встречается относительно редко, главным образом в звукоподражательных словах (*кукушка*, *мяукать* и т. п.), точнее — в их корневых морфемах (*куку-*, *мяу-*). Большинство же знаков языка характеризуется чисто традиционной связью между экспонентом и содержанием (то, что называют «описательной мотивированностью»,— явление другого порядка, см. § 121).

5. Мы видели, что содержание знаков искусственных систем есть отражение в сознании человека предметов, явлений, ситуаций действительности и что знаки эти служат средством обобщения и абстракции. Это в еще большей мере относится к знакам языка, фиксирующим результаты абстрагирующей работы человеческого мышления. Только так называемые имена собственные (*Нева*, *Эльбрус*, *Саратов*, *Софокл*) обозначают (и, следовательно, отражают в своем содержании) индивидуальные предметы (определенную реку, определенную гору и т. д.). Все остальные языковые знаки обозначают классы предметов и явлений, и содержание этих знаков представляет собой обобщенное отражение действительности.

Итак, знаки языка во многом сходны со знаками других знаковых систем, искусственно созданных людьми. Сходство это таково, что

язык, без сомнения, нужно считать системой знаков и правил их функционирования. Вместе с тем язык — знаковая система особого рода, заметно отличающаяся от искусственных систем.

§ 35. Прежде всего язык — у н и в е р с а л ь н а я знаковая система. Он обслуживает человека во всех сферах его жизни и деятельности и потому должен быть способен выразить любое новое содержание, которое понадобится выразить. Искусственные системы, рассмотренные нами выше, не таковы. Все они — специальные системы с узкими задачами, обслуживающие человека лишь в определенных сферах, в определенных типах ситуаций [1]. Все типы ситуаций, для которых созданы эти искусственные системы, в принципе предусмотрены заранее при создании системы. Следовательно, количество содержаний, передаваемых знаками такой системы, точно ограничено, конечно. Если возникает потребность выразить какое-то новое содержание, требуется специальное соглашение, вводящее в систему новый знак, т. е. изменяющее саму систему. Знаки в искусственных системах либо вовсе не комбинируются между собой в составе одного «сообщения» (например, не сочетаются поднятое и опущенное плечо семафора), либо же комбинируются в строго ограниченных рамках, и эти комбинации обычно точно фиксируются в виде стандартных сложных знаков (ср. запрещающие дорожные знаки, в которых круглая форма и красная кайма обозначают запрет, а изображение внутри круга указывает, что именно запрещается). Напротив, количество содержаний, передаваемых средствами языка, в принципе безгранично. Эта безграничность создается, во-первых, очень широкой способностью к взаимному комбинированию и, во-вторых, безграничной способностью языковых знаков получать по мере надобности новые значения, не обязательно утрачивая при этом старые. Отсюда — широко распространенная м н о г о з н а ч н о с т ь языковых знаков: *петух* — птица и *петух* — 'запальчивый человек, забияка' (см. § 109 и след.).

§ 36. Далее, язык — система, по своей внутренней структуре значительно более с л о ж н а я, чем рассмотренные искусственные системы. Сложность проявляется здесь уже в том, что целостное сообщение лишь в редких случаях передается одним целостным языковым знаком вроде приведенного выше *Стоп!* Такая передача одним знаком возможна лишь для некоторых сообщений. Обычно же сообщение, высказывание есть некая комбинация большего или меньшего числа знаков. Это комбинация свободная, создаваемая говорящим в момент речи, комбинация, не существующая заранее, не стандартная (хотя и строящаяся по определенным «образцам» — моделям предложений). Языково́й знак, как правило, есть, следовательно, не целое высказывание, а лишь компонент высказывания; как правило, он дает не целостную информацию, соответствующую определенной ситуации, а лишь частичную информацию, соответствующую отдельным элементам ситуации, на которые этот знак указывает, которые он выделяет, называет и т. д. При этом знак, в свою очередь, может быть простым,

[1] Мы здесь не говорим о письме. Развитое письмо представляет собой знаковую систему, непосредственно связанную с языком и во многом воспроизводящую его специфические черты.

элементарным (т. е. морфемой) или сложным (многоморфемным словом, так называемым устойчивым сочетанием слов вроде *белый гриб*). Некоторые языковые знаки являются «пустыми», т. е. не обозначают никаких «внеязыковых реальностей». Эти знаки выполняют чисто служебные функции. Так, окончания прилагательных в русском языке обычно функционируют лишь как показатели синтаксической связи (согласования) данного прилагательного с определяемым существительным (*новый журнал — новая газета — новое письмо*); немецкая приинфинитивная частица *zu* есть, собственно, лишь показатель зависимости инфинитива от другого слова в предложении и т. д. Сложность структуры языка проявляется, далее, в том, что в языке есть не только ярус, лежащий «выше» знакового — ярус предложений и свободных (переменных) словосочетаний вроде *белая простыня*, но также и ярус, лежащий «ниже» знакового, ярус «незнаков», или «фигур», из которых строятся (и с помощью которых различаются) экспоненты знаков.

§ 37. Кроме того, каждый язык складывался и изменялся стихийно, на протяжении тысячелетий. Поэтому в каждом языке немало «нелогичного», «нерационального» или, как говорят, между планом содержания и планом выражения нет симметрии. Во всех языках немало знаков с полностью совпадающими экспонентами, так называемых омóнимов (§ 115), например *лук* (растение) и *лук* (оружие), что следует отличать от многозначности, когда один знак (например, *петух*), помимо своего «прямого» значения обладает еще другим, логически выводимым из первого ('забияка'). Иногда язык допускает разное осмысление одного и того же сочетания знаков. Так, *Я знал его еще ребенком* может означать 'когда он был ребенком' и 'когда я был ребенком'; *приглашение писателя* может означать, что писатель кого-то пригласил либо же что кто-то пригласил писателя; английская фраза *Flying planes may be dangerous* может означать 'Вождение самолетов может быть опасно' и 'Летающие самолеты могут быть опасными'. Встречаются в языках и знаки, полностью совпадающие по содержанию, так называемые абсолютные синóнимы, например *огромный* и *громадный* (см. § 106,2). При всей принципиальной экономичности своей структуры язык оказывается иногда очень расточительным и в пределах одного сообщения выражает одно и то же значение несколько раз. Так, в предложении «Вчера мы водили нашу маленькую внучку в цирк» значение множественного числа выражено дважды: словом *мы* и окончанием *-и* в глаголе; значение женского рода (здесь можно сказать — женского пола) четыре раза: суффиксом в слове *внучка* (ср. *внук*) и тремя окончаниями (*-у, -ую, -у*); значение прошедшего времени — дважды, один раз в более общем виде (суффиксом *-л* в глаголе), а другой раз — более точно (словом *вчера*). Подобная избыточность не является, однако, недостатком: она создает необходимый «запас прочности» и позволяет принять и правильно понять речевое сообщение даже при наличии помех. Наконец, в отличие от знаков искусственных систем в значение языковых знаков нередко входит эмоциональный момент (ср. ласковые слова, и, напротив, ругательства, так называемые суффиксы эмоциональной оценки, наконец, интонационные средства выражения эмоций).

ГЛАВА II

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 38. Фонетика (от др.-греч. *phōnē* 'звук, голос') — наука о «звуковом материале» языка, об использовании этого материала в значащих единицах языка и речи, об исторических изменениях в этом материале и в приемах его использования. Звуки и другие звуковые единицы (например, слоги), а также такие звуковые явления, как ударение и интонация, изучаются фонетикой с нескольких разных точек зрения: 1) с точки зрения их физических (акустических) признаков; 2) с точки зрения работы, производимой человеком при их произнесении и слуховом восприятии, т. е. в биологическом аспекте; 3) и самое главное — с точки зрения их использования в языке, их роли в обеспечении функционирования языка как средства общения.

Последний, третий аспект исследования звуковой материи языка, который можно назвать функциональным, выделился в современном языковедении в особую область — ф о н о л ó г и ю. Некоторые ученые рассматривают фонологию как отдельную от фонетики дисциплину, оставляя на долю фонетики только первых два аспекта исследования. В действительности, однако, все три стороны в исследовании звуковых единиц и звуковых явлений языка теснейшим образом между собой связаны, и потому более правильно рассматривать фонетику как единую науку, а фонологию — как ее неотделимую часть и организующее ядро. По существу, никакое фонетическое исследование не может быть успешным без определенной функциональной, фонологической «перспективы», без выяснения того, несет или не несет изучаемое явление в данном языке функциональную нагрузку и если несет, то какую именно. С другой стороны, рассуждение о функциях каких-либо звуковых различий без понимания того, в чем, собственно, эти различия заключаются, легко может оказаться несостоятельным.

Фонетика имеет большое практическое значение. Без нее были бы невозможны правильная методика обучения письму и чтению, постановка произношения при изучении неродного языка, создание рациональной системы письма для бесписьменных языков и усовершенствование существующих систем письма, успешное лечение дефектов речи и т. д. В последние десятилетия перед фонетикой, как и перед всей наукой о языке, поставлен ряд новых практических задач, связанных, например, с необходимостью организовать «диалог» человека с машиной: «научить» машину распознавать информацию, передаваемую человеческим голосом, выполнять устные команды, а в известных

пределах и «отвечать» человеку, синтезируя соответствующие высказывания.

Фонетика имеет также громадное принципиальное значение для всех отраслей языковедения и для некоторых смежных наук. Ведь фонетика изучает ту материю, в которой воплощается и объективируется человеческая мысль в процессе речевого общения. Ясно, что без знания свойств этой материи, без учета данных фонетики невозможно никакое серьезное исследование языка. Именно в силу того, что фонетика имеет дело с определенной физической данностью, с тем, что можно регистрировать и измерять посредством соответствующей аппаратуры, она раньше и больше других областей языковедения продвинулась по пути превращения в точную науку. Можно сказать, что фонетика (и соответственно фонология) располагает наиболее точными методами лингвистического исследования, что внутри языковедения она служит образцом и своего рода школой точного изучения фактов языка.

§ 39. При изложении различных вопросов фонетики приходится во многих случаях пользоваться специальными видами письма — той или иной научной т р а н с к р и п ц и е й. Это связано с тем, что в обычном письме между буквой и звуком часто нет однозначного соответствия. Например, в русском письме один и тот же звук нередко записывается разными буквами (скажем, буквой *в* в слове *плечевой* и буквой *г* в слове *чего*), и наоборот, одна и та же буква читается как разные звуки (скажем, буква *г* в словах *игра, чего, легкий, снег*). Подобные факты в большей или меньшей мере типичны и для письма других языков (см. в гл. VII). Ясно, что при занятиях фонетикой такое положение создает неудобства. Потому в нужных случаях и прибегают к научной транскрипции, т. е. специальному письму, в котором этих недостатков нет и последовательно проводится принцип однозначного взаимного соответствия между звуковой единицей и письменным знаком.

В этой книге мы будем пользоваться с незначительными изменениями транскрипцией акад. Л. В. Щербы, выработанной на базе транскрипции Международной Фонетической Ассоциации (МФА). Основу этой транскрипции составляют буквы латинского алфавита, но для звуков, не имеющих в латинском письме единого и однобуквенного обозначения, введены знаки из греческого, русского и других алфавитов, придуманы комбинированные знаки, к латинским буквам добавлены диакритики (различительные значки), например для обозначения мягкости согласного — знак минуты: *l'*=*ль*. В помещенных на с. 81—84 таблицах и примечаниях к ним приведены и разъяснены все знаки применяемой нами транскрипции. То, что дается в транскрипции, принято заключать в кавычки « » или же в скобки того или иного рисунка — в зависимости от типа транскрипции (см. § 50). На первых порах мы будем пользоваться квадратными скобками [ ].

2. АКУСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ЗВУКОВ ЯЗЫКА

§ 40. Каждый звук, произносимый нами в речи, как и всякий звук вообще, есть физическое явление — колебательное движение, передаваемое через упругую среду (через воздух) и воспринимаемое человеческим слухом. Это колебательное движение характеризуется определенными физическими (акустическими) свойствами, рассмотрение которых и составляет физический, или акустический, аспект в изучении звуков языка и речи.

Колебания, воспринимаемые слухом, могут быть равномерными, периодическими, и тогда соответствующий звук называют музыкальным тоном или просто т о н о м (таков, например, звук струны скрипки). Если же, напротив, колебание является неравномерным, непериодическим, мы имеем дело с ш у м о м (таков, например, звук удара молотком). В языковых звуках используются и в той или иной пропорции сочетаются элементы тона и шума, причем тоны возникают в результате колебания голосовых связок в гортани, а также ответных (резонаторных) колебаний воздуха в надгортанных полостях, тогда как шумы — главным образом в результате преодоления воздушной струей разного рода преград в речевом канале. Гласные — это в основном тоны, глухие согласные (например, [k], [t], [f]) — это шумы, а среди других согласных в так называемых сонантах ([r], [l], [n], [m] и др.) тон преобладает над шумом, тогда как в звонких шумных ([g], [d] и т. д.), напротив, шум преобладает над тоном.

Звуки характеризуются высотой, зависящей от частоты колебаний (чем больше колебательных движений в единицу времени, тем выше звук), и силой (интенсивностью), зависящей от амплитуды (размаха) колебания. Они обладают также большей или меньшей длительностью (долготой). Но, бесспорно, наиболее важным для языка различием звуков является различие их т е м б р а, т. е. их специфической окраски. Именно тембр отличает [i] от [a] и от [o], [l] от [n] и от [d] и т. д.

Специфический тембр каждого звука создается главным образом р е з о н а н с н ы м и х а р а к т е р и с т и к а м и, иначе — дополнительными тонами, которые наслаиваются на основной тон (возникающий в результате колебания голосовых связок), а также на шумы. Явление резонанса состоит в том, что колебания звучащего тела вызывают ответные колебания другого тела или воздуха, находящегося в полом сосуде, в замкнутом пространстве и т. д. (ср. явление эха, наблюдаемое в горах, на лесных полянах и т. д., но не на ровном поле). При образовании звуков речи роль резонатора выполняют полости рта, носа и глотки, причем благодаря разнообразным движениям органов речи (языка, губ, нёбной занавески и т. д.) форма и объем резонатора, а отчасти и степень упругости его стенок меняются, что и ведет к появлению то одних, то других (разных по высоте и интенсивности) резонаторных тонов. Этим, собственно, и создается качественное разнообразие звуков нашей речи.

§ 41. Применяемые в настоящее время электроакустические методы исследования звуков дают возможность разлагать сложный звук на

составляющие его тоны, т. е. получать его **спектр**, выделяя в нем отдельные полосы концентрации частот, или так называемые **фо р-ма́нты** (ед. ч.— форма́нта, сокращенное обозначение F). С помощью специальных аппаратов (разного рода спектрографов) получают спектрограммы звуков и звукосочетаний, наглядно изображающие формантную структуру каждого звука и позволяющие точно измерить и охарактеризовать отдельные форманты, которые определяют его тембр.

В спектре гласного звука обычно более или менее четко выделяются три-четыре форманты: форманта $F_{осн}$ (или F_0), которая соответствует частоте (полосе частот) основного тона, и далее форманты F_I, F_{II} в ряде случаев F_{III} — форманты, соответствующие полосам частот резонаторных тонов. На динамических спектрограммах[1] форманты выглядят как темные пятна или полосы: самая нижняя полоса — это $F_{осн}$, выше — F_I, еще выше — F_{II} и т. д. (рис. 2).

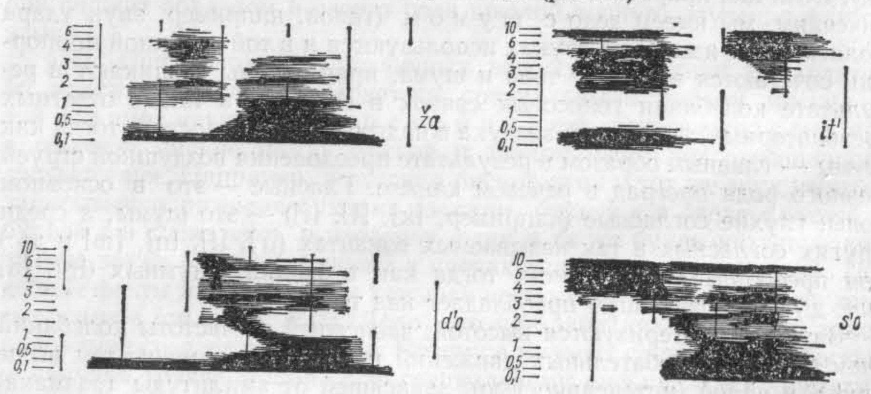

Рис. 2. Спектрограммы слогов, взятых из слов русского языка. Цифры на шкале обозначают килогерцы

Звуки, при произнесении которых энергия концентрируется в центральной части спектра, называются «компактными». На спектрограммах компактность выражается в том, что F_I и F_{II} расположены очень близко одна от другой или даже смыкаются. Таков, например, гласный [а] (ср. правую часть спектрограммы [žа]). Если же концентрации энергии в центральной части спектра нет и F_I сближена с F_0, а F_{II}, напротив, располагается в верхней части спектра, звук называется «диффузным». Таков гласный [i] (ср. левую часть спектрограммы [it']). Расположение формант заметно изменяется у гласных в зависимости от качества соседнего согласного: так, на границе с предшествующим «мягким» согласным F_{II} проходит выше, чем на остальном участке гласного (ср. [d'o] и [s'o]). Свои типичные особенности имеют и спектрограммы согласных. Например, у всех глухих согласных F_0 отсутствует, так как голосовые связки не вибрируют (ср. [it'] и [s'o]).

[1] Существуют и другие виды спектрограмм, которые мы здесь не рассматриваем.

3. БИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ЗВУКОВ ЯЗЫКА

§ 42. Каждый звук, произносимый нами в речи, есть не только физическое явление, но также и результат определенной работы человеческого организма, а кроме того, и объект слухового восприятия, тоже связанного с определенными процессами, происходящими в организме. Рассмотрение звуков языка и речи с точки зрения процессов, происходящих в организме при произнесении этих звуков и при их восприятии, составляет содержание биологического аспекта в изучении звуков. Биологический аспект подразделяется на произносительный и перцептивный.

§ 43. Подробнее остановимся на **произносительном** аспекте.

Для того чтобы человек произнес тот или иной речевой звук, необходимо следующее: а) определенный импульс, посылаемый из головного мозга, точнее, из так называемого моторного центра речи — из зоны Брока́, находящейся в 3-й лобной извилине левого полушария; б) передача этого импульса по нервам к органам, непосредственно выполняющим данную «команду»; в) в громадном большинстве случаев — сложная работа дыхательного аппарата (легких, бронхов и трахеи), а также диафрагмы и всей грудной клетки, так как без воздушной струи, создаваемой дыханием, нормально не могут быть образованы звуки речи; г) сложная работа тех органов, которые принято называть произносительными органами в узком смысле слова, т. е. голосовых связок, языка, губ, нёбной занавески, стенок глотки и определенные движения нижней челюсти, обеспечивающие нужный угол раствора полости рта. Совокупность работ дыхательного аппарата и движений произносительных органов, необходимая для произнесения соответствующего звука, называется **артикуляцией** этого звука.

Большинство звуков, используемых в языках мира, нормально произносится на выдохе, т. е. с помощью воздуха, выдыхаемого из легких. Наряду с этим возможно произнесение тех же звуков на вдохе (например, в русском языке — в некоторых междометиях, иногда во взволнованной речи). В ряде языков существуют особые «щелкающие» согласные, образуемые не с помощью дыхания, а при всасывании воздуха в результате сокращения различных мускулов в полости рта (в русском языке «щелкающий» согласный используется в междометии сожаления, передаваемом на письме как *ц-ц-ц!*).

Рассмотрим вкратце **функции произносительных органов**. Эти органы делят на активные и пассивные: активные выполняют те или иные движения, необходимые для произнесения звука; пассивные служат лишь «точкой опоры» для активного органа. Важнейшими активными органами являются голосовые связки, язык, губы и нёбная занавеска.

1. **Голосовые связки**, натягиваясь благодаря движению мускулов и хрящей гортани наподобие струн музыкального инструмента, приходят при прохождении воздуха через голосовую щель в колебательное движение, создающее музыкальный тон. Этот тон и назы-

вается голосом. Голос используется, как правило, при образовании гласных, сонантов ([l], [r], [m], [n] и др.) и звонких шумных согласных ([g], [d], [b] и т. д.). Звуки, произносимые без участия голоса, называются глухими (например, глухие согласные [k], [t], [s]). При сужении голосовой щели и при ее полном смыкании с последующим разрывом смычки возникают шумы, составляющие в некоторых языках особые гортанные согласные или же используемые как дополнительный признак при образовании других звуков — гласных и согласных. Примером гортанных согласных может служить так называемый нем. «Knacklaut» («сильный приступ» гласного, находящегося в начале слова). При особом способе открытия голосовой щели возникает шепот.

2. Надгортанные полости, т. е. полость глотки, полость рта и полость носа, выполняют функцию подвижного резонатора, создающего резонаторные тоны. Кроме того, при образовании всех согласных (кроме гортанных) в разных точках полости рта (или глотки) или на выходе из полости рта возникает то или иное препятствие на пути воздушной струи. Это препятствие может носить разный характер: при плотном соприкосновении произносительных органов образуется смычка, а при достаточном сближении их друг с другом — щель. Когда мы произносим такие согласные, как [b] в *баба* или [t] в *там*, воздушная струя с коротким шумом выталкивается в момент взрыва смычки. При произнесении [v], [f], [s] и т. д. воздух с шумом трения проходит через узкую щель. В некоторых случаях возникающая преграда не преодолевается воздушной струей, а обходится «кружным путем» (например, при произнесении [m] — через нос).

3. Наиболее активную роль при артикуляции большинства звуков играет язык — очень подвижный орган, способный принимать различные положения. Он может оттягиваться назад, сжимаясь в комок и освобождая большее резонаторное пространство в передней части полости рта (при произнесении гласных заднего ряда, например [o], [u]), или, напротив, подаваться всей массой вперед, расширяя резонаторное пространство позади (при образовании гласных переднего ряда, например [e], [i]). При движении распластанного языка вверх произносятся гласные смешанного ряда, например [ы]. Разной оказывается также степень подъема языка. Наименьшая степень подъема и, следовательно, максимально широкий проход для воздуха наблюдаются при [a], наибольшая степень подъема и соответственно наиболее узкий проход — при [u], [ы], [i].

При произнесении так называемых язычных согласных — заднеязычных, например [k], [g], [x], среднеязычных, например [j], переднеязычных, например [t], [d], [s], [l],— язык разными своими частями сближается с пассивными органами: нёбом, альвеолами, задней стенкой (иногда и нижним краем) верхних зубов, образуя либо смычку (при [k], [g], [t], [d] и др.), либо щель (при [x], [j], [s] и др.). Все эти движения языка и его частей очень тонко дифференцированы. Так, переднеязычная смычка может осуществляться в разных точках (выше или ниже). Щель, образуемая движением передней части спинки языка к зубам или альвеолам, может быть круглой (например, при произнесении [s]) или плоской (например, при произнесении [θ] в англ. *thing*

'вещь'). Она может также сочетаться со «вторым фокусом», т. е. дополнительным сужением речевого канала позади места главной щели (при произнесении шипящих). При произнесении звуков типа [l] щель является боковой: она образуется оттягиванием края языка (или двух его краев) для пропуска воздушной струи сбоку. При произнесении дрожащих, т. е. звуков типа [r], кончик языка производит особое колебательное движение.

Кроме создания преграды язык при произнесении согласных выполняет движения, меняющие форму и объем резонатора. Так, при образовании русских «мягких» согласных средняя часть спинки языка поднимается к твердому нёбу, придавая согласному специфическую «окраску на *i*». Эту особенность артикуляции называют палатализацией (от лат. *palātum* 'твердое нёбо'), а соответствующие согласные — палатализованными. При образовании русского твердого [l] (в более подробной транскрипции [ɫ]) имеет место веляризация (от лат. *velum* 'мягкое нёбо') — подъем задней части языка в направлении к мягкому нёбу.

4. Важным активным органом являются губы, особенно нижняя губа. Выпячиваясь вперед и округляясь, губы удлиняют общий объем резонаторной полости, меняют ее форму. Это создает особую окраску так называемых огубленных (лабиализованных) звуков, например гласных [o], [u], [ø] (в нем. *hören* 'слышать', фр. deux 'два'), [y] (в нем. *müde* 'усталый', фр. *rue* 'улица') и некоторых других. При произнесении губных согласных губы создают препятствие на пути воздушной струи. Так образуются, во-первых, губно-губные (билабиальные) согласные — смычные, например [p], [b], и щелевые, в частности [w], например в англ. *wall* 'стена'; во-вторых — губно-зубные (лабиодентальные), в частности щелевые [v], [f] (щель между нижней губой и пассивным органом — нижним краем верхних зубов).

5. Нёбная занавеска может принимать поднятое положение, закрывая проход в полость носа (так обстоит дело при артикуляции всех неносовых звуков, приводившихся в качестве примеров в пп. 3 и 4), либо, напротив, опускаться, открывая проход в носовую полость и таким образом подключая носовой резонатор. В этом последнем случае образуются носовые согласные, например [m] (как бы [b] + носовой резонанс), [n] (как бы [d] + носовой резонанс) и др., и назализованные гласные, представленные, например, во французском, португальском и некоторых других языках.

6. Активными органами в полости рта являются при произнесении некоторых звуков также язычок, например при произнесении язычкового (увулярного), или «картавого», дрожащего согласного (в транскрипции [R]), а в некоторых языках задняя стенка глотки — при произнесении глоточных (фарингальных) согласных, например глухого щелевого [h] в англ. *house* 'дом' или нем. *Haus* 'дом' и звонкого щелевого [ɦ] в укр. *горá* 'гора'.

§ 44. Учитывая работу произносительных органов, необходимую для образования каждого звука, мы получаем анатомо-физиологическую (или артикуляционную) классификацию звуков.

1. Первое и главное членение в этой классификации — членение на г л а с н ы е и с о г л а с н ы е. Гласные могут быть охарактеризованы как звуки — «рторaскрыватели», звуки, при артикуляции которых речевой канал в надгортанных полостях свободен, открыт и ток воздуха не встречает препятствий. У гласных нет определенного «фокуса» — места образования; для них типична общая, «разлитая» напряженность мускулов всего произносительного аппарата и относительно слабая воздушная струя. Согласные, напротив, могут быть названы «ртосмыкателями», при их произнесении обязательно возникает та или иная преграда на пути воздушной струи (обычно в надгортанных полостях, а в случае гортанных согласных — в гортани). Соответственно у них есть определенный «фокус» — место образования. Для согласных типично сосредоточенное мускульное напряжение в месте образования преграды и более сильная воздушная струя. Гласные нормально образуются с голосом, но встречаются и глухие гласные (так может произноситься второй гласный в русск. *топот*); вместе с тем, как сказано выше, голос участвует и в образовании многих согласных.

2. Г л а с н ы е классифицируются прежде всего по работе языка. Учитывается ряд (передние, задние и смешанные, а также и более дробные подразделения — «передние отодвинутые назад», «задние продвинутые вперед» и т. д.) и степень подъема языка (открытые, или «широкие», и закрытые, или «узкие», гласные). Вторым существенным моментом является работа губ: различают огубленные и неогубленные гласные (в некоторых случаях и разные степени огубленности). В ряде языков гласные приходится классифицировать также по работе нёбной занавески (неносовые и носовые), по долготе (долгие и краткие) и т. д. Наглядное представление об анатомо-физиологической классификации гласных дает табл. 1 на с. 81.

3. Классификация согласных сложнее. Прежде всего по типичному соотношению шума и голоса в образовании согласного нужно учитывать деление на с о н а н т ы (голос преобладает над шумом) и ш у м н ы е и, далее, деление шумных на звонкие (произносимые с участием голоса), например русские или французские [b], [d], [g], [z], и глухие (произносимые вовсе без голоса), например [p], [t], [k], [s].

Группа сонантов может рассматриваться как в некотором роде промежуточная между гласными и шумными согласными. При произнесении сонантов преграда имеет место, но либо она является более слабой, чем у шумных согласных, либо воздушная струя не преодолевает, а обходит эту преграду. Первый случай имеем при произнесении дрожащих типа [r] или [R], а также щелевых сонантов [l], [j], [w], произносимых при сравнительно широкой щели. Второй случай имеем при артикуляции смычных носовых сонантов (воздух имеет свободный проход через нос). Иногда боковые и дрожащие объединяют вместе в группу так называемых «плавных», а [j] и [w] — в группу полугласных. Хотя в целом для сонантов характерны слабый шум и преобладание голоса, встречаются и глухие сонанты, например на конце слова после глухого шумного в русск. *вопль, вепрь, метр, песнь, ритм*.

4. Второе деление согласных, перекрещивающееся с первым,— это деление по способу образования шума, т. е. п о х а р а к т е р у п р е г р а д ы, на уже встречавшиеся нам выше группы смычных, щелевых и дрожащих. Среди смычных, в свою очередь, выделяются взрывные, у которых смычка заканчивается взрывом (например, [p], [t], [k], [b], [d], [g] в положении перед гласным), и аффрикаты [1], у которых смычка без взрыва переходит в щель. Примеры аффрикат: [c] в *царь*, [č] в *чай* (глухие переднеязычные аффрикаты), [pᶠ] в нем. *Apfel* 'яблоко' (глухая губная аффриката). Особый случай представляют так называемые имплозúвные, т. е. такие смычные, при произнесении которых нет ни взрыва, ни перехода в щель и которые, таким образом, заканчиваются смычкой. Смычные согласные [m], [n], [p], [t] и др. в положении перед другими смычными (а нередко и на конце слова перед паузой) обычно реализуются как имплозивные.

5. Третье деление согласных, также перекрещивающееся с первыми двумя,— это деление по а к т и в н о м у а р т и к у л и р у ю щ е м у о р г а н у. Здесь выделяются, как мы видели, губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные, фарингальные и гортанные. Более дробное подразделение, в частности, в группе губных учитывает активность обеих губ или только нижней, а в группе переднеязычных — активность и способ работы отдельных участков передней части языка. Кроме того, при дальнейшем подразделении принимается во внимание также пассивный орган, что отражается в таких терминах, как «губно-зубные».

6. Наконец, для многих языков важны и некоторые другие признаки согласных: их палатализация (например, в русском языке), веляризация, лабиализация и т. д.

Соотношение разных параметров анатомо-физиологической классификации согласных показано в табл. 2 на с. 83.

§ 45. К биологическому аспекту относится также изучение механизмов тех и з м е н е н и й, которым подвергаются артикуляции звуков в п о т о к е р е ч и. Эти изменения называют позиционными (в широком смысле) и подразделяют на 1) комбинатóрные, вызванные взаимодействием между артикуляциями звуков, находящихся в потоке речи в непосредственном или близком соседстве, и 2) собственно позиционные, связанные с положением звука в безударном слоге либо на конце слова, и т. д.

1. Среди к о м б и н а т о р н ы х изменений выделяют аккомодации, ассимиляции и диссимиляции.

Изменения в артикуляции согласных под влиянием соседних гласных и в артикуляции гласных под влиянием соседних согласных называют а к к о м о д а ц и е й [2]. Приведем несколько примеров.

В русском языке согласные перед огубленными гласными, т. е. перед [u] и [o], лабиализуются, т. е. произносятся с округлением губ и выдвижением их вперед. Ср. *брата* с «обыкновенным» [t] и *брату* с огубленным [t°]. Мы имеем здесь дело с так называемым предвосхи-

[1] *Аффриката* — от лат. *affricātus* 'притертый, образованный трением'.
[2] *Аккомодация* — от лат. *accomodatio* 'приноравливание', ср. *commŏdus* 'удобный'.

щением артикуляции: поскольку при произнесении [u] или [o] губы должны быть округлены и выдвинуты вперед, этот их уклад формируется заранее, еще в момент произнесения предшествующего согласного и даже целой группы согласных, например в *струны* [sᵒtᵒrᵒuпы]. Подобным же образом перед носовыми согласными гласный частично (в своей конечной фазе) назализуется: в слове *дам* мы заранее, еще в момент произнесения гласного, опускаем нёбную занавеску, что нужно нам для последующего [m]. В других случаях аккомодация основана на инерции артикуляции, на продолжении работы органа в течение некоторого времени после того, как работа эта уже «перестала быть нужной». Так, в *сяду* в начале звучания первого гласного еще удерживается то поднятое положение средней части спинки языка, которое было нужно для получения палатализованного [s'], в силу чего и возникает в начале гласного *i*-образный призвук.

Там, где артикуляция согласного влияет на артикуляцию согласного же или артикуляция гласного — на артикуляцию гласного, причем влияние это направлено в сторону сближения артикуляций, говорят об а с с и м и л я ц и и, или уподоблении [1]. Ассимиляция тоже может быть либо предвосхищающей, либо инерционной.

Классическими примерами предвосхищающей ассимиляции согласных может служить в русском языке замена звонких согласных глухими в положении перед глухими и, напротив, глухих согласных звонкими в положении перед звонкими. Ср. *лодочка* — но *лодка*, где произносится глухое [t] перед [k], или *к реке* — но *к домам*, где имеем звонкое [g] перед [d]. В примере *к домам* происходит предвосхищение вибрации голосовых связок; в примере *лодка* — предвосхищение их разомкнутого состояния. В некоторых русских говорах наблюдается инерционная ассимиляция согласных по мягкости — инерция поднятого положения средней части спинки языка в момент произнесения последующего согласного, например *Ванькя* с мягким [k']. В английском языке в окончании множественного числа имен существительных звучит [z], в частности после гласного, например в *shoes* [šu:z] 'туфли', и после сонанта, например *balls* [bɔ:lz] 'мячи', но только [s] непосредственно после глухого согласного, например в *cats* [kæts] 'кошки'. В этом последнем случае наблюдаем инерционную ассимиляцию по глухости — инерцию неучастия голосовых связок. Ассимиляцию гласных можно отметить в севернорусских диалектных формах вроде *бываат* вместо *бывает* (с предварительной утратой звука [j] между гласными).

Помимо «контактной» ассимиляции, т. е. уподобления звуку, находящемуся в непосредственном соседстве, встречается и дистантная, действующая «на расстоянии». Инерционная дистантная ассимиляция гласных проводится в большинстве тюркских и ряде финно-угорских языков: гласные суффиксов и вообще непервых слогов слова уподобляются здесь по ряду (в некоторых из этих языков еще и по работе губ) гласному начального слога. Явление это получило название «гармония

[1] *Ассимиляция* — от лат. *assimilatio* 'уподобление', ср. *simĭlis* 'похожий, подобный'.

гласных». Так, в турецком языке суффикс множественного числа имеет вид *-lar*, если в корне — гласные непереднего ряда, например *adamlar* 'люди', *odalar* 'комнаты', и вид *-ler*, если в корне — передние гласные, например *evler* 'дома', *gözler* 'глаза' (буква *ö* обозначает [ø]).

Менее широко встречаются явления, противоположные ассимиляции,— явления д и с с и м и л я ц и и, или «расподобления», звуков. Дистантной диссимиляцией двух дрожащих вызвано появление просторечной формы *колидор* вместо *коридор* или современной литературной формы *февраль* вместо древнерусского *феврарь*, заимствованного (через византийское посредство) из латинского (лат. *februarius*). Контактную диссимиляцию двух смычных имеем в таких формах, как *легко*, *мягко*, где произносится [x],— ср. *легок*, *мягок* с [g] (здесь одновременно и ассимиляция по глухости), или в укр. *хто* (=русск. *кто*), а также в *скучно*, *конечно*, когда в них перед последующим смычным [n] произносится щелевой [š], а не аффриката [č] (ср. *скучать* и т. п.).

Ассимилятивные и диссимилятивные процессы действуют и при разного рода осложнениях или, напротив, упрощениях в группах согласных. Так, просторечное *ндрав* возникло из *нрав* в порядке предвосхищающей ассимиляции (раньше, чем нужно, поднимается нёбная занавеска, закрывая проход в полость носа еще до начала дрожащего сонанта); а в слове *честный*, в естественном произношении без [t] (несмотря на *честь*), устранен один из двух оказавшихся в непосредственном соседстве смычных. Особый случай диссимилятивного упрощения звукового состава слова представляет собой г а п л о л о г и я [1], при которой устраняется один из двух одинаково или близко звучащих слогов, например *минералогия* вместо *минерало + логия*.

2. К с о б с т в е н н о - п о з и ц и о н н ы м изменениям относятся, в частности, р е д у к ц и я [2] (ослабление) гласных в безударных слогах и оглушение согласных на конце слова перед паузой.

Яркие примеры редукции гласных дает русский язык. Гласный, обозначаемый на письме буквой *а*, звучит далеко не одинаково в *мал*, *малыш* и *малыши* (в транскрипции: [mal], [mʌl'ыš], [mъlыš'ы]: [a] ударного слога заменяется на [ʌ] в первом предударном и на [ъ] в остальных безударных слогах (ср. также *дам* [dam] и *выдам* [v'ыdъm]). В истории немецкого языка редукция проявилась в том, что существовавшие в основном до XI в. качественно разные гласные безударных слогов совпали затем (в окончаниях) в одном нейтральном [ə] (в немецком письме *е*), так что, например, формы четырех падежей множественного числа от слова *berg* 'гора', звучавшие как *berga*, *bergo*, *bergum*, *berga*, теперь звучат как *Berge* (им., род., вин.) и *Bergen* (дат.).

Полная степень редукции — это полное исчезновение гласного в безударном слоге и даже всего слога, в частности: а) а п о́ к о п а [3] — отпадение конечного гласного или конечной части слова, например

[1] *Гаплоло́гия* — от др.-греч. *haploos* 'простой' и *lógos* 'речь, слово', т. е. как бы 'упрощение речи'.
[2] *Реду́кция* — от лат. *reductio* 'низведение'.
[3] *Апо́копа* — от др.-греч. *apokopē* 'отсечение'. Ср. *apokóptō* 'отрубаю, отбиваю (кусок)'.

Петь вместо *Петя*, *чтоб* вместо *чтобы*, ит. *fra* и *san* рядом с *frate* 'брат' (в смысле 'монах') и *santo* 'святой' и б) с и н к о́ п а [1] — выпадение гласного или нескольких звуков не на конце слова, например *Иваныч* вместо *Иванович*, нем. диал. *gmojn* вместо *guten Morgen* 'доброе утро', шведск. *far* 'отец' рядом с *fader*. Апокопа безударных окончаний играла большую роль в истории английского языка. В результате апокопы таким древнеанглийским формам, как *bindan* 'связывать' (инфинитив), *binde* (1-е л. ед. ч. наст. вр.), *bindađ* (мн. ч. наст. вр.), соответствуют в современном языке формы без окончания (с нулевыми окончаниями) *bind* [baịnd] — *to bind*, *I bind*, *we (you, they) bind*.

О г л у ш е н и е з в о н к и х с о г л а с н ы х на конце слова перед паузой наблюдается во многих языках. Ср. в русск. *дуга* — *дуг* [d°uk], *труба* — *труб* [t°r°up] и т. д. Физиологическая основа этого явления — преждевременное, еще до конца произнесения слова, возвращение голосовых связок в состояние покоя. В некоторых языках оглушение является в этой позиции частичным — оглушается только конец согласного. Иногда оглушение на конце проявляется и в отношении сонантов, например в русском языке — в позиции после глухого согласного (в словах типа *вопль*) [2].

§ 46. Подразделением биологического аспекта является, как сказано выше, п е р ц е п т и в н ы й аспект. Он охватывает изучение тех процессов, которые происходят в организме человека при восприятии звуков речи механизмами слуха и при передаче соответствующих сигналов в головной мозг, в сенсорный центр речи (речеслуховой анализатор) — так называемую зону Ве́рнике (около первой височной извилины левого полушария). Но эти процессы изучены пока меньше, чем процессы артикуляции.

4. СОБСТВЕННО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ) АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ЗВУКОВ ЯЗЫКА. ПОНЯТИЕ ФОНЕМЫ

§ 47. Звук, произносимый в речи,— это не только колебание воздушной среды и не только результат работы наших произносительных органов. Звук этот выполняет определенные функции в языке и речи, и в этом своем качестве он является, как мы уже говорили выше, определенной единицей — фоном в потоке речи и фонемой в системе языка. В сочетании с другими звуками он выступает как материальное, чувственно воспринимаемое средство закрепления и выражения мысли, как экспонент или составная часть экспонента языкового знака. Язык может служить орудием общения и обмена мыслями только потому, что значащие единицы языка (морфемы, слова и т. д.) материализуются в звуках, произносимых говорящим и воспринимаемых слушающим.

[1] *Синко́па* — от др.-греч. *synkopē* букв. 'сбивание, уплотнение битьем'.

[2] В этих случаях оглушение носит одновременно и комбинаторный характер (инерционная ассимиляция по глухости).

Для языковедения именно эта, функциональная сторона является самой важной. Поэтому функциональный, или фонологический, аспект в изучении звуков мы и называем «собственно-лингвистическим».

а) Функции фонемы. Ее выделимость

§ 48. Фонемы это как бы «кирпичики», из которых строятся экспоненты значащих единиц языка, в первую очередь морфем, а тем самым и слов. Но кирпичи, используемые, скажем, при постройке стены, все одинаковы или в принципе должны быть одинаковыми. Фонемы же обязательно должны быть достаточно разными, различимыми для восприятия: они ведь должны не просто составлять некоторые последовательности («цепочки»), а должны составить для разных знаков р а з н ы е последовательности, чтобы соответствующие знаки, морфемы или слова отличались друг от друга на слух и распознавались, т. е. у з н а в а л и с ь к а к н е ч т о р а з н о е, например *бур*, *бор*, *бар*, *бра*, *брат*, *брать*, *брак*, *арба*, *арбу* и т. д. Поэтому в каждом языке имеется по нескольку десятков разных, различающихся между собой на слух фонем (в русском языке, например, около 40 фонем). Комбинируясь между собой, фонемы эти дают тысячи сочетаний, служащих экспонентами для значащих единиц языка [1]. Учитывая это, справедливо говорить о двух (теснейшим образом между собой связанных) функциях фонемы: 1) конститутивной, т. е. функции с т р о и т е л ь н о г о м а т е р и а л а в составе экспонентов морфем и 2) дистинктивной, или различительной, т. е. функции р а з л и ч и т е л я этих экспонентов.

В некоторых случаях фонема осуществляет как свою конститутивную, так и дистинктивную функцию «в одиночку». Это имеет место в однофонемных словах вроде русских союзов *а*, *и*, предлогов *о*, *у*, *к*, *с*, *в*, некоторых междометий и т. п. или французских *a* [a] 'имеет', *eau* [o] 'вода', *où* [u] 'где', *eut* [y] 'имел', *an* [ɑ̃] 'год', *ont* [ɔ̃] 'имеют' и др. Несколько чаще встречаются однофонемные морфемы — окончания, суффиксы и т. д. Но более типичен другой случай, когда фонема осуществляет свою конститутивную функцию, участвуя вместе с другой или другими фонемами в образовании экспонента слова или морфемы. Так обстоит дело во всех многофонемных (двух- и более фонемных) словах и морфемах. Если экспоненты таких слов или морфем различаются между собой одной фонемой, например *бур* : *бор* : *бар*, или *стул* : *стол*, или окончание дательного падежа *-ам* : окончание предложного падежа *-ах* (*рукам* : *руках*), дистинктивная функция фонемы как бы сосредоточена в одной точке и потому выступает особенно отчетливо.

§ 49. В артикуляторно-акустическом отношении фон, т. е. представитель фонемы в потоке речи, не отграничен ничем от соседнего фона,

[1] В ряде случаев экспоненты разных значащих единиц полностью совпадают (явление так называемой омонимии, см. § 115). Но принципиально это не меняет дела: знаков, различающихся по звучанию, в каждом языке во много раз больше, чем омо́нимов, и окружение, в котором употреблен омоним, всегда позволяет правильно понять, о чем идет речь.

представителя другой фонемы; объективные акустико-артикуляторные признаки фонем, стоящих рядом, частично перекрываются, накладываются друг на друга. Поток речи от паузы до паузы представляет собой сплошное, непрерывное звучание, так что наблюдатель, не знающий соответствующего языка, во многих случаях не сможет ни на слух, ни на спектрограмме правильно «сегментировать» этот поток («разрезать» его на отдельные фоны) и тем более не сможет объединить эти фоны в фонемы. А для человека, знающего данный язык, разделить отрезок речи на следующие друг за другом фоны в общем не представляет затруднений, хотя для «языкового сознания» такого человека фонема, очевидно, не является исходной, отправной единицей. Ведь строя свою речь, носитель языка оперирует значащими единицами, по меньшей мере — морфемами, а обычно даже словами и целыми словосочетаниями. Тем не менее и фонема выделяется как некая языковая единица, в определенной мере осознаваемая носителями языка и обладающая в системе языка известной автономностью. Как происходит такое выделение?

Поскольку для выделения фонемы недостаточны сами по себе акустико-артикуляторные признаки, а необходимо знание языка, остается предположить, что выделимость фонемы как-то опирается на смысл, на значение, хотя сама по себе фонема и не является единицей значащей. Можно думать, что для таких языков, как русский, истоки выделимости фонемы нужно искать в факте принадлежности в ряде случаев соседствующих и нередко тесно «сплетающихся» в потоке речи фонов к разным значащим единицам — к разным морфемам и даже разным словам.

Особенно наглядны в этом отношении примеры однофонемных морфем и слов: в них данная фонема оказывается сразу с двух сторон выделенной в речевом потоке или в составе той или иной формы определенными смысловыми границами. Говоря о выделимости фонемы, Л. В. Щерба указывал в первую очередь именно на такие примеры. «...Дело в том,— писал он,— что элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений, так [l] в словах *пил*, *бил*, *выл*, *дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени; [a] в словах *корова*, *вода* ассоциировано с представлением субъекта; [u] в словах *корову*, *воду* — с представлением объекта и т. д., и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям, элементы наших звуковых представлений и получают известную самостоятельность» [1]. Несмотря на то что мысль Л. В. Щербы сформулирована здесь в психологических терминах, лингвистический смысл его рассуждения предельно ясен: фонемы выделяются носителями языка прежде всего потому, что существуют такие значащие единицы, экспоненты которых состоят (каждый) всего из одной фонемы. Выделив [l] в *пил*, *бил*, *выл*, *дала* (где это [l] «ассоциировано с представлением прошедшего времени»), носитель русского языка выделяет [l] как определенную единицу уже и там, где оно само по себе не ассоциируется ни

[1] *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983. С. 6—7.

с каким смысловым представлением, например в словах *ил*, *лань*, *голод* и т. д.

Известно, что многофонемных морфем и особенно многофонемных слов в языке значительно больше, чем однофонемных,— конститутивная и дистинктивная функции фонемы чаще реализуются в сочетаниях фонем, чем «в одиночку». В итоге далеко не все фонемы того или иного (в том числе и русского) языка реально выступают в качестве однофонемных экспонентов каких-либо морфем или слов. Зато для громадного большинства реально встречающихся двухфонемных сочетаний обычно можно найти примеры, в которых тождественное сочетание будет «разбиваться» границей каких-либо значащих единиц. Так, в русском языке нет значащей единицы, экспонентом которой было бы одно [x] [1]. Но есть немало случаев, в которых сочетание [x] с другой, последующей или предшествующей фонемой разбивается границей морфемы или слова: *у-ход*, *при-ход*, *рас-ход*, *мух-а*, *мух-у*, *сох-ну*, *он хочет* и т. д. Тем самым и [x] без труда вычленяется в качестве отдельной фонемы русского языка.

Конечно, для сознания человека, овладевшего данным языком, выделимость фонем обеспечивается уже самим фактом их многократной повторяемости в текстах в разнообразнейших комбинациях с разными другими фонемами. При этом «...именно физические характеристики звуковых явлений, представляющих ту или иную фонему, делают возможным опознание ее носителями данного языка» [2].

Рассматривая выделимость фонемы, скажем, в частности, о долгих гласных. В некоторых языках, например в немецком, внутри долгого гласного никогда не проходит граница двух соседних морфем, и поэтому долгие гласные в таких языках — отдельные цельные фонемы, а не сочетания двух кратких. В других языках, например в финском, морфемная граница может проходить внутри долгого гласного, и тем самым долгий гласный естественно рассматривать как сочетание двух фонем. Принцип зависимости фонологического членения речи от ее смыслового членения действует и в других случаях (см. § 70, 73).

б) Варьирование фонемы. Фонематические и нефонематические звуковые различия

§ 50. Из сущности дистинктивной функции фонемы с несомненностью вытекает, что разные фонемы одного языка должны различаться на слух носителями этого языка, т. е. в принципе должны реализоваться разными звучаниями. Не следует, однако, думать, будто каждая фонема всегда реализуется в данном языке одним и тем же звучанием. Напротив, реализации одной и той же фонемы могут быть и действительно обычно являются в зависимости от раз-

[1] Мы отвлекаемся здесь от сложносокращенных слов типа МХАТ — Московский Художественный академический театр.

[2] *Зиндер Л. Р.* Материальная сторона языка и фонема // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 380.

ных причин очень разными по артикуляции и по звучанию, т. е. о д н а ф о н е м а объединяет в себе р я д ф и з и ч е с к и р а з н ы х з в у к о в. Эти разные звуки, объединяемые как разновидности одной фонемы, называются в а р и а н т а м и (оттенками) этой фонемы, или ее а л л о ф о н е м а м и (аллофонами) [1].

Так, фонема /t/ в русском языке выступает, по меньшей мере, в двух вариантах: 1) как обыкновенное [t], например в словах *таз, ты, брат* и 2) как лабиализованное [t°] — в положении перед [u] и [o], например в *туз, брату, ток*, также *тру, тку* и т. д. Произнося второй вариант, мы осуществляем аккомодацию согласного последующему гласному («предвосхищаем» губную артикуляцию гласного, см. § 45,1).

Соответственно различению понятий «фонема» и «вариант фонемы» различают и две транскрипции — фонематическую и аллофонемную (собственно фонетическую). В ф о н е м а т и ч е с к о й транскрипции каждая фонема, независимо от ее звуковой реализации, передается всегда одним и тем же транскрипционным знаком. В а л л о ф о н е́ м н о й транскрипции для передачи разных вариантов одной и той же фонемы используются разные знаки. То, что записано в фонематической транскрипции, обычно заключают в наклонные скобки / /, а то, что в аллофонемной — в прямые скобки [ ]. Далее мы будем пользоваться не одними прямыми скобками, как делали до сих пор, а в соответствующих случаях либо наклонными, либо прямыми. Итак, рассматривая сейчас фонему /t/ русского языка, мы говорили о двух ее вариантах [t] и [t°] [2].

Приведем другой пример. Фонема /e/ выступает в русском языке (в ударных слогах) то как «открытое» [ɛ] — в изолированном положении, например в названии буквы «э оборотное», а также в конце слова *(ужé)* и перед твердым согласным *(эта, жест)*, то как «закрытое» [ẹ] — перед мягким согласным, например в *эти, жесть* (аккомодация последующему согласному).

Как для /t/, так и для /e/ можно было бы выделить ряд более дробных вариантов, но здесь важен не учет имеющихся вариантов, а сам факт н е о д и н а к о в о й «ц е н н о с т и» д л я я з ы к а р а з н ы х з в у к о в ы х р а з л и ч и й: одни из них существенны, или, как говорят, «релевантны», с точки зрения дистинктивной функции фонем, а другие несущественны, «иррелевантны». Так, в русском языке различие между непалатализованным и соответствующим палатализованным согласным является фонологически существенным, т. е. выступает как различие между фонемами, или фонематическое различие (ср. пары *брат : брать, летá : летя, жест : жесть* и т. п.), а различие лабиализованного и соответствующего нелабиализованного согласного ([t°] — [t]) или «открытого» и «закрытого э» оказывается всего лишь различием вариантов в рамках одной фонемы, различием

[1] *Аллофоне́ма* — ‘иной вид той же фонемы’ (от др.-греч. *állos* ‘иной’). Термин *аллофóн*, несмотря на его широкое распространение, теоретически менее удачен (см. сноску на с. 52).

[2] Совпадение транскрипционного знака для фонемы и для одного из ее вариантов является случайностью.

нефонематическим, фонологически несущественным, не используемым для различения экспонентов каких-либо морфем или слов.

В принципе это не должно нас удивлять. Мы уже видели выше, что не все материальные свойства экспонентов одинаково важны для опознавания и различения соответствующих знаков (см. § 28,3 и 34,3); важны только определенные свойства — те, по которым эти экспоненты противопоставлены друг другу. Существенно именно наличие противопоставлений. Чтобы убедиться в этом, вернемся вновь к анализу приведенных сейчас примеров.

В русском языке, как следует из сказанного выше, звуки [t] и [t°] никогда не встречаются в одинаковой фонетической позиции: [t] используется в разных положениях, но только не перед [u], [o], тогда как [t°] — именно и только перед [u] и [o] (непосредственно или в составе группы согласных). Отсюда вытекает, что в русском языке нет и, главное, даже н е м о ж е т б ы т ь двух слов, которые внешне различались бы только тем, что в одном из них стояло бы [t], а в другом [t°]. Не может быть в русском языке и двух грамматических форм, которые внешне различались бы только таким образом. Там, где в русском языке представлено различие [t] и [t°], оно обязательно лишь сопутствует другому звуковому различию — отсутствию или присутствию вслед за этим согласным (в том же слоге) огубленных гласных [u] или [o]. Не иначе обстоит дело и в отношении других русских согласных: в положении перед огубленными гласными мы всегда произносим огубленные [k°], [s°], [l°], [r°] и т. д. *(пеку, в лесу, лук, ром)*, а в других положениях соответственно неогубленные *(пекли, лес, лыко, рам)*. Таким образом, различие [t] — [t°] или [k] — [k°], [s] — [s°] и т. д. во всех случаях оказывается лишь д о б а в о ч н ы м к другому звуковому различию и производным от него. Точно так же и каждый из рассмотренных вариантов фонемы /e/ выступает в русском языке в своей специфической позиции, не сталкиваясь в этой позиции ни с каким другим ее вариантом. Иными словами, в ы б о р к а ж д о г о в а р и а н т а во всех рассмотренных случаях всецело о б у с л о в л е н х а р а к т е р о м ф о н е т и ч е с к о г о о к р у ж е н и я, влиянием соседней фонемы. Осуществляется этот выбор совершенно автоматически. Варианты одной фонемы потому и являются всего лишь вариантами, что они никогда не противопоставляются в данном языке друг другу как самостоятельные различительные единицы в составе экспонентов морфем и слов.

§ 51. Важно подчеркнуть, что объединение артикуляционно и акустически разных звуков в рамках одной фонемы в качестве ее вариантов н е о п р е д е л я е т с я ч и с т о ф о н е т и ч е с к и м с х о д с т в о м, т. е. акустической или артикуляционной близостью этих звуков между собой. В этом нетрудно убедиться, если выйти за пределы одного языка. Во многих случаях окажется, что те самые акустические и артикуляционные различия, которые в одном языке являются фонологически несущественными, нефонематическими, в другом языке как раз выступают в качестве фонематических различий, различий между фонемами. Так, в лезгинском языке (один из

языков Дагестана) лабиализованные и соответствующие нелабиализованные согласные представляют собой отдельные фонемы. Это видно из того факта, что лабиализованные согласные появляются в этом языке не только в условиях аккомодации, т. е. не только перед огубленными гласными, но и в разных других позициях, в частности на конце слова. Во французском языке разными фонемами являются закрытое /e/ и открытое /ɛ/, что ясно видно, например, в таких парах слов, как *fée* /fe/ 'фея' — *fait* /fɛ/ 'факт', *pré* /pre/ 'луг' — *prêt* /prɛ/ 'готовый'. Выбор /e/ или /ɛ/ обусловлен здесь не фонетической позицией, а только тем, какое слово (скажем, «фея» или «факт») выбирает говорящий в зависимости от содержания своей речи.

Очень показательны и другие примеры: когда звуки, представляющиеся нам, носителям русского языка, совершенно разными и даже мало похожими друг на друга, оказываются в каком-то языке лишь вариантами одной фонемы. Так, в корейском языке [r] и [l] — варианты одной фонемы: на конце слова и перед согласным здесь невозможно [r] (ср. в русском *стар* и *стал*, *борт* и *болт*), а между гласными невозможно [l] (ср. в русском *город* и *голод*). В корейском [r] и [l] никогда не появляются в одинаковой фонетической позиции: ср. [alda] 'знать', но [aratta] 'знал'.

§ 52. До сих пор, говоря о вариантах фонемы, мы приводили примеры только о б я з а т е л ь н ы х вариантов. Они называются так потому, что каждый из них в соответствующих фонетических условиях строго обязателен, т. е. при нормальном, естественном для данного языка произношении не может быть заменен другим вариантом той же фонемы. Если, например, говоря по-русски, мы произнесли бы в слове *ужé* «закрытое э» [ẹ], такое произношение было бы воспринято как иностранный акцент. Да и осуществить подобную подмену одного обязательного варианта другим для человека, привычно говорящего на данном языке, оказалось бы делом нелегким: ведь обязательные варианты «выбираются» нами автоматически, непроизвольно, а потому факт их существования, как правило, даже не замечается носителями языка (пока носители языка не столкнутся с нарушением правила выбора вариантов, например в речи иностранца).

Анализ тех условий, в которых появляется каждый обязательный вариант, обычно позволяет выделить среди этих вариантов какой-то один в качестве основного. Таким о с н о в н ы м в а р и а н т о м признается тот, который выступает либо в изолированной позиции (если такая позиция возможна для этой фонемы) [1], либо, во всяком случае, в условиях наименьшей зависимости от окружения (для согласных русского языка перед ударенным /a/). Из двух рассмотренных вариантов русской фонемы /t/ основным является вариант [t] нелабиализованный, именно он выступает, например, в *та*, *так*, *пятак*. Из разных вариантов русской фонемы /e/ основным является

[1] В русском и во многих других языках она возможна для гласных, но есть языки, в которых, например, краткие гласные (являющиеся там отдельными фонемами) встречаются только в сочетании с последующим согласным.

вариант [ɛ] «открытое» (без i-образного начала), так как именно этот вариант выступает при изолированном произнесении (например, в названии буквы *э* и в междометии *э!*). Подчеркнем, что основной вариант фонемы вовсе не обязательно является ее наиболее часто встречающимся вариантом.

Все другие обязательные варианты фонемы, кроме основного, назовем с п е ц и ф и ч е с к и м и: они представляют собой как бы видоизменения основного варианта, обусловленные специфической позицией. Специфические варианты (позиционные в широком смысле) подразделяют на комбинато́рные и позиционные (в узком смысле). Комбинаторные обусловлены воздействием соседних звуков (в приводившихся примерах — аккомодациями разного рода), позиционные в узком смысле — различными другими позиционными видоизменениями артикуляции (влиянием ударения и т. п.). Так, фонема /a/ выступает в русском языке под ударением (не рядом с мягкими согласными) в своем основном варианте, а вне ударения — по меньшей мере в двух позиционных вариантах: [ʌ] в первом предударном слоге *(аршин, балык, затор)* и [ъ] во втором предударном и заударном слоге *(малыши, карусель, бурка)* [1].

Иногда у фонем, помимо тех или иных обязательных вариантов, бывают еще и ф а к у л ь т а т и в н ы е. Так, фонема /r/ в немецком языке может реализоваться в любом положении или как переднеязычное [r], или как язычковое (увулярное) «картавое» [R]. Например, *Bretter* 'до́ски' одними носителями языка произносится как [brˈɛtər], а другими как [bRˈɛtəR].

Между факультативными вариантами фонемы наблюдаются принципиально иные отношения, чем между вариантами обязательными. Различие факультативных вариантов не связано с различием фонетических позиций, с влиянием соседних звуков и т. д., и потому в каждой позиции, в которой возможен данный факультативный вариант, всегда возможен и соотносительный с ним другой. Выбор одного или другого варианта определяется произносительными привычками данного носителя языка (имеющими ту или иную диалектную, социальную, возрастную или иную групповую основу) и в значительной мере оказывается произвольным (нередко связанным с модой, подражанием и т. д.). Во всяком случае в отличие от обязательных вариантов факультативные варианты одной фонемы обычно осознаются носителями языка как несколько разные звуковые качества и по желанию, как правило, без труда воспроизводятся ими. В этом отношении факультативные варианты похожи на самостоятельные фонемы. Но, конечно, они являются не разными фонемами, а всего лишь вариантами одной фонемы, так как они не противопоставляются друг другу как разные различительные единицы. Их акустико-артикуляторное различие остается неиспользованным для дифференциации экспонентов слов или морфем: построенные с их участием параллельные разновидности экспонентов (например, [brˈɛtər]

[1] У русской фонемы /a/ есть и комбинаторные варианты, например вариант [æ] в положении между мягкими согласными: *пять* [p'ˈæt'].

и [bR'ɛtəR]) никак не различаются по значению. Таким образом, соответствующее звуковое различие должно быть квалифицировано для данного языка как фонологически несущественное, нефонематическое, всего лишь «внутрифонемное». Впрочем, оно может получать своего рода стилистическую функцию: скажем, один вариант может восприниматься как официальный (книжный), другой — как разговорный.

Соотношение разных вариантов фонемы показано на рис. 3.

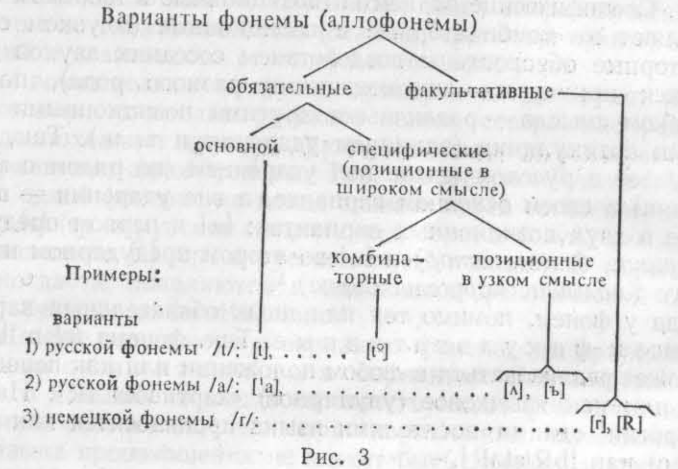

Рис. 3

§ 53. Как обязательные, так и факультативные варианты фонемы представляют собой ф а к т с о о т в е т с т в у ю щ е г о я з ы к а, а не только факт речи. Обязательные варианты регулярно повторяются в определенных фонетических условиях у всех представителей данного языкового коллектива. Эти варианты несомненно входят в состав нормы данного языка, они должны включаться в ее описание и по возможности должны усваиваться иностранцами, изучающими язык. Факультативные варианты представляют собой элементы конкурирующих норм либо (в иных случаях) один из них рассматривается как нормативный, а другой — как отклонение от нормы, типичное для какой-то части языкового коллектива. В обоих случаях факультативные варианты не могут игнорироваться при сколько-нибудь полном описании языка и при его практическом изучении.

Но если не только инвариант, т. е. фонема, но и варианты фонемы — аллофонемы относятся к языку, что же остается на долю речи? На долю речи остаются фоны, т. е. конкретные экземпляры реализации фонемы (и ее вариантов), экземпляры звуков, употребленные в миллионах и миллиардах высказываний тысячами или миллионами носителей соответствующего языка [1].

[1] Именно потому, что варианты фонемы относятся к языку, их правильно обозначать не термином «аллофоны», как бы низводящим их на уровень речи, а термином «аллофонемы», который своим суффиксом подчеркивает принадлежность обозначаемого явления норме языка.

Отношение фонемы, ее аллофонем и соответствующих фонов можно охарактеризовать как отношение класса (множества), входящих в этот класс подклассов (подмножеств) и составляющих эти подклассы отдельных единиц. Но более точной будет другая формулировка: ф о н е м а е с т ь «о б щ е е», е е в а р и а н т ы — «о с о б о е», а е е э к з е м п л я р ы — «о т д е л ь н о е», «е д и н и ч н о е», в к о т о р о м в о п л о щ а е т с я э т о о б щ е е и о с о б о е. Фонема всегда выступает в каком-то одном (том или ином) из своих вариантов, а каждый вариант реализуется в миллионах и миллиардах экземпляров. В нормальной речи каждый произносимый звук (каждый экземпляр звука) есть всегда вместе с тем какой-то вариант (представитель варианта) какой-то определенной фонемы [1].

в) Дистрибуция фонем и их вариантов

§ 54. Дистрибуцией какого-либо элемента языка (фонемы, морфемы, варианта фонемы и т. д.) называют его «распределение» относительно других элементов (в тексте или в составе высших языковых единиц), т. е. с о в о к у п н о с т ь в с е х т е х п о з и ц и й и о к р у ж е н и й, в к о т о р ы х э т о т э л е м е н т в с т р е ч а е т с я в д а н н о м я з ы к е, — в противоположность всем тем позициям и окружениям, в которых он встретиться не может.

Так, фонема /u/ в русском языке обладает максимально широкой дистрибуцией: она возможна в любых фонетических положениях — под ударением *(ду́ма)* и в безударных слогах *(кусок, дурачок, стынут)*, в начале, середине и конце слова *(ухо, оглушить, несу)*, после твердых и мягких согласных *(лук — люк* /l'uk/), перед твердыми и мягкими *(лун — лунь)* и т. д. Можно сказать, что фонема /u/ в русском языке в принципе не знает позиционных ограничений в своем употреблении. Но, например, русская фонема /k'/, встречающаяся перед всеми гласными, кроме /ы/ (*ткёт* /tk'ot/, *кювет* /k'uv'et/, *Кяхта* /k'axta/ и др.), никогда не стоит перед согласными и на конце слова. Фонема /ы/ встречается только после твердых согласных и — в единичных случаях — в начале слова (в названии буквы *ы*, в некоторых именах собственных, например *Ыныкча́нский* — поселок в Якутской АССР), но невозможна после мягких согласных [2].

[1] Исключением являются только: а) звуки, входящие в состав разного рода «мычаний», когда говорящий затрудняется в выборе нужного слова; б) звуки, входящие в состав экспонентов некоторых специфических междометий вроде русск. *тпру*! или *брр*! Звуки такого рода (например, губно-губной дрожащий в приведенных междометиях) представляют собой периферийные явления языка и стоят вне рамок его «фонемного инвентаря».

[2] То, что звук [ы] встречается в русском языке почти только после твердых согласных, побуждает многих лингвистов видеть в нем не отдельную фонему /ы/, а комбинаторный (обусловленный твердостью предшествующего согласного) вариант фонемы /i/. Единичные случаи употребления [ы] в начальной позиции не принимаются при этом во внимание как «лежащие на периферии языковой системы», с чем можно согласиться в отношении редких имен собственных, но вряд ли в отношении названия буквы *ы*: при всеобщей грамотности народа названия букв являются словами, хотя и специфическими, но, безусловно, общенародными.

В английском языке фонема /ŋ/ употребительна в ряде позиций (например, *song* /sɔŋ/ 'песня', *singer* /sʹɪŋə/ 'певец' и др.), но невозможна в начале слова и перед ударным гласным.

§ 55. Определенные типы дистрибуции характерны для разных типов вариантов фонем. Так, обязательные варианты одной фонемы находятся между собой в отношении так называемой н е п е р е с е к а ю щ е й с я (или, иначе, дополнительной) дистрибуции. Эти варианты «делят» между собой все возможные позиции данной фонемы так, что каждая позиция отходит к одному и только одному варианту. В результате зона (область употребления) каждого варианта не пересекается с зоной других вариантов, эти зоны как бы дополняют друг друга, в совокупности покрывая все случаи употребления соответствующей фонемы (отсюда название «дополнительная» дистрибуция).

Именно отношения непересекающейся дистрибуции и определяют невозможность противопоставления обязательных вариантов одной фонемы друг другу: никогда не встречаясь в одинаковой позиции, они не могут быть противопоставлены друг другу в качестве единственных различителей экспонентов двух языковых знаков.

Дистрибуция факультативных вариантов фонемы носит иной характер: зоны их возможного употребления совпадают. Такой тип дистрибуции называют с в о б о д н ы м в а р ь и р о в а н и е м, или неконтрастивным параллелизмом. Впрочем, там, где между факультативными вариантами возникает различие стилистического порядка, следует говорить о своеобразной с т и л и с т и ч е с к о й (стилистически обусловленной) д и с т р и б у ц и и этих вариантов.

г) Итоговое определение фонемы

§ 56. Теперь, после того как мы с разных сторон рассмотрели понятие фонемы, мы можем сформулировать итоговое (в рамках данной книги) определение этого понятия.

Ф о н е м о й н а з ы в а е т с я к р а т ч а й ш а я з в у к о в а я е д и н и ц а д а н н о г о я з ы к а, с п о с о б н а я б ы т ь в н е м е д и н с т в е н н ы м в н е ш н и м р а з л и ч и т е л е м э к с п о н е н т о в м о р ф е м и с л о в.

«Кратчайшая» — значит неделимая на какие-либо более короткие единицы, которые следовали бы друг за другом в линейной последовательности речевой цепи и обладали бы теми же функциональными свойствами, которыми обладает фонема. Слово «единственным» введено в определение потому, что различия обязательных вариантов тоже несут в составе общего облика слова известную информацию, помогающую отличить одно слово от другого, но различия вариантов одной фонемы никогда не могут играть роль единственного различителя экспонентов двух слов (или морфем): если это случается, это значит, что бывшие варианты одной фонемы превратились в разные фонемы. Наконец, «способная быть», а не просто «являющаяся» сказано потому, что не все фонемы встречаются в составе реальных «минимальных пар» (т. е. пар слов данного языка, различающихся одной фонемой) вроде *бор* : *бур*, *вол* : *волк* или *а* (союз) : *у* (предлог), *и* : *ы*

(названия букв) и т. п. Так, для фонем /k/ и /kʹ/ нет в русском языке точной «минимальной пары», но фонематичность их различия безупречно доказывается наличием сочетаний и той и другой фонемы с одними и теми же последующими гласными, ср. *ком* : *ткём*, *кувалда* : *кювет* и т. п. Это значит, что принципиальная возможность возникновения «минимальной пары» для /k/ и /kʹ/ несомненно существует.

5. ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ФОНЕМЫ И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ФОНЕМ

§ 57. Фонемы каждого языка образуют сложную систему противопоставлений (оппозиций). В этой системе «каждая фонема определяется тем, что отличает ее от других фонем того же языка» [1]. Она противопоставлена всем другим, отличается от каждой другой каким-то признаком или рядом признаков. Признаки, обеспечивающие различение фонем, получили название дифференциальных, или дистинктивных, признаков фонемы (сокращенно ДП). Дифференциальные признаки выявляются в противопоставлениях фонем. Например, для русской фонемы /b/ имеем следующий ряд противопоставлений:

/b/:/bʹ/ *(труба : трубя)* противопоставлены как непалатализованный (твердый) : палатализованный (мягкий).
/b/:/p/ *(бас : пас)* — как звонкий : незвонкий (глухой).
/b/:/m/ *(бал : мал)* — как неносовой : носовой и, в более общем плане, как шумный : сонант.
/b/:/v/ *(бас : вас)* — как смычный : щелевой [2].

Рассмотренные противопоставления принадлежат к так называемым б и н а р н ы м (двоичным) оппозициям фонем. В языке есть и иные типы оппозиций, например т е р н а р н ы е (троичные):
/b/:/d/:/g/ *(БАМ:дам:гам)* — оппозиция по активному органу — губной : переднеязычный : заднеязычный.

Далее, во всех языках мира существует г р у п п о в а я оппозиция гласный : согласный, противопоставляющая в каждом языке всю группу гласных всей группе согласных. Эта оппозиция, естественно, охватывает и рассматриваемую нами согласную фонему /b/. Теперь мы можем суммировать дифференциальные признаки фонемы /b/ в русском языке: 1) согласный, 2) губной, 3) смычный, 4) неносовой, 5) шумный, 6) звонкий, 7) непалатализованный.

Для французской фонемы /y/ аналогичным образом мы получим следующий набор дифференциальных признаков: 1) гласный, 2) переднего ряда (в противопоставлении /u/, например *lu* /ly/ 'прочитанный' : *loup* /lu/ 'волк'), 3) огубленный (в противопоставлении /i/, например в *lit* /li/ 'кровать'), 4) узкий (в противопоставлении более широким /ø/ и /œ/), 5) неносовой (в порядке групповой противопо-

[1] *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. 2-е изд. Л., 1939. С. 18.
[2] Кроме того, /b/ и /v/ различаются еще как губно-губной и губно-зубной, но для русского языка этот признак избыточен: в группе русских губных согласных все смычные являются губно-губными, а все щелевые — губно-зубными.

ставленности носовым гласным). Русская фонема /a/ противостоит остальным гласным фонемам как самая открытая, а фонемам /o/ и /u/ еще и как неогубленная.

Работа по выявлению ДП фонем не сводится к простому определению данного звука в терминах анатомо-физиологической классификации. Здесь требуется фонологический анализ. ДП, характеризующие ту или иную фонему, должны быть общими для всех ее вариантов. В этой связи рассмотрим следующие примеры.

В русском языке, как и во многих других языках, одним из важнейших противопоставлений в области согласных является противопоставление звонких и незвонких, например /b/:/p/, /v/:/f/, /d/:/t/, /z/:/s/, /g/:/k/ и т. д. Однако в списке фонем русского языка числятся три фонемы /c/, /č/, /x/, которые не имеют рядом с собой соответствующих звонких. Входит ли незвонкость (глухость) в число ДП этих трех фонем? Можно ли назвать эти фонемы глухими? Думается, что нет. И не потому, что рядом с ними нет прямо противопоставленных им звонких. А только потому, что все три фонемы имеют в числе своих комбинаторных вариантов также и звонкие варианты, которые появляются перед следующим звонким по законам предвосхищающей ассимиляции. Таковы первое /c/ в *эрцгерцог*, /c/ в *отец Бори*, /č/ в *прилечь бы*, /x/ в *не грех бы* или в *бухгалтер* (при медленном четком произношении) [1]. Очевидно, как «глухие» могут быть охарактеризованы не сами фонемы /c/, /č/, /x/, а только их основные варианты. Фонемы же эти следует трактовать как стоящие вне оппозиции звонкость : незвонкость, как безразличные к данному противопоставлению.

С другой стороны, хотя рядом с русским /g/ нет соответствующей носовой фонемы (ср. /ŋ/ в англ. *thing* или нем. *Ding* 'вещь'), в число ДП русской фонемы /g/ необходимо включить признак «неносовая». Ведь среди вариантов русского /g/ нет носового варианта, и, следовательно, эта фонема не может быть реализована как носовой согласный. В данном случае мы имеем дело с групповой оппозицией: группа взрывных шумных как целое противопоставлена группе носовых сонантов.

§ 58. Дифференциальный признак фонемы — самая «нижняя», предельная единица, выделяемая лингвистическим анализом в многоярусной структуре плана выражения языка. Дифференциальные признаки одной фонемы не располагаются один за другим в линейной последовательности (т. е. во времени), а реализуются в принципе одновременно. Тем самым по отношению к своим дифференциальным признакам фонема представляет собой как бы аккорд — комбинацию нескольких нот, взятых одновременно на музыкальном инструменте. Впрочем, как показывают экспериментальные исследования, одновременность реализации отдельных ДП одной фонемы довольно относительна: некоторые признаки согласной фонемы объективно реализуются «на участке» соседней гласной фонемы, и наоборот (что отчет-

[1] В произношении разговорного стиля двухфонемная последовательность /xg/ реализуется в этом слове в одном звуке [γ]. Подобные «стяжения» сочетаний фонем наблюдаются и в других случаях.

ливо видно на спектрограммах). Важно, однако, подчеркнуть, что все подобные «перекрывания признаков» не разрушают функциональной целостности фонемы.

Звуковая реализация фонемы, как мы видели, может варьироваться очень значительно (ср. в § 51 пример корейских [l] и [r], представляющих собой варианты одной фонемы). Но границы этого звукового варьирования определяются сохранением набора ДП, противопоставляющего данную фонему всем другим фонемам того же языка (так, корейская фонема $\left/\frac{l}{r}\right/$ противостоит другим сонантам — /m/, /n/, /ŋ/ — как неносовой сонант). Вместе с тем постоянство дифференциальных признаков фонемы следует понимать не узкофонетически, а фонологически: один и тот же ДП в разных фонемах одного языка может реализоваться с акустической и артикуляторной точек зрения неодинаково. Так, в русском языке ДП мягкости проявляется у смычных переднеязычных как легкая аффрицированность конца согласного, тогда как у других мягких смычных ничего подобного не наблюдается.

Так же, как инвентарь фонем, инвентарь ДП является специфическим для каждого языка, хотя в последнее время предпринимаются попытки разработать универсальную систему ДП фонем, пригодную для всех языков мира [1].

§ 59. Оппозиции фонем могут классифицироваться по различным признакам, в частности по количеству членов. Выше уже упоминались бинарные и тернарные оппозиции. Оппозиции с бо́льшим числом членов встречаются реже.

Далее оппозиции могут быть пропорциональными или изолированными. Оппозиция называется пропорциональной, если отношение между ее членами пропорционально отношению между членами другой или других оппозиций в рамках данного языка, т. е. если это отношение повторяется в других оппозициях. Так, в системе фонем русского языка отношение /b/:/b'/, т. е. непалатализованный : палатализованный, повторяется в парах /p/:/p'/, /v/:/v'/, /f/:/f'/, /d/:/d'/ и т. д.; отношение /b/:/p/ повторяется в парах /v/:/f/, /d/:/t/, /b'/:/p'/ и т. д.; отношение /b/:/d/:/g/ повторяется в тройках /p/:/t/:/k/, /b'/:/d'/:/g'/ и т. д. В системе гласных фонем французского языка отношение носовой : неносовой повторяется в четырех парах. Таким образом, можно составить соответствующие пропорции, например /b/:/p/=/d/:/t/. . . или /ã/:/a/=/ɔ̃/:/ɔ/... Пропорциональные оппозиции фонем являются очень важными во всех языках. Там, где пропорциональности не наблюдается, оппозиция оказывается изолированной, например в немецком языке /l/:/r/, т. е. боковой : дрожащий (*leise* 'тихо' : *Reise* 'поездка'). Но в русском языке оппозиция /l/:/r/ не будет изолированной, так как ей пропорциональна оппозиция /l'/:/r'/ *(солю : сорю)*.

[1] Наиболее известна универсальная система ДП, разработанная Р. Якобсоном, Г. Фантом и М. Халле (см. раздел «Дихотомическая фонология») // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 139—388.

Пропорциональные оппозиции приводят к групповой противопоставленности фонем (все звонкие — всем глухим и т. п.), но есть групповые оппозиции, не сводимые к серии пропорциональных (например, групповая оппозиция гласные : согласные).

Важным является также подразделение оппозиций на чистые (простые) и смешанные (сложные). В чистых оппозициях противопоставляемые члены различаются между собой по какому-то одному признаку, как в большинстве приведенных до сих пор примеров. Но в системе фонем каждого языка любая фонема противопоставлена всем остальным. Поэтому обязательно имеют место (а количественные даже преобладают) смешанные оппозиции, в которых противопоставляемые фонемы различаются сразу несколькими ДП. Примером смешанной оппозиции может служить /b/:/s′/ в русском языке *(Люба : Люся)*, где имеем различие и в активном органе (губной : переднеязычный), и в характере преграды (смычный : щелевой), и в работе голосовых связок (звонкий : незвонкий), и в отсутствии/наличии палатализации.

6. ЧЕРЕДОВАНИЯ. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМНЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

§ 60. Фонемы, как мы уже знаем, функционируют в качестве различительных единиц в составе экспонентов знаков, прежде всего экспонентов морфем. Но из этого вовсе не следует, будто экспонент каждой морфемы всегда, во всех случаях ее употребления, состоит из одних и тех же фонем. Напротив, во многих языках экспоненты большинства морфем обладают переменным фонемным составом, ср. корень в русских словах *рук-а* и *в-руч-ить*, или приставку в *над-резан* и *надо-рван*, или суффикс в *молот-ок* и *молот-к-а*, или окончание в *сад-ы* и *луч-и*. Еще более изменчивым, чем фонемный состав экспонента, оказывается его аллофонемный состав, так как составляющие этот экспонент фонемы в свою очередь выступают в разных вариантах. Так, в приставке *над* после /n/ выступает то [ˈa] (в *надпись*), то [ʌ] (в *надрез*), то [ъ] (в *надрывать*) в зависимости от места ударения. Все подобные взаимные замены фонем (или вариантов фонем) в составе экспонентов морфем, включая и замены фонем нулем (отсутствием) звука, как в приставке *над- (надо-)* или суффиксе *-ок-(-к-)*, называются чередованиями, или альтернациями. Участвующие в чередованиях, т. е. чередующиеся, «звуковые величины» (фонемы, варианты одной фонемы, иногда сочетания фонем, как в *искать — ищу*, а также и нуль звука) называют альтерна́нтами.

Обычно чередования оказываются так или иначе связанными с грамматическими явлениями, а некоторые даже получают прямые грамматические функции. Поэтому изучение чередований включают в состав морфоноло́гии — особой области лингвистического исследования, пограничной между фонологией и грамматикой. Но грамматическое использование чередований мы рассмотрим ниже (§ 161—162). А здесь мы подойдем к ним с фонологических позиций.

а) Нейтрализация фонемных противопоставлений

§ 61. Нейтрализацией в науке о языке называют наблюдаемое в тех или иных условиях «снятие», неиспользование того или иного противопоставления. Понятие нейтрализации применяется в разных областях языковедения, но сейчас нас будет интересовать нейтрализация фонологических и, еще у́же, фонемных противопоставлений. Рассмотрим ряд примеров.

Как известно, в русском языке важную роль играет противопоставление согласных шумных фонем по дифференциальному признаку звонкость : незвонкость. Но осуществляется оно не во всякой позиции. Не на конце слова оно имеет место перед гласным *(зала : сало)*, перед сонантом *(злой : слой)* и перед /v/, /v′/ *(звал : свалка, зверь : сверь)*. Все эти позиции называются по отношению к данному противопоставлению позициями максимального различения фонем (или, образно, сильными). В других позициях, а именно перед следующим шумным и на конце слова, противопоставление звонкий : незвонкий не может быть использовано, так как в этих позициях «выбор» звонкого или глухого согласного определяется автоматически: 1) перед звонким (кроме /v/, /v′/) возможен по законам ассимиляции только звонкий (например, в *сбруя* [zᵒbᵒrᵒˈujъ], *здоров, ни зги*); 2) перед глухим — соответственно только глухой *(спор, сто, скала)*; 3) на конце слова перед паузой (а по аналогии и перед гласным и сонантом следующего слова) — только глухой *(нас)* [1]. Эти три позиции являются для рассматриваемого противопоставления позициями нейтрализации (или слабыми).

Слабые позиции могут быть изолированными, т. е. не соотносимыми в экспонентах тех же морфем с сильными позициями, или же, напротив, соотносительными, т. е. соотносимыми по чередованию с сильными позициями. Примерами изолированных слабых позиций могут служить все примеры, приведенные выше в п. 1—3 [2]. Приведем примеры соотносительных слабых позиций: 4) перед следующим звонким (кроме /v/, /v′/) — приставки *с-*, *вз-*: *сбрить* [zbr′ˈit′], *взбрело*; 5) перед следующим глухим — те же приставки в *сплавить*, *вспахать* [fspʌxˈat′]; 6) на конце слова — *гас* и *газ* [gˈas] [3]. Ср. соответствующие сильные позиции: для 4—5 — *срыть*, *взрастить*; для 6 — *гаснуть*, *газы*.

Приведем важнейшие истолкования явления нейтрализации, предложенные в науке.

Н. С. Трубецкой (1890—1938) — первый ученый, выдвинувший понятие нейтрализации, рассуждал следующим образом. Поскольку

[1] Но если следующее слово не отделено паузой и начинается звонким шумным, на конце вместо глухого появляется звонкий: ср. [z] в *нас двое*, [ž] в *ешь грибы*! В этих случаях мы имеем отмеченную в п. 1 нейтрализацию перед звонким.

[2] В примерах п. 3 слабая позиция соотносительна с другой слабой (ср. предыдущее примечание), но не соотносительна ни с какой сильной и потому считается изолированной.

[3] И соответственно [gˈaz] в *не погас бы*.

в позиции нейтрализации соответствующее противопоставление фонем «снимается», т. е. исчезает, применительно к этой позиции, собственно, уже нельзя и говорить о фонеме. В позиции нейтрализации выступает, по мнению Трубецкого, не фонема, а некая высшая по отношению к фонеме фонологическая единица, которую он называл «архифонемой» и определял как совокупность «релевантных» (или, как мы теперь говорим, дифференциальных) признаков, общих для двух «нейтрализовавшихся фонем». По этой теории как звук [s] (и [s°]) в примерах пп. 2, 3, 5 и 6, так и звук [z] (и [z°]) в примерах пп. 1, 4 (и в примере *нас двое* из сноски 1 на с. 59) представляют собой лишь разные реализации одной и той же архифонемы — «свистящей согласной вообще», фонологически безразличной к противопоставлению звонкость : незвонкость. Реализуется эта архифонема в каждом конкретном случае неизбежно либо глухим, либо звонким свистящим согласным, но сама архифонема как таковая безразлична к признаку звонкости/незвонкости.

Представители московской фонологической школы, например А. А. Реформатский (1900—1978), считают, что высшая по отношению к фонеме единица (в отличие от Трубецкого они ее называют «гиперфонемой») появляется лишь в изолированной слабой позиции, т. е. в примерах, подобных приведенным в пп. 1—3. В соотносительной же слабой позиции, т. е. в таких случаях, какие приведены в пп. 4—6, выступает не гиперфонема, а та или иная вполне определенная фонема, которая, однако, не может быть опознана непосредственно на слух. Опознавание фонем осуществляется, по этой теории, только в сильной позиции, в слабой же позиции, соотносительной с сильной, стоит та же самая фонема, которая опознается на слух в соответствующей сильной. Поэтому приставка *с-* во всех случаях содержит фонему /s/ — не только в *срыть*, но и в *сплавить* и *сбрить*, а приставка *вз-* во всех случаях содержит фонему /z/ — не только в таких случаях, как *взрастить*, но и в таких, как *взбрести* и *вспахать*. Аналогичным образом корень глагола *гаснуть* во всех случаях содержит фонему /s/, в том числе и в *не погас бы*, а корень существительного *газ* — фонему /z/, в том числе и в форме *газ*, независимо от того, что следует за этой формой в потоке речи.

Школа Л. В. Щербы, а также и некоторые современные зарубежные фонологи, например чешский языковед Б. Трнка (1895—1984), понимают нейтрализацию не как замену «нейтрализующихся фонем» архифонемой или гиперфонемой и не как утрату опознаваемости фонем, а лишь как отсутствие использования определенных противопоставлений фонем в определенных позициях. Нейтрализация фонемных противопоставлений есть прямое следствие п о з и ц и о н н ы х о г р а н и ч е н и й, наблюдаемых в дистрибуции фонем (§ 54). Ясно, что в позициях, в которых определенные фонемы не встречаются, не могут реализоваться и соответствующие противопоставления фонем. Однако член противопоставления, оказавшийся в данной позиции одиноким, «без партнера», не теряет дифференциальных признаков, присущих ему в других (сильных) позициях; это значит, что с точки зрения системы в целом он остается противопоставленным

своему партнеру, пусть невозможному в слабой позиции. Тем самым он не утрачивает в позиции нейтрализации ни статуса фонемы, ни своей непосредственной (на слух) опознаваемости.

Приняв это положение, мы должны будем признать, что в примерах п. 1 *(сбруя, здоров, ни зги)* выступает фонема /z/, а в примерах пп. 2 и 3 *(спор, сто, скала, нас)* — фонема /s/. В соотносительных слабых позициях тоже выступают те фонемы, которые мы там опознаем на слух. В случае несовпадения этих фонем с фонемами в соответствующих сильных позициях представители школы Л. В. Щербы говорят о ч е р е д о в а н и и ф о н е м. Так, в примерах п. 4 *(сбрить, взбрело)* имеем фонему /z/, в примерах пп. 5 и 6 *(сплавить, вспахать, гас, газ)* — фонему /s/, причем в приставке *с-* фонема /s/ в *срыть, сплавить* чередуется с фонемой /z/ в *сбрить*, а в приставке *вз-* сочетание фонем /vz/ в глаголах *взрастить, взбрело* чередуется с сочетанием фонем /fs/ в глаголе *вспахать*. В корне *гас-* имеем фонему /s/, которая, как и /s/ в *нас*, может в соответствующих условиях чередоваться с фонемой /z/ в *не погас бы* и *нас двое* (произнесенными без паузы); а в корне *газ-* выступает в косвенных падежах, во множественном числе и в производных фонема /z/ *(газа, газы, газовый)*, которая в им. и вин. ед. ч. чередуется с фонемой /s/ *(газ)*, кроме случаев типа *газ дали!* (если это произнесено без паузы).

§ 62. Теперь рассмотрим другой пример нейтрализации, представляющий некоторую особенность. Противопоставление гласных фонем /a/ : /o/ осуществляется в русском языке в ударном слоге *(вал : вол, кашку : кошку)*, который, таким образом, квалифицируется как сильная позиция для этого противопоставления. Позицией нейтрализации для противопоставления /a/ : /o/ является безударный слог [1], где выступают гласные, фонетически заметно отличающиеся и от [ˈa] и от [ˈᵘɔ] (т. е. от ударных /a/ и /o/), но чередующиеся, в случае соотносительной слабой позиции, в одних морфемах с [ˈa], в других — с [ˈᵘɔ] сильной позиции. Ср. [vʌlˈы] — *валы* (в чередовании с *вал*) и *волы* (в чередовании с *вол*), или *маховик* и *моховик* (гриб) — оба с [ъ] в начальном слоге (в чередовании соответственно с *мах, машет* и с *мох*), или *нелепа* и *нелепо* — оба с [ъ] на конце (в чередовании соответственно с *-а* в *смешна* и с *-о* в *смешно*). Те же гласные ([ʌ] в первом предударном, [ъ] в остальных безударных слогах) имеем и в изолированной слабой позиции, например в начальных слогах слов *баран, горох, барабан, молоко*.

По теории Н. С. Трубецкого следовало бы сказать, что во всех перечисленных случаях слабых позиций выступает архифонема (ее можно определить как «гласный непереднего ряда неверхнего подъема, безразличный к признаку огубленности/неогубленности»), которая реализуется звуками [ʌ] и [ъ], не совпадающими ни с одной из «нейтрализовавшихся фонем».

По теории московской фонологической школы в первом слоге

[1] За исключением ряда неударенных в предложении односложных слов (например, союзов *но, то — то*), в которых фонема /o/ противопоставляется фонеме /a/ других слов (например, предлога *на*, местоимения *та*).

слов *баран*, *горох*, *барабан*, *молоко* имеем гиперфонему $\left|\frac{о}{а}\right|$, в первом слоге слов *валы*, *маховик* и на конце слова *нелепа* — фонему /а/, в первом слоге слов *волы*, *моховик* и на конце слова *нелепо* — фонему /о/.

С точки зрения школы Л. В. Щербы звук [ʌ] (и звук [ъ]) не может быть в одних случаях вариантом одной, а в других случаях — вариантом другой фонемы, так как это противоречило бы положению о различимости (опознаваемости) фонем не только в сильной, но и в любой позиции (в произношении полного стиля, см. § 25) [1]. Звук [ʌ] (равным образом и звук [ъ]) должен быть везде, где он встречается, в а р и а н т о м к а к о й - т о о д н о й ф о н е м ы. Остается определить, какой именно. В данном случае слухового впечатления недостаточно, поскольку [ʌ] (а тем более [ъ]) заметно отличается на слух и от [ˈа] и от [ˈ^{u}ɔ]. Здесь нужен специальный фонологический анализ — учет дифференциальных признаков, существенных в противопоставлении /а/ : /о/. Мы знаем, что одним из ДП фонемы /о/ является огубленность, а одним из ДП фонемы /а/ — неогубленность. Поскольку звуки [ʌ] и [ъ] не обладают признаком огубленности, их естественно отнести к фонеме /а/. Таким образом, в рассмотренных примерах выступает фонема /а/, состоящая в некоторых из этих примеров *(волы, моховик, нелепо)* в чередовании с фонемой /о/.

§ 63. Разумеется, правила нейтрализации фонемных противопоставлений являются разными в разных языках (и даже в диалектах одного языка). Например, противопоставление звонких и глухих согласных нейтрализуется на конце слова в русском, чешском, польском, болгарском, немецком и в ряде других языков, но не подвергается нейтрализации в таком же положении в украинском, английском, шведском, французском. Разными являются в перечисленных языках также правила нейтрализации этого противопоставления внутри слова. Нейтрализация противопоставления /о/ : /а/ в безударном слоге характерна для русского и белорусского, но чужда украинскому, как и вообще большинству языков, различающих /о/ и /а/. Даже многие говоры русского языка (так называемые окающие) не знают этой нейтрализации.

б) Фонологическая типология чередований

§ 64. Чтобы лучше разобраться в различных типах чередований, рассмотрим некоторые чередования, представленные в корне русского слова *погода* и в его производных, записав последний слог сравниваемых форм в аллофонемной транскрипции:

[1] Лишь в небрежном произношении беглого разговорного стиля порой наблюдается такое сближение звучания разных фонем, которое ведет к их полному неразличению в одних и тех же позициях (например, это возможно в словах *домовой* и *дымовой*). Здесь уместно привести аналогию из области письма: в небрежной скорописи мы нередко наблюдаем полное совпадение начертания двух и даже нескольких разных букв. Мы говорим в этих случаях о «неразборчивом почерке». Но в тщательном каллиграфическом, как и в печатном, исполнении каждая буква обязательно отличается от всех других букв той же системы письма.

(1) *погода* [ˈ...dъ] — *погоду* [ˈ...d°u]
(2) —»— —»— — *погодка* [ˈ...tkъ]
(3) *погоды* [ˈ...dы] — *погожий* [ˈ...žыj] или [ˈ...žыį̯].

Попробуем ответить на два вопроса: а) чем обусловлено чередование в каждой взятой нами паре, т. е. в чем его причина? и б) какие именно единицы — разные фонемы или варианты одной фонемы — выступают в качестве альтернантов?

Ясно, что в первой паре чередование обусловлено только фонетическим положением данного звука. При этом каждый из двух альтернантов здесь строго обязателен в соответствующей фонетической позиции, т. е. при нормальном, естественном произношении не может быть замещен в этой позиции противоположным альтернантом: не только [d°] в *погоду* нельзя без насилия над произносительными привычками заменить на [d], но и [d] в *погода* столь же невозможно заменить на [d°]. Оба альтернанта являются здесь, вне всякого сомнения, аллофонемами одной фонемы, ее обязательными вариантами, состоящими между собой в отношениях дополнительной дистрибуции. В итоге рассматриваемое чередование мы должны квалифицировать как ф о н е т и ч е с к и о б у с л о в л е н н о е а л л о ф о н е м н о е ч е р е д о в а н и е. Такие чередования мы будем обозначать знаком ~ (знак фонетически обусловленного чередования) [1] и записывать в фонетической, аллофонемной транскрипции. Следовательно, [d~d°] читай: «чередование [d] с [d°] или [d] чередуется с [d°]», в более общей формулировке, охватывающей все подобные случаи (*труба — трубу*, *луга — на лугу*, *глаза — в глазу* и тысячи других): «неогубленный ~ огубленный вариант одной и той же согласной фонемы». Поскольку взаимная замена звуков оказывается здесь внутрифонемной, многие лингвисты говорят в этих случаях не о «чередовании», а всего лишь о «модификации фонемы».

Диаметрально противоположен рассмотренному сейчас типу тот, который представлен третьей парой *погоды — погожий*. Здесь чередование никак не может быть обусловлено фонетическим положением, так как фонетическое положение у обоих альтернантов одинаково: в заударном слоге перед гласным [ы]. Если мы произносим в одном слове [dы], а в другом [žы], то вовсе не потому, что этого якобы требует «фонетический механизм» русского произношения («навязывающий» нам, скажем, огубленность согласного в сочетании [d°u]), а только потому, что данные словоформы принято произносить так, а не иначе, потому что такова исторически сложившаяся традиция, таков состав «звуковых оболочек» этих словоформ. Следовательно, здесь чередование не является фонетически обусловленным с точки зрения отношений современного языка, напротив, оно оказывается (в рамках этих отношений) фонетически необъяснимым, чисто традиционным. Такие, как их называют, и с т о р и ч е с к и е ч е р е д о в а н и я (где «исторические» значит ‘унаследованные от прошлых

[1] Многими авторами этот знак используется для всех типов чередований. Применяются и другие знаки, например //.

эпох в истории языка')[1] мы условимся обозначать знаком ∞. Альтернанты, участвующие в историческом чередовании, естественно представляют собой разные фонемы. Поэтому запишем так: /d∞ž/.

В нашей второй паре (*погода — погодка*) представлен особый тип чередований, промежуточный между двумя рассмотренными. В этой паре мы имеем чередование, обусловленное нейтрализацией фонемного противопоставления звонкий : незвонкий. Поскольку замена звонкого глухим перед последующим глухим вызвана фонетической причиной, мы можем говорить о фонетической обусловленности данного чередования. Вместе с тем, в отличие от аллофонемных чередований, здесь фонетически обусловлен не каждый альтернант, а только один из них — тот, который стоит в слабой позиции. Только он незаменим в данной позиции (без насилия над естественным произношением) противоположным альтернантом. Другой же альтернант, выступающий в сильной позиции, не является фонетически незаменимым. Существование в русском языке слов вроде *охота* показывает, что в *погода* мы произносим звонкий не в силу фонетической необходимости, а по традиции.

Фонологический статус альтернантов в чередованиях типа *погода — погодка* разные фонологи определяют по-разному, соответственно разному подходу к явлению нейтрализации. С точки зрения Трубецкого здесь следовало бы говорить о чередовании фонемы с архифонемой[2]. С точки зрения московской фонологической школы речь идет, как и в первом случае, всего лишь о «модификации фонемы» (в *погода* и *погодка* одна и та же фонема /d/, только основной ее вид заменен позиционным вариантом). При такой трактовке стирается различие (как мы сейчас видели, довольно важное) между чередованиями типа *погода — погоду* и типа *погода — погодка*. И те и другие рассматриваются как фонологически несущественные «позиционные изменения звуков». Подлинными чередованиями признается только один тип, представленный в наших примерах парой *погоды — погожий*. С точки зрения школы Л. В. Щербы в *погода — погодка* перед нами чередование фонем, но только особое, как говорят представители этой школы, живое чередование фонем. Определение «живое» противопоставляет чередования типа *погода — погодка* историческим чередованиям и указывает на связь чередований, обусловленных нейтрализацией, с живыми, действующими в данную эпоху фонетическими закономерностями. Эта последняя трактовка представляется нам наиболее правильной. Записывать живые чередования фонемы мы будем, следовательно, в фонематической транскрипции, но с применением знака ∼. Итак, /d ∼ t/ или в более общей формулировке: «звонкая фонема ∼ соответствующая

[1] В конечном счете все исторические чередования имели в близком или далеком прошлом ту или иную фонетическую причину, но затем эта причина перестала действовать как живая закономерность в механизме произношения данного языка, оставив лишь свой след в его словах и формах.

[2] Мы говорим «следовало бы», так как сам Трубецкой подобного вывода не сформулировал.

глухая фонема» (ср. еще: *рыба — рыбка* /rˈыpka/, *глаза — глазки* /glˈask'i/ и т. д.).

§ 65. Рассмотрим вопрос о предсказуемости альтернантов (о возможности, зная один из них, предвидеть другой), иначе говоря, о направленности чередования.

Аллофонемные чередования характеризуются взаимной предсказуемостью альтернантов. Зная правила дистрибуции обязательных вариантов соответствующей фонемы, мы можем по любому альтернанту предсказать любой другой. Поэтому в аллофонемных чередованиях по существу нет определенной направленности. Все же мы условимся записывать их, отправляясь от основного варианта фонемы, ставя его налево, т. е. [d∼d°].

Живые чередования фонем характеризуются четкой односторонней предсказуемостью от сильной позиции к слабой, т. е. от традиционного альтернанта к фонетически обусловленному. Зная форму *погода*, каждый без труда образует уменьшительную форму *погодка* с /t/ перед /k/, так как появление глухого диктуется здесь общим правилом. Если же иностранец, еще не встречавший слова *погода*, услышит форму *погодка*, он не будет знать, как звучит исходная форма — «погода» или «погота». Таким образом, чередование является здесь «однонаправленным» и его следует записывать только так, чтобы сильная позиция была первой: /d ∼ t/ (или в более общей форме — «звонкий ∼ глухой»).

Бывает, что в языке представлены два разных живых чередования фонем с одинаковым составом альтернантов, но с противоположной направленностью. Так, в русском языке кроме рассмотренного сейчас чередования звонкий ∼ глухой согласный есть и противоположное чередование глухой ∼ звонкий перед звонким. Оно отмечается, в частности, в префиксах *с-*, *от-*, в предлогах *с*, *от*, *к* и на конце корня перед суффиксом *-б-*. Ср.:

срыть — сбрить /zbr'ˈit'/	*с ольхи — с дуба* /zdˈuba/
отмел — отбрссил /adbrˈos'il/	*от моря — от гор* /adgˈor/
к лету — к зиме /gz'im'ˈe/	*косить — косьба* /kaz'bˈa/

Здесь в сильной позиции стоит глухой альтернант, и это чередование мы запишем так: /s ∼ z/, /t ∼ d/, /k ∼ g/.

В исторических чередованиях фонем направленность чередования часто зависит от морфологических закономерностей, но иногда вообще не приходится говорить о предсказуемости какого-либо из альтернантов по другому (ср., например, историческое чередование /k ∞ č/ в *драка — драчливый* и отсутствие этого чередования в *крик — крикливый* и в *удача — удачливый*).

§ 66. В большом числе случаев разные типы чередований переплетаются и наслаиваются друг на друга. Так, аллофонемные чередования наслаиваются на живые чередования фонем, например чередование [ʌ ∼ ъ] — на чередование /ˈo ∼ a/ (ср. *вол — волы — волопас*). Живые же чередования фонем в свою очередь накладываются на исторические. Так, в ряду *книга — книжный* (и *книжек*) — *книжка*

мы имеем сложное, двухступенчатое чередование фонем, которое можно записать следующим образом:

книга → книжный, книжек → книжка

(стрелки указывают направленность чередования) или /g ∞ (ž ∼ š)/. Если из рассматриваемого ряда «выхватить» только формы *книга* и *книжка*, получится чередование /g/ с /š/, которое окажется и историческим (как чередование заднеязычного смычного с шипящим), и живым (как чередование звонкого с глухим).

§ 67. Близость аллофонемных и живых фонемных чередований ярко проявляется в тех случаях, когда те и другие вызываются тождественной фонетической причиной. Так, рядом с приведенными выше примерами типа *срыть — сбрить* или *к лету — к зиме*, в которых чередование глухого согласного с соответствующим звонким является живым чередованием фонем /s ∼ z/, /k ∼ g/ и т. д., стоят чередования глухих и звонких вариантов одной фонемы в *прилечь ли — прилечь бы* и т. д. (см. § 57).

Близость живых чередований фонем и исторических чередований проявляется в способности тех и других распространяться по аналогии. Так, историческое чередование /o ∞ a/, представленное в глаголах типа *отбросит — отбрасывает*, *замолит — замаливает*, распространяется на глаголы, в которых его раньше не было, и рядом с *обусловит — обусловливает* появляется *обуславливает*, рядом со старыми *оспорит — оспоривает*, *удостоит — удостоивает* уже более обычными стали *оспаривает*, *удостаивает*. Но сходным образом распространяется и живое чередование фонем /o ∼ a/, а именно — за счет появления /o/ там, где раньше его не было. Ср. просторечное *плотит*, *уплоченный* от *платить* по аналогии с *ходит*, *хоженый* — *ходить* /xad'ˈit'/ и т. д. или *пóльта*, просторечное мн. ч. от *пальто* по аналогии с *окна — окно* /aknˈo/, *копья — копье* /kap'jˈo/ и т. д.

7. СЛОГ

§ 68. Членение речевого потока на слоги наблюдается во всех языках мира. Слог везде выступает как м и н и м а л ь н а я п р о и з н о с и т е л ь н а я (а р т и к у л я ц и о н н а я) е д и н и ц а р е ч и. Он может состоять либо из одного звука, либо из нескольких звуков, соседствующих в речевой цепи и определенным образом объединенных в некое неделимое (с произносительной точки зрения) целое.

Чаще всего вершину, или я д р о, слога образует тот или иной гласный звук, а на п е р и ф е р и и слога располагаются согласные. Ср. *пря-ник* (дефисом мы обозначаем слогораздел), *до-мик*, *ра-злучить* [1]. Нередко слог состоит из одного гласного (т. е. периферия оказывается нулевой). Вместе с тем возможны слоги, вообще не со-

---

[1] Вопрос о месте слогораздела следует отличать от орфографического вопроса о правилах переноса в другую строку неуместившейся части слова. Правила переноса (разные в письме разных языков) лишь в части случаев опираются на правила слогоделения.

держащие гласного звука. В русском языке такие слоги сплошь да рядом встречаются в беглом разговорном стиле произношения, например в словах *полочка* (если его произнести без второго гласного, т. е. [pᵒˈᵘɔ-l̥-čkъ]), *Ивановна* (в произношении [i-vˈa-n̥-nъ]) и т. д. В этих слогах ядро составляют слогообразующие или слоговые сонанты. Реже встречаются слогообразующие шумные, например [s̥] в русском междометии *тсс!* Есть языки, в которых слогообразующие сонанты — нормальное явление в любых разрядах слов и в любом стиле произношения. Так, в чешском есть слоговое [r̥], например в *prst* 'палец', в двусложных (с ударением на первом слоге) *vrba* 'верба', *Brno* 'город Брно', слоговое [l̥] в *vlk* 'волк'; в сербскохорватском слоговое [r̥] в *prt* 'мыс'.

С другой стороны, слог может содержать в себе два гласных, как в нем. *Maus* 'мышь', и даже три, как во вьетнам. *ngoài* 'снаружи'. В этих случаях один гласный (в наших примерах [a]) составляет ядро слога, а другой или другие — его периферию. «Периферийные» гласные называют неслоговыми: [u̯], [i̯] и т. д.

Как видим, наличие противопоставления гласные : согласные еще не дает ключа к пониманию природы слога. Если мы, однако, учтем и некоторые другие противопоставления, все звуки выстроятся у нас в следующий ряд (шкалу звучности, или сонорности): широкие — средние — узкие гласные — сонанты — звонкие щелевые — звонкие смычные — глухие щелевые и смычные. От начала этой шкалы к ее концу постепенно уменьшается типичность, а затем и сама возможность использования звуков в качестве ядра слога и постепенно возрастает типичность их использования в качестве периферии.

§ 69. Изложенное положение дел послужило базой так называемой с о н о р н о й т е о р и и с л о г а, по которой в слоге звук относительно большей сонорности составляет ядро, а звуки меньшей сонорности — периферию. Эта теория широко распространена, но она не решает вопроса о месте слогораздела, а также не может объяснить таких, например, случаев, как *мхи*, *Мга*, *лжет*, *рдеть* (в каждом из этих слов один слог, но два «пика звучности» — на начальном сонанте и на гласном).

Другая теория слога — т е о р и я м у с к у л ь н о г о н а п р я ж е н и я — в советском языковедении была наиболее полно развита Л. В. Щербой. Известно, что общее мускульное напряжение речевого аппарата («разлитая напряженность») характеризует гласные в отличие от согласных, а среди согласных свойственна сонантам в большей мере, чем шумным. Вместе с тем степень мускульного напряжения может существенно изменяться в пределах произнесения одного звука и, в частности, в пределах согласного, с чем и связано более тесное примыкание согласных и групп согласных либо к последующему, либо к предшествующему гласному. В свете теории Щербы слог рассматривается как отрезок звучания, произносимый одним импульсом мускульного напряжения произносительного аппарата. Именно единством импульса и объясняется неделимость слога с произносительной точки зрения.

Итак, слоговая структура речи основана на своего рода пуль-

сации, на сменяющих друг друга моментах нарастания и спада мускульного напряжения, причем чаще всего параллельно происходят также нарастание и спад звучности. Тем самым слог несет очень важную функцию, связанную с организацией звуковой материи языка. Подчеркнем, что каждый язык имеет свои типичные модели слога и характерные ограничения на употребление тех или иных звуков в определенных позициях в слоге. Так, во многих языках, например в финском (кроме заимствований новейшего времени), слог никогда не начинается группой согласных.

§ 70. В языках типа русского, английского или французского слоговые границы в слове 1) не связаны с его смысловым членением на морфемы и 2) являются подвижными при образовании грамматических форм. Ср. *дом*, но *дома*, *дому* и т. д.— /m/ отошло к следующему слогу, корень слова оказался «разорванным» между двумя слогами, а в рамках второго слога оказались соединенными окончание и часть корня. Даже служебные слова, в частности предлоги, ведут себя в рамках сочетания со знаменательным словом точно так же, как морфемы внутри слова: *от окна* произносится /a-ta-knˈa/. Знаменательные слова в русском тексте несколько чаще (но также не всегда) отделяются друг от друга слоговыми границами. Во французском языке слогоразделы не связаны даже с границами между самостоятельными знаменательными словами, ср. *notre aventure* /nɔ-tra-vɑ̃:-tˈy:r/ 'наше приключение', *tout est encore là* /tu-tɛ-tɑ̃:-kɔr-lˈa/ 'все находится еще там'.

Есть, однако, языки, в которых слог является устойчивым звуковым образованием, не изменяющим в потоке речи ни своего состава, ни своих границ. Такие языки — китайский, бирманский, вьетнамский и некоторые другие — называют слоговыми, или языками слогового строя. Например, бирман. /liŋ/ 'муж' при присоединении морфемы со значением дат. падежа -/a/ не «отдает» свой конечный согласный второму слогу, а сохраняет его в рамках первого слога: /liŋ-a/ 'мужу' (хотя начальное /ŋ/ в бирманском встречается). В языках такого типа слог обычно выступает в качестве экспонента отдельной морфемы и, во всяком случае, никогда не разбивается «морфемным швом». Поэтому в слоговых языках минимальной фонологической единицей оказывается не фонема, а целый слог — силлабéма либо — если учитывать возможность чередований в рамках слога — его компоненты, участвующие в чередовании, так называемые инициáль (начальный согласный слога, например /ŋ/, в приведенном выше вьетнам. *ngoài* 'снаружи') и финáль (вся остальная часть слога как единое целое, например вьетнам. /u̯ai̯/ из *ngoài* или бирман. /iŋ/ из /liŋ/).

§ 71. При изучении слога и слогоделения важными являются понятия (1) открытого/закрытого и (2) долгого/краткого слогов.

1. Открытым слогом называется такой, который заканчивается слогообразующим звуком (т. е. отсутствует «задняя периферия»), например все слоги в русском *ма-ма*, чешском *vr-ba*, закрытым — такой, который заканчивается неслогообразующим звуком, например *мать*, *дай*. Есть языки (английский, немецкий, французский и

др.), широко использующие открытые и закрытые слоги, и, с другой стороны, такие языки, в которых возможны только открытые слоги. На определенном этапе своего развития языком открытого слога был общеславянский (праславянский) — общий предок современных славянских языков. Близок к этому типу современный японский. В современных славянских языках, в том числе и в русском, открытые слоги используются значительно шире, чем закрытые: интервокальные группы согласных обычно отходят к следующему слогу, например *и-зба*, *а-ктер* и т. д.[1] Только на конце слов широко представлены в русском языке и закрытые слоги.

2. Для некоторых языков, например для древнегреческого и латыни, для арабского, существенно различение долгих и кратких слогов. Долгие слоги содержат либо долгий гласный, либо краткий гласный перед группой из двух и более согласных; краткие слоги содержат краткий гласный не перед группой согласных.

§ 72. С понятием слога тесно связаны понятия дифтóнга и трифтóнга (которые можно объединить в понятии полифтóнга)[2]. Дифтонг есть сочетание двух (трифтонг — сочетание трех) гласных, произносимых как один слог. Обычно только один из этих гласных составляет вершину слога. В этом случае, в зависимости от места вершины, различают восходящие, нисходящие и восходяще-нисходящие полифтонги. Примерами восходящих дифтонгов могут служить испанские [u̯e], [i̯e] в словах *fuente* 'источник', *tierra* 'земля'. Нисходящие дифтонги — это немецкие *au*, *ai* (точнее [ao̯], [ae̯]) в *Maus* 'мышь', *Eis* 'лед', английские [ou̯], [ɔi̯] в *nose* [nou̯z] 'нос', *noise* [nɔi̯z] 'шум', русские [ai̯], [ᵘɔi̯] и т. д. в *дай*, *мой* и [au̯] в *маузер* и в некоторых других словах иностранного происхождения. В английском *fire* 'огонь', *our* 'наш' представлены нисходящие трифтонги [ai̯ə̯], [au̯ə̯], во вьетнамском *ngoài* 'снаружи' — восходяще-нисходящий трифтонг [u̯ai̯]. Реже встречаются «равновесные» дифтонги, в которых вершина слога равномерно распределена между обоими компонентами. Такие дифтонги есть, в частности, в латышском языке, например в словах *tauta* 'народ', *iela* 'улица'.

§ 73. Фонологическая трактовка полифтонгов может быть двоякой: в одних случаях их следует рассматривать как сочетания фонем («полифонематическая трактовка»), в других — как отдельные «целостные» фонемы («монофонематическая трактовка»).

С сочетаниями фонем мы имеем дело, если внутри полифтонга может проходить «морфемный шов» и если полифтонги в данном языке и при наличии, и при отсутствии в них морфемного шва звучат одинаково, неразличимо для природных носителей этого языка. Именно такое положение мы наблюдаем в русском языке в дифтонгических сочетаниях «гласный + [i̯]», например в *знай* и *май*, *дуй* и *буй*, *пригрей* и *пырей* и т. д.: в первом слове каждой пары неслоговое [i̯] есть экс-

[1] Правильность такого слогоделения подтверждается, в частности, тем фактом, что даже первый согласный интервокальной группы аккомодирует последующему гласному, а не предшествующему (например, *в избу*, *актер* имеем огубленные [z°] и [k°]).

[2] *Дифтóнг*, *трифтóнг*, *полифтóнг* — от др.-греч. *di(s)* 'дважды, двойной' *tri(s)* 'трижды, тройной', *polý* 'много' и *phthóngos* 'звук, голос'.

понент отдельной морфемы (ср. *знать, дуть, пригреть*), т. е. внутри дифтонга проходит «морфемный шов», а во втором слове каждой пары перед [i̯] «морфемного шва» нет, произносится же дифтонг в первом и во втором словах совершенно одинаково. В этих условиях фонологическая трактовка дифтонга должна быть единой, и она может быть только полифонематической. Звук [i̯] и в *май* и т. д., и в *знай* и т. д. есть вариант фонемы /j/, а дифтонг есть сочетание двух фонем, гласной и сонанта (реализуемого как неслоговой гласный).

В тех языках, где полифтонги никогда не разрываются морфемной границей, следует предпочесть монофонематическую трактовку. Таково, в частности, положение дифтонгов в немецком языке. Сложнее обстоит дело с многочисленными дифтонгами и трифтонгами английского языка: некоторые из них, например [ei̯], [ou̯], [ai̯], [au̯], никогда не разрываются морфемной границей, другие же, например [iə̯], [uə̯], [ei̯ə̯], [ou̯ə̯], разрываются, ср. *seer* [siə̯] 'тот, кто видит', *bluer* [blu:ə̯] 'более синий', *layer* [lei̯ə̯] 'укладчик', *slower* [slou̯ə̯] 'медленнее', где неслоговое [ə̯] есть экспонент словообразовательной морфемы со значением действующего лица или морфемы сравнительной степени прилагательных и наречий.

§ 74. От дифтонгов следует отличать д и ф т о н г о́ и д ы — гласные с неоднородным звучанием, начинающиеся или заканчивающиеся кратким призвуком другого гласного, обычно близкого по артикуляции. Дифтонгоидами являются, например, русское /о/, имеющее в начале «у-образный» призвук, а затем переходящее в «о открытое», и некоторые варианты русского /е/ (в фонетической транскрипции соответственно [ᵘɔ], [ⁱɛ], [ⁱе]).

§ 75. Рассмотрим з в у к о в ы е и з м е н е н и я, которые могут вызываться особенностями слоговой структуры. Это прежде всего появление так называемых паразитических, или неорганических, звуков, согласных или гласных. Если эти звуки возникают внутри «фонетического тела» слова, мы имеем дело с э п е н т е́ з о й (вставкой), если на начальной границе слова — с п р о т е́ з о й.

Эпентети́ческие согласные обычно возникают в порядке у с т р а н е н и я з и я н и я, т. е. стыка (непосредственного соседства) двух гласных, принадлежащих к разным слогам. На границе слога общее мускульное напряжение, как мы уже знаем, является минимальным, т. е. таким, которое типично для согласных. В связи с этим, если в районе слоговой границы нет согласного, там возникает как бы нехватка привычного элемента, переходного к следующему слогу, и появляется тенденция устранить эту нехватку вставкой какого-нибудь щелевого согласного с несильным трением типа [j], [w], [v] или [γ], [h].

В русском языке эпентеза сонанта /j/ узаконена при заимствовании из других языков слов, оканчивающихся на *-ia* (и отчасти на *-io*), например лат. *Victoria* → *Виктория*, *familia* → *фамилия*, *natio* (или фр. *nation*) → *нация* и т. д.; эпентезу /v/ находим в старом заимствовании *Иван* (из греч. Iōánnēs). В просторечии, диалектах, в детской речи тенденция к устранению зияния вставкой согласного наблюдается в таких формах, как *шпиён*, *кака́во*.

Протетические согласные появляются на границе слова в порядке устранения случаев зияния, возникающих в потоке речи. Ср. русск. *он*, *она* и его соответствия — белорусск. *ён*, *яна* с протетическим /j/ и укр. *він*, *вона* с протетическим /w/, русск. *это* и белорусск. *гэта* с /γ/, др.-русск. *уй* 'дядя с материнской стороны' и польск. *wuj*, болг. *вуйчо* с тем же значением или в современном русском языке слова *отец* и *вотчина*, *острый* и *вострoглазый*, *осьминог* и *восемь*.

Существуют и другие способы ликвидации зияния: с т я ж е н и е двух соседних гласных в один долгий гласный или дифтонг (и тем самым двух слогов — в один) и э л и́ з и я, т. е. «выталкивание» одного из двух гласных, вступающих в непосредственное соседство. Пример стяжения (в сочетании с ассимиляцией) дают севернорусские диалектные формы вроде *быват* 'бывает'. Примеры элизии, и притом обязательной, дает французский язык такими формами, как *l'* (определенный артикль) вместо *le* или *la*, *n'* (отрицание) вместо *ne*, *s'* (возвратное местоимение) вместо *se* и т. д., перед словами, которые начинаются гласным (*le* + *usage* 'обычай' обязательно дает *l'usage* /lys'a:ž/, *la* + *entrée* 'вход' — *l'entrée* /lã:tr'e/ и т. п.).

П а р а з и т и ч е с к и е г л а с н ы е легко появляются там, где возникает потребность разбить на два слога неудобопроизносимую в рамках одного слога группу согласных. Чаще всего эпентеза или протеза гласного наблюдается в слогах, где есть сонант, отделенный от вершины слога шумным согласным. Так, в русском языке старое *ветр* дало *ветер*, а *рубль* дает в просторечии *рубель* — с эпентетическим гласным. Совершенно систематически проводится эпентеза гласного в подобных случаях в болгарском языке: *мисъл* 'мысль', *косъм* 'волос' (буква ъ обозначает здесь гласный [ъ]), но во мн. ч. *мисли*, *косми*. В укр. *іржати* 'ржать', *імла* 'мгла' имеем протетическое *і*.

В некоторых языках эпентеза и протеза проводятся не только в соседстве с сонантами. Ср. в сербскохорв. *акат* 'акт', во фр. *esprit* 'ум, дух', *espèce* 'порода, сорт' (из лат. *spiritus* 'дух' и *species* 'вид'). В тюркских языках и в венгерском протеза регулярно проводится в заимствованных словах перед группами согласных. Ср. турецк. *istandart* 'стандарт', *istasyon* 'станция'; венг. *asztal* 'стол' *udvar* 'двор' (заимствования из славянских языков), *iskola* 'школа' (из лат. *schola*).

Группы согласных, неудобопроизносимые в рамках одного слога, могут устраняться и более простым путем — с о к р а щ е н и е м г р у п п ы и устранением сонанта, на базе которого мог бы развиться новый слог. Так, в русском просторечии наряду с отмеченным *рубель* имеем и *рупь* (отпадение сонанта и оглушение звонкого шумного в конечной позиции); ср. также *жисть* вместо *жизнь* (замена сонанта /n/ соответствующим шумным с оглушением всей конечной группы). В финском языке при заимствовании слов из других языков систематически упрощались группы начальных согласных. Так, лат. *schola* 'школа' дало в финск. *koulu*, а шведск. *glas* 'стекло' и *Stockholm* — *lasi* и *Tukholma*; ср. также финск. *risti* 'крест' (старое заимствование из славянских языков).

8. ПРОСОДИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

§ 76. Единицы, рассмотренные в предыдущих параграфах,— фонемы и слоги — являются единицами линейными, или сегментными, т. е. такими, которые представлены отрезками (сегментами) той или иной протяженности (фонами, слогами в речи), следующими друг за другом в речевой цепи. Кроме такого рода единиц поток речи характеризуется также с у п р а с е г м е́ н т н ы м и (или суперсегментными) особенностями, которые как бы наслаиваются на линейную цепочку сегментных единиц, т. е. реализуются всегда одновременно с теми или иными сегментными единицами. Супрасегментные особенности звуковой материи языка, называемые просодическими явлениями [1], включают: мелодику (движение высоты основного тона голоса); изменения интенсивности (силы) звучания и темпа произнесения тех или иных отрезков; использование и характер пауз; наконец, некоторые тембровые характеристики. Просодические явления наблюдаются в рамках разных единиц языка: в слоге — так называемый слоговой акцент в ряде языков; в слове — словесное ударение (в международной терминологии — акцент [2]); в рамках единиц связной речи — фразовая интонация (включающая и разные виды фразового ударения). Раздел науки о языке, изучающий словесное ударение и слоговой акцент, называется а к ц е н т о л о́ г и е й; раздел, изучающий фразовую интонацию,— п р о с о́ д и к о й (в узком смысле), или и н т о н о л о́ г и е й.

а) Словесное ударение, его функции и типы

§ 77. Обычно словесное ударение заключается в том, что в слове (или же в группе, состоящей из знаменательного слова и одного или нескольких служебных) с помощью тех или иных звуковых средств подчеркивается один вполне определенный слог, а иногда — в меньшей мере — еще и другой или другие слоги. Так, в русском слове *новая* всегда подчеркивается первый слог, в *под окном* — последний слог, в *да знаешь ли?* — второй слог, в немецком слове *Eisenbahn* 'железная дорога' — первый и в меньшей степени третий слог и т. д. Слоги, несущие ударение, называют ударными (или ударенными), остальные же — безударными (или неударенными) [3]. Способы звукового выделения, используемые словесным ударением, разнообразны.

Так, ударный слог может произноситься с большей интенсивностью — так называемое д и н а м и ч е с к о е, или силовое, ударение [1]. Он может удлиняться (чаще за счет своего гласного) — квантитативное, или к о л и ч е с т в е н н о е, ударение. Он может выделяться повышением или понижением тона — м у з ы к а л ь н о е, или тоническое, ударение. В ряде языков наблюдается также к а ч е с т в е н н о е ударение — особое качество звуков, составляющих ударный слог.

Перечисленные способы звукового выделения выступают обычно не изолированно, как «чистые» типы, а в тех или иных сочетаниях друг с другом. Например, в русском языке словесное ударение издавна считалось динамическим, но более новые исследования показали, что оно в большей мере является количественным: ударный слог не только громче, но прежде всего продолжительнее безударного (в среднем в 2—3 раза). Кроме того, важную роль играет в русском словесном ударении и качественный момент — тембровая окраска ударенного гласного.

В двусложных и многосложных словах подчеркивание того или иного слога имеет место на фоне соседних, не подчеркиваемых слогов. Между ударным и безударными слогами одного и того же слова наблюдается отношение контрастирования. Но словесное ударение характеризует и односложные слова. Ср. предложения, состоящие из одних только односложных ударенных слов, например: «Дней бык пег» (Маяковский), «Тут брат взял нож». Почему, несмотря на отсутствие в этих случаях контраста с безударными слогами, мы ясно ощущаем ударенность всех слов в приведенных примерах? Ответ на этот вопрос может быть только один: потому, что хотя фона безударных слогов поблизости нет, в языке он все-таки есть. В системе русского языка в целом ударные и безударные слоги определенным образом противопоставлены друг другу, и это противопоставление сохраняет свою силу и в тех случаях, когда в рамках того или иного высказывания безударных слогов почему либо не окажется вовсе. В этих случаях явственно выступает качественная, тембровая сторона русского ударения, которая меньше, чем другие его стороны, нуждается в «поддержке» при помощи непосредственного контраста: все гласные фонемы в наших примерах — /а/ в *брат*, *взял*; /о/ в *нож*; /u/ в *тут*; /е/ в *дней*, *пег*; /ы/ в *бык* — выступают в своих ударных вариантах, четко отличающихся от вариантов безударных.

§ 78. Рассмотрим функции и типы словесного ударения.

В многосложных словах особенно отчетливо выступает та функция ударения, которую Н. С. Трубецкой называл «вершинообразующей» («кульминативной»). Ударный слог как бы составляет вершину слова, а безударные слоги примыкают к этой вершине. В отрезке связной речи, состоящем из подобных слов, количество вершин указывает нам, сколько слов содержится в этом отрезке. Например:

[1] *Просоди́ческий* — от др.-греч. *prosōdia* 'припев, ударение'. Просодические явления, рассматриваемые как элементы плана выражения языка, иногда обозначают термином «просоде́мы» либо термином «супрасегментные фонемы». Как «фонемы своего рода» рассматривал интонационные единицы Л. В. Щерба (см.: *Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л., 1983. С. 124).

[2] Не смешивать с другим словом *акцент* 'особенности произношения, отличающие иностранца'.

[3] Для русского языка, как мы уже могли убедиться, рассматривая позиционные варианты фонемы /а/, в ряде случаев важно различать разные безударные слоги — «предударные» и «заударные», а среди предударных — «первый предударный» и др., стоящие на втором и еще более далеких местах перед ударным слогом.

[1] *Динами́ческое* — от др.-греч. *dýnamis* 'сила.' В более старых работах динамическое ударение называли «экспирато́рным» (от лат. *expiratio* 'выдох'), так как считали, что громкость зависит от усиления выдоха. Позже было доказано, что громкость увеличивается под влиянием разных факторов, и особенно в связи с усилением напряжения мускулатуры тех или иных произносительных органов.

«Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя» — 7 ударений и 7 слов. Но такую же картину дают и односложные слова, несущие ударение: в приведенном выше примере «Тут брат взял нож» — 4 ударения и 4 слова. Можно сказать, что ударение и в односложном, и в многосложном слове выступает как признак слова, показатель его «отдельности», его некоторой самостоятельности в ряду соседних слов. Таким образом, «вершинообразующая» функция ударения есть частный случай более общей функции, которую можно назвать словоформирующей. Ударение — такой же обязательный элемент звукового облика данного слова, как и определенный фонемный состав. Отмечено, что опознание слова, особенно в затрудненных условиях общения, в первую очередь зависит от правильного восприятия ударного слога.

§ 79. Выше (§ 77) были приведены примеры *под окном, да знаешь ли*. Они показывают, что единица, формируемая и «сплачиваемая» ударением, не всегда подходит под то понятие слова, которым оперирует орфография, или под то, с которым мы встречаемся в словарях. Для орфографии слово есть «цепочка букв между двумя пробелами», и потому *под окном* — 2 слова. Для составителя словаря *под окном* — тоже 2 слова, так как он в разных местах словаря приведет и объяснит (или переведет на другой язык) *под* и *окно*. А вот с точки зрения ударения отрезок *под окном* — одно слово, поскольку здесь одно и только одно ударение. Кроме того, после *под* здесь невозможна пауза. Отрезок, сплачиваемый ударением и невозможностью (неестественностью) внутренней паузы, называют акцентным словом.

Нередко акцентное слово совпадает с орфографическим и словарным (*Буря мглою небо кроет* и т. п.), в том числе иногда и со служебным словом («Будешь писать?» — 2 ударения и 2 слова, из которых одно — служебное). Но в ряде случаев акцентное слово включает два или несколько орфографических или словарных слов: *под окном, да здравствует, зачем же, пошел бы, да знаешь ли* и т. д. Одно из этих слов — знаменательное, и оно способно само по себе, вне рамок данной или другой подобной группы, быть отдельным акцентным словом. Другое или другие слова в составе такой группы не способны ни выступать в качестве отдельного акцентного слова, ни вообще употребляться отдельно (*под, да, же, бы, ли*) [1]. Эти слова, неспособные иметь собственное ударение (отдельное от ударения знаменательного слова), называются кли́тиками и в зависимости от положения перед или после ударного слова подразделяются на прокли́тики и энкли́тики [2].

[1] Оставляем в стороне случаи, когда речь идет о самих этих словах, т. е. язык используется в метаязыковой функции (§ 7), например: «Частица *бы* служит для образования сослагательного наклонения», «Вы по ошибке дважды написали *ли*». Здесь частицы *бы, ли* и т. д. оказываются ударенными, но в подобных условиях ударенными могут быть даже отдельные звуки («Вместо [g] он произносит [γ]»).

[2] Термин *клитика* обобщает понятия «проклитика» и «энклитика», существовавшие у античных филологов (от др.-греч. *klinō* 'прислоняю'). В письме некоторых языков принято слитное написание клитик, так что акцентное слово совпадает с орфографическим (но не со словарным). Русское письмо для ряда энклитик (*-то, -ка*) приняло написание через дефис.

Многие клитики (например, проклитика *да*, энклитики *бы, же, ли*) вообще никогда не получают ударения. Есть, однако, и такие, на которые в определенных случаях переходит ударение знаменательного слова. Таковы в русском языке многие предлоги, ср. *за́ спину, по́д ноги, по́ полю, и́з лесу*. В любом случае предлог и соответствующее знаменательное слово образуют с точки зрения ударения одно целое. Энклитика не может быть первым словом в предложении, так как она всегда должна примыкать к какому-то предшествующему слову (нельзя себе представить русского предложения, которое начиналось бы с *бы* или *ли*).

В большинстве своем клитики — служебные слова: предлоги, союзы, грамматические частицы, артикли, некоторые вспомогательные и связочные глаголы, модальные частицы вроде русских *де, мол, бишь*. Клитиками могут быть и слова «полуслужебные» — местоимения или специальные формы местоимений. Так, во французском языке мы имеем клитические формы личных местоимений: субъектные (проклитические) *je, tu, il* /ž̆œ/, /ty/, /il/ 'я', 'ты', 'он' и объектные *me, te, le* /mœ/, /tœ/, /lœ/ 'меня', 'тебя', 'его' — рядом с «полными» (т. е. способными нести ударение) формами *moi, toi, lui* /mwa/, /twa/, /lɥi/, совмещающими субъектное и объектное значения. Подобный параллелизм энклитической и «полной» форм наблюдается в косвенных падежах личных местоимений в ряде славянских языков, например в болгарском (*ме* и *ме́не* 'меня', *го* и *не́го* 'его' и т. д.). Русский литературный язык не имеет специальных клитических форм местоимений, но обычные формы местоимений могут здесь в одних случаях выступать с ударением, в других — составлять одно акцентное слово с ближайшим глаголом. Ср. «Ты знал Петрова?» — 3 ударения (хотя на *ты* — более слабое) и «Знал ты Петрова?» — только 2 ударения, между *знал* и *ты* паузы в естественной речи нет [1].

Иногда наблюдается совпадение фонемного состава клитики и ударенного слова. Например, в русском языке совпадают подобным образом союз *как* (проклитика) и местоименное наречие *как* (ср. «Как старший, он хотел помочь, но не знал как»); частица *было* (энклитика: «пошел было, да вернулся») и глагольная форма *было* («Все это было, было, было» — А. Блок). В некоторых языках также совпадают по фонемному составу определенный артикль и указательное местоимение (нем. *der*, фр. *le* и т. д.).

§ 80. Словесное ударение может быть свободным (разноместным) или связанным (фиксированным, одноместным).

1. Свободным называется ударение в тех языках, в которых оно может стоять на любых (начальных, серединных, конечных) слогах акцентного слова, как это мы видим в русском языке. Конечно, в каж-

[1] В прошлом и в русском языке существовал параллелизм полных и клитических форм в косвенных падежах местоимений. Энклитическая форма возвратного местоимения (вин. пад.) превратилась в возвратную частицу *-ся (-сь)*, слившуюся в одно орфографическое слово с глаголом. В говорах и в просторечии есть энклитические формы вроде *те* 'тебе': «Я те покажу, где раки зимуют!»

дом слове и в каждой грамматической форме такого языка место ударения обычно закреплено строго (возможно только *но́вая*, а не «нова́я» или «новая́»), так что колебания (вроде *тво́рог — творо́г*) встречаются лишь в отдельных случаях. Свободным является ударение также в украинском, белорусском, болгарском, литовском, немецком, английском, скандинавских, итальянском и в ряде других языков. В этих языках есть случаи, когда два разных слова или две разные формы, обладая одинаковым фонемным составом, различаются лишь местом ударения. Таковы в русском языке, например, пары *мука́* и *му́ка*, *плачу́* и *пла́чу* (совсем разные слова), или *стада́* и *ста́да* (разные формы одного слова), или в английском *import* /ɪmˈpɔ:t/ 'ввозить, импортировать' и *import* /ˈimpɔ:t/ 'ввоз, импорт' (разные слова — глагол и существительное,— тесно связанные по значению и происхождению). Применительно к таким примерам (а также к случаям, когда клитика, как мы видели в § 79, совпадает по фонемному составу со словом, имеющим ударение) можно говорить о дистинкти́вной (слово- и форморазличительной) функции ударения, наслаивающейся на его основную словоформирующую функцию.

Свободное ударение может быть неподвижным при образовании форм слова и производных слов или подвижным.

Неподвижное ударение имеем, например, в слове *горо́х:* ср. *горо́х, горо́ха, горо́ху* и т. д., также *горо́шина, горо́шек, горо́ховый, огоро́шить* — везде ударение падает на один и тот же слог *-рох-* или *-ро-*. Неподвижное ударение определенным образом характеризует не только данную словоформу, но и данную корневую морфему: в слове *горох* и его производных оно неизменно падает на второй слог корня. Ударение является в подобных случаях такой же четкой и характерной приметой данной корневой морфемы, как и фонемный состав ее экспонента.

Подвижное ударение имеем в слове *борода́:* ср. *бороды́, бороде́*... но *бо́роду, бо́роды*... и, наконец, *боро́д* (ср. и производное *боро́дка*). Подвижность ударения наблюдается в языках со свободным ударением там, где ударение так или иначе характеризует определенные некорневые морфемы (окончания, суффиксы, приставки), определенные грамматические формы и словообразовательные типы. Так, приставка *вы-* (в отличие от других русских приставок) перетягивает ударение на себя (ср. *смотре́ть, писа́ть*, также *посмотре́ть, написа́ть*, но *вы́смотреть, вы́писать*), однако при образовании несовершенного вида суффикс *-ыва-* (*-ива-*) заставляет ударение перейти с этой приставки на слог, непосредственно предшествующий суффиксу *(выпи́сывать, высма́тривать)*. Аналогичная «борьба» между морфемами, входящими в состав слова, «борьба» за место ударения в данной словоформе, происходит и в других случаях. В целом можно сказать, что в языках со свободным ударением (и в случаях его подвижности, и в случаях неподвижности) место ударения в словоформе зависит от ее морфемного состава.

2. Связанным (фиксированным) называется словесное ударение в тех языках, в которых оно всегда (или почти всегда) падает на один определенный по порядку слог слова, например: только на начальный, только на конечный, только на предпоследний слог и т. д. Начальное ударение имеем в финно-угорских языках, а из индоевропейских — в латышском, чешском, словацком (ср. в русском языке имена собственные и другие слова, заимствованные из этих языков: *Хе́льсинки, Ка́левала* — из финского; *Та́ллин, Та́рту* — из эстонского; *Ри́га, Ра́йнис* — из латышского; *Пра́га, Дво́ржак, Га́шек, ро́бот* — из чешского; *Пе́тефи, ча́рдаш* — из венгерского и т. д.) [1]. Конечное ударение представлено в армянском (ср. *Ерева́н, Сарья́н*), таджикском *(Душанбе́)*. Фиксированное ударение на предпоследнем слоге господствует в польском языке (ср. *Варша́ва, Кра́ков, Мицке́вич, шля́хта*).

Естественно, что фиксированное ударение оказывается подвижным, если при образовании форм слова или производных слов количество слогов изменяется и слог, на который падало ударение, перестает быть соответственно первым или последним, предпоследним и т. д. Так, в чешском и словацком языках при присоединении к глаголу приставки, содержащей гласный, ударение переходит на эту приставку, так как она занимает позицию начального слога. В польском подобную подвижность ударения наблюдаем, например, при склонении: *ˈAdam Mickˈiewicz* — род. п. *Adˈama Mickiewˈicza* и т. д.

Нетрудно заметить, что в языках со связанным ударением место ударения не зависит от морфемного состава слова, а определяется по отношению к границе слова (начальной или конечной) и, следовательно, служит если не показателем точного места этой границы, то во всяком случае показателем ее близости. В этих языках на общую словоформирующую функцию ударения дополнительно наслаивается словоразграничивающая (делимитативная, или функция «пограничного сигнала»).

3. Промежуточную группу между языками со свободным и со связанным ударением представляют языки с полусвязанным ударением. Ярким примером может служить латынь. На определенном этапе развития латинского языка ударным стал предпоследний слог слова, если он был долгим (см. § 71,2), например *natˈūra* 'природа', *naturˈālis* 'природный', *modˈestus* 'умеренный', *postscrˈīptum* 'приписанное после', и третий с конца слог, если предпоследний слог был кратким, например *nˈēbŭla* 'туман', *ˈasĭnus* 'осел' *rˈatĭo* 'разум'. Сходную закономерность наблюдаем в классическом арабском языке. Таким образом, в языках с полусвязанным ударением место ударения зависит от а) места границы слова и б) некоторых фонологических (но не морфологических!) особенностей этого слова.

§ 81. Выше было отмечено, что иногда в одном слове имеется более одного ударения. Обычно в этих случаях ударения неравноправны, между ними наблюдается известная градация: главное ударение противостоит одному или нескольким второстепенным,

[1] Конечно, в некоторых случаях при заимствовании слова ударение изменилось. Так, по-венгерски *Бу́дапешт*, а по-русски *Будапе́шт*; по-чешски *Brno*, с ударением на слоговом [r̥], а по-русски произносится *Брно*.

более слабым. Таким образом, единство акцентного слова, создаваемое главным ударением, не нарушается; с помощью второстепенного ударения создается лишь некоторое расчленение внутри единого смыслового и фонетического целого.

В русском языке второстепенное ударение появляется лишь в более длинных сложных словах вроде *машˌиностроˈительный*, *сˌевероамерикˈанский*, *элˌектрокардиогрˈамма* (на первых компонентах этих слов) и в более длинных словах с приставками *после-*, *противо-*, *архи-*, *анти-* и некоторыми другими (на этих приставках), например *пˌослеоперациˈонный*, *прˌотивотуберкулˈёзный*, *ˌархиреакциˈонный*, *ˌантиимпериалистˈический*. Впрочем, и в этих случаях второстепенное ударение может отсутствовать.

Иную картину видим в германских языках, где второстепенные ударения в определенных случаях строго обязательны и встречаются очень часто. Так, в немецком все сложные слова и слова с некоторыми аффиксами (приставками или суффиксами) обязательно имеют по два ударения и более — в зависимости от количества корней и «тяжелых» (т. е. ударенных) аффиксов, входящих в состав этого слова. Главное ударение обычно падает на первый компонент («тяжелую» приставку, а при ее отсутствии — на первый корень в сложном слове), второстепенные же ударения — на последующие компоненты, например *ˈUrsprˌung* ‘происхождение’, *Hˈaustˌür* ‘дверь дома’, *ˈUntergrˌundbˌahn* ‘метро’ (букв. ‘подземная дорога’) и т. д.

§ 82. Несмотря на широчайшее распространение словесного ударения в языках самого различного строя, есть языки, вообще не имеющие словесного ударения. Так, его, по-видимому, нет в палеоазиатских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках, например в эвенкском и эвенкийском [1]. Своеобразно положение во французском языке. Словесное ударение существует в нем только как потенциальная способность большинства слов получать ударение (этой способности лишены клитики, см. § 79). Практически же во французской речи реализуется только фразовое ударение (см. § 84).

б) Слоговой акцент

§ 83. В ряде языков наблюдается явление, называемое слоговым акцентом (также с л о г о в ы м т о н о м, или интонацией слога). Оно имеет место там, где на протяжении отдельного слога происходят различные регулярные изменения высоты основного тона голоса или же интенсивности звучания, которые могут, противопоставляясь друг другу, выполнять различительную функцию. Так, в китайском литературном языке различают в зн*а*менательных словах четыре слоговых тона: 1) ровный (*mā* ‘мать’), *2*) восходящий (*má* ‘конопля’); 3) нисходяще-восходящий (*mǎ* ‘лошадь’) и 4) нисходящий (*mà* ‘ругать’). Слог *mai* с нисходяще-восходящим тоном значит ‘купить’, а с нисходящим тоном — ‘продать’. Во вьетнамском языке выделяют 6 тонов (в частности, различается постепенно-нисходящий и резконисходящий), а в некоторых китайских диалектах — до 9 тонов.

Языки, имеющие слоговой акцент, называют тональными, или политоническими — в противоположность монотоническим, т. е. не имеющим противопоставленных друг другу типов движения тона (или интенсивности) в рамках слога. Политонические языки — это прежде всего языки слогового строя (см. § 70). Но п о л и т о н и́ з м представлен так или иначе и в ряде других языков. Например, в литературном шведском языке в одних словах и формах выступает так называемый аку́товый акцент, характеризующийся ровным движением высоты тона в ударном слоге (либо повышением, либо понижением — в зависимости от синтаксических факторов), а в других — так называемый гра́висный акцент, при котором тон в пределах ударного слога повышается и снова падает, а затем опять немного повышается в заударном слоге (ср. *stegen* ‘шаги’ с акутовым и *stegen* ‘переносная лестница’ с грависным акцентом). Противопоставление ударных слогов слова по тону представлено также в норвежском, литовском, латышском, сербскохорватском, древнегреческом и в некоторых других языках.

в) Фразовая интонация

§ 84. Понятие «фразовая интонация» (или просто «интонация») охватывает все просодические явления, наблюдаемые в рамках синтаксических единиц — словосочетания и предложения (в том числе и однословного предложения). Важнейший компонент интонации — м е л о́ д и к а, т. е. движение основного тона голоса (повышение и понижение), создающее тональный контур высказывания и его частей и таким образом связывающее и членящее нашу речь. Так, существенное понижение тона указывает на завершенность сообщения или какой-то его относительно самостоятельной части. Напротив, повышение говорит о незаконченности мысли, о том, что надо ждать продолжения, или — при другом мелодическом рисунке — о том, что это вопрос, а не утверждение и т. д.

Мелодика и особенно второй важный компонент интонации — и н т е н с и в н о с т ь используются для подчеркивания каких-то частей высказывания. Так, в понятие интонации входит ф р а з о в о е ударение. Его нейтральную разновидность Л. В. Щерба называет с и н т а г м а т и́ ч е с к и м ударением и рассматривает как средство фонетической организации синтагм. Синтагма же понимается как единица изменчивая, речевая, «...кратчайший отрезок речи... который в данном контексте и в данной ситуации соответствует единому понятию» [1]. Синтагма — сравнительно небольшая группа слов,

[1] См.: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. С. 262.

[1] *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 327. Некоторые лингвисты используют термин *синта́гма* (от др.-греч. *syntagma* ‘вместе построенное’) иначе, обозначая им всякое словосочетание с подчинительной связью (§ 198), а иногда даже любое соединение двух значащих единиц (например, корня и суффикса в составе одного слова). О другом значении прилагательного *синтагматический* см. § 33,2.

объединенных соседством в речевой цепи и тесной смысловой связью. В русском тексте синтагматическое ударение состоит в том, что последнее слово синтагмы (если оно не является служебным словом, неспособным иметь собственное словесное ударение) подчеркивается больше, чем другие. Так, предложение «Что вы делали вчера вечером?» наиболее привычно распадется на две синтагмы (границы их обозначим вертикальной чертой, а слово, получающее синтагматическое ударение, выделим курсивом): «Что вы *делали* | вчера *вечером*?» Ср. и в ответе: «Читал новую *книгу*, | которую мне *дали* | на один *день*». Во всех этих случаях синтагматическое ударение может рассматриваться как установление некоторой градации между словесными ударениями. Во французском тексте все слова синтагмы, кроме последнего, вообще теряют свое словесное ударение.

Л о г и ч е с к о е ударение наблюдается в тех случаях, когда содержание речи требует особого выделения каких-то частей высказывания. Это ударение часто рассматривается как отступление от привычных норм синтагматического ударения. Так, в предложении «Его новая книга понравилась мне меньше, чем первая», хотя на конце первой синтагмы стоит слово *книга*, мы больше выделим не его, а другое слово — *новая* и тем самым сделаем более выпуклым выраженное здесь противопоставление: *новая — первая*. В других случаях логическое ударение, напротив, еще больше подчеркивает слово, которое и без того должно быть выделено синтагматическим ударением. Ср.: «Это не новая *книга*, а всего лишь новая *статья!*» Отметим, что логическое ударение способно даже нарушать нормы словесного ударения. Ср. обычное словесное ударение: *до еды́* и логическое: «*до́* еды или *по́сле* еды?»

Третий компонент интонации — т е м п р е ч и, ее замедление и ускорение. Замедлением темпа выделяются более важные слова в высказывании (разновидность логического ударения) или слова, наиболее значимые эмоционально (так называемое эмфатическое, или эмоционально-экспрессивное, ударение). В русском языке в случае положительных эмоций происходит особое удлинение (растягивание) ударного гласного, а иногда и всего выделяемого слова («Он *замеча-ательный* человек!»); в случае эмоций отрицательных (гнев, угроза и т. д.) более типично удлинение начального согласного слова (*н-негодяй!*) или начального согласного ударного слога (*негод-дяй!*). С убыстрением темпа обычно произносятся менее важные части высказывания.

Важными компонентами интонации являются также п а у з и р о в а н и е, т. е. расстановка пауз и их градация по степени длительности, и, наконец, те тембровые особенности, которые связаны с выражением общей эмоциональной настроенности нашей речи (например, то, что называют «металл в голосе»).

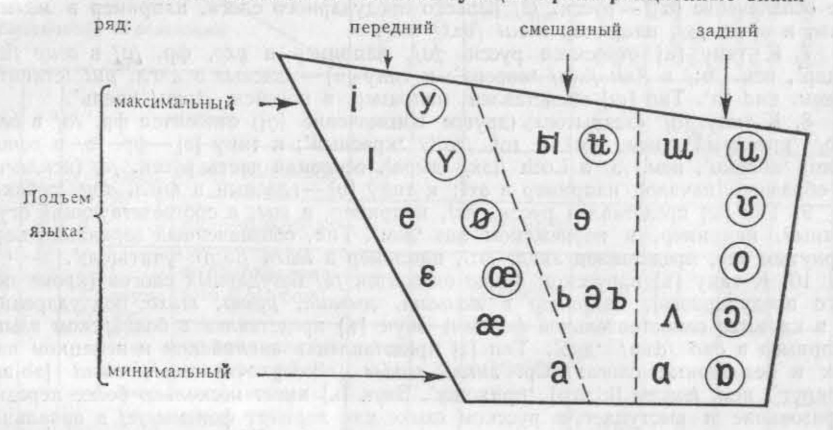
Все компоненты интонации используются в тесном переплетении друг с другом. О синтаксических функциях интонации см. § 202.

9. ПОЯСНЕНИЯ И ПРИМЕРЫ К ТАБЛИЦАМ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ

§ 85. Важнейшие типы гласных и обозначающие их транскрипционные знаки указаны в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Важнейшие типы гласных и соответствующие транскрипционные знаки

О г у б л е н и е: знаки для огубленных гласных обведены кружками.

Для более полной характеристики гласных используются следующие добавления к основным знакам:

~ назализация (õ)[1]
: долгота (o:)[2]
· полудолгота (o·)
. закрытость (ẹ)
ˈ ударенность (ˈa)

ˌ второстепенное ударение (ˌa)
″ усиленное ударение (″a)
̯ неслоговая функция (i̯)
‿ равновесный дифтонг (au)
̥ глухость (ḁ)

Для разных типов слогового акцента стандартных транскрипционных знаков нет. Применительно к материалу разных языков используются разные системы обозначения, в частности знаки ´ («аку́т»), ` («гра́вис»), ˆ и ˜ («циркумфле́кс») и др.

Приводим примеры на гласные.

1. К типу [i] относится русск. /i/, особенно между мягкими согласными (например, в *нить*), фр. /i/ в *lit* /li/ 'кровать', нем. /i:/ в *Tier* /ti:r/ 'зверь'; к типу [ɪ] — англ. /ɪ/ в *bit* /bɪt/ 'кусок', нем. /ɪ/ в *Kind* /kɪnt/ 'дитя'.

2. [y] и [Y] отличаются от [i] и [ɪ] только огублением. К типу [y] относится фр. /y/ в *rue* /ry/ 'улица', нем. /y:/ в *Tür* /ty:r/ 'дверь'; к типу [Y] — нем. /Y/ в *fünf* /fYnf/ 'пять'.

3. К типу [e] «закрытое» (другое обозначение [ẹ]) относится русск. /e/ в *эти*, англ. /e/ в *red* /red/ 'красный', нем. /e:/ в *Lehm* /le:m/ 'глина', фр. /e/ в *été* /etˈe/ 'лето'; к типу [ɛ] «открытое» — русск. /e/ в *эта*, фр. /ɛ/ в *mettre* /mɛtr/ 'ставить', нем. /ɛ/ в *Bett* /bɛt/ 'кровать'.

---

[1] Другое обозначение (принятое в работах по славянским языкам) — «крючок» у правого нижнего угла буквы (ę, ǫ).

[2] Другое обозначение (принятое по отношению к латыни, древнегреческому и некоторым другим языкам) ¯ над буквой (ā). Краткость в соответствующих случаях отмечается знаком ˘ (ă).

4. [ø] и [œ] отличается от [e] и [ɛ] только огублением. К типу [ø] относится фр. /ø/ в *deux* /dø/ 'два', нем. /ø:/ в *hört* /hø:rt/ 'слушает'; к типу [œ] — фр. /œ/ в *neuf* /nœf/ 'новый', нем. /œ/ в *löscht* /lœšt/ 'гасит'.

5. К типу [æ] относится англ. /æ/ в *man* /mæn/ 'человек'; к этому типу близок тот вариант русск. /а/, который выступает под ударением между мягкими согласными, например в *сядь*.

6. К типу [a] относится фр. /a/, например в *patte* /pat/ 'лапа', и (обычно несколько «оттянутое назад») русск. ударенное /а/, например в *сад*; к типу [ɑ] — фр. /ɑ/ в *mât* /mɑ/ 'мачта', англ. /ɑ:/ в *half* /hɑ:f/ 'половина'; к типу [ʌ] (другое обозначение [ɑ]) — русск. /а/ первого предударного слога, например в *малыш*, *волы*, и англ. /ʌ/, например в *but* /bʌt/ 'но'.

7. К типу [u] относится русск. /u/, например в *ухо*, фр. /u/ в *coup* /ku/ 'удар', нем. /u:/ в *Kuh* /ku:/ 'корова'; к типу [ʊ] — гласные в англ. *put* 'ставить' и нем. *und* 'и'. Тип [ɯ] представлен, например, в корейск. /tɯm/ 'щель'.

8. К типу [o] «закрытое» (другое обозначение [ọ]) относится фр. /o/ в *beau* /bo/ 'красивый', нем. /o:/ в rot /ro:t/ 'красный'; к типу [ɔ] — фр. /ɔ/ в *pomme* /pɔm/ 'яблоко', нем. /ɔ/ в Loch /lɔx/ 'дыра', основная часть русск. /о/ (исключая «у-образное» начало), например в *ох*!; к типу [ɒ] — гласный в англ. *dog* 'собака'.

9. Тип [ы] представлен русск. /ы/, например, в *ты*, а соответствующий огубленный, например, в норвежском *hus* 'дом'. Тип, обозначенный зеркально перевернутым «е», представлен англ. /ə:/, например в *learn* /lə:n/ 'учить(ся)'.

10. К типу [ъ] в русском языке относится /а/ безударных слогов (кроме первого предударного), например в *малыши*, *гольиши*, *ручка*, *тихо*; под ударением (и в качестве самостоятельной фонемы) звук [ъ] представлен в болгарском языке, например в *дъб* /дъp/ 'дуб'. Тип [ə] представлен в английском и немецком языках в безударных слогах. Ср. англ. *reader* [rˈi:də] 'читатель', *about* [əbˈau̯t] 'вокруг', нем. *komme* [kˈɔmə] 'прихожу'. Звук [ь] имеет несколько более переднее образование и выступает в русском языке как вариант фонемы /е/ в начальных безударных слогах после /j/, например в *еда*, *Европа*, *Елена*.

§ 86. Важнейшие типы согласных и обозначающие их транскрипционные знаки указаны в табл. 2. В клетках для шумных левая половина клетки отведена для глухого, правая — для звонкого. В круглые скобки заключены другие знаки для тех же звуков, принятые во многих работах по романским и германским языкам. Под рубрикой «смычные шумные чистые» (первая строка таблицы) помещены согласные, которые нормально артикулируются как взрывные, но в особых случаях как имплозивные (§ 44, 4). В нужных случаях используются следующие добавления к знакам, вошедшим в таблицу:

′ палатализация (t′)	ʰ аспирация (p^h)
° лабиализация (t^o)	̂ глухость сонанта (m̂)
˜ веляризация (ɫ)	: долгота (n:)
	̥ слогообразующая функция (r̥)

Приводим примеры на некоторые согласные.

1. Губная аффриката [pɸ], представленная в нем. *Kopf* /kɔpɸ/ 'голова', показана в таблице как губно-губная, но может реализоваться и как губно-зубная. Звук [β] есть в испанском, например в *Habana* /aβˈana/ 'Гавана', а [ɸ] — в японском. Сонант [w], близкий к неслоговому [u̯], представлен в англ. *white* /wai̯t/ 'белый' и во фр. *loi* /lwɑ/ 'закон'; сонант [ɥ], близкий к неслоговому [y̑], — во фр. *muet* /mɥɛ/ 'немой'. Дрожащий [ψ] используется в русских междометиях *тпру!* и *бpp!*

2. Переднеязычные аффрикаты: [c] представлено в русск. *целый*, нем. *zwölf* /t^svœlf/ 'двенадцать'; [з] встречается как отдельная фонема, например в укр. *дзвiн* /зv′in/ 'звон', в итальянском и др., и как звонкий вариант фонемы /c/ в русск. *отец дома*, произнесенном без паузы (соответствующие двухфокусные со вторым средним фокусом есть в польском, например в *ćma* 'тьма' и *dzień* 'день', в англ. *child* 'дитя' и joy 'радость' — принятая транскрипция: /tʃai̯ld/ и /dʒɔi̯/); [č] имеем в русск. *чай*, нем. *deutsch* /dɔø̑$t^š$/, в итальянском и других языках, соответствующий звонкий в качестве отдельной фонемы — в украинском, например в *джерелó* 'источник', в сербскохорватском, итальянском и т. д., в качестве звонкого варианта фонемы /č/ — в русск. *прилечь бы*.

Таблица 2

Важнейшие типы согласных и соответствующие транскрипционные знаки

По способу образования				Губные: губно-губные	Губные: губно-зубные	Язычные: переднеязычные	Язычные: среднеязычные	Язычные: заднеязычные	язычковые (увулярные)	фарингальные	гортанные
Смычные	шумные		чистые	p b		t d	ḱ ǵ	k g			ʔ
Смычные	шумные, аффрикаты	однофокусные	плоскощелевые	pɸ							
Смычные	шумные, аффрикаты	однофокусные	круглощелевые			c(t^s)з(d^z)					
Смычные	шумные, аффрикаты	двухфокусные	со вторым средним фокусом			ć($t^ś$)з́($d^ź$)	ħ ђ				
Смычные	шумные, аффрикаты	двухфокусные	со вторым задним фокусом			č($t^š$)з̌($d^ž$)					
Смычные	сонанты			m		n	Њ(ɲ)	ŋ			
Щелевые	шумные (фрикативные)	однофокусные	плоскощелевые	ɸ β	f v	θ ð	ç j	x γ		h ɦ	
Щелевые	шумные (фрикативные)	однофокусные	круглощелевые			s z					
Щелевые	шумные (фрикативные)	двухфокусные	со вторым средним фокусом			ś ź					
Щелевые	шумные (фрикативные)	двухфокусные	со вторым задним фокусом			š (ʃ) ž (ʒ)					
Щелевые	сонанты		серединные	w ɥ			j		ʁ		
Щелевые	сонанты		боковые			l	Љ (ʎ)				
Дрожащие	шумные			ψ		ř					
Дрожащие	сонанты					r			R		

3. Примеры некоторых других переднеязычных: [θ], [ð] представлены в англ., например *thick* /θɪk/ 'толстый', that /ðæt/ 'тот, та' и т. д., в испанском и некоторых других языках; [s], [z] в русск. *сало*, *зала*; [ś], [ź] в польск. *śnieg* /śn′ek/ 'снег', *źle* /źl′e/ 'плохо' и, в апикальной разновидности, в англ. *shop* 'магазин', *pleasure* 'удовольствие' (обычная транскрипция /ʃɔp/ или /šɔp/, /plˈeʒə/ или /plˈežə/); [š], [ž] — в русск. *шарить*, *жарить*, во фр. *chat* /ša/ 'кошка', *jamais* /žamˈɛ/ 'никогда'; [ř] представлен в чешском языке, например в слове *řeka* /řˈeka/ 'река'; [l] — «европейское l», представленное в немецком, французском языках, а в английском перед гласным (*love* [lʌv] 'любовь'). В русском выступает всегда либо с палатализацией, как [l′] в *лямка*, либо с веляризацией, как [ɫ] в *лапа* (но в фонематической транскрипции веляризация не отмечается).

4. Примеры среднеязычных смычных: [ḱ], [ŕ] представлены в венгерском языке, например в словах *kutya* /kˈukɒ́/ 'собака', *nagy* /nɒŕ/ 'большой', в латышском, коми, удмуртском, из славянских — в македонском и в некоторых русских диалектах, в таких словах, как *Ванька*, произносимых как нечто среднее между *Ванькя* и *Ваньтя*. Соответствующие аффрикаты представлены в сербскохорватском языке, например в *ноћ* /noħ/ 'ночь', *лађа* /lˈaђa/ 'лодка, корабль'; [њ] имеется во французском, например *signe* /siɲ/ 'знак', в итальянском, испанском, сербскохорватском, якутском.

5. Примеры среднеязычных щелевых: [ç] — так называемый «ich-Laut» немецкого языка (например, в слове *mich* /mıç/ 'меня'); в русском может появляться в случае оглушения /j/, например в *рейс*. Знак [j] фигурирует в таблице дважды, так как [j] может быть и шумным (например, в нем. *Jahr* /ja:r/ 'год') и сонантом (например, русск. /j/, часто реализующийся даже в виде [i̯]). В некоторых системах транскрипции сонант [j] обозначается знаком [y] (в этих системах знак [j] имеет значение [ž]). Звук [љ] представлен в итальянском (например, *egli* /eљi/ 'он'), испанском, сербскохорватском и некоторых других языках.

6. Примеры некоторых заднеязычных: [ŋ] — англ. /ŋ/ в *thing* /θıŋ/ 'вещь', нем. /ŋ/ в *Ding* /dıŋ/ 'вещь'; [x] — русск. /x/ в *пахать*; соответствующий звонкий встречается в русском языке как звонкий вариант фонемы /x/ перед звонким, например в *не грех бы*, как южнорусское произношение фонемы /g/, в междометиях *ага, эге, ого*, а кроме того, в традиционном, уже устаревшем произношении слов *господи, ради бога* (остаток поры, когда в русском языке была отдельная, хотя и редкая фонема /γ/).

7. Примеры увулярных, фарингальных и гортанных: [ʁ] представлен в парижском произношении французского языка как реализация фонемы /r/, а [R] — в современном немецком произношении как главный факультативный вариант фонемы /r/ (см. § 52); глухой фарингальный [h] представлен в английском, немецком и в ряде других языков, например, в англ. *house* /hau̯s/ 'дом', нем. *Haus* /hao̯s/ 'дом', а соответствующий звонкий — в украинском, например в слове *гора* /ɦorˈa/ 'гора'. Традиционно звуки [h], [ɦ] считают не фарингальными, а гортанными, но это вряд ли правильно, особенно в отношении звонкого [ɦ]. Гортанный взрывной [ʔ] — немецкий «Knacklaut», например, в *Abend* /ʔa:bənt/ 'вечер'; этот звук есть также в датском (так называемый «stød»), в некоторых языках Кавказа и др.

ГЛАВА III

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

§ 87. Лексикология (от др.-греч. *lexis* 'слово, выражение') — раздел науки о языке, изучающий лексику, т. е. словарный состав языка. Лексика состоит из слов и устойчивых словосочетаний, функционирующих в речи наподобие слов.

Переходя после изучения фонетики и фонологии к изучению лексикологии, мы попадаем в совершенно другой мир. Если там мы имели дело с односторонними языковыми единицами, то здесь — с единицами двусторонними, обладающими значением. Если количество фонем в одном языке исчисляется всего несколькими десятками, то количество лексических единиц — десятками и сотнями тысяч, а вернее — даже вообще не может быть сосчитано, так как словарный состав непрерывно пополняется. Если каждая фонема и просодема повторяются в текстах практически бесконечное число раз, то среди лексических единиц языка есть высокочастотные (например, в русском языке союз *и*, предлог *в*, отрицательная частица *не*, местоимение *он* и т. д.), а есть и такие, которые могут не встретиться ни разу на многих десятках тысяч страниц текста, и даже такие, о которых можно сказать, что они существуют лишь потенциально, в возможности. Наконец, в отличие от звукового строя и фонологической системы языка, лексика непосредственно и широко отражает общественную практику, материальную и духовную культуру соответствующего человеческого коллектива, немедленно откликается на любое изменение в производстве, в общественных отношениях, в быту, в идеологии и т. д. и потому находится в состоянии непрерывного изменения (что нисколько не исключает наличия в лексике каждого языка устойчивого «ядра», сохраняющегося в течение столетий).

Все это объясняет нам специфику лексикологии — внимание к индивидуальным особенностям отдельного слова, особый интерес к разнообразным внеязыковым факторам, к общественной обусловленности лексических явлений.

Первая и чрезвычайно трудоемкая задача, возникающая перед наукой в рассматриваемой области, — собрать (инвентаризировать) по возможности всю лексику языка, выяснить и описать значение каждой лексической единицы. Этим занимается л е к с и к о г р а́ ф и я, дающая описание лексики в виде словарей (лексико́нов) соответствующего языка. Словари осуществляют (под тем или иным углом зрения, с помощью методов, разрабатываемых теорией лексикографии) лишь первичное описание лексики, оформленное как совокупность описаний отдельных лексических единиц, учтенных в рамках данного словаря. В больших (особенно многотомных) словарях мно-

гие слова могут быть описаны очень подробно и глубоко, но описание каждого слова является здесь по необходимости изолированным от описания других слов: в задачи словаря не может входить обобщение фактов, касающихся разных слов. Материал, собранный в словарях, составляет базу для обобщений лексикологии, для выявления общих закономерностей, управляющих функционированием и историческим развитием словарного состава.

Наиболее существенным разделом лексикологии является семасиология [1], изучающая проблемы значения (семантики) лексических единиц.

1. СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

§ 88. Выше мы уже не раз встречались с понятием слова и с замечаниями о некоторых типах слов (§ 30). Назвав слова наиболее привычными значащими элементами в составе предложения, мы отметили неопределенность понятия «слово». В другой связи было указано на несовпадение «акцентного слова» с «орфографическим словом» и с тем, что понимают под словом составители словарей (§ 79). Сейчас займемся словом «в собственном смысле», словом как лексической (и грамматической) единицей языка.

Определяя эту единицу, мы не можем ограничиться указанием на то, что слово — это «значащая единица в составе предложения», «звук или комплекс звуков, обладающий значением» и т. п. Такие формулировки не являются неверными, но они приложимы не только к словам, но и к другим значащим единицам, меньшим или большим, чем слово. Очевидно, мы должны найти более узкое определение, которое отграничивало бы слово как языковую единицу от его ближайших «соседей» в иерархии языковых единиц, и прежде всего от морфемы, а в потоке речи позволило бы обоснованно отграничить слово от соседнего слова.

Морфема, как мы уже знаем, есть минимальная (т. е. нечленимая дальше) значащая единица языка, в которой за определенным экспонентом закреплен тот или иной элемент содержания. Слово же не обладает признаком структурной и семантической нечленимости: есть слова, не членимые на меньшие значащие части, т. е. состоящие каждое из одной морфемы (например, предлоги *у*, *для*, союзы *и*, *но*, междометие *ах*, существительное *кенгуру*), и такие, которые членятся дальше на значащие части, т. е. состоят каждое из нескольких морфем (*тепл-ая*, *погод-а*, *по-вы-брас-ыва-ть* и т.д.) [2]. Какой же признак объединяет и семантически нечленимые, и членимые слова в общем понятии слова как языковой единицы и одновременно противопоставляет такое слово (в частности, и одноморфемное слово) морфеме? Очевидно, признак б о л ь ш е й с а м о с т о я т е л ь н о с т и (автономности) слова по сравнению с морфемой. Эта самостоятельность может быть позиционной и синтаксической.

§ 89. П о з и ц и о н н а я с а м о с т о я т е л ь н о с т ь заключается в отсутствии у слова жесткой линейной связи со словами, соседними в речевой цепи, в возможности в большинстве случаев отделить его от «соседей» вставкой другого или других слов, в широкой подвижности, перемещаемости слова в предложении. Ср. хотя бы следующие простые примеры: *Сегодня теплая погода. Сегодня очень теплая и сухая погода. Погода сегодня теплая. Теплая сегодня погода!* и т. п.

Можно сказать, что слово — м и н и м а л ь н а я единица, обладающая позиционной самостоятельностью. Части слова, например морфемы внутри многоморфемного слова, такой самостоятельностью не обладают. Они как раз связаны жесткой линейной связью: их нельзя переставлять, между ними либо вовсе нельзя вставить никаких других морфем (например, в *вы-брас-ыва-ть*, *рыб-о-лов*), либо же можно вставить лишь немногие морфемы из жестко ограниченных списков (*тепл-ая*, *тепл-оват-ая*, *тепл-еньк-ая*, *тепл-оват-ень-кая*; *погод-а*, *погод-к-а*; *да-ть*, *да-ва-ть*). Показательно в этом отношении сравнение в русском языке предлогов и приставок, в частности параллельных (*у* и *у-*, *от* и *от-* и т. д.). Предлоги легко отделяются от слова, перед которым стоят и с которым связаны по смыслу, вставкой других слов: *у стола; у большого стола; у небольшого, недавно купленного стола* и т. д. Поэтому вполне закономерно считать предлог отдельным словом (хотя он и не составляет акцентного слова, см. § 79). Приставка же неотделима от корня, перед которым стоит: в *унести*, *отнести* между *у-* или *от-* и *-нести* ничего нельзя вставить.

Позиционная самостоятельность характеризует все типы слов в языке, хотя и не в одинаковой степени.

§ 90. Более высокая ступень самостоятельности слова — с и н т а к с и ч е с к а я самостоятельность — заключается в его способности получать синтаксическую функцию, выступая в качестве отдельного однословного предложения или же члена предложения (подлежащего, сказуемого, дополнения и т. д.). Синтаксическая самостоятельность свойственна не всем словам. Предлоги, например, не могут быть ни отдельными предложениями (исключения вроде *Без!* как ответ на вопрос *Вам с сахаром или без?* единичны), ни сами по себе (без знаменательного слова) членами предложения [1]. То же самое можно сказать и о многих других типах служебных слов — о союзах, артиклях, частицах и т. д. Все же некоторые лингвисты кладут в основу общего определения слова как раз критерий синтаксической самостоятельности, причем обычно даже в более узкой формулировке: слово определяют как м и н и м а л ь н у ю е д и н и ц у, с п о с о б н у ю в соответствующей ситуации в ы с т у п а т ь и з о л и р о в а н н о, в качестве отдельного предложения.

[1] *Семасиоло́гия* — от др.-греч. *sēmasia* 'значение'.

[2] Членимость слова на морфемы не предполагает, что значение слова всегда равняется простой сумме значений составляющих его морфем. Напротив, очень часто такого равенства нет: *писатель* — это не просто 'лицо, занятое действием (*-тель*) писания'.

[1] Случаи типа «Какой предлог здесь нужно употребить?» — «На», разумеется, должны быть исключены из рассмотрения: в этих случаях мы используем язык в метаязыковой функции (см. § 7 и сноску 1 на с. 74).

§ 91. Имеется расхождение между двумя подходами к определению слова, связанное главным образом с различной трактовкой служебных слов. Первая точка зрения в известной мере уравнивает служебные слова со знаменательными на том основании, что и те и другие обладают признаком подвижности в предложении (хотя и не в одинаковой степени). Вторая точка зрения, напротив, резко противопоставляет знаменательные слова по крайней мере тем служебным, которые не способны составить отдельное предложение: такие служебные слова вообще не признаются словами.

Традиционные представления о слове в русском, других славянских, западноевропейских и многих других языках, в значительной мере опирающиеся на «орфографическое слово» — цепочку букв между двумя пробелами, стоят, в общем, ближе к первой точке зрения. Не следует, впрочем, думать, будто «орфографическое слово» всегда совпадает со словом как подвижной в предложении, но линейно-неделимой единицей языка. Ведь орфография консервативна, она всегда в той или иной мере отстает от развития языка и порой дает чисто условное решение вопроса о раздельном или слитном написании. Так, в русском языке многие сочетания предлога с существительным давно уже стали нерасторжимыми и превратились в наречия, но русская орфография во многих случаях сохраняет раздельное написание (*на глазок*, *на попа*, *на слом*, *на побегушках*, *на плаву*, *на корточки* и многие другие).

Первая точка зрения вполне соответствует и практике словарей, в которых все служебные слова даются отдельными статьями. Напротив, понятие акцентного слова в некоторых случаях больше соответствует концепции синтаксического слова [1].

§ 92. Нужно, впрочем, иметь в виду, что, какую бы точку зрения на слово мы ни приняли, мы всегда столкнемся с трудными случаями, допускающими двоякую трактовку.

Одна из трудностей связана с так называемыми аналитическими (сложными) формами, например, такими, как русск. *буду читать*, *читал бы*, англ. *has read*, *will read*, *is reading*, *has been reading*, нем. *hat gelesen*, *wird lesen*, *wird gelesen haben* и т. д. С одной стороны, эти и другие подобные образования справедливо рассматриваются как формы глагола (соответственно *читать*, *to read*, *lesen*), т. е. формы одного слова. С другой стороны, между компонентами этих форм возможна (в определенных случаях даже обязательна) вставка других слов («Я буду *с интересом* читать эту книгу», «He has *never* read this book» 'Он никогда не читал этой книги'); компоненты иногда могут меняться местами («Ты бы читал дальше, а не спорил»); выходит, что перед нами с о ч е т а н и я слов. Получается противоречие: одно и то же явление оказывается одновременно и одним словом (формой одного слова), и сочетанием двух (или более) слов. Но это

---

[1] Не всегда, так как, например, *у стола* составляет одно акцентное и одновременно одно синтаксическое слово, но в сочетании *у нового стола* предлог входит в одно синтаксическое слово с *стола* (*у...стола*) и вместе с тем в одно акцентное слово с *нового* (*у нового*).

противоречие — не результат логической ошибки. Это — противоречие в самом языке, расхождение между функциональной и структурной стороной образований, называемых аналитическими формами: будучи функционально не более как формами слова, эти образования по своему составу и строению представляют собой сочетания слов — знаменательного и служебного (или знаменательного и нескольких служебных) [1]. Разумеется, сказанное относится не только к аналитическим формам глагола, но и к аналогичным явлениям в области других частей речи, в том числе и к предложным сочетаниям вроде *у стола*.

Есть и другие специальные случаи: отделяемые приставки в немецком, явления так называемой групповой флексии (например, в английском, шведском, тюркских и некоторых других языках), «вынесение за скобку» общей части двух сложных слов в русских сочетаниях типа *до- и послевоенный*, *право- и левобережный* [2].

§ 93. Подытоживая сказанное, можно сформулировать следующее рабочее определение слова как языковой единицы: с л о в о — м и н и м а л ь н а я о т н о с и т е л ь н о с а м о с т о я т е л ь н а я з н а ч а щ а я е д и н и ц а я з ы к а; относительная самостоятельность слова — бóльшая, чем у морфемы,— последовательнее всего проявляется в о т с у т с т в и и у него ж е с т к о й л и н е й н о й с в я з и с соседними словами (при наличии, как правило, жесткой связи между частями слова), а кроме того, в способности многих слов ф у н к ц и о н и р о в а т ь с и н т а к с и ч е с к и — в качестве минимального (однословного) предложения либо в качестве члена предложения.

§ 94. Как и все другие языковые единицы, слово выступает в системе языка в качестве абстрактной единицы — инварианта и наряду с этим, как правило, также в виде набора своих вариантов; в речи (в речевом акте и в тексте) оно реализуется в виде конкретного экземпляра, т. е. «речевого слова». Инвариант слова, как уже было отмечено выше (§ 10), называют л е к с е м о й. Экземпляр слова в речи соответственно назовем л é к с о м. Устойчивые сочетания, функционирующие наподобие слова (например, *железная дорога*, *выйти в люди*, *как пить дать*), мы будем называть составными лексемами, а их экземпляры в речи — составными лексами.

Что касается языковых вариантов слова, то, поскольку слово — единица значительно более сложная, чем фонема, языковое варьирование этой единицы носит тоже более сложный характер. Это варьирование может быть чисто фонетическим варьированием экспонента (ср. такие варианты, как *калоша* и *галоша*), иногда связанным с различием стилей или профессиональных подъязыков (*рапóрт* у моряков — *рáпорт* в остальных случаях, см. § 21) либо с фонетическими

---

[1] См.: *Жирмунский В. М.* Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 87—88.

[2] Не касаемся здесь критерия морфологической цельнооформленности слова, отграничивающего сложные слова вроде *железнодорожный* от устойчивых словосочетаний типа *железная дорога*. Хотя этот критерий во многих случаях применим к материалу русского и некоторых других языков, он не имеет того универсального значения, которое ему иногда приписывают.

условиями окружающего контекста (английский неопределенный артикль *a* перед согласным и *an* перед гласным: *a thought* 'мысль' — *an idea* 'идея'). Варьирование слова может быть (несущественным для значения) варьированием морфемного состава слова (*прочесть — прочитать*) в сочетании с той или иной стилистической дифференциацией (как в *картофель — картошка*) или без нее. Варьирование слова может, напротив, касаться одной только содержательной его стороны (семантические варианты многозначного слова, например *аудитория* 'учебная комната' и *аудитория* 'состав слушателей', о чем речь будет ниже). Во всех этих столь разнородных случаях мы вправе говорить о языковых вариантах соответствующего слова, о его а л л о л е к с е́ м а х (аллоле́ксах). В таком языке, как русский, и в очень многих других весьма важным видом языкового варьирования слова является его грамматическое варьирование, т. е. образование его грамматических форм, или с л о в о ф о р м (*пишу, пишешь, писать* и т. д.), в том числе и аналитических (*буду писать, писал бы*).

2. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

а) Вступительные замечания

§ 95. Содержательная, или «внутренняя», сторона слова представляет собой явление сложное, многогранное. В содержании слова, и прежде всего слова знаменательного, следует различать два момента. О них хорошо говорит крупнейший русский языковед XIX в. Александр Афанасьевич Потебня́ (1835—1891): «...слово заключает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других» [1].

Заключенное в знаменательном слове указание на те или иные «общие разряды», т. е. на определенные грамматические категории, называется г р а м м а т и ч е с к и м з н а ч е н и е м (данного слова или его отдельной формы). Так, в слове *теплая* (в данной словоформе) грамматическим значением является указание на род (женский), число (единственное), падеж (именительный), а также (в любой словоформе — *теплый, теплая, теплого* и т. д.) на грамматический класс слов, т. е. часть речи (прилагательное). Грамматическими значениями занимается грамматика.

Заключенное же в слове указание на «известное содержание, свойственное только ему одному», т. е. только данному слову в отличие от всех других слов, называется л е к с и ч е с к и м з н а ч е н и е м. Лексическое значение, как правило, остается одним и тем же во всех

[1] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. 3-е изд. М., 1958. Т. 1—2. С. 35 (1-е издание вышло в 1874 г.).

грамматических формах слова, в том числе и аналитических. Таким образом, оно принадлежит не той или иной словоформе, а лексеме в целом. Лексическое значение слова *теплый* — это то значение, которым это слово отличается от всех других слов русского языка, прежде всего от соотносительных по смыслу (т. е. от *холодный, горячий, прохладный, тепловатый*), а далее и от всех остальных (*кислый, желтый, высокий, передний, восьмой, человек, гора, бежать, вприкуску* и т. д.). Лексикология и лексическая семасиология как раз и занимаются исследованием лексического значения, индивидуально присущего каждому знаменательному слову.

Что касается служебных слов, то вопрос о их лексическом значении не имеет однозначного решения в науке. Ясно только, что они функционируют в предложении как выразители тех или иных грамматических значений отдельных слов и тех или иных смысловых и формальных связей между словами и что, таким образом, грамматическое значение является в их содержании ведущим, если вообще не единственным.

§ 96. Важнейшую часть лексического значения, его, так сказать, ядро составляет у большинства знаменательных слов мыслительное отображение того или иного явления действительности, предмета (или класса предметов) в широком смысле (включая действия, свойства, отношения и т. д.). Обозначаемый словом предмет называют д е н о т а́ т о м, или р е ф е р е́ н т о м [1], а отображение денотата (класса денотатов) — к о н ц е п т у а л ь н ы м з н а ч е н и е м слова, или д е с и г н а́ т о м [2]. Кроме ядра в состав лексического значения входят так называемые к о н н о т а́ ц и и, или созначения [3] — эмоциональные, экспрессивные, стилистические «добавки» к основному значению, придающие слову особую окраску. В каждом языке есть и такие знаменательные слова, для которых не дополнительным, а основным значением является выражение тех или иных эмоций (например, междометия вроде *ого! тьфу!* или *брр!*) или же передача команд — побуждений к определенным действиям (*стоп! прочь! брысь! на!* в смысле 'возьми' и т. п.).

В лексическом значении слова выделяются три стороны, или грани: 1) отношение к денотату — это так называемая предметная отнесенность слова; 2) отношение к категориям логики, и прежде всего к понятию,— понятийная отнесенность; 3) отношение к концептуальным и коннотативным значениям других слов в рамках соответствующей лексической системы — этот аспект значения иногда называют з н а́ ч и м о с т ь ю (фр. *valeur*).

[1] *Денота́т* — от лат. *denotātum* 'отмеченное, обозначенное'; *рефере́нт* — от англ. *to refer* 'отсылать, иметь отношение', т. е. 'то, с чем соотносится, на что указывает слово'.

[2] *Концептуа́льный* — от лат. *conceptus* 'представление о чем-либо, понятие'. *Десигна́т* — от лат. *designātum* 'обозначенное посредством знака'.

[3] *Коннота́ция* (от лат. *con* 'вместе с' и *notātio* 'обозначение') — букв. 'обозначение чего-либо совместно с чем-то другим, попутно', т. е. 'добавочное, сопутствующее значение'.

б) Предметная отнесенность

§ 97. Денотатами слова могут быть предметы, события, свойства, действия, наблюдаемые в окружающем нас мире — в природе и в обществе (ср. денотаты слов *собака, погода, газета, зеленый, продолжаться, курить, вверх, четыре*); чувства и ощущения внутреннего мира человека, моральные и логические оценки и понятия, выработанные развитием духовной культуры, идеологии и т. д. (ср. денотаты слов *радость, томиться, казаться, вспомнить, честно, совесть, гордый, сентиментализм, по-видимому*). Денотатами слов могут быть и элементы языка (как и язык в целом), процессы, протекающие при функционировании языка в речи, действия, осуществляемые в процессе изучения языка, и т. д. (ср. денотаты слов *речь, слово, фонема, произносить, спрягать*). С фиктивными, воображаемыми денотатами соотнесены слова, десигнатами которых являются ложные понятия, возникшие на каком-то этапе развития культуры, а позже отброшенные (*черт, леший, русалка, флогистон*).

Независимо от реального или фиктивного характера денотата различают общую и частную предметную отнесенность.

Общая предметная отнесенность слова есть отнесенность его концептуального значения к целому классу (множеству) денотатов, характеризующихся наличием у них каких-то общих признаков. Так, слово *собака* обозначает любую собаку независимо от породы, цвета шерсти, клички и т. д., т. е. класс (множество) собак; слово *зеленый* — любой оттенок и любой конкретный случай зеленого цвета; слово *курить* — любой конкретный случай этого действия.

Частная предметная отнесенность слова есть отнесенность его концептуального значения к отдельному, единичному денотату, к отдельному, индивидуальному предмету, к отдельному конкретному проявлению свойства, действия и т. д. Так, в приводимых ниже предложениях слова *собака, зеленый* и *курить* обозначают уже нечто совершенно конкретное: *В комнату вбежала большая черная собака. Записка была написана зелеными чернилами. Стоя у окна, он нервно курил.*

§ 98. По способности выступать в общей и/или частной отнесенности большинство знаменательных слов делятся на три группы: 1) имена собственные, 2) нарицательные слова и 3) так называемые указательно-заместительные, или местоименные, слова.

1. Имена собственные всегда выступают (пока они остаются именами собственными) только в частной предметной отнесенности. *Нева* — это одна, совершенно определенная река; *Киев* — вполне определенный город, расположенный в определенной точке земного шара; *Герцен* — определенный человек, живший с 1812 по 1870 год, написавший «Былое и думы», «Кто виноват?» и другие произведения. Берем ли мы имя собственное как элемент языка или в его употреблении в речи, оно в любом случае соотнесено с индивидуальным предметом. Это справедливо и применительно к таким многократно повторяющимся именам собственным, как личные имена

Татьяна (Таня), Виктор (Витя), названия населенных пунктов вроде *Покровское, Александровка* и т. д. Дело в том, что все многочисленные Тани не имеют никакого общего им всем и вместе с тем присущего только им одним признака (кроме самого этого имени Таня, но имя не есть реальный признак вещи). Тем самым все Тани не объединяются в «класс Тань» (или если при случае и объединяются, то лишь в чисто «вербальный», но никак не реальный класс денотатов).

2. Нарицательные слова, например *река, город, писатель, девушка* или приведенные выше *собака, зеленый, курить*, могут выступать и в общей, и в частной предметной отнесенности. В системе языка (в его словаре), в отвлечении от конкретного текста, такие слова всегда имеют, как об этом уже говорилось, общую отнесенность. В речи, в тексте нарицательные слова обладают либо общей, либо частной отнесенностью, в зависимости от характера соответствующего высказывания. Ср. частную отнесенность слов в предложениях *Город стоит на берегу реки; В комнату вбежала собака* и в других, приведенных выше, и общую предметную отнесенность тех же слов в таких общих утверждениях, как «Во всех странах наблюдается отлив сельской молодежи в *город*»; «*Собака* — друг человека»; «*Зеленый* цвет действует успокаивающе на нервы»; «*Курить* — вредно».

3. Указательно-заместительные слова составляют количественно небольшую, но важную группу. Это местоимения, например *я, ты, он, этот, мой, какой, такой, столько*, и местоименные наречия, например *так, здесь, там, тогда* и др. В системе языка они имеют, как и нарицательные слова, только общую предметную отнесенность (и притом отнесенность к очень большим и широким классам денотатов): *я* — любой говорящий, *ты* — любой собеседник, *здесь* — любое место, находящееся вблизи говорящего или указанное в предыдущем контексте, и т. д. О слове *это* В. И. Ленин справедливо заметил: «Самое общее слово» [1]. Вместе с тем в речи все указательно-заместительные слова в отличие от нарицательных выступают всегда только в частной отнесенности: в любом высказывании *я* — вполне конкретное лицо, автор этого высказывания, *ты* — вполне конкретный собеседник, *здесь* — место вблизи данного говорящего и т. д. В диалоге частная отнесенность такого рода слов непрерывно меняется. Если же местоимение получает общую отнесенность, оно перестает быть местоимением (ср.: «Наше внутреннее я» — где *я* уже не местоимение, а имя существительное).

§ 99. Имена собственные и нарицательные слова объединяются вместе как слова-названия, выполняющие номинативную (назывную) функцию [2]. Указательно-заместительные слова противостоят им как слова-указатели и слова — заместители названий. Соответственно говорят о дейктической (т. е. указательной) [3] и о заместительной функциях. Слова

---

[1] *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 249.

[2] *Номинативный* — от лат. *nominativus* 'относящийся к наименованию, назывной' (ср. также *nominativus* 'именительный падеж').

[3] *Дейктический* — от др.-греч. *dêiknymi* 'показываю'.

эти называют также ситуативными, так как они получают совершенно различный и даже прямо противоположный смысл в зависимости от ситуации, в которой употреблены (в зависимости от предшествующего контекста или, при устном общении, в зависимости также от жестов, движения глаз говорящего лица и т. д.). Так, вопрос «Вы поедете *туда*?» будет иметь совершенно разный смысл смотря по тому, какое место (город, страна и т. д.) было перед этим упомянуто или в какую сторону направлен указательный жест спрашивающего. Выступая вместо слова-названия, слово-заместитель делает ненужным повторение этого названия в последующем отрезке текста. Ср.: «В комнату вбежала собака. *Она* (вместо *собака*) громко залаяла». Или: «Я вышел на лестницу. *Там* (вместо *на лестнице*) было темно».

§ 100. Рассмотренные группы знаменательных слов не отделены друг от друга глухими, непроходимыми перегородками. Имя собственное легко получает значение нарицательного, т. е. способность обозначать целый класс однородных в каком-либо отношении предметов (лиц и т. д.) и тем самым способность выступать и в общей предметной отнесенности. Яркий пример — имена некоторых литературных персонажей: *Плюшкин* (в нарицательном значении 'скупец, мелочно-скаредный человек'), *Манилов* ('пустой благодушный мечтатель'), *Хлестаков* ('безудержный хвастун'), *Отелло* ('ревнивец'), *Яго* ('коварный клеветник'), *Тартюф* ('ханжа') и т. д. Сходным образом иногда имена реальных лиц, а также географические названия получают более общее, т. е. нарицательное, значение. В ряде случаев нарицательные слова развиваются из имен собственных или образуются от них. Так, из имени римского полководца и императора Юлия Цезаря *(Caesar)* возникли нарицательные нем. *Kaiser* 'император', русск. *кесарь, цѣсарь*, откуда в дальнейшем *царь*; а из имени франкского короля Карла Великого — нарицательные русск. *король*, чешск. *král*, польск. *król* с тем же значением. Имя собственное — название местности — получает нарицательное значение как название того или иного изделия, например *па́лех, хохлома́, боло́нья, цинанда́ли*.

С другой стороны, имена собственные возникают на базе нарицательных слов. Иногда нарицательное слово получает преимущественную отнесенность к какому-то одному представителю класса и тем самым начинает сближаться с именем собственным; так, слово *начальник*, или *шеф*, и т. п. в устах служащих какого-либо учреждения преимущественно начинает обозначать именно их начальника, *город* для деревенского жителя — чаще всего конкретный, ближайший к данной деревне город и т. д. Затем так возникают настоящие имена собственные. Например, *Стамбул* (турецк. *İstanbul*) есть искажение греческого выражения *eis tēn pólin* 'в город'. Ср. и наше *Городок* (в Витебской области БССР).

Нет резкой грани и между указательно-заместительными и нарицательными словами. Так, слова *вышеупомянутый, следующий* близки по своему характеру к местоимениям *тот, этот, такой*; слова *вчера, завтра* — к местоименным наречиям *тогда, теперь*; слова *справа, слева* — до некоторой степени к местоименным наречиям *здесь, там*, поскольку у всех этих слов «ситуативное наполнение» оказывается

весьма изменчивым. Относительность значения, характерная для заместительных слов, наблюдается и в таких названиях, как термины родства *(отец, мать, сын, дочь, племянник)*, в словах *земляк, сосед, однокурсник, тезка, соперник, приятель* и в ряде других. С другой стороны, ср. выше пример превращения местоимения *я* в имя существительное.

в) Соотношение слова и понятия

§ 101. Логика издавна рассматривает понятие как одну из форм отражения мира в мышлении. Понятие представляет собой «результат обобщения и выделения предметов (или явлений) некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. Обобщение осуществляется за счет отвлечения от всех особенностей отдельных предметов и групп предметов в пределах данного класса»[1]. Понятие, выраженное словом, соответствует, таким образом, не отдельному денотату, а целому к л а с с у денотатов, выделенному по тому или иному признаку, общему для всех денотатов этого класса. Из сказанного вытекает, что из всех типов слов только нарицательные слова служат для прямого выражения понятий. Однако косвенно соотнесены с понятиями и другие типы слов.

Имена собственные, как сказано, являются названиями индивидуальных предметов, но эти индивидуальные предметы мыслятся как входящие в определенные общие классы, вследствие чего и имя собственное подводится в сознании говорящих под тот или иной общий класс и связывается с соответствующим понятием. Так, *Нева* соотносится с классом рек, либо (в письменном изображении в кавычках — «*Нева*») с классом периодических изданий (журнал «Нева»), либо с классом гостиниц, пароходов и т. д. Любое имя собственное имеет смысл при условии такого соотнесения с соответствующим общим понятием.

Отчетливо соотнесены с понятиями указательно-заместительные, а также служебные слова и даже междометия (например, *тьфу!* с понятием отвращения, презрения, *стоп!* с понятием запрещения дальнейшего движения и т. д.). В общем, прямо выражают понятия или косвенно соотнесены с ними все разряды слов.

§ 102. Понятия, с которыми так или иначе соотнесены слова языка, не обязательно являются научными, логически обработанными понятиями, соответствующими современному уровню познания мира человеком. Лишь часть слов языка, особенно те, которые выступают как специальные т е р м и н ы науки и техники, действительно выражают научные понятия. Но термины — особая область лексики, хотя и не отграниченная резко от лексики бытовой. Обычные же бытовые слова связаны с понятиями «бытовыми», часто «донаучными», сложившимися в глубокой древности или существенно упрощенными и огрубленными по сравнению с соответствующими понятиями науки.

[1] Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 316.

Для астрономии «звезда» и «планета» — разные понятия (их существенные признаки совершенно различны), а в повседневном языке концептуальное значение слова *звезда* охватывает без различия и то и другое. Даже при кажущемся совпадении научного и бытового понятия более внимательное рассмотрение показывает, что они содержат нетождественные признаки. Современное научное понятие «вода» включает признак химического состава (H_2O), тогда как бытовое понятие, выраженное словом *вода*, возникло задолго до познания химического состава веществ (и современным ребенком усваивается задолго до первых уроков химии). Содержание бытового понятия (концептуального значения) «вода» может быть определено примерно как 'прозрачная бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера и моря'.

§ 103. Языковой формой выражения и закрепления понятия (научного или бытового) может быть не только слово, но и словосочетание, иногда даже очень длинное и сложное (например, «лицо, внесенное в списки избирателей»; «пассажир, у которого в момент проверки не оказалось проездного билета» и т. п.). Что же касается раскрытия содержания понятия, то такое раскрытие может быть разным по степени полноты и глубины и достигается оно не с помощью одного слова или словосочетания, называющего это понятие, а с помощью сложного, развернутого определения или даже обстоятельного разъяснения, состоящего порой из многих предложений.

г) Системные связи между значениями слов

§ 104. Концептуальное значение слова существует не изолированно, а в определенном соотношении с концептуальными значениями других слов, прежде всего слов того же «семантического поля». Термином с е м а н т и ч е с к о е п о л е обозначают большее или меньшее множество слов, точнее — их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности. Слова, значения которых входят в поле, образуют «тематическую группу» более или менее широкого охвата. Примеры таких групп: слова, обозначающие время и его различные отрезки (*время, пора, год, месяц, неделя, сутки, час* и т. д., также *весна, зима... утро, вечер* и пр.); термины родства (*отец, мать, сын, брат, кузина* и т. д.); названия растений (или более узкие группы: названия деревьев, кустарников, грибов и т. д.); названия температурных ощущений (*горячий, теплый, прохладный, холодный* и т. д.); названия процессов чувственного восприятия (*видеть, слышать, заметить, почувствовать, ощутить*), процессов мысли (*думать, полагать, считать, догадываться, вспоминать*) и пр. С точки зрения их внутренних смысловых отношений слова, принадлежащие к одной тематической группе, должны рассматриваться как некая относительно самостоятельная лексическая микросистема.

В рамках тематической группы выделяются разные типы семантических связей. Важнейшая из них — иерархическая связь по

линии *род — вид* между обозначением более широкого множества (более общего, родового понятия), так называемым г и п е р о́ н и м о м, и обозначениями подчиненных ему подмножеств, входящих в это множество, т. е. «именами видовых понятий» — г и п о́ н и м а м и. Так, гиперониму *животное* подчинены гипонимы *собака, волк, заяц* и т. д., составляющие вместе «лексическую парадигму» (§ 33). Приведенные гипонимы в свою очередь являются гиперонимами для других, более частных гипонимов. Например, *собака* выступает как гипероним по отношению к таким гипонимам, как *бульдог, такса, дворняжка* и т. д. Слова *бульдог, собака* и *животное* могут относиться к одному и тому же денотату, однако заменяемость этих слов — односторонняя: гипероним всегда может быть употреблен вместо своего гипонима, но не наоборот. Иногда в подобных иерархических системах в роли того или иного звена выступает не слово, а словосочетание, например в русском языке в иерархическом ряду *дерево — хвойное дерево — ель*.

§ 105. Смысловым отношением слова, с одной стороны, к его гиперониму, а с другой — к «соседям», остальным гипонимам того же гиперонима, определяется объем и содержание выражаемого в слове понятия. Учитывая это отношение, можно сформулировать логическое определение концептуального значения слова, т. е. его «определение через ближайший род и видовое отличие». А более подробный анализ всех смысловых связей, в которых участвует данное слово, позволяет «расщеплять» концептуальное значение на его мельчайшие составляющие — отдельные с е́ м ы. Такое «расщепление» получило название к о м п о н е н т н о г о а н а л и з а. Выделяемые семы отчасти выступают в качестве интегрирующих семантических признаков, которые объединяют данное значение с какими-то другими, а отчасти — в качестве дифференциальных семантических признаков, отграничивающих одно значение от другого.

Так, концептуальные значения русских слов *мать, отец, брат, кузина* и т. д. объединяются интегрирующим признаком '(кровный) родственник' и различаются тремя дифференциальными признаками: 1) принадлежность к поколению ('моему', 'старшему на одну ступень', 'старшему на две ступени' и т. д.); 2) 'прямое/непрямое родство/двоюродность' и т. д.; 3) 'пол'. Каждый элемент системы характеризован в отношении каждого из признаков. Так, *тетка* 1) в противоположность, например, *сестре* ('мое поколение'), *бабушке* ('поколение, старшее на две ступени') и т. д. принадлежит к поколению родителей; 2) в противоположность *матери* не является прямой родственницей по восходящей линии; 3) наконец, в противоположность *дяде* (с которым совпадает по двум остальным признакам) является женщиной. Если мы возьмем систему терминов родства в более широких рамках, включая и свойство́, т. е. родство через браки, мы должны будем учесть еще признак 4) 'кровное родство/родство через браки' и 5) 'со стороны жены/со стороны мужа'. Так, именно по 5-му признаку различаются в 'поколении родителей' *теща* и *свекровь*, в 'моем поколении' — *шурин* (брат жены) и *деверь* (брат мужа).

Как и дифференциальные признаки фонем (§ 57), дифференциаль-

ные семантические признаки выделяются в противопоставлениях [1]. Для четкости выделения этих признаков важно опираться на случаи, когда два элемента противопоставлены только по одному признаку, как это мы видели в приведенных сейчас примерах. Есть, однако, такие лексические системы, в которых противопоставление элементов носит глобальный (нерасчлененный) характер, т. е. осуществляется сразу по многим сопряженным признакам. Так в большинстве случаев обстоит дело с названиями животных и растений. Например, для ряда *бульдог, такса, шпиц, дворняжка* интегрирующий признак 'собака' выделяется просто, четкое же выделение дифференциальных признаков оказывается затруднительным [2].

Сложность строения лексических систем и микросистем проявляется, в частности, в том, что в отдельных звеньях определенные признаки оказываются как бы постоянно нейтрализованными, невыраженными. В таких случаях мы будем говорить о с и н к р е т и́ з м е [3]. Так, в значении слова *невестка* наблюдается синкретизм признака 'поколение', так как это слово применимо и к жене брата ('мое поколение') и к жене сына ('поколение детей'). Но здесь синкретизм лишь частичный, поскольку, например, жену отца или дедушки никогда не называют невесткой. В значении слов *тетка (тетя)* и *дядя* наблюдаем полный синкретизм признака 'кровное родство/свойство'. Наконец, есть обобщающие термины *родители* и *ребенок — дети*, в которых представлен синкретизм признака пола.

§ 106. Разновидностями лексических микросистем являются также 1) антонимические пары и 2) синонимические ряды.

1. Антонимические пары объединяют а н т о́ н и м ы [4], т. е. слова, диаметрально противоположные по концептуальному значению. Они могут быть (а) разнокорневыми, например *добрый : злой, умный : глупый, холодный : горячий, любовь : ненависть, день : ночь, уважать : презирать, поднять : опустить, поздно : рано, справа : слева*, или же (б) образованными от одного корня, например *надводный : подводный, одеть : раздеть, счастливый : несчастный, порядок : беспорядок*.

2. Синонимический ряд может содержать два и более с и н о́ н и м о в [5], т. е. слов, частично, а в иных случаях даже полностью совпадающих по концептуальному значению, но различающихся своими коннотациями, сферой употребления, сочетаемостью с другими словами, часто оттенками концептуального значения и т. д. Так, в синонимическом ряду *смотреть : глядеть : глазеть : взирать* между первыми двумя синонимами отмечается концептуальное различие в степени целеустремленности, сосредоточенности действия (ср. *внимательно смотреть*, но «*рассеянно глядел* перед собой, не замечая собеседника»); вместе с тем в противоположность стилистически нейтральному, прозаическому *смотреть* в слове *глядеть* чувствуется некоторая поэтичность и свежесть, так что в поэтическом контексте это слово может обозначать и 'увлеченно смотреть' (ср. у Некрасова: «Что ты *жадно глядишь* на дорогу/В стороне от веселых подруг?»). Последние два синонима этого ряда выделяются прежде всего эмоциональными и стилистическими коннотациями: *глазеть* — слово неодобрительное и грубоватое, а *взирать* — очень книжное и «высокое» (и, как многие другие «высокие» слова, нередко употребляемое также иронически); вместе с тем и в этих двух синонимах есть определенные концептуальные оттенки: *глазеть* — 'смотреть с праздным любопытством', а *взирать* — 'смотреть бесстрастно, незаинтересованно, сохраняя полное спокойствие и равнодушие'. В некоторых случаях различие между членами ряда только или главным образом в оценке — положительной или отрицательной: ср. *соратник* и *приспешник*. Встречаются (особенно в терминологической лексике) и абсолютные синонимы — слова с полностью совпадающими значениями, например *языковедение = языкознание = лингвистика, уподобление = ассимиляция*. Иногда один из таких абсолютных синонимов начинают чаще применять в научной, а другой — в научно-популярной литературе, что может привести к возникновению определенных коннотаций и тем самым к некоторой дифференциации и этих синонимов.

[1] Что касается интегрирующих семантических признаков, то их можно сравнить с теми ДП фонем, которые выделяются в групповых противопоставлениях.

[2] И все-таки лингвисту при составлении словаря приходится этим заниматься. В русских словарях *дворняжка* четко отделяется от первых трех (и других подобных) названий признаком 'беспородности', но для остальных слов словари указывают самые разные признаки — предназначение ('комнатная, охотничья'), форму морды, тела, ног и т. д.

[3] *Синкрети́зм* — постоянное объединение в одной форме нескольких значений (или компонентов значения), которые в соотносительных случаях разделены (или в прошлую эпоху были разделены) между разными формами (от др.-греч. *synkrētismós* 'примирение враждующих сторон'). Синкретизм наблюдается в самой системе, в ее единицах, тогда как нейтрализация противопоставлений имеет место при функционировании единиц в речи.

[4] *Анто́ним* — от др.-греч. *anti* 'против' и *onyma (onoma)* 'имя' — букв. 'противоположное имя'.

[5] *Сино́нимы* (ед. ч. *сино́ним*) — от др.-греч. *synōnyma* букв. 'соименные', т. е. 'слова с одинаковым значением'.

д) Значение слова и различия между языками

§ 107. Слова, обозначающие в разных языках одни и те же или близкие явления действительности, часто оказываются нетождественными, заметно расходящимися по своим концептуальным значениям. Так, в русском языке мы различаем *голубой* и *синий*, а в некоторых других языках этим двум словам соответствует одно — англ. *blue*, фр. *bleu*, нем. *blau*. Русское слово *рука* обозначает всю верхнюю конечность человека (или обезьяны) — от плеча до кончиков пальцев; правда, у нас есть еще отдельное слово *кисть* для части руки ниже запястья, но это последнее слово применяется редко, в специальных случаях: нормально мы говорим *подать руку, пожать руку, взять за руку, мыть руки* и т. д., а не «подать кисть», «пожать кисть» и пр. В некоторых же других языках значение русского *рука* «распределено» между двумя словами: одно из этих слов регулярно (а не изредка, как русское *кисть*) используется для обозначения кисти руки — это англ. *hand*, нем. *Hand*, фр. *main*; другое — соответственно *arm, Arm, bras* — для остальной части руки и лишь в специальных случаях для руки в целом. Русское слово *пальцы* в современном языке относится и к

пальцам рук, и к пальцам ног; в некоторых других языках такого общего слова нет, а существует по два слова — одно для пальца на руке (англ. *finger*, нем. *Finger*, фр. *doigt*), другое — для пальца на ноге (англ. *toe*, нем. *Zehe*, фр. *orteil*). Зато мы различаем *мыть* и *стирать* (о белье и т. п.), а немцы объединяют то и другое в одном глаголе *waschen*.

Иногда расхождения между языками касаются не отдельных слов, а целых лексических микросистем. Например, в системе терминов родства в некоторых языках оказываются существенными семантические дифференциальные признаки, не играющие роли в рассмотренной выше (§ 105) русской системе. В частности, современному русскому слову *дядя* во многих языках соответствует по два слова: 1) лат. *patruus*, болг. *чи́чо*, польск. *stryj* (также и др.-русск. *стрый*) — для брата отца и 2) лат. *avuncŭlus*, болг. *ву́йчо*, польск. *wuj* (и др.-русск. *уй*) — для брата матери. В саами (лопарском) языке для дяди по отцу (а также для тетки с материнской стороны) существенным является еще один признак — 'моложе или старше отца' (для тетки — 'моложе или старше матери'). Иногда, напротив, оказывается несущественным признак, казалось бы, очень важный, например признак пола [1]. Так, в малайском языке рядом с общим обозначением *saudara* 'брат или сестра' (включающим также двоюродных братьев и сестер) нет однословных обозначений отдельно для брата и отдельно для сестры, но зато есть особые слова, с одной стороны, для младших, с другой стороны, для старших братьев и сестер (без различия пола), а кроме того, еще разные слова для понятий 'старшие сестры' и 'старшие братья' (включая двоюродных). В венгерском языке вплоть до XIX столетия также не было слов со значением 'брат' (соврем. *fivér*) и 'сестра' (соврем. *nővér*) [2], а употреблялись только (существующие и сейчас) отдельные слова для старшего и для младшего братьев, а также для старшей и для младшей сестер.

§ 108. На основании такого рода различий между языками в составе словаря и в значениях слов (а также и аналогичных различий грамматического порядка) была выдвинута «гипотеза лингвистической относительности». Ее сторонники — американцы Э. Сепи́р (1884—1939) и особенно Б. Уо́рф (1897—1941) — утверждают, что не только язык, но и само «ви́дение мира» оказывается у разных народов разным, что каждый народ видит мир через призму своего языка и потому мыслит и действует иначе, чем другие народы.

Правильны или неправильны эти утверждения?

Если говорить о законах, по которым протекает мышление, то они, как мы уже отметили выше (§ 16), безусловно являются общечеловеческими, интернациональными; именно таковы принципы отражения действительности сознанием человека, законы формирования понятий на основе обобщения признаков, законы оперирования этими понятиями и т. д. Следовательно, не может быть русского, английского, лопарского, малайского и т. д. мышления, а есть единое общечеловеческое мышление. Вместе с тем конкретный инвентарь понятий, осознанных коллективом и устойчиво закрепленных в концептуальных значениях слов, во многом отличается от языка к языку и, в истории одного языка, от эпохи к эпохе. Однако эти различия, вопреки представлениям Сепира и Уорфа, не порождаются языком, а только проявляются в языке. Порождаются же они непосредственно или опосредованно различиями в общественной практике, в культурно-историческом опыте народов. Так, у лопарей в старину существовал обычай, согласно которому вдова выходила замуж за младшего неженатого брата своего покойного мужа, а вдовец женился на младшей незамужней сестре своей покойной жены; таким образом, младшие дяди со стороны отца были для детей «потенциальными отчимами», а младшие тетки со стороны матери — «потенциальными мачехами». Это их особое правовое положение и обусловило закрепление за ними специального слова; теперь обычай этот давно оставлен, но возникшее благодаря ему отдельное обозначение сохранилось и поныне.

Конечно, во многих случаях мы не можем конкретно объяснить различие между языками различиями в общественной практике, но это не меняет дела в принципе. Ведь отражение действительности — не пассивный, а активный процесс. Отражая мир, человек определенным образом систематизирует и моделирует его, в зависимости от своих практических потребностей. К тому же сама многогранность объективной действительности, многообразие признаков предметов и явлений, наличие всесторонних связей между ними дают реальные основания очень по-разному группировать и объединять эти предметы и явления в классы, выдвигая на передний план то один, то другой из признаков. Рука в целом объективно представляет собой известное единство, но вместе с тем кисть руки объективно отличается (по выполняемым функциям и т. д.) от остальной части; пальцы рук и ног объективно имеют сходные черты и так же объективно отличаются друг от друга и т. д. Разные человеческие коллективы могли по-разному сгруппировать данные опыта и соответственно закрепить эту группировку в значениях слов своих языков.

Хотя мы сейчас во многих случаях не можем конкретно объяснить практикой происхождение того или иного различия между языками, мы в принципе знаем, что в филогене́зе, т. е. в истории становления и развития человека, человеческого мышления и языка, дело обстояло именно так: общественная практика всегда была здесь первична, а различия между языками — вторичны. Другое дело — в онтогене́зе, т. е. в индивидуальном развитии отдельного человека. Рассматривая роль языка в становлении понятийного мышления индивида, мы должны признать, что каждый новый член общества и каждое новое поколение, вступая в жизнь, усваивает

---

[1] В русском языке, как мы видели, синкретизм признака пола наблюдается только в дополнительных членах системы (*родители* и *ребенок — дети*). Это же можно сказать о нем. *Geschwister* 'братья и/или сестры'.

[2] Эти слова представляют собой поздние образования — сложные слова: их второй компонент *vér* в самостоятельном употреблении значит 'кровь, кровный родственник', а первый компонент указывает на мужской или женский пол соответственно.

знания о мире при посредстве и потому в значительной мере, действительно, через призму родного языка.

Однако и последнее обстоятельство не создает каких-то непроходимых перегородок между народами. Ведь понятие выражается, как мы знаем, не только с помощью отдельного слова, но и в сочетаниях слов (§ 103). В английском языке нет слова, соответствующего по значению русскому *сутки*, но то же самое понятие без труда передается словосочетаниями *day and night* 'день и ночь' или *24 hours* '24 часа'. Если, говоря по-английски, нужно разграничить понятия 'голубой' и 'синий', к слову *blue* прибавляют определения *light* 'светлый', или *Cambridge* 'кэмбриджский' (для голубого) и *dark* 'темный', или *Oxford* 'оксфордский' (для синего). В принципе все переводимо с любого языка на любой другой, и каждая мысль может быть так или иначе выражена на любом языке.

3. ПОЛИСЕМИЯ СЛОВА

§ 109. До сих пор мы говорили о значении слова так, как если бы каждое слово имело только одно, хотя и многогранное, но все же единое значение. На деле, однако, случаи однозначности, или моносеми́и, слова не так уж типичны. Моносемия сознательно поддерживается в терминологической лексике (ср., например, значения морских терминов: *бак, ют, гротмачта, фальшборт, ватерлиния, водоизмещение, зюйд-вест, норд-ост* и т. д.), она иногда встречается и в лексике бытовой (ср. значения слов *подоконник, табуретка, подстаканник*). Но для подавляющей массы слов языка типична многозначность, или полисеми́я. В большинстве случаев у одного слова сосуществует несколько устойчивых значений, образующих с е м а н т и ч е с к и е   в а р и а н т ы этого слова. А потенциально любое или почти любое слово способно получать новые значения, когда у пользующихся языком людей возникает потребность назвать с его помощью новое для них явление, еще не имеющее обозначения в соответствующем языке.

Так, в русском языке *окно* — это 'отверстие для света и воздуха в стене здания или стенке транспортного устройства', но также и 'промежуток между лекциями или уроками длительностью не меньше академического часа', а кроме того, еще иногда и 'разрыв между облаками, между льдинами'; *зеленый* — это название известного цвета, но также и 'недозрелый', и 'неопытный вследствие молодости' (например, *зеленый юнец*); *вспыхнуть* — это и 'внезапно загореться', и 'быстро и сильно покраснеть', и 'внезапно прийти в раздражение', и 'внезапно возникнуть' *(вспыхнула ссора)*.

Присматриваясь к приведенным примерам, мы видим, что представленные в них значения неравноценны. Некоторые встречаются чаще, они первыми приходят в голову при изолированном упоминании данного слова. А другие появляются реже, только в особых сочетаниях или в особой ситуации. Соответственно различают относительно с в о б о д н ы е значения слова и значения с в я з а н н ы е.

Например, «цветовое» значение прилагательного *зеленый* наиболее свободно: его можно встретить в самых разных сочетаниях, так как многие предметы могут быть зеленого цвета; значение 'недозрелый' менее свободно: оно встречается лишь в сочетаниях с названиями фруктов, плодов и т. п.; третье же значение является очень связанным: оно представлено только сочетаниями *зеленый юнец, зеленая молодежь* и, может быть, одним-двумя другими.

§ 110. Между отдельными значениями многозначного слова имеются определенные смысловые связи, и эти связи делают понятным, почему довольно разные предметы, явления, свойства и т. д. оказываются названными посредством одного и того же слова. И часовой промежуток между лекциями, и просвет между облаками или льдинами в некотором отношении похожи на окно в стене дома. Неспелый плод обычно действительно бывает зеленым по цвету, а неопытный юноша чем-то напоминает недозрелый плод. Благодаря такого рода связям все значения многозначного слова как бы выстраиваются в определенном порядке: одно из значений составляет опору для другого. В наших примерах исходными, п р я м ы м и значениями являются: для *окна* — 'отверстие... в стене здания...', для *зеленого* — значение цвета, для *вспыхнуть* — 'внезапно загореться'. Остальные значения называются п е р е н о́ с н ы м и. Между ними, в свою очередь, можно различать переносные первой степени, т. е. восходящие непосредственно к прямому, переносные второй степени, производные от переносных первой степени (*зеленый* в смысле 'неопытный'), и т. д.

Правда, не всегда отношения между значениями так же ясны, как во взятых примерах. Первоначальное направление связей может не совпадать с их осознанием в позднейший период развития языка. Так, в прилагательном *красный* исторически исходным было значение 'красивый, хороший' (ср. от того же корня: *краса, прекрасный, украсить* и т. д.), а «цветовое» значение возникло как вторичное на его базе. Для современного же языка значение цвета является, несомненно, прямым, а значение 'красивый, хороший' — одним из переносных.

Связь между значениями многозначного слова предполагает сохранение в переносном значении того или иного признака, объединяющего это значение с прямым (или с другим переносным), но вовсе не предполагает тождества всей совокупности сем, выделяемых в каждом из значений. Напротив, получая переносное значение, слово, как правило, переходит в другое семантическое поле, нередко также в другой синонимический ряд, в другую антонимическую пару и т. д. Так, *тетка* в переносном значении уже вовсе не 'родственница', а просто 'не очень молодая женщина' (сохраняется лишь дифференциальный признак пола и, в существенно измененном виде, признак принадлежности к 'поколению родителей'); *легкий* в одном значении антонимично *тяжелому*, а в другом — *трудному* (правда, и прилагательное *тяжелый* имеет переносное значение 'трудный'); *зеленый* в прямом смысле не имеет антонима, а в одном из переносных получает антоним *спелый* и т. д. Короче говоря, каждое значение много-

значного слова вступает в свои особые системные связи с другими элементами лексики.

§ 111. Кроме переносных значений, как устойчивых фактов языка, существует переносное употребление слов в речи, т. е. «мимолетное», ограниченное рамками данного высказывания использование того или иного слова в необычном для него значении с целью особой выразительности, преувеличения и т. п. Переносное употребление слов — один из очень действенных художественных приемов, широко используемых писателями. Напомним в качестве примера такие писательские находки, как «пустынные *глаза* вагонов» (Блок) или «пыль *глотала* дождь *в пилюлях*» (Пастернак). Для лингвиста подобные поэтические «тропы» [1], а также и аналогичные факты бытовой речи важны как яркое свидетельство неограниченной способности слова принимать новые значения. Но более существенно для лингвиста рассмотрение тех переносных значений, которые представляют собой «ходовую монету» в языковом обиходе данного коллектива, которые должны фиксироваться, и на деле обычно фиксируются словарями [2], и должны наравне с прямыми значениями усваиваться людьми, изучающими соответствующий язык.

§ 112. Исследуя переносные значения в общенародном языке и переносное употребление слов в произведениях художественной литературы, филологи выделили ряд типов переноса названий. Важнейшими из этих типов можно считать два — мета́фору и метони́мию.

С мета́форой (от др.-греч. *metaphorá* 'перенос') мы имеем дело там, где перенос названия с одного предмета на другой осуществляется на основе сходства тех или иных признаков, как это видно в примере с *окном* или в третьем значении слова *зеленый* ('неопытный, молодой'). Сюда же относятся и упомянутые выше переносные значения слов *вспыхнуть*, *тетка*, а также *идти* в применении к поезду, времени, работе; *улечься* по отношению к ветру и т. д. Сходство, лежащее в основе метафорического переноса, может быть «внутренним», т. е. сходством не внешних признаков, а ощущения, впечатления или оценки. Так говорят о *теплой* встрече, о *горячей* любви или, напротив, о *холодном* приеме, о *сухом* ответе, о *кислой* мине и *горьком* упреке.

В основе метони́мии (от др.-греч. *metōnymia* 'переименование') лежат те или иные реальные (а иногда воображаемые) связи между соответствующими предметами или явлениями: смежность в пространстве или во времени, причинно-следственные связи и т. д. Кроме примера *зеленый* в смысле 'недозрелый' ср. еще следующие: *аудитория* 'помещение для слушания лекций' и 'состав слушателей';

[1] *Троп* (от др.-греч. *trópos* 'поворот' и 'оборот речи') — переносное употребление слова и словосочетания как стилистический прием.

[2] В толковых и переводных словарях (о типах словарей см. § 132 и след.) значения многозначного слова, наиболее четко отграниченные одно от другого, как правило, нумеруются, а более тонкие оттенки значения разделяются каким-нибудь знаком (например, двумя вертикальными чертами). Методика выделения значений и оттенков значения разработана пока недостаточно, и поэтому между составителями словарей в «разбивке» значений одного и того же слова наблюдаются порой сильные расхождения.

земля 'почва, суша, страна, планета'; *вечер* в смысле 'собрание, концерт' и т. п.; различные случаи, когда название сосуда используется как мера вещества («съел целую *тарелку*», «выпил *полстакана*»). Очень широко распространены и являются регулярными в самых разных языках метонимические переносы названия с процесса на результат (продукт) процесса (*кладка*, *проводка*, *сообщение*), на используемый в этом процессе материал (*удобрение*), на производственное помещение (ср. *фотография* — процесс, продукт процесса и помещение) и т. д.

Разновидностью метонимии является сине́кдоха (от др.-греч. *synekdochē* 'соподразумевание, выражение намеком') — перенос названия с части на целое (по латинской формуле *pars pro toto* 'часть вместо целого'), например с предмета одежды — на человека («он бегал за каждой *юбкой*»), либо с целого класса предметов или явлений на один из подклассов (так называемое «сужение значения»), например *машина* в значении 'автомобиль', *запах* в значении 'дурной запах' («мясо с запахом»).

§ 113. Сопоставляя факты полисемии слова в разных языках, мы можем отметить как черты сходства между этими языками, так и ряд интересных различий между ними.

Так, можно отметить ряд метафор, свойственных многим языкам. Например, глаголы со значением 'схватывать' или 'вмещать' нередко получают значение 'воспринимать, понимать', кроме русск. *схватить* («ребенок быстро схватывает»), это же наблюдаем в англ. *to catch*, *to grasp*, в нем. *fassen*, шведск. *fatta*, фр. *saisir*, *comprendre*, ит. *capire*, словацк. *chápat'* и т. д. Существительные, обозначающие части человеческого тела, переносно употребляются для похожих предметов — ср. англ. *the neck of a bottle* 'горлышко бутылки', *the leg of a table* 'ножка стола' (в русском соответственно используются уменьшительные образования, ср. также различные *ручки* — дверные и т. п., *носик* чайника, *ушко* иголки и т. д.). Нередко встречаются более или менее регулярные «интернациональные» метонимии, например *язык* 'орган в полости рта' → 'система звуковых знаков, служащих важнейшим средством человеческого общения'; совмещение тех же значений находим в др.-греч. *glōssa*, лат. *lingua*, фр. *langue*, англ. *tongue* (ср. выражение *mother tongue* 'родной язык'), венг. *nyelv*, эстон. *keel*, финск. *kieli*, турецк. *dil* и др.

Выше рассматривалось русское прилагательное *зеленый*; те же три значения отмечаем и в нем. *grün*; англ. *green* прибавляет к этим значениям еще одно — 'полный сил, бодрый, свежий' (например, *a green old age* букв. 'зеленая старость', т. е. 'бодрая старость'); фр. *vert* имеет все значения англ. *green* плюс еще значение 'вольный, игривый' и некоторые другие. Немецкое слово *Fuchs* 'лиса' обозначает не только известное животное и — метонимически — его мех, и не только хитреца, пройдоху, но, в отличие от русского слова *лиса*, еще и лошадь рыжей масти, человека с рыжими волосами, золотую монету и, наконец (на основании какой-то сейчас уже непонятной ассоциации смыслов), студента-первокурсника. С другой стороны, переносные значения, присущие русским словам *окно* и *рыба* ('вялый

человек, флегматик'), не отмечаются словарями для соответствующих слов английского, французского и немецкого языков.

§ 114. Полисемия слова не мешает говорящим понимать друг друга. В речевом акте каждый раз реализуется какое-то одно из значений многозначного слова, используется один из его семантических вариантов. Окружающий речевой контекст и сама ситуация общения снимают полисемию и достаточно ясно указывают, какое из значений имеется в виду: «*просторная* аудитория» и «*требовательная* аудитория»; «*тихий* вечер» и «*пойдем* на вечер»; «*фотография* — ее хобби», «*фотография* измялась» и «*фотография* закрыта на обед» или восклицание «настоящий медведь!», произнесенное ребенком, впервые попавшим в зоопарк, и такое же восклицание, произнесенное (правда, с другой интонацией) человеком, которому в толпе наступили на ногу. Лишь иногда встречаются — или специально создаются ради комического эффекта — случаи, в которых речевое окружение слова и ситуация оказываются недостаточными для снятия полисемии, и тогда возникает либо нечаянное недоразумение, либо каламбу́р — сознательная игра слов, построенная на возможности их двоякого понимания. Нормально же даже небольшого контекста бывает достаточно, чтобы исключить все посторонние для данного случая значения и таким образом на миг превратить многозначное «слово языка» в однозначно используемое «слово в речи».

Полисемия не только снимается контекстом, но и выявляется во всем своем многообразии с помощью постановки слова в разные контексты. Некоторые считают, что полисемия и порождается контекстом. Однако очевидно, что слово *лиса* не потому получило значение 'хитрый человек', что кто-то употребил это слово в одном контексте с человеческим именем (т. е. в предложении типа «Иван Петрович — лиса»). Напротив, употребить слово *лиса* в подобном контексте стало возможным потому, что согласно народным представлениям хитрость издавна рассматривалась как типичное свойство лис; когда возникла потребность в экспрессивном, эмоционально-насыщенном обозначении для хитрого человека, было естественно использовать для этого слово, обозначавшее данное животное. В подобных случаях контекст, в котором употреблено слово, лишь подсказывает слушателю (читателю) выбор нужного (актуального) значения из нескольких потенциальных, исторически развившихся в многозначном слове и присущих ему в качестве семантических вариантов в данную эпоху жизни языка.

В принципе полисемия создается общественной потребностью — либо в подходящем названии для нового предмета или явления, либо в новом (например, более экспрессивном) названии для предмета старого, уже как-то обозначавшегося. Общественная потребность широко использует неограниченную способность слов языка получать новые значения.

4. ОМОНИМИЯ СЛОВ

§ 115. От полисемии слова следует отличать омонимию слов, т. е. тождество звучания двух или нескольких разных слов. Эти разные, но одинаково звучащие слова называют омонимами [1].

Типовым примером омонимов могут служить в русском языке слова *бор* 'хвойный лес', *бор* 'стальное сверло, употребляемое в зубоврачебном деле' и *бор* 'химический элемент'. Рассматривая в предыдущем разделе полисемию, мы видели, что между значениями многозначного слова существуют более или менее ясные смысловые связи, которые и позволяют говорить об этих значениях как о значениях одного слова, говорить об одном слове и его семантических вариантах. Совсем другое дело — омонимия. Между хвойным лесом, инструментом зубного врача и химическим элементом нет абсолютно ничего общего. Никакая, даже самая тонкая «ниточка смысла» не протягивается от одного значения к другому, не объединяет их. Три разных «бора» не связаны ничем, кроме звукового тождества. Поэтому мы не можем признать их тремя вариантами одного слова, а должны говорить о трех совершенно разных словах, случайно совпадающих по звучанию.

Встречаются в языке и омонимы несколько другого типа. Глагол *течь* и имя существительное *течь*, бесспорно, связаны по значению (и по происхождению: по-видимому, существительное произведено от глагола). Во всяком случае, звуковое тождество не является здесь совершенно случайным, оно в какой-то мере отражает смысловую связь. Но можно ли признать одним и тем же словом (вариантами одного слова) глагол и существительное? Думается, что нельзя. Следовательно, мы и здесь должны говорить о разных словах — правда, связанных помимо звукового тождества смысловой связью (и общностью происхождения), но все-таки разных.

Омонимия обычно не мешает пониманию, поскольку омонимы — как и разные значения многозначного слова — разграничиваются для слушающего контекстом и ситуацией. Неудобными бывают (и потому сознательно избегаются) лишь такие омонимы, которые могли бы оказаться употребленными в одинаковых или сходных контекстах. Отметим еще, что, выявляя и дифференцируя омонимы, контекст, разумеется, никогда не «создает» их, не может служить причиной их возникновения (ср. § 114).

Когда говорят об омонимах, их для удобства обычно нумеруют: $бор_1$, $бор_2$, $бор_3$; $течь_1$, $течь_2$ и т. п.

§ 116. Омонимия — явление многогранное, и классифицировать омонимы приходится под несколькими разными углами зрения.

А. В соответствии с мотивами, по которым данные слова признаются омонимами, выделяются прежде

[1] *Омóним* (от др.-греч. *homos* 'тот же самый, одинаковый, равный' и *onyma, onoma* 'имя') букв. 'носящий то же самое имя'; *омонимúя* букв. 'равноименность, тождество имен'.

всего те два типа, о которых уже шла речь в предшествующем параграфе.

1. *Бор*$_1$, *бор*$_2$ и *бор*$_3$ признаны омонимами ввиду отсутствия какой бы то ни было связи между их лексическими значениями. Такую омонимию естественно назвать «чисто лексической». Ср. еще примеры: *топить*$_1$ 'поддерживать огонь' (в печи), 'обогревать' (комнату), 'нагревая, расплавлять'[1] и *топить*$_2$ 'заставлять тонуть'; *кормовой*$_1$ 'служащий кормом' и *кормовой*$_2$ 'находящийся на корме корабля, лодки'; англ. *match*/mætš/$_1$ 'спичка' и *match* /mætš/$_2$ 'состязание, матч'; фр. *louer* /lu'e/$_1$ 'отдавать (или брать) внаем, напрокат' и *louer* /lu'e/$_2$ 'хвалить'.

2. *Течь*$_1$ и *течь*$_2$ признаны омонимами, так как это разные части речи. Такую омонимию назовем «грамматической омонимией слов»[2]. Ср. еще примеры: *зло*$_1$ (сущ.) и *зло*$_2$ *(наречие)*; англ. *love* /lʌv/$_1$ 'любить' и *love* /lʌv/$_2$ 'любовь'.

3. Есть также смешанный тип — «лексико-грамматическая» омонимия. В этом случае омонимы и по лексическому значению никак не связаны, и к тому же принадлежат к разным частям речи. Например, *простой*$_1$ 'не составной' и *простой*$_2$ 'вынужденное бездействие'; англ. *light* /lai̯t/$_1$ 'свет' и *light* /lai̯t/$_2$ 'легкий'; нем. *weiß* /vae̯s/$_1$ 'белый' и *weiß* /vae̯s/$_2$ 'знает'.

Б. По с т е п е н и п о л н о т ы омонимии выделяются:

1. Полная омонимия — омонимы совпадают по звучанию во всех своих формах. Так, *ключ*$_1$ (от замка, гаечный и т. п.) и *ключ*$_2$ 'родник' омонимичны во всех падежах ед. и мн. ч. (ср. также *кормовой*$_1$ и *кормовой*$_2$ или *match*$_1$ и *match*$_2$).

2. Частичная омонимия — омонимы тождественны по звучанию только в некоторых из своих форм, а в другой части форм не совпадают. Так, глагол *жать*$_1$ — *жму* омонимичен глаголу *жать*$_2$ — *жну* только в инфинитиве, в прошедшем и будущем времени, в сослагательном наклонении, в причастии прошедшего времени; но эти глаголы не омонимичны в другой группе форм — в настоящем времени, повелительном наклонении и в причастии настоящего времени. Омонимы *бор*$_1$ (лес) и *бор*$_2$ (зубной) состоят в отношениях частичной омонимии, так как во всех формах мн. ч. имеют разное ударение (*боры́, боро́в*... — но *бо́ры, бо́ров*...), а в одной из форм ед. ч. и разное окончание (*в бору — в боре*). У омонимов *течь*$_1$ и *течь*$_2$ (или *знать*$_1$ и *знать*$_2$) инфинитив глагола омонимичен им. (и вин.) п. ед. ч. существительного, все же остальные формы расходятся. Нем. *weiß* 'белый' и *weiß* 'знает' (и 'знаю') тоже омонимичны только в данной форме.

3. Неравнообъемная омонимия — полная для одного из омонимов и частичная для другого. Так *бор*$_3$ (химический) и *бор*$_2$ (зубной) полностью совпадают во всех формах ед. ч.; но *бор*$_2$ имеет еще и формы мн. числа, а *бор*$_3$ таких форм фактически не имеет. Таким образом, для *бор*$_3$ омонимия оказывается полной, а для *бор*$_2$ лишь частичной. Аналогичны отношения между существительным *ученый* и прилагательным *ученый, -ая, -ое*; между наречием *утром* и существительным *утро* (ср. форму тв. п. ед. ч.).

[1] Как видим, омонимия может сочетаться с полисемией в том или ином из омонимов (или в каждом из них).

[2] Мы говорим о грамматической омонимии с л о в, так как термин «грамматическая омонимия» (без этого добавления) нередко используется в смысле 'звуковое тождество разных грамматических форм (одного слова)', например *турок* — им. ед., род. мн. и вин. мн.

В. По характеру их о т о б р а ж е н и я н а п и с ь м е омонимы подразделяются на омографические и неомографические.

1. Омографические омонимы, или омонимы-омографы[1], тождественны не только по звучанию, но и по написанию. Все приведенные выше примеры относятся к этой группе.

2. Неомографические омонимы, или «омонимы, различающиеся написанием», звучат одинаково, но пишутся по-разному[2]. Таковы полные омонимы *кампания* ('совокупность мероприятий' и т. д., например избирательная, посевная) и *компания* ('общество' — друзей или акционерное), частичные омонимы *рок* и *рог, валы* и *волы*. В русском языке омонимов, различающихся написанием, сравнительно немного, но в некоторых других языках они представлены в изобилии. Ср. англ. *night* /nai̯t/ 'ночь' и *knight* /nai̯t/ 'рыцарь', *see* /si:/ 'видеть' и *sea* /si:/ 'море'; нем. *Lied* /li:t/ 'песня' и *Lid* /li:t/ 'веко', *Leib* /lae̯p/ 'тело' и *Laib* /lae̯p/ 'каравай'; фр. *ou* /u/ 'или' и *où* /u/ 'где'. Во французском языке можно встретить до 5—6 омонимов, дифференцируемых написанием.

Г. С точки зрения р е г и с т р а ц и и в с л о в а р я х омонимы тоже неодинаковы: некоторые фиксируются словарями как омонимы, другие же остаются неучтенными. Так как словари исходят из письменного облика слова, они отмечают только омографическую омонимию (неомографические омонимы по своему алфавитному месту часто даже не являются соседями). Так как словари исходят из «словарных форм» слова, они учитывают лишь те омографические омонимы, которые совпадают в этих формах. Так, *течь*$_1$ и *течь*$_2$ даются в русских словарях как омонимы, поскольку здесь совпадают инфинитив и им. п. ед. ч., но если бы словарной формой русского глагола считался не инфинитив, а, как в латыни, 1-е л. ед. ч., то слова эти в число омонимов не попали бы.

§ 117. Рассмотренные классификации омонимов, как мы видели, пересекаются. Возможна, кроме того, классификация омонимов по их п р о и с х о ж д е н и ю. Во многих случаях омонимы являются изначально разными словами, которые либо совпали по звучанию в процессе исторического развития (например, англ. *see* и *sea* или болг. *чест* 'честь' и *чест* 'частый'), либо пришли из разных языков (рядом

[1] *Омо́граф* (от др.-греч. *homos* 'тот же, одинаковый' и *graphō* 'пишу') — букв. 'одинаково написанное'. Кроме омонимов-омографов есть омографы, не являющиеся омонимами (слова, которые пишутся одинаково, но звучат по-разному), например *замо́к* (дверной) и *за́мок* (дворец), *уха́* (рыбный суп) и *у́ха* (род. п. от *ухо*).

[2] Иногда такие омонимы называют «омофо́нами», но это нельзя признать удачным: во-первых, называть «омофонами» (т. е. 'одинаково звучащими') только неомографические омонимы нелогично, так как одинаковость звучания характеризует любые омонимы; во-вторых, в теории письма омофоны — разные буквы, обозначающие один звук (например, *ѣ* и *е* в русском письме до реформы 1918 г.).

с исконно русским и общеславянским *бор* 'лес' появилось *бор₂*, заимствованное из немецкого, и *бор₃*, восходящее к арабскому источнику), либо, наконец, вновь образуемое слово совпало в момент своего возникновения с уже существовавшим (*кормовой₁* и *кормовой₂*). В других случаях омонимы являются так или иначе связанными по происхождению, например производными от одного корня (*течь₁* и *течь₂*) или даже прямо — один от другого (наречие *утром* — от тв. п. существительного). Сюда же относятся омонимы, возникающие в результате р а с п а д а п о л и с е м и и, когда связь между значениями многозначного слова ослабевает настолько, что перестает ощущаться членами языкового коллектива. Например, прилагательное *худой* на наших глазах распадается на два (или даже три?) омонима: *худой₁* 'тощий', *худой₂* 'плохой' и, может быть, *худой₃* (разг.) 'дырявый'.

Последний пример показывает, что, несмотря на важность принципиального разграничения омонимии и полисемии, между этими явлениями (как и повсюду в языке) имеются пограничные, переходные случаи. «Распад» полисемии можно образно сравнить с делением клетки: из одного слова «рождается» два слова-омонима.

§ 118. Некоторые лингвисты считают критерий наличия/отсутствия смысловой связи между значениями, применяемый для разграничения полисемии и омонимии, слишком неопределенным и субъективным и предлагают в качестве надежного и объективного критерия использовать наличие/отсутствие каких-либо грамматических особенностей, связанных с отдельными значениями. С этим предложением вряд ли можно согласиться. При последовательном его применении в числе омонимов остались бы только частичные и неравнообъемные, а полные вроде *кормовой₁* и *кормовой₂* пришлось бы рассматривать как случаи полисемии, что было бы явно неправильно. И, напротив, математическое значение слова *угол* ('часть плоскости между двумя прямыми линиями, исходящими из одной точки') пришлось бы обособить в качестве омонима от остальных значений этого слова только потому, что в математическом тексте говорят и пишут *в угле* («в этом угле 30°»), а в нематематическом тексте — *в углу* («шкаф стоял в углу»)[1]. Думается, что, несмотря на некоторую неопределенность в ряде пограничных случаев, все же критерий наличия/отсутствия смысловой связи между значениями является решающим, поскольку речь идет о размежевании полисемии слова и чисто лексической омонимии слов.

Большие разногласия возникают и при отграничении грамматической омонимии слов от случаев, когда одно слово совмещает синтаксические функции разных частей речи. В этом вопросе четкие критерии, действительно, пока отсутствуют. *Течь₁* и *течь₂* все словари признают омонимами, так как вся система форм показывает, что это — разные слова. Но в отношении субстантивированных прилагательных наблюдается непоследовательность: существительное *ученый* все словари считают лишь одним из значений прилагательного *ученый, -ая, -ое*, а существительные *русский* и *русская* — омонимами прилагательного *русский, -ая, -ое* (причем *русская* в значении 'национальная пляска' выделяется еще в отдельный омоним).

[1] Те или иные особенности в образовании форм слова бывают иногда связаны не только с его отдельными значениями, но и со стилистическими нюансами. Так, у слова *лист* форма мн. ч. *листы* (вместо *листья*) не только закреплена за переносными значениями (*листы бумаги, железа*), но встречается и при поэтически окрашенном употреблении в прямом значении. Ср.: «Воздух насыщен ароматом молодых смолистых *листов* тополей, берез и цветущей ивы» (Пришвин).

5. МОТИВИРОВКА СЛОВА

§ 119. Составной частью внутреннего содержания многих слов является так называемая мотивировка — заключенное в слове и осознаваемое говорящими «обоснование» звукового облика этого слова, т. е. его экспонента,— указание на м о т и в, о б у с л о в и в ш и й в ы р а ж е н и е д а н н о г о з н а ч е н и я и м е н н о д а н н ы м с о ч е т а н и е м з в у к о в, как бы ответ на вопрос «Почему это так названо?». Например, в русском языке известная птица называется *кукушкой* потому, что кричит (приблизительно) «ку-ку!», а столяр называется *столяром* потому, что (в числе прочей мебели) делает столы. О таких словах мы скажем, что они «мотивированы в современном языке», или имеют в нем «(живую) мотивировку». В противоположность этому *орел, слесарь* и множество других слов русского языка (*земля, вода, хлеб, белый, нести, очень, два, ты* и т. д.) принадлежат к немотивированным, т. е. не имеют живой (= ясной для носителей языка) мотивировки: факты современного языка не дают никакого основания для ответа на вопрос, п о ч е м у птица орел называется *орлом*, слесарь — *слесарем* и т. д.

Понять суть явления мотивированности поможет следующее высказывание немецкого философа-материалиста середины XIX в. Людвига Фейербаха. Он писал: «Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности»[1].

Каждый предмет, каждое явление действительности имеет множество признаков. Кукушка не только кричит «ку-ку!», но имеет определенную окраску перьев, форму головы, клюва, определенные повадки. Но включить в название птицы указание на все эти признаки невозможно, да и не к чему. Достаточно указать какой-то один признак, и слово, построенное на его основе, закрепившись за предметом, будет вызывать в сознании представление о предмете «в его тотальности», в целом. В данном случае м о т и в и р у ю щ и м п р и з н а к о м, т. е. объективной основой наименования, послужил характерный крик, издаваемый птицей.

Есть немало примеров использования разных мотивирующих признаков при обозначении одних и тех же предметов и явлений действительности. Так, портной в одних случаях обозначен как 'режущий' ('кроящий'), например во фр. *tailleur* (от *tailler* 'резать, кроить'), в нем.

[1] Конспектируя книгу Л. Фейербаха «Изложение, анализ и критика философии Лейбница», В. И. Ленин выписал, в частности, это место и отметил на полях «*bien dit!*» ('хорошо сказано!'). См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 74.

Schneider (от *schneiden* 'резать'), в других — как 'шьющий', например в болг. *шивач*, сербскохорв. *ши̏вач*, *ша̏вац* [1]. Растение одуванчик в некоторых русских говорах называется *пухлянкой*, в других — *летучкой*, в третьих — *молочником* (сок его стеблей по цвету напоминает молоко). Иногда название строится на сочетании двух мотивирующих признаков. Таковы, например, английское название цветка колокольчика — *blue-bell* букв. 'синий колокол' (признаки цвета и формы) и немецкое название подснежника — *Schneeglöckchen* букв. 'снежный колокольчик'.

§ 120. Мотивировка, опирающаяся на реальный мотивирующий признак, может быть названа реальной (ср. приведенные примеры). В иных случаях встречается фантастическая мотивировка, отражающая мифические представления, поэтические вымыслы и легенды. Так, в ряде языков названия дней недели связаны с именами богов языческой мифологии. Ср. англ. *Sunday* (и нем. *Sonntag*) 'воскресенье', букв. 'день (бога) солнца', нем. *Donnerstag* 'четверг', букв. 'день (бога) грома'. Наконец, есть примеры чисто формальной мотивировки: ясно, от какого слова образовано данное слово, но непонятно, почему. Ср. такие названия, производные от имен собственных, как *антоновка* (яблоко), *анютины глазки*.

§ 121. Разными могут быть и способы языкового выражения мотивирующего признака. «Звуковая материя» языка создает возможность «изобразительной мотивированности», позволяя в той или иной мере имитировать характерное звучание предмета. Так возникают звукоподражательные слова вроде приведенного выше *кукушка* или *пинг-понг*, *мяукать*, *мычать*, *каркать*, *кудахтать*, *бренчать*, *хихикать* и т. д. В этих словах, точнее, в их корнях передача природного звучания носит, конечно, довольно приблизительный характер, что легко обнаруживается при сравнении звукоподражательных слов в разных языках. Ср., например, глагол, соответствующий русск. *храпеть* (во сне): лат. *stertĕre*, англ. *snore*, нем. *schnarchen*, фр. *ronfler*, венг. *horkolni*, эстон. *norskama*, или имитацию собачьего лая в русском (*гав-гав!*) и в английском (*bow-wow*) языках.

Значительно чаще, чем «изобразительная», встречается «описательная мотивированность», т. е. «описание» мотивирующего признака с помощью обычного (незвукоподражательного) слова. Это можно наблюдать 1) при употреблении слова в переносном значении, 2) в производных и сложных словах. Переносное значение мотивировано сосуществующим с ним прямым (переносное «второй степени» — переносным «первой степени» и т. д.), как в словах *окно*, *зеленый* и др. (§ 110 и след.). Производные и сложные слова мотивированы связью с теми, от которых они образованы. Это видно в приведенных выше *столяр*, *одуванчик*, диалектных *пухлянка*, *летучка*, *молочник*, в сложных существительных *рыболов*, *пылесос*, *Белгород*, в производных глаголах *учительствовать*, *белить*, в сложных числительных *восемьдесят*, *пятьсот* и т. д.

---

[1] Русск. *портной* не имеет мотивировки в современном языке (см. ниже § 173).

«Описательная мотивированность» относительна, ограничена: в конечном счете она всегда опирается на немотивированное слово. Так, *столяр* или *столовая* мотивированы, но *стол* — нет. И так во всех случаях: все незвукоподражательные слова, непроизводные с точки зрения современного языка, употребленные в своих прямых значениях, являются немотивированными.

§ 122. Мотивировку слова, даже в тех случаях, когда она совершенно ясна и «прозрачна», следует строго отличать от концептуального значения. Мотивировка есть как бы способ изображения данного значения в слове, более или менее наглядный «образ» этого значения, можно сказать — сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова. В мотивировке раскрывается подход мысли человека к данному явлению, каким он был при самом создании слова, и потому мотивировку иногда называют «внутренней формой слова», рассматривая ее как звено, через которое содержание (= значение) слова связывается с его внешней формой — морфологической структурой и звучанием.

Отличие мотивировки от значения ясно видно в тех случаях, когда одно и то же значение мотивировано в разных языках или в словах-синонимах одного языка по-разному, как в ряде приведенных выше примеров. Вместе с тем нередко слова с разными значениями имеют одинаковую или очень сходную мотивировку. Например, *белок*, *беляк* (заяц), *бельё*, *бельмо*, *белка*, *белуга* мотивированы одним и тем же признаком белого цвета; русск. *ценный* и сербскохорв. *цѐнан* мотивированы связью с *ценой* (сербскохорв. *це́на*), но значения у этих прилагательных почти противоположные — русское значит 'имеющий большую цену', а сербскохорватское — 'дешевый, доступный по цене'. Отмечено, что значение, которое слово могло бы иметь в соответствии со своей мотивировкой и словообразовательной структурой, почти всегда шире того, которое оно фактически имеет в языке. Так, слово *молочник* могло бы в принципе обозначать любой предмет, имеющий то или иное отношение к молоку или к чему-то, похожему на молоко, фактически же это слово в литературном русском языке закрепилось только в значениях 'небольшой сосуд для молока' и 'торговец молоком' (словари соответственно выделяют два омонима); в некоторых говорах имеется еще *молочник* 'одуванчик'; однако, например, бидон для молока, молокозавод, разные блюда, приготовленные на молоке, молочный буфет, грудного ребенка, Млечный путь и многое другое, что могло бы называться молочником, так не называют и никогда не называли.

Мотивировка слова бывает связана с его эмоциональными коннотациями. Это проявляется в сознательном отталкивании от слов с «неприятной» мотивировкой. Так были изгнаны из употребления *прислуга* и *жалованье*, заменившись соответственно *домашней работницей* и *заработной платой*.

§ 123. В процессе функционирования слова мотивировка имеет тенденцию забываться, утрачиваться. В результате мотивированное слово постепенно переходит в разряд немотивированных. Конкретные причины утраты мотивировки разнообразны.

В одних случаях выходит из употребления то слово, от которого произведено данное слово, либо утрачивается прямое значение. Так, в русском языке перестали употреблять слово *ко́ло* 'круг, колесо' (оно было вытеснено расширенными, суффиксальными формами того же слова, давшими современное *колесо*), в результате немотивированными стали *кольцо* (первоначально уменьшительное образование от *коло*, т. е. 'кружок, колесико', ср. *сельцо, словцо, письмецо* и т. п.) и предлог *около* (собственно 'вокруг'). В украинском языке глагол *лаяти* сохранил только значение 'ругать', которое возникло как переносное, а теперь является немотивированным.

В других случаях предмет, обозначенный словом, изменяясь в процессе исторического развития, теряет признак, по которому был назван. Так, современные города не огораживают стенами, и хотя глагол *городить* существует и по сей день в русском языке, связь между этим глаголом и существительным *город* уже перестала осознаваться большинством носителей языка. Равным образом теперь *стреляют*, не используя стрел, а современный *мешок* не имеет ничего общего с мехом, хотя по происхождению это уменьшительное образование от *мех* (ср. *смешок, грешок* и др.), в слове *чернила* связь с *черный* еще достаточно очевидна, но мы о ней никогда не вспоминаем, так как признак черного цвета перестал быть характерным для чернил. Показательно, что в сочетаниях типа *красные чернила* нормально не ощущается катахре́за — употребление, противоречащее буквальному значению слова.

Иногда слова, связанные по происхождению, сильно расходятся по своей звуковой форме — объединению их в сознании говорящих мешает непривычность наблюдаемого в них чередования. Ср. *оскомина* и *щемить, коса* (волосы) и *чесать, жердь* и *городить:* исторические чередования /sk/ ∞ /šč/ и тем более /k/ ∞ /č/ и /g/ ∞ /ž/ встречаются в русском языке регулярно, но, как правило, не в начале корня.

Существуют и другие конкретные причины, способствующие утрате мотивировки в тех или иных случаях. Однако важно подчеркнуть, что кроме всех конкретных, частных причин есть и общая предпосылка, делающая возможной утрату мотивировки слова. Это — избыточность, даже н е н у ж н о с т ь м о т и в и р о в к и с т о г о м о м е н т а, к о г д а с л о в о с т а н о в и т с я п р и в ы ч н ы м. Мотивировка необходима в момент рождения слова (или в момент рождения переносного значения): без мотивировки слово (или переносное значение), собственно, не может и возникнуть. Но раз возникнув, новое слово (или новое значение слова) начинает «жить своей жизнью»: повторяясь вновь и вновь в речевых актах, оно становится более или менее общеизвестным в данном коллективе, запоминается, к нему привыкают, на нем, на его структуре перестают останавливаться мыслью. Мотивировка как бы «уходит в тень», почему и становятся возможными *красные чернила, розовое бельё* и т. д. Мы вспоминаем о мотивировке лишь в каких-то специальных, редких случаях. В подобном «замороженном состоянии» она может сохраняться долго, но достаточно небольшого изменения в значении производящего слова, и она забывается совсем. Показательно, что самые простые и самые важные слова языка принадлежат к немотивированным.

Естественно, что мотивировка утрачивается при заимствовании слов из другого языка (кроме случаев, когда заимствуется и слово, мотивирующее данное). Так, на почве древнегреческого языка слово *átomos* 'мельчайшая частица вещества' было мотивировано (отрицательный префикс *a-* + корень глагола *témnō* 'режу', т. е. 'неразрезаемое, неделимое'); в русском и других языках, заимствовавших слово *атом*, оно с самого начала не имеет мотивировки. Русск. *студент* восходит прямо к лат. *studens* (род. п. *studentis*) — причастию действительного залога от глагола *studeo* 'стараюсь, усердно занимаюсь, изучаю', а восходящее к тому же латинскому глаголу русск. *штудировать* было заимствовано через немецкое посредство (откуда /š/); то, что /s/ и /š/ в начальной позиции не чередуются, затрудняет объединение слов *студент* и *штудировать* в сознании носителей русского языка. Иное дело в немецком, где *Student* и *studieren* связаны и по звучанию (оба произносятся с /š/), или, например, в английском с его *student* и *study* 'изучать, исследовать' и 'изучение, исследование'. Однако слово *революционер*, хотя и является в русском языке заимствованным, вполне четко мотивировано связью с тоже заимствованным, но прочно вошедшим в язык словом *революция*.

§ 124. В громадном большинстве случаев слова с утраченной мотивировкой так же хорошо выполняют свои функции в языке, как и слова с «живой» мотивировкой. Немотивированное *слесарь* (заимствованное из немецкого, где соответствующее слово звучит *Schlosser* и мотивировано связью с *Schloß* 'замок') и немотивированное *суббота* (восходящее через греческое посредство к др.-евр. *šabbāth*, связанному с глаголом, значившим 'кончать работу, отдыхать, праздновать') так же хорошо служат обозначением соответствующих понятий, как и мотивированные *столяр* или *пятница*.

Однако встречаются случаи, когда слово, не имеющее мотивировки, оказывается не совсем удобным средством общения. Это бывает со словами редкими, непривычными, которые порой даже трудно запомнить, если не связать их в сознании с каким-то знакомым словом, т. е. если не подыскать им подходящую мотивировку. Конечно, подобное п р и м ы с л и в а н и е м о т и в и р о в к и осуществляется на базе звуковых и смысловых ассоциаций, независимо от подлинных генетических связей данного слова. Так, слово *колика, колики* 'резкие боли в разных частях тела, преимущественно (а раньше — исключительно) в животе' происходит от греч. *kólon* 'кишка', но в сознании современных носителей русского языка связывается с глаголом *колоть* и воспринимается как 'колющие боли'. В этом случае примысливание мотивировки не отразилось на внешней форме слова. В других случаях оно ведет к искажению звучания. Так, не имеющие в русском языке мотивировки заимствованные слова *пиджак, тротуар, бульвар* превращались в речи необразованных людей в *спинжак* (в отличие от русской рубахи одевается не через голову, а «со спины»), *плитуар* (выложен каменными плитами), *гульвар* (где гуляют). Порой искаженная форма входит в литературный язык: в результате искажения слова *ординарный* 'обыкновенный, простой' (ср. *экстраординарный* 'из ряда вон выходящий') в русском языке появилось *одинарный* 'не двойной, со-

стоящий из одной части' (причем произошло и некоторое сужение концептуального значения).

Иногда наблюдаются случаи переосмысления первоначальной мотивировки даже вполне употребительных слов, что бывает связано с изменением значения их производящих. Так, оказалась «сдвинутой» мотивировка слова *понедельник*: сначала 'день, идущий после *(по-)* воскресенья' (от др.-русск. *недѣля* 'воскресенье' — значение, сохраненное другими славянскими языками), а затем — 'день, идущий после (предшествующей) недели'.

§ 125. Выяснением забытых, утраченных мотивировок и, таким образом, исследованием происхождения соответствующих слов занимается специальная отрасль лексикологии, а именно: э т и м о л о́ г и я. Этимологией называют также и каждую гипотезу о происхождении и первоначальной мотивировке того или иного слова (в этом смысле термин *этимология* употребляют и во множественном числе). Наконец, этимология — это само происхождение слова и его (первоначальная) мотивировка (ср.: «Этимология такого-то слова не может считаться выясненной»). Забвение мотивировки называют д е э т и м о л о г и з а ц и е й (утратой этимологических связей). Примысливание же и переосмысление мотивировки получило название н а р о д н о й (или ложной) э т и м о л о г и и.

Последние термины противопоставляют примысливание мотивировки в процессе практического использования слова, переосмысление ее рядовыми носителями языка на базе употребляемых в данную эпоху, хорошо известных слов и морфем — «подлинной», «научной» этимологии, опирающейся на специальное исследование с привлечением фактов прошлых эпох и других языков, с учетом закономерных звуковых соответствий и т. д. Хотя термин «народная этимология» условен, он широко употребителен, и отказываться от него вряд ли целесообразно. Термин же «ложная этимология» неудачен; он привносит осуждающую оценку, здесь неуместную.

6. УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

§ 126. В каждом языке широко употребляются устойчивые, традиционно повторяющиеся сочетания слов. Они противостоят переменным словосочетаниям, свободно создаваемым в процессе речи.

Рассмотрим сперва примеры п е р е м е н н ы х сочетаний: *новый стол, длинный стол, отодвинуть стол, положить карандаш на стол, стол у окна*. Конечно, эти сочетания образованы по определенным правилам, по заданным заранее, до акта речи, синтаксическим моделям (ср. согласование, использование падежных форм и т. д.). Вместе с тем по конкретному лексическому составу, т. е. с точки зрения употребления именно данных, а не каких-либо других слов, все эти сочетания составлены совершенно свободно, в зависимости только от выражаемой мысли и описываемой ситуации, от стремления говорящего выделить, подчеркнуть те или иные моменты этой ситуации. Переменные словосочетания следует рассматривать как речевые комбинации языковых знаков — слов.

Приведем теперь примеры устойчивых сочетаний с тем же словом *стол*: *письменный стол, обеденный стол, накрыть на стол, убрать со стола, сесть за стол, сесть за один стол* (т. е. 'начать переговоры'), *положить на стол* (в смысле 'представить в готовом виде' — о рукописях, книгах и т. п.), *Карты на стол!* (т. е. 'раскройте ваши планы'). В устойчивых сочетаниях заранее, т. е. до акта речи, задана не только общая грамматическая модель, но и конкретный лексический состав всего сочетания. Оно не создается заново в момент речи, применительно к данной мысли, не собирается «на ходу» из слов, а уже существует, хранится в готовом, «собранном» виде в памяти носителей языка и, подобно словам, извлекается из памяти, когда в нем возникает потребность. Устойчивые сочетания иногда называют «языковыми клише» (или «штампами»), они вставляются в нашу речь целиком. Устойчивые сочетания — это не речевые комбинации знаков, а особые сложные знаки. Выше мы назвали их «составными лексемами».

§ 127. Условия, создающие устойчивость, традиционную воспроизводимость словосочетания, могут быть разными.

Есть слова, обладающие очень узкой, избирательной сочетаемостью с другими словами — вплоть до е д и н и ч н о й с о ч е т а е м о с т и. Так, *закадычный* нормально сочетается только с *друг*, а *заклятый* — только с *враг*; *ни зги* с абсолютной гарантией предсказывает либо *не видать*, либо *не видно*. В этих случаях устойчивость сочетания создается самим фактом единичной сочетаемости одного из компонентов.

Чаще, однако, причина устойчивости заключается в другом — в более или менее отчетливом семантическом обособлении словосочетания, в том или ином с д в и г е з н а ч е н и я. Устойчивые сочетания с подобным сдвигом (он ясно обнаруживается при сравнении с теми же словами вне рамок данного сочетания) называют фразеоло́гизмами, а науку, их изучающую,— ф р а з е о л о́ г и е й [1].

§ 128. В некоторых фразеологизмах — их иногда обозначают термином «фразе́ма» [2] — семантическое преобразование отмечается только в одном компоненте. Так, в составе сочетаний *письменный стол, обеденный стол, холодное оружие* существительное употреблено в своем обычном значении: ведь письменный и обеденный столы — разновидности стола, а холодное оружие — разновидность оружия. Но прилагательное во всех трех сочетаниях обнаруживает больший или меньший сдвиг значения: ср. *письменный (стол)* — 'предназначенный для занятия письмом, вообще для занятий и соответственно устроенный (имеющий одну или две тумбы с ящиками)' и *письменный (запрос)* 'письменно зафиксированный'; *обеденный (стол)* — 'специально предназначенный для обедов, ужинов, угощения гостей и т. п. и соответственно устроенный (не имеющий тумб, часто раздвижной)' и *обеденное (время), обеденная (пора)* — 'когда обедают'; *холодное (оружие)* — 'неогнестрельное' и *холодный* (*воздух, ветер, песок* и т. п.) — 'имеющий

[1] *Фразеоло́гией* (от др.-греч. *phrasis* 'способ выражения, оборот речи') также называют совокупность фразеологизмов и вообще устойчивых сочетаний того или иного языка.

[2] См.: *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963. С. 58—102.

низкую температуру'. Аналогично и в *накрыть на стол* слово *стол* сохраняет обычное значение, а *накрыть* значит нечто иное, чем в *накрыть стол скатертью*.

В других фразеологизмах, так называемых и д и о́ м а х[1], наблюдается общий сдвиг значения, затрагивающий все компоненты. Примерами могут служить выражения *сесть за один стол* 'начать переговоры', *Карты на стол!*, *белый уголь* 'энергия рек, превращаемая (или способная быть превращенной) в электроэнергию', *как пить дать* 'наверняка'. Здесь все компоненты употреблены в сдвинутых, специфических, переносных значениях либо даже (в последнем примере) вообще без какого-либо четкого значения, так что, несмотря на свою морфологическую «отдельность», даже не могут по-настоящему считаться словами. Целостное значение идиомы (как, впрочем, и фраземы) несводимо к сумме значений ее компонентов. Вот эта несводимость целостного значения к сумме значений частей и называется идиоматичностью.

§ 129. Как фраземы, так и идиомы могут быть мотивированными либо, напротив, утратившими мотивировку. Все приведенные выше фраземы являются мотивированными с точки зрения данного состояния языка; примером немотивированной фраземы может служить выражение *дело табак* 'дело обстоит плохо'. Мотивированные идиомы: *сесть за один стол, белый уголь, держать камень за пазухой, выносить сор из избы*. Значение идиомы в этих случаях все же потенциально выводимо из структуры и состава идиомы — образ, лежащий в основе, более или менее ясен. А вот примеры идиом, лишенных мотивировки в современном языке: *очертя голову, черта с два, куда ни шло, (кричать) во всю ивановскую*. Мотивированные идиомы и фраземы иногда называют фразеологическими е д и н с т в а м и, а немотивированные (с точки зрения данного состояния языка) — фразеологическими с р а щ е н и я м и[2].

Для восстановления утраченной мотивировки фразеологизмов нужны специальный этимологический анализ, разного рода исторические справки и т. д. Так, *очертя голову* связано с суеверным представлением, будто, «очертив» свою голову (т. е. обведя ее чертой), можно застраховать себя от враждебного воздействия «нечистой силы» и после этого, уже ничего не опасаясь, пускаться в любое рискованное дело; *во всю ивановскую* — первоначально имелась в виду площадь перед Иваном Великим в московском Кремле, на которой громким голосом объявлялись во всеуслышанье царские указы. Мотивировка многих фразеологизмов остается невыясненной.

§ 130. Разумеется, границы между рассмотренными типами не являются резкими. Везде есть промежуточные, переходные случаи. В качестве особой группы можно выделить такие фразеологизмы, в которых наблюдается и единичная сочетаемость одного из компонентов (или уникальность грамматической формы), и явственный смысловой сдвиг, например *бить баклуши, точить лясы, турусы на колесах, краеугольный камень, сложа* (вместо обычного *сложив*) *руки, притча во языцех* 'предмет всеобщих разговоров, пересудов'. И здесь в одних случаях мотивировка является ясной (например, в *сложа руки*), в других — затемненной или вовсе утраченной.

С точки зрения их с и н т а к с и ч е с к и х ф у н к ц и й среди устойчивых сочетаний выделяются: 1) эквивалентные словам с возможными дальнейшими подразделениями — эквивалентные глаголам (*выносить сор из избы*), существительным (*белый уголь*), наречиям (*очертя голову*) и т. д. или, в иных терминах, «функционирующие как сказуемое», «функционирующие как обстоятельство» и т. д. и 2) используемые в качестве целых предложений (*Карты на стол! Черта с два! Дело табак*). Ко второй рубрике примыкают народные пословицы и поговорки, сентенции и афоризмы из литературных произведений и т. д.

Фразеологизмы очень разнообразны и с точки зрения их принадлежности к функциональным с т и л я м. Многие из них являются разговорными, просторечными, а некоторые — даже вульгарными (*дать по шапке, вожжа под хвост попала, лезть на рожон, валять дурака*), другие, напротив, используются в книжных стилях (*прокру́стово ложе, сизи́фов труд, кануть в ле́ту, дамо́клов меч*). Некоторые устойчивые сочетания совершенно лишены эмоциональной окраски (например, сложные термины вроде *удельный вес, мягкая посадка, меченые атомы, черный ящик, народная этимология, части речи, дифференциальный признак*), но другие обладают большим «эмоциональным зарядом».

§ 131. Говоря о фразеологизмах, часто отмечают их национальное своеобразие. Бесспорно, в каждом языке среди них есть много специфических и по форме, и по мотивировке, и по значению. Особенно ярко проявляется это своеобразие в тех фразеологизмах, в которых отразились специфические черты народного быта и конкретной истории народа. Ср. приведенное выше *во всю ивановскую* или: *Хлеб да соль!*; *Не красна изба углами, а красна пирогами*; *ездить в Тулу со своим самоваром*; *язык до Киева доведет*; *шапка Мономаха*; *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*; *потёмкинские деревни*; многие «крылатые фразы» из произведений национальной литературы, например: *Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!* (Грибоедов); *Есть ещё порох в пороховницах!* (Гоголь).

Вместе с тем и к фразеологизмам, в которых ярко проявляется национальная специфика, порой можно подобрать близкие по значению (хотя иначе построенные и иначе мотивированные) параллели среди фразеологизмов другого языка. Так, нашему *ездить в Тулу со своим самоваром* по смыслу вполне соответствует в английском *to carry coals to Newcastle* — букв. 'возить уголь в Ньюкасл' (один из центров добычи угля в Англии).

[1] См. там же. В более старых работах термин *идио́ма* (иногда *идио́м*) используется в смысле 'фразеологизм, не поддающийся буквальному переводу на другой язык' (что соответствует значению др.-греч. *idiōma* 'специфическая особенность').

[2] Термины «фразеологические единства» и «фразеологические сращения» были предложены одним из крупнейших наших языковедов акад. В. В. Виноградовым (1895—1969) и широко используются в научной и учебной литературе. В качестве третьей группы фразеологизмов акад. Виноградов выделял «фразеологические сочетания», соответствующие в нашем изложении тем устойчивым сочетаниям, в которых нет смыслового сдвига (*беспробудный сон* и т. п.).

Наряду с этим существует немало «межнациональных» фразеологизмов, вошедших во многие языки в результате взаимодействия между культурами. Таковы, в частности, многочисленные «крылатые слова», восходящие к тексту Библии (так называемые библеизмы), например *вавилонское столпотворение, блудный сын, умывать руки, копать другому яму, суета сует, камень преткновения, глас вопиющего в пустыне, колосс на глиняных ногах, невзирая на лица, книга за семью печатями*; *Нет* (или *Несть*) *пророка в своем отечестве*; *Не сотвори себе кумира*; цитаты из произведений мировой литературы, например *подливать масла в огонь* (Гораций); *Аппетит приходит во время еды* (Рабле); *Порвалась связь времен* (Шекспир); «крылатые фразы» выдающихся исторических личностей, например *Пришел, увидел, победил* (Юлий Цезарь); *Революции — локомотивы истории* (Карл Маркс) [1].

7. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

§ 132. Общее понятие о лексикографии дано в § 87. Составляемые лексикографами словари чрезвычайно разнообразны по своему назначению, объему, по характеру и способам подачи включаемого материала.

Прежде всего нужно различать словари л и н г в и с т и ч е с к и е и н е л и н г в и с т и ч е с к и е. Первые собирают и описывают под тем или иным углом зрения лексические единицы языка (слова и фразеологизмы). Особый подтип лингвистических словарей составляют так называемые идеографические словари, идущие от понятия (идеи) к выражению этого понятия в слове или в словосочетании. В нелингвистических словарях лексические единицы (в частности, термины, однословные и составные, и собственные имена) служат лишь отправной точкой для сообщения тех или иных сведений о предметах и явлениях внеязыковой действительности. Встречаются и промежуточные разновидности словарей. Кроме того, всякий словарь с точки зрения охватываемого им материала может быть либо общим (например, БСЭ — Большая Советская Энциклопедия), либо специальным (та или иная отраслевая энциклопедия — медицинская, философская и т. д.).

Важными понятиями лингвистической лексикографии являются словарная статья, заголовочное слово и словник. С л о в а р н а я с т а т ь я — это абзац или несколько абзацев словаря, дающих информацию, относящуюся к одной лексической единице (иногда к нескольким взаимосвязанным единицам). Статья начинается заголовочным словом (иногда сочетанием), обычно выделенным особым шрифтом. Совокупность всех слов, рассматриваемых в словаре, называется с л о в н и к о м этого словаря.

Рассмотрим подробнее лингвистические словари.

§ 133. Т о л к о в ы й с л о в а р ь дает толкование значений слов (и устойчивых сочетаний) какого-либо языка средствами этого же

[1] *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 86.

языка. Толкование дается с помощью логического определения концептуального значения (*накалиться* 'нагреться до очень высокой температуры', *рекордсмен* 'спортсмен, установивший рекорд'), посредством подбора синонимов (*назойливый* 'надоедливый, навязчивый') или в форме указания на грамматическое отношение к другому слову (*прикрывание* 'действие по значению глаголов *прикрывать* и *прикрываться*'). В некоторых толковых словарях значения слов раскрываются иногда с помощью рисунков. Эмоциональные, экспрессивные и стилистические коннотации указываются посредством специальных помет (**неодобр., презр., шутл., ирон., книжн., разг.** и т. п.). Отдельные значения иллюстрируются примерами — типичными сочетаниями, в которых участвует данное слово (*утюг накалился, атмосфера накалилась* — где глагол выступает уже в переносном значении 'стала напряженной'), или же литературными цитатами. Обычно толковые словари дают также грамматическую характеристику, указывая с помощью специальных помет на часть речи, грамматический род существительного, вид глагола и т. д. и приводя в нужных случаях кроме словарной и некоторые другие формы данного слова. В той или иной мере указывается и произношение слова (например, в русских толковых словарях ударение).

Обычно толковые словари являются словарями современного литературного языка и носят нормативный характер. Таковы, например, известные академические словари русского языка — 17-томный Словарь современного русского литературного языка (1950—1965) и 4-томный Словарь русского языка (2-е изд. в 1981—1984 гг.). Наиболее типичным примером строго нормативного словаря является знаменитый французский Словарь Академии (1-е изд. в 1694 г.).

Иной, ненормативный характер носит знаменитый Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (в 4 т., 1-е изд. в 1863—1866 гг.), широко включающий областную и диалектную лексику и в отношении полноты охвата этой лексики и обилия народных выражений до сих пор непревзойденный.

§ 134. Толковым словарям противостоят п е р е в о́ д н ы е, чаще всего двуязычные (скажем, русско-английский и англо-русский), а иногда многоязычные. В них вместо толкования значений на том же языке даются переводы этих значений на другой язык (*накалиться* — become heated, *назойливый* — importunate, troublesom). В зависимости от того, предназначен ли словарь для того, чтобы служить пособием при чтении текста на чужом языке или пособием при переводе с родного языка на чужой, его желательно строить по-разному. Так, русско-английский словарь для англичан может давать меньше сведений в «правой» (т. е. английской) части, чем их дает русско-английский словарь, предназначенный для русских. Например, переводя слово *обращение*, словарь для англичан может просто перечислить все возможные английские эквиваленты (*address, appeal*; *conversion*; *treatment, circulation* и т. д.), так как англичанину известны смысловые различия между этими английскими словами; в словаре же для русских придется указать, что *address* и *appeal* — это 'обращение к...', причем *appeal* — это 'обращение' в смысле 'призыв'; что *conversion* — это 'об-

ращение в веру' и т. п., что *treatment* — это 'обращение с..., обхождение с кем-либо', а *circulation* — 'обращение товаров, денег и т. п.'; кроме того, придется указать, с какими предлогами употребляются эти английские существительные, обозначить место ударения (*addréss* и т. п.), т. е. снабдить английские эквиваленты разъяснениями, которые помогут правильно употребить их при переводе текста с русского языка на английский. Ясно, что в англо-русском словаре картина соответственно изменится. В словаре, рассчитанном на русских, русская часть будет менее подробной, но в словаре, предназначенном для англичан, придется подробно указывать различия в значениях и в употреблении русских эквивалентов, снабжать их грамматическими пометами, указывать ударение и т. д. Хороший переводный словарь должен содержать также стилистические пометы.

§ 135. К общим словарям мы отнесем и те, которые рассматривают (в принципе) все пласты лексики, но под каким-либо специфическим углом зрения.

Таковы, например, ч а с т о т н ы е словари. Их задача — показать степень употребительности слов в речи (что практически значит — частоту их использования в некотором массиве текстов). Эти словари позволяют делать интересные выводы о функционировании слов и грамматических категорий. Они имеют также большое практическое значение, в частности для рационального отбора лексики на разных этапах обучения неродному языку.

Далее отметим г р а м м а т и ч е с к и е словари, дающие подробную грамматическую характеристику слова (ср. Грамматический словарь русского языка А. А. Зализняка); с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е (деривационные), указывающие членение слов на составляющие их элементы; словари с о ч е т а е м о с т и, приводящие типичные контексты слова.

Э т и м о л о г и ч е с к и е словари содержат сведения о происхождении и первоначальной мотивировке слов. В этих словарях обычно приводятся соответствия данного слова в родственных языках, излагаются гипотезы ученых, касающиеся его этимологии [1].

Особую группу составляют различные и с т о р и ч е с к и е словари. В некоторых из них ставится цель — проследить эволюцию каждого слова и его отдельных значений на протяжении письменно засвидетельствованной истории соответствующего языка. Таков, например, Немецкий словарь, начатый братьями Гримм и выходивший в течение более ста лет (1854—1961). К другой разновидности относятся словари прошлых периодов истории языка, например Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (1893—1912) И. И. Срезневского, Словарь русского языка XI—XVII вв. (выходит с 1975 г.), Словарь русского языка XVIII в. (выходит с 1984 г.), а также словари языка писателей, например Словарь языка Пушкина (в 4 т., 1956—1961) и даже отдельных памятников. С л о в а р ь я з ы к а п и с а т е л я (тем более произведения) стремится быть исчерпывающим: он обязательно включает все слова, употребленные в сохранившемся тексте или текстах писателя, а нередко указывает и все встретившиеся формы этих слов; при этом не только иллюстрируются цитатами все выделенные значения и оттенки значений, но и даются «адреса» всех случаев их употребления (том, страница, строка).

К общим словарям отнесем и п о л н ы е д и а л е к т н ы е словари, т. е. такие, которые в принципе охватывают всю лексику, бытующую в диалектной речи на территории одного говора (или группы говоров), как специфическую для данного диалекта, так и совпадающую с лексикой общенародного языка (ср. Псковский областной словарь с историческими данными, начатый Б. А. Лариным и выходящий с 1967 г.).

Наконец, упомянем орфографические и орфоэпические словари, преследующие чисто практические цели.

§ 136. Среди с п е ц и а л ь н ы х лингвистических словарей интересны различные ф р а з е о л о г и ч е с к и е словари (они бывают перево́дными и одноязычными), словари «крылатых слов» и словари народных пословиц и поговорок.

Из других специальных лингвистических словарей отметим словари синонимов — одноязычные и переводные, словари антонимов, омонимов, словари так называемых «ложных друзей переводчика», т. е. слов, близких в каких-либо двух языках по звучанию и написанию, но расходящихся по значению (так, в болг. *гора* значит 'лес', а вовсе не 'гора', в англ. *magazine* 'журнал', а не 'магазин').

К специальным относятся и дифференциальные диалектные словари, т. е. те, которые содержат только диалектную лексику, не совпадающую (материально или по значениям) с общенародной. Такой диалектный словарь может быть либо словарем одного говора, либо словарем многих или даже (в принципе) всех территориальных диалектов какого-либо языка (ср. Словарь русских народных говоров, выходящий с 1965 г.). К дифференциальным диалектным принадлежат также словари сленга и арго.

Упомянем, наконец, словари иностранных слов, сокращений, различные словари имен собственных (личных, географических и т. д.), словари рифм.

§ 137. Важным вопросом при составлении словаря является вопрос о порядке расположения материала.

Чаще всего используется а л ф а в и т н ы й п о р я д о к. Порой применяется «гнездование», т. е. объединение в рамках одной словарной статьи слов, связанных общностью корня, даже если это нарушает алфавитную последовательность. Фактически в этих случаях происходит отступление от алфавитного порядка слов в сторону алфавитного порядка корней. Это оказывается очень удобным для некоторых типов словарей, например для словообразовательных и этимологических. Последовательное проведение гнездового принципа соответствует лексикографической традиции многих языков. Так, арабские словари принято строить именно по алфавиту корней, помещая под

[1] Для русского языка укажем: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973; Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. Выходит с 1963 г.

каждым корнем все производные (в том числе и производные с приставками). Иногда и в словарях славянских языков глаголы с приставками включают в статью соответствующего бесприставочного глагола.

Особое использование алфавитного принципа имеем в обратных (инверсионных) словарях. Слова в них располагаются по алфавиту не начальных, а конечных букв слова: *а, ба, баба, жаба*, ..., *амёба*, ..., *служба*, ..., *изба* и т. д. до последних слов, оканчивающихся на *-яя: передняя*, ..., *безмужняя*. Обратные словари служат ценным пособием при изучении суффиксального словообразования (все слова с одним и тем же суффиксом оказываются в них собранными вместе), при исследовании фонетических закономерностей, связанных с концом слова, и т. д.

Среди неалфавитных принципов расположения материала важнейшим является принцип систематики (логической классификации) понятий, выражаемых лексическими единицами. Именно по этому принципу строятся упомянутые (§ 132) идеографические (тематические) словари. Вырабатывается та или иная классификация понятий, и всё, что подлежит включению в словарь, располагается по рубрикам этой классификации. Особую разновидность идеографических словарей составляют «картинные словари», двуязычные и многоязычные. Они содержат рисунки, изображающие тот или иной «кусок действительности» (комнату с обстановкой, цех завода, птицеводческую ферму и т. д.) и под соответствующими номерами названия изображенных предметов.

В частотных словарях слова располагаются по убывающей частоте, а иногда и по рубрикам грамматической классификации (по частям речи), но наряду с этим используется и алфавитный принцип.

§ 138. Существуют также различные промежуточные, переходные и смешанные типы словарей. Так, переходными от лингвистических к нелингвистическим словарям являются словари терминов различных наук и отраслей техники. Эти словари бывают одноязычными, двуязычными и многоязычными [1]. Есть, наконец, тип универсальных словарей, одновременно толковых и энциклопедических, включающих также этимологические и исторические справки, иногда важнейший материал иноязычных цитат, и снабженных в нужных случаях рисунками. Это различные «словари Ларусса» (по имени французского издателя, организовавшего выпуск таких словарей), в частности Большой Ларусс, Малый Ларусс и т. д., английские «словари Вебстера» (по имени первого составителя этих словарей) и др. Отметим, что В. И. Ленин еще в 1921 г. указывал на желательность составления краткого словаря современного русского языка («от Пушкина до Горького») по образцу «*малого* Ларусса» [2].

---

[1] В частности, многоязычные отраслевые технические словари, содержащие определения терминов на одном или двух языках и перевод этих терминов еще на 5—6 языков.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 199.

ГРАММАТИКА

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 139. Термин «грамматика» (из др.-греч. *grammatikē téchnē* — букв. 'письменное искусство' — от *gramma* 'буква') неоднозначен: он обозначает и науку — раздел языковедения, и объект этой науки — объективно существующий в каждом языке грамматический строй. Последний понимается либо в широком смысле — как совокупность законов функционирования единиц языка на всех уровнях его структуры (см. § 8), либо (чаще) в более узком смысле — как совокупность правил построения: 1) лексических единиц, прежде всего слов (и их форм) из морфем, и 2) связных высказываний и их частей — из лексических единиц, отбираемых в процессе речи каждый раз соответственно выражаемой мысли.

Все эти правила построения прямо или косвенно соотнесены с какими-то чертами передаваемого содержания. Так, в русском языке употребление или неупотребление возвратной частицы на конце глагольной формы отражает отчетливое различие в значении глагола (ср. *моюсь — мою*), а выбор формы согласованного определения может зависеть от реального пола соответствующего лица и, следовательно, указывать на этот пол, например в *этот плакса* и *эта плакса*, *мой Саша* и *моя Саша*. Иначе говоря, грамматические правила входят в общую систему соответствий между планом содержания и планом выражения языка, т. е. между значением (смыслом) и особенностями внешнего облика формируемых языковых единиц. Поэтому правила построения являются одновременно и правилами понимания выражаемых смыслов, правилами перехода от воспринимаемого адресатом плана выражения высказывания к закодированному в нем плану содержания.

§ 140. Те элементы содержания, которые стоят за грамматическими правилами, называют грамматическими значениями. С этим понятием мы уже встретились выше, когда начали рассмотрение содержательной стороны слова (см. § 95). Однако грамматические значения представлены, конечно, не только в отдельных словах и их формах, но в еще большей мере — в осмысленных сочетаниях знаменательных слов и в целом предложении. Если в слове грамматические значения выражаются особенностями построения слова, его отдельными частями (например, окончаниями), чередованиями, ударением и т. д., то в словосочетании и предложении к этим грамматическим средствам присоединяются другие — порядок расположения слов, интонация, служебные слова, обслуживающие все предло-

жение или словосочетание, и т. д. Грамматические средства (или способы), применяемые в языках, являются **формальными показателями** соответствующих грамматических значений.

§ 141. Своеобразие грамматических значений состоит в том, что они, в отличие от лексических значений, не называются в нашей речи прямо, а выражаются попутно, как бы мимоходом. Они сопутствуют лексическим значениям, которые одни только и называются прямо (именуются) в высказывании. Нетрудно, однако, убедиться в том, что в создании целостного значения высказывания, а также значения всех его осмысленных частей грамматические значения играют весьма существенную роль, ничуть не меньшую, чем лексические значения использованных в высказывании слов. Ср., например, сочетания *подарок жены* и *подарок жене* (слова те же, но изменено одно окончание и получается совсем другой смысл); или *достань палку!* и *достань палкой!*; или — с более тонким различием — *выпил воды* и *выпил воду*; *двести человек* и *человек двести* (в последнем примере словоформы те же, но изменение порядка их расположения создает добавочное значение приблизительности); ср., наконец, одно и то же слово *вперед*, употребленное в качестве однословного предложения с повелительной интонацией *(Вперед!)* и с вопросительной интонацией *(Вперед?)*. Именно грамматические значения организуют высказывание, делают его адекватным выражением мысли[1].

Для того чтобы лучше понять, что такое грамматическое значение и какова его роль в языке, рассмотрим короткое, состоящее всего из двух слов, русское предложение *Петров — студент*. Слова, входящие в состав этого предложения, выражают два лексических значения: 1) имя собственное *Петров* выражает представление о конкретном лице, носящем такую фамилию, 2) нарицательное существительное *студент* выражает понятие о классе лиц, учащихся в вузах. Но значение предложения *Петров — студент* не сводится к простой сумме этих двух значений. Смысл данного предложения заключается в нарочитом (специальном, стоящем в центре внимания) сообщении того факта, что личность «Петров» есть член класса (множества) «студенты». Мы можем выделить здесь следующие грамматические значения:

1) Значение утверждения некоторого факта (ср. вопрос о факте при другой, вопросительной, интонации: *Петров студент?*).

2) Значение нарочитого отождествления (в определенном отношении) двух мыслимых единиц (ср. попутное упоминание о тождестве тех же единиц в *Студент Петров не явился на экзамен*).

3) Значение отнесенности факта к настоящему моменту (или периоду) времени, что выражено здесь отсутствием глагола (ср.: *Петров был студентом*, *Петров будет студентом*).

4) Значение безусловной реальности факта, также выраженное отсутствием глагола (ср.: *Петров был бы студентом, если бы не провалился на вступительных экзаменах* или *Будь Петров студентом, он получил бы место в общежитии*).

[1] В том, что слова, взятые «сами по себе», «без грамматики», не дают законченного смысла, убеждает и практика изучения неродного языка: тот, кто пытается переводить иноязычный текст, не разобравшись в его грамматической структуре, «методом» поиска в словаре значений всех слов и комбинирования этих значений в некое «правдоподобное целое», обречен на фантазирование и на грубейшие ошибки.

5) Значение единственного числа, выраженное и в одном, и в другом слове отсутствием окончания (ср. *Петровы — студенты*).

6) Далее оба существительных относятся к мужскому грамматическому роду, что в данном случае, поскольку это существительные, обозначающие лиц, указывает на мужской пол (ср. *Петрова — студентка*).

§ 142. Мы видим, что грамматические значения (как и очень многое другое в языке) выявляются в противопоставлениях. Грамматические противопоставления (оппозиции) образуют системы, называемые **грамматическими категориями**. Грамматическую категорию можно определить как **ряд противопоставленных друг другу однородных грамматических значений, систематически выражаемых теми или иными формальными показателями**. Грамматические категории чрезвычайно разнообразны — и по количеству противопоставленных членов, так называемых **граммем**[1], и по способам их формального выражения, и по характеру выраженных значений и их отношению к действительности.

Так, есть категории двучленные, например, в современном русском языке число (единственное : множественное), глагольный вид (совершенный : несовершенный); трехчленные, например, лицо (первое : второе : третье); многочленные, например, в русском и многих других языках — падеж. Чем больше граммем в данной грамматической категории, тем, как правило, сложнее оппозитивные отношения (отношения логической противопоставленности) между ними, тем большее число семантических дифференциальных признаков выделяется в содержании каждой граммемы (ср. § 105).

§ 143. Есть грамматические категории, находящие выражение в формах слова, простых (синтетических) или сложных (аналитических). Именно такие категории охотнее всего обозначают термином «грамматическая категория». В свою очередь они подразделяются на а) **формообразовательные**, т. е. проявляющиеся прямо в образовании форм данного слова (например, падеж и число в русских существительных, наклонение и время в глаголе) и б) **классификационные**, т. е. присущие данному слову во всех случаях его употребления и тем самым относящие это слово к какому-то классу (разряду) слов. Классификационные категории проявляются косвенно, например, в формах других слов, связанных с данным в контексте (такова категория рода в русском имени существительном: каждому существительному присущ, как правило, какой-то определенный род — мужской, женский или средний, а проявляет себя эта принадлежность к определенному роду в формах того слова, которое согласуется с именем существительным).

[1] *Граммéма* — образование от корня слова *грамматика* с суффиксом, указывающим на абстрактную единицу языковой системы. Примеры граммем — каждый из противопоставленных падежей, каждое из противопоставленных лиц и т. д.

Грамматическим категориям, связанным с отдельным словом, противостоят грамматические категории, проявляющиеся только в рамках целого предложения или сочетания знаменательных слов (такие, как «утверждение : вопрос» или «простое : приблизительное указание количества», см. § 141).

§ 144. По характеру передаваемых значений грамматические категории можно разделить на три типа: 1) Объективные по преимуществу отражают наблюдаемые и преломляемые сознанием человека связи и отношения объективной действительности (например, число в именах существительных). 2) Субъективно-объективные отражают соотношение между описываемой ситуацией и положением субъектов — участников общения (категории лица, времени) или устанавливают тот угол зрения, под которым рассматривается действительность (залог, вид, определенность/неопределенность, выражаемая в ряде языков артиклем). 3) Формальные используются главным образом для сигнализации факта связи между словами, но не отражают каких-либо различий в объективной действительности или в ее субъективном восприятии (грамматический род у тех существительных, у которых он не связан с полом).

§ 145. Грани между перечисленными типами изменчивы. Граммемы большинства категорий многозначны; из своего «семантического спектра», т. е. из набора потенциально присущих им в языке значений, они в речи, в разных случаях употребления «актуализируют» то одно, то другое. Так, в русском языке 2-е лицо может выступать и в значении 'адресат речи', и в так называемом обобщенно-личном значении, например в пословицах типа *Что посеешь, то и пожнешь*, где 2-е лицо относится к любому человеку. Множественное число чаще всего обозначает раздельное множество предметов, единиц («*Книги* лежали на столе», «*Студенты* пришли на консультацию»), а у некоторых существительных множество разновидностей, сортов данного вещества («сухие *вина*», «эфирные *масла*»). Оно может экспрессивно указывать на большое количество чего-либо, не исчисляемого единицами (*снегá, пески*), либо относиться к одному человеку, субъективно трактуемому как некое (фиктивное) «множество» (в официальном обращении на «Вы», в «авторском» *мы* и т. п.). Наконец, в таких географических названиях, как *Новосокольники, Афины, Фивы*, множественное число, собственно, вообще не выражает никакой множественности (или «расчлененности») предмета, а выступает как чисто формальная примета, служащая лишь для согласования другого слова с данным существительным («древн*ие* Афины»).

Не является всегда одинаковым и значение единственного числа. Чаще всего оно указывает на единичность («*Рыба* сорвалась с крючка»), но может употребляться и в собирательном смысле, когда говорят о некотором (не расчленяемом мыслью) множестве (*торговля рыбой*), а также и в самом общем смысле, когда противопоставление единичности и множественности оказывается несущественным («*Рыба* дышит жабрами», т. е. рыба как общее понятие, всякая рыба и тем самым все рыбы). Можно утверждать, что единственное число составляет в русском и во многих других языках как бы «фон» для более специфического и яркого множественного. Также и в других грамматических категориях типичны случаи большей или меньшей смысловой неравноценности составляющих их граммем.

§ 146. От грамматических категорий нужно отличать грамматические разряды слов. Среди этих разрядов есть семантико-грамматические и формальные.

1. Семантико-грамматические разряды характеризуются семантическими особенностями, проявляющимися в грамматическом функционировании соответствующих слов. Самые крупные из этих разрядов — так называемые части речи (§ 181 и след.). Внутри частей речи выделяются группировки помельче, например, среди существительных — личные и неличные или (в русском языке) одушевленные и неодушевленные, далее — «имена единиц» и «имена масс», или, шире, считаемые и несчитаемые, наконец, конкретные (предметные) и абстрактные (непредметные, или «фиктивно-предметные»); среди прилагательных — качественные и относительные и т. д. Особое место занимают словообразовательные разряды, проявляющиеся в словообразовательной структуре слова, например «имена действия» (*ношение, несение, подписывание, подписка*), «имена действующего лица» (*носитель, подписчик*) и др.

2. Формальные разряды различаются по способу образования грамматических форм входящих в них слов. Это деклинационные классы, т. е. разные склонения (ср. склонение слов *весна* и *осень*), конъюгационные классы, т. е. разные спряжения (например, 1-е и 2-е спряжения в русском или сильное и слабое спряжения в германских языках), разные типы образования степеней сравнения и т. д. Между формальными разрядами в принципе отсутствуют отношения смыслового противопоставления: это параллельные способы выражения одних и тех же грамматических значений, обслуживающие традиционно закрепленный за каждым способом круг лексем.

§ 147. Остановимся на взаимодействии грамматических категорий с семантико-грамматическими разрядами слов.

Один тип такого взаимодействия — модификация конкретного содержания граммем при их «накладывании» на слова определенного семантико-грамматического разряда. Выше мы видели, как граммема «множественное число» наполняется разным содержанием в зависимости от ее приложения к «именам единиц» или некоторым «именам масс»; как мужской и женский род в применении к существительным, обозначающим лиц (и некоторых животных), указывают на пол, а в применении к другим служат лишь средством формального согласования.

Другой тип влияния семантико-грамматических разрядов и даже лексического значения слов на грамматические категории — явление семантически обусловленной дефектности граммем: иногда значение граммемы и значение разряда (или отдельных входящих в него слов) оказываются несовместимыми или трудно совместимыми, и тогда соответствующие формы вообще не образуются (или же теоретически могут быть образованы, но на практике не употребляются). Так, многие «имена масс», названия абстрактных понятий, а также

5 № 3471

некоторые имена собственные не образуют множественного числа, например, в русском языке такие слова, как *пух, молоко, молодость, гнев, Москва, Днепр* — так называемые singularia tantum (т. е. имеющие только единственное число) [1]. Другие слова этих же семантико-грамматических разрядов, напротив, не имеют форм единственного числа. Таковы в русском языке так называемые pluralia tantum: *духи, дрова, дрожжи, хлопоты, сумерки*, географические имена вроде *Афины, Карпаты*, имена «двуединых» предметов — *ножницы, щипцы, брюки, сани* и т. д. Важно то, что категория числа и в одной, и в другой группе оказалась (в данном языке) неприложимой к словам определенной семантики. Еще пример: значение сравнительной и превосходной степеней несовместимо с лексическим значением прилагательных *босой* (нельзя быть «более босым» или «самым босым»), *полый, двойной, дедушкин* — отсюда невозможность форм вроде «босее», «босейший» и т. д.[2]

Взаимодействие лексических и грамматических значений в языке совершенно естественно. Ведь области тех и других не составляют каждая какого-то «отдельного царства». Напротив, одна и та же информация нередко может быть выражена то как грамматическое, то как лексическое значение, то как сочетание одного и другого. Ср. *человек двести* (грамматическое выражение приблизительности порядком слов), *приблизительно двести человек, около двухсот человек* (лексическое выражение той же идеи особым словом) и *приблизительно человек двести* (комбинация того и другого). Числительные либо слова *много, несколько, множество* дублируют (и одновременно уточняют) информацию, передаваемую грамматическими формами множественного числа; слова вроде *вчера, давно, в прошлом* дублируют (и уточняют) информацию, даваемую формами прошедшего времени, и т. д. Некоторые языки избегают в определенных случаях подобного дублирования. Так, в венгерском, финском, тюркских и многих других языках существительное при числительном ставится всегда в форме ед. ч. (азерб. *ики адам* 'два человека') как в форме «фоновой», имеющей более общее, как бы нейтральное значение.

§ 148. Грамматическая наука традиционно подразделяется на два больших отдела — м о р ф о л о́ г и ю [3], или грамматику слова, и с и н т а к с и с [4], или грамматику связной речи (и вообще единиц, бо́льших, чем отдельное слово). Разделение на морфологию и синтаксис в известной мере условно, так как грамматические значения, стоящие за изменением форм слова, полностью раскрываются только при учете синтаксических функций этих форм, т. е. их функций в рамках

[1] От singularia tantum формы множественного числа все-таки возможны, хотя употребляются они крайне редко. Ср. у М. А. Шолохова в эмоционально-окрашенном восклицании: «Нету времени *молоки* распивать!»

[2] Иногда дефектность может быть вызвана не семантическими, а формальными причинами, сложившейся традицией и т. п. Так, в русском литературном языке глагол *писать* не имеет деепричастия настоящего времени.

[3] *Морфоло́гия* от др.-греч. *morphē* 'форма' — букв. 'наука о форме' (или 'о формах'); имеется в виду структура слова и его словоформ.

[4] *Си́нтаксис* от др.-греч. *syntaxis* 'построение, порядок, устройство, связь' и т. д.

словосочетания и предложения. В составе «грамматики слова» выделяются область, связанная с образованием слов как лексических единиц языка, и область, связанная с образованием грамматических форм слова. Первую область называют наукой о словообразовании (иногда дериватоло́гией) [1], вторую — собственно морфологией. В грамматиках многих языков немалую роль играет описание технических правил, связанных с функционированием формальных грамматических категорий, с различиями между формальными разрядами и распределением слов по этим разрядам. Но подлинную «душу» грамматики составляет не такое техническое описание, а выявление смысловых различий, стоящих за грамматическими правилами, т. е. выявление грамматических значений и категорий. Поэтому и в словообразовании, и в собственно морфологии, и в синтаксисе на первое место выдвигаются проблемы г р а м м а т и ч е с к о й с е м а н т и к и (как в комплексе лексикологических дисциплин ведущее место принадлежит семасиологии).

2. МОРФЕМА — ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ДВУСТОРОННЯЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

а) Общее понятие о морфеме

§ 149. Выше мы уже не раз имели дело с морфемой — минимальной двусторонней единицей языка, т. е. такой единицей, в которой 1) з а о п р е д е л е н н ы м э к с п о н е н т о м з а к р е п л е н о т о и л и и н о е с о д е р ж а н и е и которая 2) н е д е л и м а н а б о л е е п р о с т ы е е д и н и ц ы, о б л а д а ю щ и е т е м ж е с в о й с т в о м.

Понятие морфемы ввел И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) как объединяющее для понятий корня, приставки, суффикса, окончания, т. е. как понятие минимальной значащей части слова, линейно выделимой в виде некоторого «звукового сегмента» (отрезка) при морфологическом анализе. Наряду с этими, как теперь говорят, сегментными морфемами Бодуэн рассматривает и нулевые морфемы, «лишенные,— как он пишет,— всякого произносительно-слухового состава» [2], выступающие, например, в формах им. п. ед. ч. *дом, стол* или род. п. мн. ч. *мест, дел* (нулевые окончания). Позже в работах многих лингвистов разных стран понятие морфемы было значительно расширено и углублено и постепенно стало одним из центральных понятий в мировом языкознании. Теперь морфема рассматривается как универсальная языковая единица. Наряду с сегментными морфемами — частями слов — выделяются сегментные морфемы, функционирующие в качестве целого слова — служебного (например, наши

[1] *Дериватоло́гия* — от *дерива́т* 'производное (слово)', *дерива́ция* 'образование производных слов' (ср. лат. *derivatio* — первоначально 'отведение воды из реки', затем 'образование новых слов от существующего корня').

[2] *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 282.

предлоги *к*, *на*, союзы *и*, *но*) или знаменательного (*здесь*, *увы*, *метро*, *рагу*). Есть языки, например вьетнамский, в которых подобные морфемы-слова (или, как их иногда называют, «свободные морфемы») являются количественно преобладающим типом. Выделены и другие разнообразные типы морфем, описываемых как «морфемы-операции» (см. § 160 и след.).

§ 150. Вычленение морфем — частей слов — основывается на параллелизме между частичными различиями, наблюдаемыми во внешнем облике (звучании) слов и их форм, и частичными различиями в значениях (лексических и грамматических), передаваемых этими словами и формами. Так, между формами *груша*, *груши*, *грушу*, *груш* наблюдается частичное различие в звучании: начало этих форм /gruš/ во всех взятых формах одинаково, а концы /a/, /ы/, /u/ и нулевое — во всех формах разные. Этому частичному различию в звучании параллельно частичное различие в значении: хотя все формы обозначают известный съедобный плод, каждая сочетает это значение с особой комбинацией грамматических значений падежа и числа. Естественно считать, что общий элемент звучания является носителем общего элемента в значении, а специфические для каждой взятой формы элементы звучания являются носителями специфических компонентов значения. Таким образом, элементу /gruš/ мы можем приписать значение 'известный съедобный плод'; а элементам /a/, /ы/, /u/ и /#/ соответственно значения: им. п. ед. ч., род. п. ед., вин. п. ед. ч. и род. п. мн. ч. Этот же вывод подтверждается сравнением словоформы *груша* (и других привлеченных словоформ) с иными частично различными формами. Так, *груша* может быть сопоставлена с формами *нива*, *лампа*, *собака*. В этом ряду тождественными окажутся концы (везде /a/), а различными начала, причем параллельно мы будем наблюдать тождество грамматического значения (во всех взятых формах значение им. п. ед. ч.) и различие лексических значений. Сравнивая, далее, *груша*, например, с *грушка*, мы отмечаем в звучании *грушка* добавочный элемент /k/ и параллельно в значении этой формы тоже добавочный элемент — значение малого размера (или эмоциональный оттенок «ласковости»). Естественно, что именно это /k/ мы будем считать носителем этого значения или эмоционального оттенка.

Так, путем сравнения форм, частично различных (и тем самым частично сходных) по звучанию и по значению, мы выявляем различия (и сходства) в звучании, параллельные различиям (и, соответственно, сходствам) в значении, и таким образом устанавливаем единицы, в которых за определенным экспонентом (отрезком звучания, иногда нулем звучания и т. д.) закреплено определенное содержание (значение). Если эти единицы окажутся минимальными, т. е. не поддающимися дальнейшему членению на основе того же принципа, то это и будут морфемы. Во взятых нами примерах это именно так: выделенный элемент /gruš/ уже не обнаруживает частичного различия по звучанию и одновременно по значению (и, соответственно, частичного сходства по звучанию и одновременно по значению) ни с каким другим элементом современного русского языка. Есть формы, частично сходные

по звучанию (скажем, *грубый*, *грусть*, *рушить*), но по значению они не имеют ничего общего с *груша*. Есть в языке в той или иной мере близкие значения (скажем, названия других съедобных плодов), но они выражаются звуковыми комплексами, не имеющими ничего общего с /gruš/. Следовательно, единица, представленная отрезком звучания /gruš/, неделима далее на двусторонние, «звукосмысловые» единицы, т. е. это элементарная двусторонняя единица — морфема. Морфемами являются и другие единицы, выделенные в приведенных примерах, представленные однофонемными отрезками /a/, /ы/, /u/, /k/ и /#/.

§ 151. Как абстрактная единица в системе языка, всякая морфема есть инвариант, но очень многие морфемы выступают в виде ряда (набора) языковых вариантов — алломорфе́м (или алломо́рфов) [1]. В тексте, в потоке речи морфема, как уже упоминалось (§ 30), представлена своими конкретными речевыми экземплярами — мо́рфами. Поскольку морфема — единица двусторонняя, ее языковое варьирование оказывается двояким. Это может быть варьирование в плане выражения, т. е. варьирование экспонента, либо варьирование в плане содержания, т. е. полисемия морфемы, аналогичная полисемии слова. Пример экспонентного варьирования: глагольный префикс *над-* в русском языке выступает в вариантах /nad/, /nat/, /nado/, /nada/ (ср. *надрежу*, *надстрою*, *надорван*, *надорву*). Пример содержательного варьирования: тот же префикс вносит в глагол либо значение прибавления сверху к чему-то, уже имеющемуся (*надрисую*, *надстрою*, *надошью*), либо значение проникновения на малую глубину, на небольшое расстояние от поверхности предмета (*надрежу*, *надкушу*, *надорву*).

Между экспонентными вариантами морфемы наблюдаются либо отношения неперекрещивающейся дистрибуции (так обстоит дело с рассмотренными экспонентными вариантами префикса *над-*), либо отношения «свободного варьирования» (ср. варианты окончания /oj/ и /oju/ в формах тв. п. ед. ч. вроде *рукой* и *рукою*). Соответственно двум указанным типам дистрибутивных отношений можно говорить об обязательных экспонентных вариантах морфемы (/nad/-, /nat/- и т. д.) и о вариантах факультативных (-/oj/ и -/oju/) (ср. § 55).

Что касается содержательного варьирования, т. е. полисемии морфемы, то, как и всякая полисемия, она разграничивается и снимается контекстом, прежде всего с помощью соседних морфем: *над-* реализует одно из своих значений в сочетании с *-рисую*, и другое значение — в сочетании с *-режу*.

б) Корни и аффиксы

§ 152. Сегментные морфемы — части слов (части простых, синтетических словоформ) — разделяются на два больших класса: 1) корни

[1] Из двух приведенных терминов шире распространен термин *алломо́рф*, но с теоретической точки зрения он менее удачен (ср. сказанное в сноске на с. 52 о терминах *аллофонема* и *аллофон*).

и 2) некорни, или *áффиксы*[1]. Эти классы противопоставлены друг другу прежде всего *по характеру выражаемого значения и по своей функции в составе слова*.

В составе знаменательных слов *корни* являются носителями лексических значений, обычно совпадающих с лексическими значениями слов, содержащих эти корни и наиболее простых по морфологической структуре. Так, значение корня *рук-* совпадает с лексическим значением слова *рука*. В знаменательных словах более сложной структуры корень (или каждый из корней, если их в слове несколько) несет какую-то часть целостного лексического значения слова или же выступает как «опора» мотивировки. Ср. значение того же корня *рук-* (*руч-*) в *ручка* 'маленькая рука' и *ручка* (дверная, для писания и т. д.), *рукомойник*, *ручной*, *рукав*, *приручить*, *выручить* и др., а также значение второго корня *мой-* (*мы-*) в *рукомойник*. *Аффиксы* не несут самостоятельных лексических значений, их значения либо лексико-грамматические (словообразовательные, деривационные), либо собственно грамматические (как иногда говорят, реляционные, т. е. выражающие отношения), либо, наконец, они выполняют формально-структурные и формально-классифицирующие функции. В приведенных словоформах представлены все три типа аффиксов. Так, *деривационными* аффиксами являются *-к-* в *ручка*, *-ник* в *рукомойник*, *при-* и *вы-* в *приручить* и *выручить*; *реляционными* — *-а* в *рука* и *ручка*, *-ой* в *ручной*; *формально-структурным* — соединительный гласный, связывающий два корня в сложном слове *рукомойник*; *формально-классифицирующим* — показатель формального разряда (типа спряжения) *-и-*, стоящий в *приручить* и *выручить* перед реляционной морфемой — показателем инфинитива *-ть* /t'/.

Корень (или сочетание корней) образует смысловое ядро и структурный организующий центр слова[2]. Деривационные аффиксы участвуют вместе с корнем (сочетанием корней) в формировании целостного лексического значения слова. Так, лексическое значение слова *ручка* 'маленькая рука' складывается из значения корня и значения уменьшительности (или ласкательности), вносимого аффиксом *-к-*; в *ручка* (дверная, для писания и т. д.) значения корня и особенно аффикса менее отчетливы, они почти растворены в целостном лексическом значении слова, развившемся как переносное; можно сказать, что значения корня и аффикса превратились здесь в компоненты мотивировки. Вполне отчетливо значение аффикса *-ник* 'орудие, приспособление

[1] *Аффикс* (лат. *affixum* 'прикрепленное') — общий термин для всех некорневых сегментных морфем, входящих в состав синтетических форм слова.

[2] Известны единичные случаи, когда может казаться, что в знаменательном слове представлены одни только аффиксы и вовсе нет корня. В русском языке сюда относят глагол *вынуть*, где *вы-* префикс, а *-ну-* якобы суффикс (как в большинстве глаголов на *-нуть*). На деле, однако, здесь есть корень *н-* (другие варианты этого корня: *ним-* в *вынимать*, *снимать*, *ня-* в *снять* и др.), правда, с довольно неопределенным значением (приблизительно: 'перемещение чего-либо в направлении, указываемом префиксом'); после корня здесь следует суффикс *-у-* (как в *обмануть* — ср. *обман*, *помянуть* — ср. *поминать*).

для ...' в слове *рукомойник*; значение же деривационного аффикса *-н-* 'относящийся к ...' в *ручной* является очень общим.

Грамматические значения, присущие словоформе и слову в целом, выражаются разными способами — реляционными аффиксами, нулевыми морфемами (например, в род. п. мн. ч. *рук*) и другими типами несегментных морфем (см. ниже), отчасти также деривационными аффиксами, а в некоторых случаях даже и самими корнями. Последнее наблюдается в *супплетивных рядах*, когда разные грамматические формы одного слова образуются от разных корней[1]. Так, в ряду *хорошо* — *лучше* значение сравнительной степени выражено не только аффиксом *-ш-* (как в *раньше*), но и заменой корня *хорош-* корнем *луч-*.

Что касается формально-структурных (соединительных) и формально-классифицирующих аффиксов, то они несут чисто вспомогательные функции, не связанные, по крайней мере прямо, с передачей каких-либо смысловых противопоставлений. Можно сказать, что аффиксы эти не обладают значениями в обычном смысле слова, даже такими «формальными» значениями, как значение грамматического рода, где оно не связано с полом. Содержательная сторона этих аффиксов сводится к их соединительной функции, к указанию на принадлежность слова к тому или иному формообразовательному разряду и т. д. Такого рода содержание беднее, чем у обычных грамматических морфем, и все же структурные и формально-классифицирующие морфемы вычленяются как отдельные единицы.

§ 153. Экспонент сегментной морфемы — части слова — включает следующие характеристики:

1) он представлен *сегментом* определенной протяженности (фонемой или некоторой последовательностью фонем), причем фонемный состав сегмента может быть постоянным (например, у префиксов *при-*, *у-*, *вы-*, у корня *груш-*) или же переменным (например, у префикса *над-*, у корня *рук-*), а сегмент — непрерывным (в приведенных примерах) или прерывистым (см. ниже);

2) этот сегмент занимает определенную *позицию* в линейной последовательности сегментов, представляющих морфемы, на чем основано выделение понятий префикса, окончания и т. п.;

3) этот сегмент может воздействовать на фонемный состав соседних сегментов, вызывая в них те или иные *чередования фонем*. Например, суффикс прилагательных *-н-* вызывает в корне чередования /k/ ∞ /č/, /g/ ∞ /ž/, /x/ ∞ /š/, /l/ ∞ /l'/ (ср. *рука* — *ручной*, *нога* — *ножной*, *смех* — *смешной*, *дело* — *дельный*);

4) во многих языках (в частности, и в русском) сегмент, представляющий морфему, обладает определенной супрасегментной, *просодической характеристикой*, проявляющейся как в нем самом (скажем, он может быть всегда ударным или, напротив, всегда безударным), так и в рамках других сегментов того же слова;

[1] *Супплети́вные ряды*, *супплетиви́зм* — от лат. *suppleo* 'пополняю, восполняю': недостающие образования от одного корня как бы восполняются образованиями от другого.

примерах § 154), такой аффикс принадлежит к классу тра́нсфиксов[1]. Так, в ряде арабских существительных единственное число выражено трансфиксом *-a...#-*, а множественное — трансфиксом *-u...ū-*; ср. (при корне *b...j...t*) *bajt* 'дом' — *bujūt* 'дома́', (при корне *d...r...s*) *dars* 'урок' — *durūs* 'уроки', так же и в заимствованном из европейских языков *bank* 'банк' выделяется корень *b...n...k* (ср. мн. ч. *bunūk*).

§ 156. Различия в воздействии на фонемный состав соседних сегментов и в просодических характеристиках. В русском и многих других языках последующая морфема чаще воздействует на предыдущую (корень — на префикс, постфикс, следующий сразу за корнем,— на корень и т. д.). В немецком постфикс множественного числа существительных *-er* всегда вызывает так называемый у́млаут (перегласовку), если только гласный корня способен подвергаться перегласовке (например, *Dorf* 'деревня' — *Dörfer*, *Wald* 'лес' — *Wälder*, *Buch* 'книга' — *Bücher*, *Haus* 'дом' — *Häuser* и т. д., без единого исключения). Во всех подобных случаях воздействие на соседние сегменты составляет столь же существенную и неотъемлемую характеристику экспонента воздействующей морфемы, как и фонемный состав ее собственного сегмента. В ряде тюркских и финно-угорских языков наблюдается регулярное воздействие корня (в сложных словах — последнего по порядку корня) на фонемный состав постфиксов. Это явление так называемой гармонии гласных (§ 45,1).

Что касается просодических характеристик, то, например, в древних германских языках роль корня как смыслового ядра слова подчеркивалась его ударностью. Это проявляется еще и сейчас, если отвлечься от позднейших заимствований.

§ 157. Мы рассмотрели сегментные морфемы — части знаменательных слов. Однако корни и аффиксы могут быть выделены и во многих служебных словах, в частности в таких, как вспомогательные глаголы — русск. *буду*, англ. *has, had*, французский определенный артикль *le, la, les* и т. п. В этих случаях и корень и аффикс выражают грамматические значения, хотя и разные: корень *буд-* — значение времени, а аффикс *-у* — значение лица и числа или корень *l-* — 'определенность', а аффиксы -/œ/, -/a/, -/e/ или -/ez/ (перед гласным) — значение рода и числа. Здесь корень утратил лексическое значение (сохраненное корнями соответствующих знаменательных слов — знаменательных глаголов *быть* 'существовать', *to have* 'иметь', корнем личного местоимения *le* 'его' и т. д.). Однако корень и в служебном слове остается смысловым ядром: он несет то грамматическое значение, которое является общим для всех форм, образованных с данным служебным словом.

§ 158. С учетом функциональной и смысловой близости между аффиксами и служебными словами рассмотренные типы морфем группируют еще и по-другому. Среди них выделяют:

[1] *Тра́нсфикс* — по образцу всех других терминов с элементом *-фикс* от лат. *trans* 'через, сквозь'.

1) лексические (знаменательные) морфемы, включая а) корни знаменательных слов и б) морфемы — знаменательные слова;
2) грамматические (служебные) морфемы, куда входят а) аффиксы знаменательных слов, б) морфемы — служебные слова и в) морфемы — части (в том числе корни) служебных слов.

Лексических морфем в каждом языке значительно больше, чем грамматических. Но в речи, в тексте средняя частота употребления грамматической морфемы (особенно реляционной) существенно выше средней частоты употребления морфемы лексической. Кроме того, лексические морфемы входят в состав «неограниченных инвентарей», для живого языка их нельзя задать списком; грамматические же морфемы образуют «замкнутые системы», и в каждом языке их исчерпывающее перечисление вполне осуществимо.

в) Нулевые морфемы и морфемы-операции

§ 159. Нулевые морфемы — это морфемы с нулевым экспонентом, передающим то или иное грамматическое значение. Нулевой экспонент есть значащее отсутствие аффикса или служебного слова, регулярно противопоставляемое наличию аффикса или служебного слова в соотносительных случаях. Так, отсутствие окончания в форме *бел* рассматривается как нулевая морфема, поскольку эта форма противостоит форме *белый* и, с другой стороны, формам *бела, бело, белы*. Нулевая морфема включается в определенной точке речевой цепи в линейную последовательность сегментных морфем: *бел*|#.

В зависимости от того, чему именно противопоставлен нулевой экспонент, различают несколько видов нулевых морфем. Самый известный из них — нулевое окончание, или нулевая флексия (ср. только что приведенный пример). Нулевой суффикс имеем в формах мн. ч. *болгары, крестьяне* — при ед. ч. *болгарин* и т. д. с суффиксом *-ин-*; в формах совершенного вида *решу, одолею, оценю, расскажу* — при несовершенном виде с суффиксами *-а- (решаю)*, *-ва- (одолеваю)*, *-ива-/-ыва- (оцениваю, рассказываю)*. Нулевых префиксов в русском языке нет, поскольку префиксы не создают у нас таких регулярных противопоставлений, которые позволили бы говорить при отсутствии префикса о нулевой морфеме. В болгарском языке префиксы *по-* и *най-* являются обязательными и единственными морфемами, передающими значение сравнительной и превосходной степени соответственно, поэтому в положительной степени с полным правом может быть выделен нуль префикса: #|*ху́бав* 'хороший' — *по́-хубав* — *на́й-хубав*.

Пример нулевой морфемы, противопоставленной служебному слову: отсутствие вспомогательного глагола в *Ему пора идти* при наличии такого глагола в *Ему было (будет) пора идти*.

§ 160. Морфемы-операции (иначе супрасегментные морфемы) описываются как операции, производимые над сегментными морфемами (или их сочетаниями) с целью выразить то или иное грамматическое значение. Сейчас мы рассмотрим морфемы-операции, «привязанные» к отдельному слову,— значащие чередования фонем, изме-

нения ударения и тона, а также стоящие особняком морфемы-повторы. Супрасегментные морфемы, которые проявляются только в словосочетании и предложении (интонация и порядок слов), мы рассмотрим ниже (§ 201—202). Все морфемы-операции (как и нулевые морфемы) являются грамматическими, т. е. своеобразными аналогами аффиксов и служебных слов.

§ 161. Значащее чередование превращается в экспонент особой морфемы, если это чередование становится главным или даже единственным показателем грамматического противопоставления. Это мы видим, например, в русском языке при образовании некоторых существительных от прилагательных:

стар, старый, старая ...	*старь*
зелен, зеленый...	*зелень*
гол, голый...	*голь*

Здесь в прилагательном (во всех его формах) на конце корня стоит непалатализованный согласный /r/, /n/, /l/, а в производном существительном (тоже во всех словоформах) — соответствующий палатализованный / r′/, /n′/, /l′/. Важна именно четкая закрепленность определенного альтернанта за определенной грамматической функцией (а не наличие «минимальных пар» типа *стар : старь*, составляющих частный случай). При указанном распределении альтернантов непалатализованный согласный становится показателем прилагательного, а палатализованный — показателем существительного (вместе с соответствующими наборами окончаний отдельных форм). Таким образом, дифференциальный признак палатализованности последней фонемы корня выполняет здесь функцию, аналогичную той, которую в других случаях выполняет суффикс (ср. слова *старость*, *новизна*, *слепота* и т. д.). Можно сказать, что в фонеме /r′/ слова *старь* все, кроме палатализованности, принадлежит корню, а палатализованность составляет супрасегментный экспонент грамматической морфемы, иногда называемой «симульфиксом» (от лат. *simul* 'одновременно, вместе с'), либо что грамматической морфемой является здесь самый факт замены непалатализованного согласного палатализованным (/r → r′/, /n → n′/ и т. д.), т. е. определенная операция над фонемным составом корня.

Другим аналогичным примером могут служить англ. *house* /haus/ 'дом' и *house* /hauz/ 'поселить', *extent* /ɪkstˈent/ 'протяжение, степень' и *extend* /ɪkstˈend/ 'простираться, протягивать' и т. д.; здесь звонкость последнего согласного отличает глагол от существительного.

Таким же образом используются и чередования гласных. В немецком языке формы множественного числа многих существительных образуются с у́млаутом (перегласовкой) гласного в корне. В ряде случаев умлаут выступает не в качестве «сопроводителя», а самостоятельно, например:

Mutter /mˈʊtɛr/	'мать' — мн. ч.	*Mütter* /mˈytɛr/
Bruder /brˈu:dɛr/	'брат' — -»-	*Brüder* /brˈy:dɛr/
Tochter /tˈɔxtɛr/	'дочь' — -»-	*Töchter* /tˈœçtɛr/
Ofen /ˈo:fɛn/	'печь' — -»-	*Öfen* /ˈø:fɛn/

В этих случаях принадлежность корневого гласного к заднему или к переднему ряду выступает как основной показатель соответственно единственного или множественного числа (хотя «по совместительству» на число указывают также формы артикля и окончания некоторых падежей). ДП ряда оказывается здесь экспонентом грамматической морфемы, тогда как остальные ДП гласной фонемы (лабиализованность, степень подъема, долгота или краткость) принадлежат экспонентам соответствующих корней. В английском языке, где артикль не изменяется по числам, перегласовка может оказаться даже единственным показателем множественного числа. Ср., например, *tooth* 'зуб' — мн. ч. *teeth*, *mouse* 'мышь' — мн. ч. *mice* и др. Еще более разнообразные чередования гласных (так называемый а́блаут) используются в германских языках в формах сильных глаголов, а также при образовании от этих глаголов других слов; ср. англ. *sing* 'петь, пою' и т. д.— *sang* 'пел' — *sung* 'спетый' — *song* 'песня'; нем. *binden* 'связывать' — прош. *band* — прич. II *gebunden* (в сочетании с циркумфиксом *ge...en*) — *Binde* 'повязка' — *Band* 'связь, лента, том' — *Bund* 'союз'. Внешне факты такого рода несколько похожи на трансфиксацию (§ 155,6) и нередко объединялись с нею в понятии «внутренняя флексия».

§ 162. В ряде случаев используется усечение какой-либо части слова или корня, т. е. чередование соответствующих фонем с нулевой. Во французском языке так образуются формы мужского рода некоторых прилагательных. Ср. *longue* /lɔ̃:g/ 'длинная' — муж. р. *long* /lɔ̃/, *fraîche* /frɛ:š / 'свежая' — муж. р. *frais* /frɛ/, *douce* /dus/ 'сладкая' — муж. р. *doux* /du/ и т. д. Согласный, стоящий здесь на конце формы женского рода (/g/, /š/, /s/ и т. д.), принадлежит корню, как показывают, в частности, производные слова (*longueur* /lɔ̃:gœ:r/ 'длина', *longuement* /lɔ̃:gmɑ̃/ 'долго, пространно' и т. д.). Отсюда явствует, что не женский род образуется от мужского прибавлением, а, напротив, мужской от женского отбрасыванием последнего согласного. Иногда в таких случаях говорят об «отрицательной» или «вычитательной» морфеме.

§ 163. Сдвиг ударения рассматривается как морфема в тех случаях, когда он становится основным показателем какого-либо грамматического значения. Например, в английском языке глагол и существительное могут различаться местом ударения: *progress* /prougrˈes/ 'прогрессировать' — *progress* /prˈougres/ 'прогресс'; *import* /ɪmpˈɔ:t/ 'импортировать' — *import* /ˈɪmpɔ:t/ 'импорт' *increase* /ɪnkrˈi:s/ 'увеличивать' — *increase* /ˈɪnkri:s/ 'прирост'; *forecast* /fɔ:kˈa:st/ 'предсказывать' — *forecast* /fˈɔ:ka:st/ 'предсказание'.

Ударение на втором слоге сохраняется во всех глагольных формах (*progrˈesses*, *progrˈessed*, *progrˈessing*) и составляет их общий признак, противостоящий ударению на первом слоге как признаку существительного. Таким образом, ударение выполняет здесь ту́ же функцию, которую в русском языке выполняют аффиксы отыменного глагола (например, суффикс *-иру-/-иров-* в *прогрессирую*) или отглагольного существительного (например, -/an′ij/- в *предсказание*): слово одной части речи образуется от слова другой части речи операцией сдвига ударения.

В русском языке у многих существительных наблюдается четкая противопоставленность по ударению всех форм единственного числа всем формам множественного числа. Ср., с одной стороны, *мóре — моря́, пóле — поля́, кóлокол — колоколá*, а с другой — *селó — сёла, колесó — колёса, бедá — бéды, трубá — трýбы* и т. д. Эти противопоставления дают в отдельных случаях «минимальные пары», различающиеся только местом ударения при тождественном составе фонем, вроде *пáруса — парусá, хýтора — хуторá* или *лицá — лúца, трубы́ — трýбы*. Важнее, однако, то, что независимо от совпадения отдельных окончаний все формы единственного числа противопоставлены здесь по ударению всем формам множественного числа. Именно это и делает определенный тип ударения основным показателем числа (конечно, наряду, с соответствующим набором окончаний) [1].

Как морфему-операцию можно рассматривать также устранение (или ослабление) ударения при превращении знаменательного слова в служебное (например, наречия — в предлог, местоимения — в артикль).

§ 164. Роль грамматической морфемы могут играть и р а з л и ч и я с л о г о в о г о а к ц е н т а (тонов). Так, в америндейском языке тлингúт (южное побережье Аляски) многие глаголы, например *hun* 'продавать', *sin* 'прятать', *tin* 'видеть', произнесенные с низким тоном, информируют о прошедшем, а с высоким тоном — о будущем времени. В западноафриканском языке úгбо глагол *ivu* 'нести' и существительное *ivu* 'груз' (и другие подобные пары) различаются тем, что в глаголе первый слог произносится с высоким, а второй — со средним тоном, а в существительном — оба слога с высоким тоном.

§ 165. Своеобразным типом морфем-операций являются повторы тех или иных отрезков — частей слов или целых словоформ, так называемая редупликация (удвоение). Редупликация может быть полной (повтор целой единицы — слова или морфемы) или частичной (например, удвоение начального согласного); она может сочетаться с заменой в повторяемом отрезке отдельных фонем другими.

Как морфему мы можем квалифицировать повтор там, где с этим повтором четко связывается то или иное грамматическое значение. Таковы повторы со значением интенсивности качества *(синий-синий)*, интенсивности, длительности и многократности действия *(ходишь-ходишь, просишь-просишь)*. Далее — повторы, передающие значение множественного числа, например в малайском языке: *orang* 'человек'— *orang-orang* 'люди'; в языке хауса: *iri* 'сорт, вид' — мн. ч. iri-iri, *dabara* 'совет' — мн. ч. *dabarbara*, *fari* 'белый' — мн. ч. *farfaru*, *nágari* 'хороший' — мн. ч. *nágargaru*; в корейском языке с особым «разделительным» оттенком значения: *saram* 'человек' — *saram-saram* 'каждый из людей'.

В древних индоевропейских языках частичная редупликация — удвоение начального согласного корня в сопровождении гласного — использовалась в глаголе для выражения значения перфекта (значение состояния, а позже — действия, создающего состояние). Ср. греч. *kéktēmai* 'владею, имею' — от *ktōmai* 'приобретаю', *téthnēka* 'я мертв, умер' — от *thnēsko* 'умираю' (в перфекте *t* вместо *th* в порядке диссимиляции); лат. *cecĭdi* 'я упал' — от *cado* 'падаю', *momordi* 'я укусил' — от *mordeo* 'кусаю'. Изолированный остаток редупликации (не связанной с перфектом) сохранен в русских формах *дадим, дадите, дадут*.

Редупликация во многих случаях может быть описана и иначе — как прибавление особого сегмента, так называемого «аффикса-хамелеона». Фонемный состав экспонента этого аффикса является переменным и определяется каждый раз в зависимости от состава экспонента того корня, к которому аффикс присоединяется.

От повторов — грамматических морфем нужно отличать те случаи, в которых повтор служит средством организации корня (например, в «детских» словах *мама, папа, баба, дядя, тетя, няня, цаца*, в звукоподражательных вроде *ку-ку, динь-динь, пиф-паф*, также *колокол*) либо средством создания аффективных, эмоционально-насыщенных образований (*тары-бары, тяп-ляп*, нем. *Mischmasch* 'мешанина', *Wirrwarr* 'путаница', фр. *pêle-mêle* 'всякая всячина', *rififi* 'потасовка').

г) Пределы варьирования морфемы.

Омосемия, полисемия и омонимия морфем

§ 166. В предшествующем изложении мы не раз сталкивались с фактами варьирования морфем. Чем же обеспечивается е д и н с т в о м о р ф е м ы при наличии расхождений между ее вариантами?

Рассмотрим этот вопрос сперва применительно к э к с п о н е н т н о м у варьированию. Некоторые лингвисты считают, что единство морфемы создается только единством ее функции, что при тождестве значения экспонентов характер самих этих экспонентов безразличен. При таком подходе вариантами одной и той же морфемы оказываются, например, в английском языке в прошедшем времени общего вида (Past Indefinite) суффикс *-ed* в *worked* 'работал' и операция чередования в *wrote* 'писал' (ср. наст. вр. *write*). Другие авторы (в частности, большинство отечественных языковедов) полагают, что о вариантах одной и той же морфемы можно говорить лишь там, где кроме единства функции (тождества значения) есть и определенные формальные связи между различающимися экспонентами: принадлежность к одному типу, тождество позиционной характеристики, закономерные чередования фонем. Если же при общности функции формальные связи от-

[1] Сами по себе «минимальные пары» не всегда могут служить доказательством использования ударения в качестве основного носителя грамматического значения. Так, несмотря на существование изолированной «минимальной пары» *рукú — рýки*, в склонении слова *рука* нет четкой противопоставленности форм числа по ударению (ср.: *рукá*, но вин. п. *рýку*, предл. п. *(о) рукé*, мн. ч.— *рýки*, но *рукáм* и т. д.). Наличие/отсутствие ударения служит здесь лишь добавочной характеристикой падежно-числового окончания.

сутствуют, нужно говорить не о вариантах одной морфемы, а об омосемии[1] (равнозначности) разных морфем.

Омосемичными морфемами как раз и являются упомянутые сейчас суффикс *-ed* и операция чередования в английских формах прошедшего времени; омосемичными являются и функционально тождественные морфемы, принадлежащие к одному типу, если они не связаны чередованиями. Примером такой омосемии могут служить в русском языке суффиксы страдательного причастия -/n/- *(дан)* и -/t/- *(взят)*, или окончания 1-го л. ед. ч. -/u/ *(сижу)* и -/m/ *(ем)*, или тв. п. -/om/ *(столом)*, -/ju/ *(костью)* и -/oj/ *(горой, слугой)*. Омосемия флексии вообще типична для параллельных конъюгационных и деклинационных разрядов (см. § 146,2).

§ 167. При содержательном варьировании единство морфемы создается единством экспонента. Границы содержательного варьирования, т. е. полисемии морфемы, определяются на основании довольно зыбкого критерия смысловой связи между значениями, опирающегося на языковое чутье и не поддающегося формализации (ср. § 118). Между двумя значениями глагольного префикса *над-* (§ 151) «чувствуется» момент связи: и в том, и в другом действие глагола оказывается ограниченным в пространстве областью, представляемой как «верх» предмета (в прямом или переносном смысле), что перекликается с пространственным значением предлога *над* и именного префикса *над-* (ср. *надкостный*). Там же, где смысловой связи между значениями нет, следует говорить об омонимии морфем.

Примеры морфем-омонимов: суффикс *-к-* с уменьшительно-ласкательным значением *(головка, ягодка, ручка)*; суффикс *-к-* со значением женского пола *(соседка, односельчанка, лентяйка)* и суффикс *-к-* с общим значением 'носитель признака' *(невидимка, кожанка, двустволка, неотложка*, также *заколка, стружка, выскочка* и др.). Формально все три суффикса-омонима совпадают (ср. появление у всех беглого гласного в род. п. мн. ч.), но резкое различие значений не позволяет объединять их в качестве вариантов одной единицы. Омонимичные префиксы: *с-/со-* в значении 'сверху вниз', 'прочь' *(спрыгнуть, сойти, сбрить)* и *с-/со-* в значении соединения, движения к одной точке *(скрепить, созвать, сжимать)*.

Иногда использование омонимичных аффиксов создает слова-омонимы: ср. *комсомолка* 'девушка — член ВЛКСМ' и *Комсомолка* — газета «Комсомольская правда».

д) Различия между морфемами по валентности

§ 168. Важным аспектом синтагматических отношений между языковыми элементами (§ 33,2) является так называемая валентность, т. е. способность языкового элемента соединяться с другими элементами того же уровня. Применительно к морфемам речь идет о способности сочетаться с определенными другими морфемами.

[1] Термин чешского языковеда В. Скалички. См.: *Скаличка В.* Асимметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 120.

Громадное большинство морфем во всех языках относится к числу мультивалентных (многовалентных). Они встречаются в значительном (некоторые грамматические морфемы — в неограниченном) количестве сочетаний с другими морфемами. Примером может служить окончание 1-го л. ед. ч. -/u/ в русском языке, обслуживающее все глаголы (кроме четырех — *ем, дам, создам, надоем* — и их приставочных производных). Используемое в той же функции окончание -/m/ характеризуется очень ограниченной валентностью. Мультивалентным морфемам противоположны унивалентные (одновалентные), например корень /bužьn'/- в слове *буженина*: он известен в современном языке только в сочетании с суффиксом *-ин-*, повторяющимся в других названиях мяса *(телятина* и т. д.)[1]. Унивалентные корни находим также в словах *брусника, малина*. Примеры унивалентных суффиксов: *-их-* в *жених*, -/ad'j/- в *попадья*, -/ˈarus/- в *стеклярус* (унивалентность наблюдается здесь только на «левой» границе, «справа» же присоединяются различные падежные окончания).

В английском и немецком языках унивалентные корни встречаются в некоторых словах, возникших как сложные, например в названиях ряда дней недели. Так, в англ. *Tuesday* /tjˈu:zdı/ 'вторник' унивалентный корень *tues-* (первоначально имя одного из древнегерманских языческих богов с аффиксом род. п.) + мультивалентный корень *day-* 'день'.

3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА И ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 169. Морфемы, рассмотренные в предыдущем разделе, являются «строительным материалом» для более высокой единицы языка — слова. Этот строительный материал используется по-разному в зависимости от грамматической структуры каждого данного типа слов. По наличию/отсутствию формообразования все слова большинства языков разбиваются на два структурных типа — многоформенные (изменяемые) и одноформенные (неизменяемые). С этим делением перекрещивается другое: по своей словообразовательной структуре слова делятся на производные и непроизводные.

а) Одноформенные и многоформенные слова. Формообразующая основа и форматив

§ 170. Одноформенным словом мы называем такое, которое представлено в языке только одной словоформой, иначе — слово с отсутствующим формообразованием. Примеры: *вчера, вприпрыжку, здесь, увы, над, из-за, и*[2].

[1] Слово *буженина* происходит от страдательного причастия утраченного глагола *об-удити* 'обвялить, обкоптить', в свою очередь производного от *вянуть*. Начальное *о-* префикса утрачено в результате переразложения (см. § 242,2).

[2] Одноформенные слова могут иметь экспонентные варианты, например *над (тобой)* и *надо (мной)*.

Многоформенное слово — это такое, которое существует в виде ряда (набора) словоформ. Лексема не совпадает здесь со словоформой, а представляет собой абстракцию от всех словоформ данного набора (синтетических и аналитических). Например, лексема *читать* — это не только инфинитив *читать*, но и *читаю, читаешь, читал, читавший, буду читать, читал бы* и т. д.

Особо нужно сказать о словах типа *кенгуру, пальто*, традиционно квалифицируемых как неизменяемые. Так как нормой для русского языка является изменяемость существительного по падежам, то и эти слова по их функционированию в предложении должны быть признаны многоформенными (ср. *кенгуру прыгает* — им. п., *вижу кенгуру* — вин. п., *прыжок кенгуру* — род. п. и т. д.), только все словоформы их (кроме аналитических, например *о кенгуру*) омонимичны друг другу, так что лексема и словоформа здесь материально совпадают.

§ 171. Одноформенное слово может быть одноморфемным *(вчера, здесь, увы, над, и)* или многоморфемным *(из-|за, в|новь, в|при|прыж-|к|у)*. И в том и в другом случае его морфемный состав является постоянным.

Многоформенное слово строится в разных своих словоформах частично, а иногда и полностью из разных морфем. При анализе такого слова может быть выделена его п о с т о я н н а я часть, построенная во всех словоформах из одних и тех же морфем и называемая формообразующей (или лексической) основой этого слова (сокращенно ФОС), и п е р е м е н н а я часть, строящаяся в разных словоформах из разных морфем. Эта переменная часть в каждой словоформе представлена специфическим формати́вом (или форма́нтом). Так, у слова *стол* постоянную часть, или ФОС, составляет корень *стол-* (выступающий в фонетических вариантах /stˡol/-, /stal/- и /stal'/-), а переменную часть — набор окончаний: -#, *-á, -ý*, -#, *-óм* и т. д.

Набор формообразовательных формативов, с помощью которых образуются все словоформы данного слова, называется ф о р м о о б р а з о в а т е л ь н о й (или словоизменительной) п а р а д и́ г м о й этого слова (о более широком значении термина «парадигма» см. § 33).

ФОС может состоять из одного корня, как у слова *стол*, или же из корня (корней) и одного или нескольких аффиксов (например, у слова *настольный* — из корня *стол* в варианте *столь-*, префикса *на-* и суффикса *-н-*, точнее -/(i)n/-, где в скобки взят «беглый гласный»). ФОС может включать «симульфиксы» (например, у слова *старь*, согласно § 161, морфему, выраженную признаком палатализованности последнего согласного). Основа слова (ФОС) может быть определена как ч а с т ь с л о в а, о б я з а т е л ь н о с о д е р ж а щ а я к о р е н ь (и л и к о р н и) и п о в т о р я ю щ а я с я б е з и з м е н е н и я с в о е г о м о р ф е м н о г о с о с т а в а в о в с е х г р а м м а т и ч е с к и х ф о р м а х э т о г о с л о в а.

Форматив синтетической (простой) словоформы тоже может быть либо одноморфемным, например, состоящим из одного окончания (в частности и нулевого), как в словоформах слова *стол*, либо многоморфемным, состоящим из двух и более аффиксов, что типично для русского глагола: ср. *-и|шь* в *видишь*, *-л|а* в *пела*, -/|o{m|t'i/- в *пойдем-те*. Форматив может включать также супрасегментные морфемы. Так, формативы словоформ единственного числа слова *рог* включают как показатель числа ударенность корня, т. е. могут быть записаны так: ́-#, ́-*a* и т. д.

§ 172. Есть случаи, когда многоформенное слово не имеет единой основы, так как разные его словоформы образуются от разных корней — случаи с у п п л е т и в и́ з м а (§ 152). Так, у глагола *идти* часть форм (инфинитив, наст. вр., повелит. накл., прич. и дееприч. наст. вр.) образуется от корня *ид-* (в разных вариантах), а другая часть форм (прош. вр., прич. и дееприч. прош. вр.) — от корня *ш(ед)-* (собственно /šet/-, /šo/-, /š/-). В этих случаях вместо ФОС мы имеем несколько частичных, или п а р ц и а л ь н ы х, формообразующих основ. В нашем примере их две, но может быть и больше; например, их по три в др.-греч. *horô* 'вижу' — будущее *ópsomai* — аорист *êidon* или в лат. *bonus* 'хороший' — *melior* 'лучший' — *optimus* 'самый лучший' [1].

Иногда парциальные основы отдельных групп форм бывает удобно выделить наряду с ФОС. Так, у слова *зайчонок* кроме общей ФОС *зайч-* можно выделить две парциальные основы — одну для всех форм ед. ч. *зайчон(о)к-* (ср. *зайчонок*#, *зайчонка* и т. д.), а другую — для всех форм мн. ч. *зайчат-* (*зайчата, зайчат*# и т. д.) [2]. Одна из парциальных основ может внешне совпадать с ФОС, отличаясь от нее лишь наличием нулевого аффикса. Так, у слов типа *крестьянин* парциальная основа единственного числа равна ФОС + суффикс *-ин-*, а парциальная основа множественного числа равна ФОС + нуль суффикса. Парциальные основы могут различаться не сегментными аффиксами, а супрасегментными морфемами, как это видно у так называемых сильных глаголов германских языков (например, у нем. *binden* 'связывать' три парциальные основы: *bind-*, *band-* и *-bund-*, от которых с разными аффиксами образуются все его словоформы, см. § 161).

б) Производные и непроизводные слова.

Производящая основа и словообразовательный форматив

§ 173. Понятия производного слова и производности имеют разный смысл в синхроническом и диахроническом языкознании, т. е. в зависимости от того, рассматриваем ли мы язык в одну определенную эпоху или же прослеживаем его развитие на протяжении какого-то отрезка времени.

При синхроническом подходе производность совпадает со с л о-

[1] Иногда супплетивный ряд включает формы, образованные от парциальной основы, и отдельную изолированную форму (например, русск. *меня, мне, мной — я*) или даже состоит из одних изолированных форм (англ. *I* 'я' — *me* 'меня, мне').

[2] Рассматривать *-он(о)к-* и *-ат-* как варианты одного суффикса было бы неправильно, так как 1) между фонемами их экспонентов нет отношений чередования и 2) они противопоставлены друг другу по значению числа.

вообразовательной мотивированностью слова (см. § 121). Производным, или словообразовательно мотивированным, признается только такое слово, рядом с которым в данном языке и в ту же самую эпоху существует другое, связанное с ним формально и по смыслу «производящее» (словообразовательно мотивирующее) слово (или сочетание слов), как у слов *столяр*, *одуванчик*, *восемьдесят*. Там же, где «производящего» нет, нет и производного. Слово, словообразовательно немотивированное с точки зрения языковых отношений данной эпохи, вроде существит. *стол* или простых числительных *восемь* и *десять* рассматривается как непроизводное.

При диахроническом подходе производным признается и такое слово, которое когда-то в прошлом было образовано от другого, позже исчезнувшего или потерявшего с ним смысловую связь, и соответственно было когда-то мотивировано, хотя позже утратило свою мотивировку. Этимологический анализ выявляет эту утраченную мотивировку и вскрывает былую производность слов, которые с точки зрения позднейших эпох являются непроизводными. Так, русское слово *портной* принадлежит в современном языке к непроизводным. Но исторически оно несомненно было производным. В древнерусском языке было существительное *пъртъ*, *портъ* 'кусок ткани', мн. ч. *пъpты*, *порты* 'платье' и производное прилагательное *пъртный*, *портной* 'относящийся к платью', употреблявшееся, в частности, в сочетании *портной мастер* 'мастер, делающий платье'. Позже слово *пъртъ* вышло из употребления, и тогда его производное *портной* стало непроизводным. Былая производность слова *стол* (которое в древнерусском и в родственных славянских языках находим и со значением '*стул*') восстанавливается наукой с меньшей достоверностью. Одни возводят это слово к глаголу *стелю* (*стол* — 'то, что разостлано', как *кол* от *колю* — 'то, что отколото'), а другие — через ряд промежуточных звеньев — к глаголу *стоять*. И *стелить*, и *стоять* — вполне употребительные глаголы, но у слова *стол*, если и была когда-то смысловая связь с одним из них, она давно оборвалась. Этимологические гипотезы, выдвинутые для объяснения происхождения слов *восемь*, *десять*, как и других простейших числительных, еще более спорны. В принципе можно сказать, что каждое слово было раньше или позже образовано от какого-то слова или словосочетания, т. е. является в диахроническом смысле производным, но установить конкретно факт производности удается только для некоторой части слов.

Рассмотрим подробнее синхроническую производность.

§ 174. Сравнивая производное слово с его производящим (словом или сочетанием слов), мы выделяем 1) общую часть двух сравниваемых единиц — производящую словообразовательную основу и 2) ту специфическую часть (или специфическую черту), которой производное слово отличается от своего производящего, — словообразовательный формaтив (СФ). Так, в прилагательном *гороховый* при сравнении с существительным *горох* выделяется 1) производящая основа, равная корню *(горох-)* и 2) СФ, состоящий из суф-

фикса *(-ов-)* и набора окончаний *(-ый*, *-ая*, *-ое*, *-ого*, *-ому* и т. д.) [1]. При выделении основы и форматива важно учитывать исторические и живые чередования фонем, а также возможные сдвиги ударения. Так, в словах *горошек*, *горошина*, производных от *горох*, производящая основа примет вид /garoš/-, а в слове *новизна* (от *новый)* вместо /nov/- появится /nav'/- с чередованием /o/ ~ /a/ в неударенном слоге и /v/ ~ /v'/ перед /i/ суффикса.

Производящая основа (как и формообразующая основа в многоформенном слове) обязательно содержит корень (а в сложном слове корни). Кроме того, она может содержать те или иные аффиксы. Во многих случаях производящая словообразовательная основа, в свою очередь, оказывается производной от какой-то другой, а та — от третьей и т. д., как это мы видим в следующей «деривационной цепочке»: *скорый* → *скорость* → *скоростной* → *скоростник*. Непроизводной является здесь первая производящая основа /sk'or/-, во всех последующих основах к корню прибавлены аффиксы. Для словообразовательного анализа слова *скоростник* непосредственно важна только последняя трехморфемная основа /skar-ast-n/-, его непосредственно производящая, и только последний словообразовательный формaтив — суффикс -/ik/- (+ набор падежно-числовых окончаний). Вместе с тем слово *скоростник* косвенно соотнесено и со словом *скорость*, основа которого выступает по отношению к слову *скоростник* как «дальнейшая производящая».

Непосредственно производящую основу и ближайший (последний) словообразовательный формaтив называют непосредственно составляющими анализируемой производной основы (НС). Входящие в ее состав «дальнейшие» производящие основы и формaтивы будут ее дальнейшими составляющими, вплоть до конечных составляющих — отдельных морфем. Выше (§ 149—168), занимаясь морфемами, мы рассматривали их все как бы на одной плоскости: /skar|ast|n'|'ik|#/. Здесь мы перешли к другому типу морфологического членения, вскрывающему перспективу деривационных связей. Словообразовательная структура является на каждом этапе анализа бинарной (двоичной), включающей два и только два НС. Каждый из этих двух компонентов может, в свою очередь, быть сложным, делимым на части, но выявление этих частей — задача последующих этапов анализа. Пройдя все этапы, мы приходим к конечным составляющим — тем же морфемам, но мы видим их уже не на одной плоскости, а как бы в перспективе: мы выявили не только морфемный состав словоформы или основы, но также и структуру этого состава, способ его организации.

§ 175. Рассмотрим другие типы производящих основ и словообразовательных формaтивов.

1. В качестве производящей основы может выступать не только

[1] Процедура выделения производящей основы и словообразовательного формaтива в общем аналогична процедуре выделения формообразующей основы и формaтивов отдельных грамматических форм (§ 171); но там мы сравниваем между собой разные формы одного слова, а здесь — производное слово как целое (как лексему) с его производящим словом (или сочетанием слов).

основа производящего слова, но и отдельная словоформа: ср. *ничего* → *ничегошеньки*, *ты* → *тыкать*.

2. Кроме суффиксальных есть и другие виды производных слов — префиксальные *(унести* от *нести)* [1], префиксально-суффиксальные *(Поволжье* от *Волга)*, производные с помощью морфем-операций *(голь* от *голый*, см. § 161, англ. *to imp'ort* от *'import*, см. § 169).

3. Иногда словообразовательный формaтив состоит только из набора формативов отдельных словоформ, так что производное слово внешне отличается от производящего лишь своей формообразовательной парадигмой. Это явление, впервые описанное советским языковедом А. И. Смирницким (1903—1954), называют морфологической конверсией. Яркие примеры дает английский язык такими образованиями, как *master* 'хозяин, мастер' — *(to) master* 'овладеть, справиться', в которых конверсия ведет к частичной омонимии производного и производящего слов, что связано с омонимией показателей отдельных форм (прежде всего нулевых показателей, а также *-s* во мн. ч. существительного и в 3-ем л. ед. ч. глагола). Но суть конверсии не в омонимии, а в том, что образование слова происходит без помощи специального словообразовательного аффикса (либо симульфикса), одной только сменой парадигмы: ср. *the master, a master, master's, masters* и, с другой стороны, *to master, I master, he masters, I mastered, mastering*. Поэтому под понятие конверсии вполне подходит и нем. *weißen* 'белить' от *weiß* 'белый', где нет общего для всех форм аффиксального (или супрасегментного) показателя производности (ср.: *ich weiße* 'я белю', *ich weißte* 'я белил' и т. д.), так что глагол внешне отличается от прилагательного только своей парадигмой. В русском языке морфологическая конверсия представлена в таких парах слов, как *супруг — супруга, Александр — Александра, Евгений — Евгения, соль — солю, надою — надой, синий — синь, ученый, -ая, -ое — ученый* (существительное).

4. Кроме морфологической выделяют еще синтаксическую конверсию, при которой сигналом образования производного слова является только изменение синтаксической сочетаемости. Ср. наречие *позади*, сочетающееся с глаголом *(остался позади)*, и образованный от него предлог *позади*, употребляемый с род. п. существительного *(позади дома)*.

§ 176. Особо рассмотрим словообразовательную структуру сложных слов (т. е. содержащих более одного корня). Некоторые из них являются результатом стяжения словосочетаний, например имя *Мойдодыр* у К. Чуковского из *мой до дыр* или нем. *Vergißmeinnicht* 'незабудка' — букв. 'не забудь меня'. Производящая основа равна здесь сумме слагаемых компонентов, а в состав словообразовательного форматива входят закрепленный порядок этих компонентов и «объединяющее» ударение.

В других случаях мы имеем сложение основ, например *Новгород, лесостепь, первоисточник*, исп. *pelirojo* 'рыжеволосый' (ср. *pelo* 'волос,

[1] В префиксальных производных формативы отдельных форм (личные окончания, суффикс инфинитива и т. д.) не входят в состав словообразовательного форматива.

волосы' и *rojo* 'красный'), нем. *Arbeitstag* 'рабочий день' (ср. *Arbeit* 'работа' и *Tag* 'день'). При чистом основосложении производящая основа равна сумме слагаемых основ, а словообразовательный формaтив либо (например, в слове *Новгород*) такой же, как и при стяжении словосочетаний, либо включает еще и сегментный элемент — интерфикс (в остальных приведенных примерах).

Далее следует сложение основ в сочетании с одновременным присоединением «внешнего» аффикса (т. е. какого-либо словообразовательного аффикса помимо интерфикса). Примером может служить прилагательное *железнодорожный*, образованное от устойчивого словосочетания *железная дорога*. Производящая основа здесь *железн-... дорог-*, а словообразовательный форматив состоит из сегментных элементов — интерфикса */a/-* (орф. *-о-*) и суффикса *-н-* (вызывающего в основе чередование /g/ ∞ /ž/), набора окончаний прилагательного и из двух несегментных элементов: фиксированного порядка компонентов и объединяющего главного ударения на втором слагаемом. Особую разновидность этого типа представляют слова *голубоглазый, дровосек, шелкопряд*, в которых вместо «внешнего» словообразовательного аффикса используется формообразовательная парадигма, несвойственная второму компоненту сложения (ведь прилагательного «глазый» или существительных «сек», «пряд» в русском языке нет).

§ 177. Рассматривая словообразовательную структуру, важно различать 1) регулярные и нерегулярные образования и 2) продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели.

1. Регулярные образования строятся по одной, многократно повторяющейся модели и воспроизводят без отклонений определенное формальное и смысловое соотношение с производящим словом или словосочетанием. Например, *влажнеть* так же относится к *влажный*, как *седеть* к *седой*, *грубеть* к *грубый*; *киевский* так же относится к *Киев*, как *ленинградский* к *Ленинград*, *воронежский* к *Воронеж* и т. д. В нерегулярных образованиях наблюдается единичное, присущее индивидуально данному слову смысловое или формальное отступление от общей модели. Так, *хорошеть* выпадает из приведенного выше ряда *влажнеть* ← *влажный* и т. д., так как оно не значит 'становиться хорошим' (ср. *влажнеть* — 'становиться влажным'), а значит 'становиться красивее' [1]. Выпадает из этого ряда и *скудеть*, но по другой причине: ему недостает /n'/, так как прилагательное будет *скудный* и, следовательно, регулярное образование глагола со значением 'становиться скудным или более скудным' должно было бы звучать «скуднеть». Отступление от регулярного соотношения по форме имеем и в *курский* при *Курск* (две последних согласных основы «слиты» с согласными суффикса).

2. Продуктивные модели — это модели, по которым образуются новые слова. Так, продуктивны в современном русском языке модели с суффиксами *-тель* (ср. такие относительно новые слова, как *первооткрыватель, увлажнитель, опрыскиватель*), *-щик/-чик* (ср.

[1] Исторически это отклонение понятно: в древнерусском языке *хороший* означало 'красивый'. Ср. современное *хорош собой*.

склейщик, застройщик, укладчик и т. д.); с суффиксом *-к-* и формативами существительных женского рода 1-го склонения: ср. *подсыпка, браковка, отсидка, выпарка* и т. д., также с другими словообразовательными значениями — *кочегарка, футболка, Третьяковка, вечерка, гражданка* (в противопоставлении военной службе) и др. Ряды слов, образуемых по продуктивным моделям, являются открытыми, слова в таких рядах не могут быть сосчитаны. В противоположность этому н е п р о д у к т и в н ы е модели — те, по которым не создаются новые слова (кроме шуточных образований). В русском языке непродуктивны модели с суффиксами -/ej/, *-знь, -изн-*: есть *грамотей, богатей; жизнь, болезнь, боязнь; отчизна, белизна, новизна, дешевизна, укоризна* и ряд других, но новые слова по этим образцам не создаются. Здесь мы имеем дело с закрытыми рядами, все члены которых могут быть сосчитаны.

§ 178. Есть случаи, стоящие при синхроническом подходе к вопросам словообразования на грани между производностью и непроизводностью. Примером могут служить глаголы *обуть* и *разуть*. Исторически они являются префиксальными производными от восстанавливаемого праславянского **uti*, вероятно значившего ‘надевать (обувь)’ [1]. Так как производящее слово утрачено, оба глагола должны были бы перейти в класс непроизводных слов, но этому препятствует их четкая взаимная соотнесенность: они как бы взаимно «поддерживают» друг друга, взаимно друг друга мотивируют, т. е. каждое играет по отношению к другому роль, аналогичную роли производящего слова. Такие слова можно назвать в з а и м н о м о т и в и р о в а н н ы м и, или взаимно мотивирующими. Их называют также п р о и з в о д н ы м и о т с в я з а н н ы х о с н о в. Связанная основа может быть определена как общая часть двух или нескольких «взаимно мотивированных» слов, содержащая их корень (и обычно совпадающая с корнем) и никогда не выступающая в качестве ФОС или словоформы, а всегда лишь как часть какой-то ФОС. В примере *обуть — разуть* связанной основой является *-у-*, а приставки *об-* и *раз-*, использованные в своих обычных значениях (ср. *обвернуть — развернуть, обмотать — размотать* и т. д.), составляют специфические части, т. е. словообразовательные формативы основ *обу-* и *разу-*, производных от связанной. Другой пример: в *занять — отнять — принять — поднять — снять — разнять* и в некоторых других связанная основа *-ня-* равна корню, представленному и другими вариантами (§ 242,2).

в) Сокращенные и сложносокращенные слова

§ 179. Особую словообразовательную структуру имеют так называемые сокращенные и сложносокращенные слова.

Сокращенные слова образуются способом у с е ч е н и я, отбрасывания тех или иных звуковых отрезков из состава соответствующего полного слова. Ср. варианты личных имен: *Лена* от *Елена*, *Катя* от *Екатерина*, *Гена* от *Геннадий*, нем. *Hans* от *Johannes* и т. д.; далее,

[1] Ср. литовск. *aũti* ‘надевать обувь’, *išaũti* ‘разувать’ (др.-русск. *изути* ‘разуть’) и лат. *exuo* ‘раздеваю’ (с префиксом *ex-*).

зам от *заместитель*, *спец* от *специалист*, *метро* от *метрополитен* (сейчас только официального), болг. разг. *тролей* ‘троллейбус’ от *тролейбу́с*, англ. *bus* ‘автобус’ от *omnibus*, шведск. и датск. *bil* ‘автомобиль’ от *automobil* и т. д. Во всех этих случаях (стилистически разнородных) производящая основа не видна прямо в производном слове, не содержится в нем материально. Но она, так сказать, угадывается в нем, поскольку для сознания говорящих остается ясной его связь с несокращенным словом. Функцию словообразовательного форматива выполняют здесь разного рода изъятия из состава производящей основы. В этом смысле можно говорить об «отрицательном», «вычитательном» словообразовательном формативе.

Сложносокращенные слова, называемые также а б б р е в и а т у́ р а м и [1], или универби́рующими (т. е. «превращающими в одно слово») сокращениями, образуются из словосочетаний — составных терминов, названий различных учреждений и должностей и т. п. Они представляют собой результат усечения частей слов, входящих в полное наименование, и с л и я н и я о с т а ю щ и х с я ч а с т е й (иногда их неполного слияния) в одно слово. Ср. *местком* из *местный комитет*, *сельмаг* из *сельский магазин* и т. д. У некоторых сложносокращенных слов связь с полным наименованием является только этимологической и уже не соответствует актуальному значению. Так, *совхоз* не равно по смыслу сочетанию *советское хозяйство*. В состав форматива сложносокращенных слов входит, помимо различных усечений, объединяющее ударение (во многих случаях главное ударение на одном из компонентов сочетается с второстепенным на остальных, например *н,ефтег,азопров|од*).

Сложносокращенные слова — явление, характерное для современного этапа в развитии многих языков. Если сокращения типа *Лена, Лиза, Саня, Hans* и т. д. возникают в бытовой речи, то сложносокращенные слова обычно рождаются в сфере официальных стилей и поэтому ориентируются не на живое звучание слова, а на его написание. Это особенно отчетливо проявляется в инициальных аббревиатурах, составляемых из одних начальных букв (именно букв, а не фонем!) слов, входящих в полное наименование, например *ТЮЗ* ← *Театр юного зрителя* (второе слово начинается фонемой /j/, вовсе не представленной в сокращенном наименовании, которое читается /t′us/). Многие инициальные аббревиатуры даже и произносятся не в соответствии со звуковыми значениями букв (как *ТЮЗ, вуз, ГЭС*), а в соответствии с их алфавитными названиями: *СССР* /,es,es,es|er/, *МГУ* /,emg,e|u/, *ВДНХ* /v,ed,e,enx|a/. Иногда встречается и написание по названиям букв, например *чепе* (чрезвычайное происшествие), *энзе* (неприкосновенный запас) [2].

В некоторых аббревиатурах последний компонент выступает как полная основа с присущим ей формообразованием (*роддом, сберкасса,*

[1] *Аббревиату́ра* — от итал. *abbreviatura* ‘сокращение’ (ср. лат. *brevis* ‘короткий, краткий’).

[2] От сокращенных и сложносокращенных слов нужно отличать чисто письменные сокращения, которые при чтении принято «расшифровывать», типа *г.* (читается «город» или «год»), *в.* (век), *д-р* (доктор), англ. *Mr.* (читается «mister» / m|ıstə /).

запчасти) или как словоформа, например косвенный падеж существительного *(завкафедрой, управделами)*. Иногда усечение осуществляется за счет серединных и даже начальных частей основ, например в *торгпредство, мопед* (из *мотоцикл-велосипед*), в англ. *smog* /smɔg/ 'густой туман с дымом и копотью' (из *smoke* /smouk/ 'дым' и *fog* /fɔg/ 'густой туман, мгла'). В русском языке есть аббревиатуры, образованные с использованием интерфиксов *(трудодень, пищеторг)*. На базе аббревиатур возникают новые производные — *комсомолец, комсомолка, газик*— автомобиль марки «*газ*» (автомобиль Горьковского автозавода).

г) Аналитические образования

§ 180. Особой грамматической структурой обладают аналитические образования. Они представляют собой с о ч е т а н и я з н а м е н а т е л ь н о г о и с л у ж е б н о г о с л о в (иногда знаменательного и нескольких служебных), ф у н к ц и о н и р у ю щ и е к а к о д н о з н а м е н а т е л ь н о е с л о в о — отдельная словоформа, ряд словоформ или целая лексема.

1. Аналитические образования, которые функционируют в качестве словоформ того или иного слова, имеющего и неаналитические (синтетические) словоформы, называются а н а л и т и ч е с к и м и ф о р м а м и. Мы уже встречались выше с аналитическими формами глагольных времен (русск. *буду писать*, англ. *I'll write*, нем. *ich werde schreiben* и т. п.) и наклонений (русск. *писал бы*, англ. *I should write* и т. д.). Имеются аналитические формы глагольного вида, например так называемый Progressive в английском языке (*I am writing* 'я пишу в данный момент', *I was writing* 'я писал в тот момент'), аналитические формы залога, в частности страдательного (нем. *der Brief wird geschrieben* 'письмо пишется'), у прилагательных и наречий — аналитические формы степеней сравнения (фр. *plus fort* 'сильнее', *le plus fort* 'самый сильный'). Сочетания знаменательных слов с предлогами правомерно рассматривать как аналитические формы падежей (ср. нем. *mit dem Bleistift* или болг. *с мóлив*, равнозначное русскому тв. п. *карандашом*; англ. *of my friend* или фр. *de mon ami*, равнозначное русск. род. п. *моего друга*; русск. *в город*, равнозначное финскому так называемому иллатúву *kaupunkiin*). Сочетания с артиклем в английском, немецком, французском, испанском и в некоторых других языках суть аналитические формы выражения «определенности» и «неопределенности».

Иногда аналитическая форма может быть более или менее синонимична параллельно существующей синтетической. Так, «Эта комната — *более теплая*» = «Эта комната *теплее*», англ. «the son *of my friend*» = «my *friend's* son». В других случаях аналитическая форма не имеет даже приблизительного синонима в числе синтетических форм, но противопоставлена синтетической форме в рамках грамматической категории. Так, в русском языке сложное будущее несовершенного вида и сослагательное наклонение, в английском языке — конкретно-процессный вид (Progressive), во французском — сравнительная и превосходная степени не имеют синтетических параллелей, но участвуют в грамматических категориях, противополагаясь синтетическим формам. Ср.:

буду писать : *пишу* : *писал* (категория времени)
писал бы : *пишешь* (и др.) : *пиши* (категория наклонения)
I am (was) writing : *I write (wrote)* и т. д. (категория вида)
(le) plus fort : *fort* (категория степеней сравнения)

Бывает и так, что в словах одного разряда какая-то граммема выражается посредством синтетической, а в словах другого разряда — посредством аналитической формы. Ср. англ. *strong* 'сильный' — сравнит. *stronger* — превосх. *strongest*, *easy* 'нетрудный' — *easier* — *easiest* и т. д., но у многосложных прилагательных: *interesting* 'интересный' — сравнит. *more interesting* — превосх. *the most interesting*.

Формативы аналитических форм имеют сложную структуру: обычно они представлены сочетанием служебного слова (или нескольких служебных слов) и тех или иных аффиксов в составе знаменательного слова. Так, в русск. *на столе* форматив состоит из предлога *на* и окончания -/е/, а в *на стол* — из того же предлога и нулевого окончания. Отдельные компоненты такого сложного форматива могут быть соотнесены с отдельными компонентами сложного грамматического значения формы.

2. Аналитические образования, которые функционируют в качестве целой лексемы во всей совокупности ее форм, естественно назвать а н а л и т и ч е с к и м и с л о в а м и. Примером могут служить глаголы типа англ. *to pride oneself* 'гордиться', нем. *sich schämen* 'стыдиться', фр. *s'enfuir* 'убегать', употребляемые всегда только с возвратным местоимением, которое (в отличие от русского возвратного аффикса *-ся*/*-сь*) является служебным словом. Глагол *to pride oneself* образован соединением 1) производящей основы /praid/, представленной в существительном *pride* 'гордость' (глагола «to pride» в английском языке нет, как нет в русском глагола «гордить»), и 2) словообразовательного форматива, состоящего из двух частей: а) меняющегося по лицам и числам возвратного местоимения и б) набора аффиксальных и аналитических формативов отдельных форм глагола.

4. ЧАСТИ РЕЧИ

§ 181. Говоря о частях речи, имеют в виду г р а м м а т и ч е с к у ю г р у п п и р о в к у л е к с и ч е с к и х е д и н и ц я з ы к а, т. е. выделение в лексике языка определенных групп или разрядов, характеризуемых теми или иными грамматическими признаками [1].

Учение о частях речи складывается еще в античности. В славянские земли оно проникает только в средние века, причем в порядке буквального перевода возникает большинство церковнославянско-русских наименований частей речи, употребляемых нами и по сей день.

[1] Традиционный термин «части речи» — буквальный перевод лат. *partes orationis* и греч. *tà mérē tû lógu* (так же и в других языках: фр. *parties du discours*, нем. *Redeteile*, англ. *parts of speech*). Термин этот нельзя признать удачным, так как он резко противоречит и бытовому, и терминологическому значению слова *речь*. Ведь «части речи» — это классы языковых единиц, а вовсе не единиц р е ч и. Более удачен термин «классы слов», принятый для частей речи в грамматиках некоторых языков (например, шведск. и датск. *ordklasser*).

С развитием языкознания в XIX и XX вв. традиционная система частей речи перестает удовлетворять ученых. Появляются указания на непоследовательности и противоречия в существующей классификации, на отсутствие в ней единого принципа деления.

Оживленные споры о рациональных принципах выделения частей речи развернулись, в частности, в русском и советском языкознании. Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914), а затем его ученики, представители так называемого формального направления, разработали классификацию слов русского языка, построенную на учете одних только синтетических, различающихся окончаниями «форм словоизменения». Эта классификация не принимала во внимание сложных, аналитических форм, случаев косвенного выражения грамматического значения, а главное смысловых и синтаксических функций частей речи. Более перспективный путь решения проблемы наметил Л. В. Щерба, подчеркнувший, что в языке «форма и значение неразрывно связаны друг с другом: нельзя говорить о з н а к е, не констатируя, что он что-то значит; нет больше языка, как только мы отрываем форму от ее значения» и, с другой стороны, «нет категорий, не имеющих формального выражения» [1]. В вопросе о частях речи исследователь «должен разыскивать... под какую о б щ у ю к а т е г о р и ю подводится то или иное лексическое значение», причем нужно учитывать, что «внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные» [2]. И далее: «*Какаду* не склоняется, но сочетания *мой какаду, какаду моего брата, какаду сидит в клетке* достаточно характеризуют *какаду* как существительное» [3].

Очевидно, ошибка «формальной школы» заключалась не в требовании учитывать форму; требование это правильное, языковед всегда должен учитывать формальную сторону, если не хочет оторваться от объективных фактов языка. Ошибка была в том, что форма понималась, во-первых, узко, только как наличие окончания в составе самого данного слова, и, во-вторых, рассматривалась как нечто самодовлеющее, между тем как форма есть всегда форма какого-то содержания, внешнее проявление какой-то сущности.

Пусть слова вроде *какаду, такси* не имеют в русском языке падежно-числовых окончаний. Значит ли это, что они не имеют грамматических категорий падежа и числа? Вовсе нет! Достаточно употребить такое слово в контексте, и мы по поведению окружающих слов сразу обнаружим, что этому слову присущи все грамматические категории и синтаксические функции, свойственные имени существительному.

§ 182. Грамматические категории, характеризующие слова той или иной части речи, не совпадают или не вполне совпадают в разных языках, но они в любом случае обусловлены о б щ и м г р а м м а т и ч е с к и м з н а ч е н и е м данного класса слов, т. е обусловлены тем, что Щерба назвал, как мы видели, «общей категорией», под которую «подводится лексическое значение». Так, из общей категории «предметности», составляющей грамматическое значение имени существительного, вытекают отдельные а к ц и д е н ц и и данной части речи [1], в частности в русском языке — категории падежа, числа и рода, выражаемые соответствующими формальными показателями.

[1] *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. С. 92—93.
[2] Там же. С. 78—79.
[3] Там же. С. 80.

В некоторых случаях главным формальным признаком определенной части речи является та или иная сочетаемость соответствующих слов с другими. Так, в китайском языке глаголы и прилагательные, выступая в функции сказуемого, могут непосредственно сочетаться с подлежащим, например *Tā láile* ‘он пришел’, *Tiānqi lěng* ‘погода холодная’, существительное же в функции сказуемого сочетается с подлежащим только при посредстве связки *shì*, например *Tā shì xuésheng* ‘он студент’ (сказать просто «*Tā xuésheng*» нельзя). И именно эта неспособность быть сказуемым без помощи связки является основным формальным признаком китайского существительного.

Подчеркнем, что синтаксические функции частей речи обнаруживают при сравнении языков большее сходство, чем типы формо- и словообразования. Ведущим же и определяющим моментом является общее грамматическое значение. Остальные моменты так или иначе подчинены ему и должны рассматриваться как прямые или косвенные формы его проявления, специфичные для каждого языка.

Принцип общего грамматического значения и лежит в основе традиционной системы частей речи. Только этот принцип не проведен в ней последовательно, не разграничены разные типы общих грамматических значений, вследствие чего некоторые рубрики, которые фактически перекрещиваются, оказываются расположенными в этой системе в одну линию. Задача состоит не в том, чтобы отбросить традиционную систему частей речи и заменить ее какой-то совершенно новой классификацией, а в том, чтобы вскрыть логику противопоставлений, зафиксированных традиционной схемой, очистить эту схему от непоследовательностей, отделить в ней глубинное и существенное от случайных черт, резко изменяющихся от языка к языку.

§ 183. Начинать нужно с выделения более крупных классов слов, чем отдельные части речи. Это прежде всего уже не раз встречавшиеся нам классы з н а м е н а т е л ь н ы х и с л у ж е б н ы х слов, охватывающие каждый по нескольку частей речи традиционной схемы.

Внутри класса знаменательных слов прежде всего выделяются слова-названия и указательно-заместительные слова. Об основном различии между этими типами слов была речь выше (§ 98—99). Особое место в ряду знаменательных слов занимают м е ж д о м е т и я — слова, служащие выразителями эмоций (*ай, ой, ба, тьфу, ура, дудки*) или сигналами волевых побуждений (*эй, алло, цыц, брысь, стоп*). Для междометий характерна синтаксическая обособленность, отсутствие формальных связей с предшествующим и последующим в потоке речи [2].

[1] *Акцидéнция* — привходящий, добавочный признак (от лат. *accidentia* ‘случайность’). Акциденциями частей речи называют их грамматические категории, разные в разных языках и потому не составляющие «сути» данной части речи, но в своей совокупности служащие проявлением этой «сути».

[2] Отсюда и название междометия: от лат. *interjectio* — букв. ‘вставка’. Русский термин (от *между* + *метать*) является переводом латинского.

Отдельную группу, промежуточную между знаменательными и служебными словами, составляют «оценочные», или м о д а л ь н ы е с л о в а, выражающие оценку достоверности факта (*несомненно, вероятно, по-видимому, кажется, как будто, может быть, вряд ли, едва ли* и т. п., также *говорят, слыхать, якобы* и др.) либо оценку его желательности или нежелательности с точки зрения говорящего (*к счастью, к сожалению, на беду* и др.). Модальные слова используются в предложении в качестве вводных элементов.

§ 184. Имя с у щ е с т в и т е л ь н о е[1], как упоминалось, выражает грамматическое значение предметности. Историческим ядром существительных были названия предметов в прямом, физическом смысле (слова вроде *камень, копье*, названия животных, растений, людей и т. п.). Затем развились существительные с «непредметными» значениями — названия отрезков времени (вроде *день, год*), свойств в отвлечении от носителей свойства (*белизна*), действий и состояний в отвлечении от их производителей (*бег, рост*), отношений (*связь, зависимость*) и т. д. Во всех таких «непредметных» существительных мы имеем дело с предметностью в особом смысле, можно сказать — с фиктивной предметностью. Человеческая мысль способна сделать своим предметом, отдельным предметом мысли все, что доступно человеческому сознанию. Мы можем говорить или думать о реальном предмете, отмечая (попутно) его свойство (*белый снег*), но можем выделить это свойство, поставить его в центр внимания, оттеснив носителя свойства на второй план (*белизна снега*), или же рассмотреть свойство само по себе, в отвлечении от его носителя (просто *белизна*). Далее мы можем оперировать в наших мыслях и в нашей речи этим свойством так, как если бы это был отдельный предмет, выделять в нем, в свою очередь, новые свойства (*интенсивность белизны*), ставить его в разные отношения к другим предметам мысли (*наслаждение белизной, разговор о белизне* и т. д.). Легкость, с которой мы превращаем в предмет (фиктивный предмет, предмет «по названию») любое свойство, действие, состояние, отношение и т. д., проявляется в языке в неограниченной способности практически всех слов производить абстрактные существительные (ср. *белый* → *белизна, белость, бель*; *бегать* → *бег, беганье, беготня*) или превращаться в такие существительные (ср. «Сейте *разумное, доброе, вечное*» (Некрасов); «Разница между *тогда* и *теперь*»).

Первичные синтаксические функции существительного — функции подлежащего и дополнения. Существительные используются также в качестве сказуемого (в ряде языков они выступают при этом в особой предикативной форме), в качестве определения к другому существительному, иногда обстоятельства. Типичными грамматическими категориями существительного являются падеж и число.

Категория п а д е ж а выражается с помощью аффиксов либо с помощью аналитических средств — предлогов (или послелогов) и

[1] Термин (*имя*) *существительное* буквально соответствует латинскому термину (*nomen*) *substantivum* (ср. *substo* 'существую, имеюсь в наличии', *substantia* 'сущность').

порядка слов[1]. В принципе она многочленна, хотя система аффиксального выражения падежа может состоять всего из двух членов (например, в английских существительных: общий падеж с нулевой флексией — притяжательный падеж с флексией *-s*), а может и вовсе отсутствовать. Содержание категории падежа составляют разнообразные отношения между существительным и другими словами в предложении, своеобразно отражающие отношения между реальными предметами, предметом и действием и т. д. Это могут быть отношения, обусловленные логическими и структурными схемами предложения (сюда входят значения субъекта действия, прямого объекта, объекта-адресата, орудия действия и др.), либо пространственные и иные отношения. В русском языке пространственные отношения передаются в основном аналитически, предложными сочетаниями, но в финском и эстонском они выражаются окончаниями специальных местных и направительных падежей — инессива (пребывание внутри), иллатива (движение внутрь), аллатива (движение к) и некоторых других. Еще более сложную систему местных падежей имеют дагестанские языки. Так, в лакском и табасаранском языках число флективных падежей доходит до сорока. Во многих языках для падежей характерна многозначность: в одном падеже совмещаются различные функции, например, в русском творительном — значение орудия (*пишу пером*) и переносно «образа действия» (*пишу небрежным почерком*), значение так называемого предикативного падежа («его выбрали *председателем*», «он был еще *ребенком*») и ряд других.

Категория ч и с л а выражается аффиксацией, редупликацией и другими средствами. Содержание категории числа составляют количественные отношения, отраженные сознанием человека и формами языка. В языках мира кроме единственного и множественного встречается двойственное, иногда тройственное число, множественное небольшого количества, собирательное множественное и т. д. С другой стороны, в некоторых языках выражение числа в существительном вообще необязательно.

Из других грамматических категорий существительного широко распространена категория о п р е д е л е н н о с т и/н е о п р е д е л е н н о с т и (обычно выражаемая артиклем, который может быть служебным словом, как в английском, французском, немецком, древнем и современном греческом, арабском, или же аффиксом — как определенный артикль скандинавских языков, румынского, болгарского, албанского). Неопределенность может выражаться отсутствием артикля (например, в болгарском) или специальным неопределенным артиклем. В языках, не имеющих определенности/неопределенности как развитой грамматической категории, выражение соответствующих значений могут брать на себя другие грамматические категории, например категория падежа (ср. *выпил воды — выпил воду*).

Встречающиеся в ряде языков классификационные категории имени существительного, такие, как грамматический р о д в индоев-

[1] Впрочем, многие лингвисты называют падежами только «синтетические» падежи, выраженные аффиксацией (окончаниями).

ропейских и семитских языках или именной класс в ряде языков Африки, некоторых кавказских и др., служат главным образом средством оформления синтаксической связи (согласования) разных слов с именем существительным (ср. выше § 143—144).

§ 185. Имя прилагательное[1] выражает грамматическое значение качества или свойства, называемого не отвлеченно, само по себе, а как признак, данный в чем-то, в каком-то предмете: не *белизна*, а *белое* что-то, *белый* (снег, или хлеб, или мел — вообще какой-то предмет, который мог бы быть обозначен существительным мужского рода) или *белая* (шаль, стена и т. д.— вообще какой-то предмет, обозначенный существительным женского рода) и т. д. Как говорит Щерба, «без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного»[2]. Или же: будучи употребленным без существительного, прилагательное само становится названием предмета (по одному из его признаков), т. е. существительным (ср. *слепой старик* и *слепой*), либо названием свойства в отвлечении от носителя, т. е. опять существительным, только другого типа (*новое* в смысле 'новизна'). Грамматическая подчиненность прилагательного существительному проявляется в одних языках в его согласовании с существительным, в других — в его линейной позиции в составе атрибутивной группы перед существительным (например, в английском языке между артиклем и существительным) или, напротив, после него.

Первичные функции прилагательного — функция определения и сказуемого (его именной части). Иногда эти функции разграничиваются употреблением специальных рядов форм. Так, в немецком языке атрибутивным формам прилагательного, различающимся (в порядке согласования) по роду, числу и падежу, противостоит предикативная форма, единая для всех родов и для обоих чисел (например, *krank* 'болен, больна' и т. д.). В русском языке в атрибутивной функции нормально используется полная форма (*больной* и т. д.), а в предикативной возможна и полная и краткая (*болен*), иногда со смысловой дифференциацией: *он болен* (временное, преходящее свойство) — *он больной* (постоянное свойство), *он зол* ('раздражен') — *он злой* (вообще). Признаки, обозначаемые прилагательными, во многих случаях могут варьироваться по степени интенсивности. Отсюда специфическая грамматическая категория качественных прилагательных, категория степеней сравнения.

Во многих языках мира прилагательное в формальном отношении слабо отграничено от существительного. Исторически это понятно. В основе и прилагательного и существительного лежало недифференцированное имя с предметно-качественным значением, становившееся в дальнейшем либо названием предмета (по его типичному признаку), либо названием признака. В индоевропейских языках это прослеживается довольно четко. Например, одно и то же слово

---

[1] Термин *(имя) прилагательное* буквально соответствует латинскому термину *(nomen) adjectivum* (ср. *adjicio* 'прибавляю, присоединяю, прилагаю').

[2] *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. С. 85.

доисторической эпохи превратилось в литовском в существительное *krantas* 'берег', а в славянских языках в прилагательное *крутой* (русск.). В современном немецком сравните прилагательные *licht* 'светлый', *laut* 'громкий' и существительные *Licht* 'свеча' (и 'свет'), *Laut* 'звук'. Первоначально склонение прилагательных не отличалось в индоевропейских языках от склонения существительных. В других языках, например в китайском, прилагательное по своим формальным признакам сближается скорее не с существительным, а с глаголом (см. § 182).

§ 186. Глагол в большинстве языков состоит из двух рядов образований: из собственно глагола (лат. verbum finitum), например *читаю, читал, читай, читал бы*, и так называемых вербóидов, например *читать, читающий, читанный, читая*, совмещающих признаки глагола с признаками некоторых других частей речи[1].

Собственно глагол — это глагол-сказуемое, вершина и организующий центр предложения, как это подробнее будет рассмотрено в разделе синтаксиса. Собственно глагол выражает грамматическое значение действия, т. е. признака динамического, протекающего во времени, причем называет этот признак не отвлеченно, а, как выразился А. А. Потебня, «во время его возникновения от действующего лица»[2]. «В понятие о глаголе,— продолжал Потебня,— непременно вхóдит отношение к лицу, каково бы ни было это последнее: известное или нет, действительное или фиктивное». Отношение к «неизвестному лицу» мы имеем в неопределенно-личном употреблении глагола (*говорят*, нем. *man sagt*, фр. *on parle* с тем же значением), также в обобщенно-личном употреблении (*что посеешь, то и пожнешь*), отношение к «фиктивному лицу», в частности, в безличных глаголах (*светает, смеркается*, нем. *es dämmert* 'смеркается', англ. *it is raining* 'идет дождь' — букв. 'дождит'). В грамматическое понятие «действующее лицо», разумеется, входит и «действующий предмет», и «страдающее» лицо или предмет, и т. д., короче, все то, что может обозначаться подлежащим при данном глаголе (см. § 208).

Наиболее типичными грамматическими категориями глагола-сказуемого являются время, наклонение и залог.

Категория времени служит для локализации во времени того действия, которое обозначено глаголом; граммемы этой категории выражают различные типы отношений между временем действия и моментом речи, а иногда между временем действия и каким-то другим моментом, помимо момента речи. В последнем случае мы имеем дело со специальными «относительными временами» (такими, как плюсквамперфект — прошедшее, предшествующее другому прошедшему, «будущее предварительное», «будущее в прошедшем» и т. п.) либо с относительным употреблением «основных» времен (*Ему показалось,*

---

[1] Термин *глагол* соответствует латинскому *verbum* (первоначально 'слово, речь'). Verbum finitum переводят как «личный глагол», «глагол в личной форме», что с точки зрения общего языковедения не вполне удачно (см. ниже о категории лица).

[2] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. С. 91.

6 № 3471

что в доме кто-то ходит, где форма настоящего времени выражает одновременность действию главного предложения *показалось*). Особо выделяют переносное употребление времен, например распространенное во многих языках «настоящее историческое» в рассказе о прошлом (*Иду я вчера по улице...*).

Категория н а к л о н е н и я выражает отношение действия, обозначенного глаголом, к действительности, а в ряде случаев — к воле и желанию, иногда к личному опыту говорящего. Соответственно различают наклонение реальности — изъявительное (индикати́в) и те или иные противопоставленные ему граммемы, представляющие глагольное действие как вовсе нереальное или как возможное, предполагаемое, допустимое, обусловленное в своем осуществлении другим действием; как желательное и даже прямо требуемое от адресата речи либо как запрещаемое и т. д. Прямое побуждение к действию во многих языках выражается формами императи́ва (повелительного наклонения). Более разнообразен состав, функции и номенклатура других «наклонений неполной реальности». В ряде языков (например, болгарском, албанском, эстонском) есть специальные формы «заочного» наклонения, указывающие, что говорящий не был свидетелем действия, о котором говорит. Ср. болг. *Тя пееше хубаво* 'Она хорошо пела' — «очное» наклонение (говорящий сам слышал ее пение и высказывает свою оценку) и *Тя пеела хубаво* 'Она, говорят, хорошо пела (или поет)' — «заочное», так называемое «пересказывательное» наклонение.

К наклонениям в широком смысле можно отнести имеющиеся в некоторых языках специальные вопросительные и отрицательные формы глагола, например в английском языке — аналитические вопросительные и отрицательные формы со вспомогательным глаголом *to do* (*Do you speak English*? 'Говорите ли вы по-английски?'), в большинстве финно-угорских языков — аналитические формы с отрицательным глаголом (финск. *en* 'я не', *et* 'ты не' и т. д.).

Категория з а л о г а тесно связана со структурой предложения, и поэтому мы рассмотрим ее в разделе синтаксиса (см. § 208).

Особое место среди глагольных категорий занимает грамматическая категория в и д а, противопоставляющая друг другу разные типы протекания и распределения действия во времени. Так, в русском и в других славянских языках противопоставлены совершенный вид (*решил, взобрался*), выражающий действие как неделимое целое (обычно действие, достигающее своего предела), и несовершенный вид (*решал, взбирался*), выражающий действие без подчеркивания его целостности, в частности направленное к пределу, но не достигающее его, действие в процессе протекания или повторения, непредельное (*имел*), общее понятие о действии и т. д. В английском языке противопоставлены конкретно-процессный вид (Progressive), например *he is writing* 'он пишет в данный момент', и общий вид — *he writes* 'он пишет вообще'.

Рассмотренные глагольные категории могут по-разному комбинироваться, скрещиваться между собой и взаимодействовать в языках мира. Так, времена более или менее четко разграничиваются обычно

лишь в рамках изъявительного наклонения, причем некоторые формы времени совмещают временны́е значения с модальными; например, формы будущего времени нередко выражают также предположение, возможность («сюда *войдет* 3 литра» — 'может войти', нем. «er *wird* das *wissen*» не только 'он будет это знать', но и 'он, должно быть, это знает'). Очень широко представлены в языках формы, совмещающие временно́е и видовое значения (таковы, например, формы прошедшего времени французского глагола imparfait и passé simple).

Будучи сказуемым, глагол всегда, как было отмечено, соотносится с «действующим лицом», а в известных случаях — и с другими «лицами» в предложении. Если соотнесенность с различными лицами выражается в самом глаголе тем или иным формальным различием, мы говорим, что глагол имеет к а т е г о р и ю л и ц а (в широком смысле, включая число, а также род и грамматический класс). Наличие глагольной категории лица иногда делает ненужным подлежащее (так, в *пойду, пойдешь* и так ясно, кто выполняет данное действие). При использовании же подлежащего глагол, имеющий категорию лица, согласуется с подлежащим в лице и числе, иногда также (например, в арабском языке, в прошедшем времени и сослагательном наклонении современного русского языка) в роде или же (во многих языках Африки, в некоторых кавказских и др.) в классе. В языках с так называемым полиперсональным спряжением в глагольной форме обозначается не только лицо субъекта, но одновременно и лицо объекта (иногда даже нескольких объектов) действия. Соответственно глагол согласуется и с подлежащим, и с дополнением, прямым или даже косвенным. Так, в адыгейском *сэ о у|с|щагъ* 'я тебя повел' первый префикс в глаголе указывает на дополнение *о* 'ты, тебя', а второй — на подлежащее *сэ* 'я'.

Вместе с тем есть языки, в которых глагол вовсе не вступает в отношения согласования и вообще не имеет категории лица (и числа). Таково положение, например, в китайском, вьетнамском, бирманском, а также датском, шведском и в некоторых других языках. Однако и в этих языках, выступая как сказуемое, глагол соотнесен с (абстрактным) действующим лицом (оно уточняется подлежащим). Швед. *skriver*, взятое в отрыве от подлежащего, значит '(кто-то) пишет' (причем этим «кто-то» могут быть я, ты, он, мы и т. д.). Форма *skriver* (в отличие, например, от инфинитива *skriva*) есть собственно глагольная форма, которая однозначно определяется как сказуемое, а не какой-либо другой член предложения и несет значения наклонения (изъявительного — ср. повелительное *skriv* 'пиши, пишите') и времени (настоящего — ср. прошедшее *skrev* 'писал, писала').

§ 187. В е р б о́ и д ы могут выполнять различные синтаксические функции, а также участвовать в образовании аналитических форм собственно глагола.

Есть вербоиды, совмещающие свойства глагола и существительного. Это и н ф и н и т и в ы русского и многих других языков и функционально близкие им формы (супи́н в латыни и старославянском, геру́ндий в английском, ма́сдар в арабском и т. д.). Эти вербоиды называют действие отвлеченно, не в связи с его конкретным произ-

водителем, но обычно с сохранением некоторых грамматических категорий глагола, например в русском — категории вида (ср. *решить : решать*) и залога (*выплачивать : выплачиваться*), и с соблюдением форм синтаксической связи, характерных для глагола. Ср.:

читаю книгу и *читать книгу* (вин. п.) — но: *чтение книги* (род. п.)
люблю детей и *любить детей* (вин. п.) — но: *любовь к детям* (предложное сочетание)
иду быстро и *идти быстро* (наречие) — но: *быстрая* (прилагательное) *ходьба*.

Исторически инфинитивы, супины и т. д. часто представляют собой застывшую падежную форму отглагольного существительного, втянутую обратно в систему глагола.

Другой ряд вербоидов совмещает свойства глагола и прилагательного. Это различные причастия, представляющие действие как свойство предмета или лица. Как говорил Потебня, «в причастии возникающий признак (черта глагола) представляется данным (черта имени)» [1]. В русском и многих других языках причастия имеют все согласовательные категории, свойственные прилагательному, и вместе с тем ряд категорий, типичных для глагола: залог (ср. *выплативший : выплаченный*), время (хотя в причастиях состав граммем времени не тот, что в собственно глаголе), вид. По формам синтаксической связи причастие тоже вполне аналогично глаголу: *читающий, читавший книгу* и т. д.

Вербоид, совмещающий свойства глагола и наречия, представлен в русском и некоторых других языках деепричастием. Деепричастие называет действие как признак, характеризующий другое действие («сказал *смеясь*», «сидел *ссутулившись*»). Оно объединяется с глаголом некоторыми категориями и общностью форм синтаксической связи (*читая, прочитав книгу*).

Есть языки, не имеющие вербоидов, в частности китайский. Но и в китайском языке, при необходимости употребить глагол в нетипичной для него синтаксической функции, глагол этот получает специальное оформление. Так, функционируя в роли определения (т. е. там, где мы бы употребили причастие), китайский глагол обязательно сопровождается частицей *de*, как бы аннулирующей свойственную ему предикативность. Ср. *wǒ kan shū* 'я читаю книгу' и *wǒ kan de shū* 'читаемая мною книга' (этим, в частности, глагол отличается от прилагательного, выступающего в роли определения без помощи частицы *de*).

§ 188. Рядом с глаголом уместно поставить часть речи, отсутствующую в традиционной схеме, не всеми признаваемую и выявленную пока лишь в нескольких языках, а именно неглагольный предикати́в (стати́в). Эта часть речи была выделена в русском языке под названием «категория состояния» Л. В. Щербой [2]. Она охватывает слова с грамматическим значением состояния, используемые, подобно собственно глаголу, только в предикативной функции и характеризуемые категориями времени и наклонения, но по всему

[1] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. С. 94.
[2] См.: *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. С. 89—91.

своему облику очень далекие от глаголов. В русском языке основную массу неглагольных предикативов составляют слова, омонимичные наречиям, вроде *весело, душно, неловко, холодно* в предложениях типа *Мне весело (было, будет, было бы весело), Здесь душно* и т. д.; далее, слова *можно, надо, нужно, совестно, досадно, нельзя*; ряд слов, омонимичных существительным, вроде *пора, лень, грех*, в предложениях типа *Мне (было) пора уходить, Ему (было) лень заниматься, (Было бы) грех жаловаться* и т. д.; слова *жаль, недосуг, невдомек* и др. Все перечисленные слова используются в безличных предложениях, т. е. не могут иметь подлежащего в обычном смысле слова. Лицо — реальный носитель состояния — может быть обозначено при них словом в дательном падеже. Другие неглагольные предикативы употребляются с обычным подлежащим, например *замужем, начеку*, и даже согласуются с ним в роде и числе — *он рад, она рада, мы рады*, также *намерен* и др. В английском языке к неглагольным предикативам относят такие слова, как *asleep* 'в спящем состоянии', *awake* 'в бодрствующем состоянии', *afloat* 'на плаву', *alive* 'в живых' и т. п.

§ 189. Наречие [1] по его грамматическому значению определяют как «признак признака». Как отметил Потебня, наречие называет «признак... связуемый с другим признаком, данным или возникающим, и лишь чрез его посредство относимый к предмету» [2]. Так, в *очень сладкий виноград, снаружи красивый дом, поезд шел быстро, железо накаляется докрасна* существительные называют предметы, прилагательные и глаголы — признаки предметов (данные — *сладкий, красивый* или возникающие — *шел, накаляется*), а наречия — признаки этих признаков. Наречия функционируют в предложении как обстоятельства, относимые к глаголу, к прилагательному, к неглагольным предикативам (*он спозаранку начеку*). Лишь реже наречие относится прямо к существительному (*яйца всмятку, совсем ребенок*). Предикативная функция, как правило, не свойственна наречию, что и служит важным доводом в пользу выделения в особую часть речи неглагольных предикативов, часто омонимичных наречию.

Для наречия характерно отсутствие каких-либо грамматических категорий (и соответствующего им формообразования), кроме категории степеней сравнения (у качественных наречий).

§ 190. Последняя часть речи внутри слов-названий — имя числительное [3]. Грамматическое значение числительного — значение количества, представляемого как количество чего-то (*пять столов, пять чувств*) или же как абстрактное число (*пятью пять — двадцать пять*); как точно определяемое количество или как количество неопределенное (*много, мало столов*). Называя количество

[1] Термин *нарéчие* соответствует латинскому *adverbium* букв. 'приглагольное, относящееся к глаголу' (ср. *verbum* и его старый славянский эквивалент *рѣчь*, использовавшийся и в значении 'слово', и в значении 'глагол').
[2] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. С. 124.
[3] Термин *(имя) числи́тельное* буквально соответствует латинскому термину *(nomen) numerāle* (ср. *numĕrus* 'число').

предметов, числительные вступают в сочетание с существительными, объединяясь с ними той или иной формальной связью.

Иногда числительные получают различное оформление в зависимости от семантического (или формального) разряда существительного. Так, при личных существительных мужского рода в русском языке употребляются формы *двое, трое, пятеро* и т. д. (*пятеро студентов*), невозможные в других случаях (не говорят «пятеро студенток» или «пятеро столов»). В китайском многие существительные соединяются с числительными только при посредстве особых классификаторов, например *ge* 'штука', *bǎ* 'ручка', *tiáo* 'ветвь': *sān ge ren* 'три человека' (букв. 'три штуки людей'), *sān bǎ dāoz* 'три ножа' (букв. 'три ручки ножей'), *sān tiáo dengz* 'три скамьи' (букв. 'три ветки скамеек') [1].

Порядковые числительные (*пятый* и т. п.) являются разновидностью прилагательных: они называют не количество предметов, а место предмета в ряду, т. е. один из признаков, данных в предмете, как это делают и все другие прилагательные.

§ 191. Указательно-заместительные слова, т. е. традиционные м е с т о и м е н и я [2] и м е с т о и м е н н ы е н а р е ч и я, образуют особую систему, параллельную системе назывных частей речи и в «миниатюре» своеобразно дублирующую ее. Так, слова *я, ты, он, она, кто, что, никто, ничто, некто, нечто, себя, себе* указывают на предметы в грамматическом смысле и потому являются своего рода существительными. Слова *мой, твой, такой, какой, никакой, некий, чей, свой* указывают на свойства как на признаки, данные в предметах, и потому оказываются своего рода прилагательными. Слова *столько, сколько* указывают на количество и потому должны рассматриваться как своего рода числительные. В том же ряду стоят и указательно-заместительные наречия: *там, здесь, туда, сюда, тогда, так, где, куда, когда, как, нигде, никуда, никогда, никак, когда-нибудь, где-нибудь* и т. д. Существуют также заместители глаголов. Иногда это так называемые «местоглаголия» (и, шире, «местопредикативы»), например англ. *do*, датск. *gøre*, шведск. *göra* (все три собственно значат 'делать'), кит. *lai* (букв. 'приходить'). Ср. англ. *Yes, I do* (*he does, I did* и т. д.) — букв. 'Да, я делаю' ('он делает', 'я делал' и т. д.) как ответ на любой вопрос, содержащий знаменательный глагол в простом настоящем или простом прошедшем времени. Русское *делать*, хотя не само по себе, а в сочетании с местоимением *это* или другими подобными, выступает как заместитель знаменательного глагола, например в *Не делай этого!* Но в общем в русском языке «местоглаголие» не получило развития [3]. Для всех указательно-заместительных слов, независимо от того, заместителем какой части речи они являются, а также независимо от их традиционного разделения на личные, притяжательные, (собственно) указательные, вопросительные, отрицательные и т. д., типичны общие черты — чрезвычайная абстрактность значения в системе языка и чрезвычайная конкретность употребления в речи (см. § 98, 3).

Грамматические категории в разных группах заместительных слов в общем повторяют грамматические категории соответствующих назывных частей речи, однако, как правило, с известными добавлениями. Специфической категорией личных местоимений, отраженной и в некоторых других группах, является категория лица; типичны также грамматические противопоставления: 1) далекое : близкое, ср. *то* : *это*, *там* : *здесь*, *тогда* : *теперь*; 2) лицо : вещь (или одушевленное : неодушевленное), ср. *кто* : *что*, *никто* : *ничто*. Есть и свои особенности в синтаксической сочетаемости, например, личные и некоторые другие местоимения-существительные обычно не сочетаются с определением-прилагательным.

§ 192. С л у ж е б н ы е с л о в а образуют отдельную подсистему служебных частей речи, которая сильно видоизменяется от языка к языку. Могут быть выделены «морфологические» и «синтаксические» служебные слова. Первые участвуют в образовании аналитических форм. Это — предлоги (или послелоги), артикли, вспомогательные глаголы, слова степени (англ. *more, most*; фр. *plus* и т. д.), частицы типа русск. *бы* и т. д. К ним же примыкают и служебные слова, оформляющие аналитические лексемы, например возвратное местоимение ряда языков как составная часть некоторых глаголов (см. § 180,2). Синтаксические служебные слова обслуживают словосочетания и предложения (см. § 203). стр. 176

5. СИНТАКСИС

§ 193. Синтаксис был определен выше (см. § 148) как грамматическое учение о связной речи, о единицах более «высоких», чем слово. Синтаксис начинается там, где мы выходим за пределы слова или устойчивого сочетания слов, где начинается связная речь с ее свободной комбинацией лексических единиц в рамках переменного словосочетания и предложения. Конечно, эпитет «свободная» не означает отсутствия правил. Комбинация лексических единиц осуществляется по определенным законам и моделям, изучение которых и составляет задачу синтаксиса. «Свобода» состоит в непредусмотренности конкретного лексического наполнения этих моделей, в том, что все с и н т а к с и ч е с к и е м о д е л и п р и н а д л е ж а т я з ы к у т о л ь к о к а к а б с т р а к т н ы е м о д е л и, а их конкретное наполнение той или иной лексикой бесконечно разнообразно и относится к речи. Правда, и на других уровнях языка мы различаем абстрактное (языково́е) и конкретное (речевое). Но, например, слово *железнодо-*

[1] В русском языке такое «опосредствованное» сочетание существительного с числительным является нормальным при «вещественных» существительных (*три кочана капусты, три куска сахару*), «парных» существительных (*две пары чулок*), при pluralia tantum (*четыре полена дров*) и в некоторых других случаях (*пять душ детей*).

[2] Термин *местоиме́ние* буквально соответствует латинскому *pronomen* (*pro* 'вместо' + *nomen* 'имя').

[3] В русском просторечии в качестве заместителя глагола (или неглагольного предикатива) могут выступать местоимения *того, не того*, например, когда говорящий затрудняется в выборе нужного слова: «Мы его сейчас *того*...», «Ему было немного *не того*», «Ты уже *растого́* печку?» (т. е. растопил или разбросал в ней угли и т. д.).

рожный принадлежит русскому языку не одной только моделью, по которой оно построено, но и всем своим индивидуальным составом морфем, тогда как любое, даже самое простое предложение *(Солнце взошло)* и любое переменное словосочетание *(высокое дерево)* принадлежат языку лишь как модель построения, а то, что в этой модели использованы именно эти, а не какие-либо другие слова, есть факт речи, определяемый содержанием данного высказывания, намерением и задачей говорящего. В компетенцию синтаксиса входит рассмотрение и однословных предложений вроде *Пожар!*, так как в них к лексическому и грамматическому значениям, заключенным в данной словоформе, присоединяется специфически синтаксическое грамматическое значение, выраженное интонацией предложения.

а) Предложение и словосочетание

§ 194. Центральным понятием синтаксиса является предложение — основная ячейка, в которой формируется и выражается человеческая мысль и с помощью которой осуществляется речевое общение людей.

Специфика предложения по сравнению с «нижестоящими» языковыми единицами заключается в том, что оно есть высказывание, оно к о м м у н и к а т и в н о. Это значит, что оно 1) соотнесено с определенной ситуацией и 2) обладает коммуникативной установкой на утверждение (или отрицание), на вопрос или на побуждение к чему-либо. Коммуникативность предложения конкретизируется в синтаксических категориях модальности и времени. Эти последние выражаются в глагольных формах наклонения и времени, а также (особенно при отсутствии глагола) с помощью интонации, модальных слов, слов, обозначающих локализацию во времени.

По своей структуре предложения очень разнообразны. Они могут реализоваться с помощью одного слова *(Пожар! Воды! Светает. Иду! Великолепно! Домой?)*, в частности аналитической формы слова *(По коням! Буду рад!)*, но чаще реализуются с помощью более или менее сложного сочетания слов.

§ 195. От слова о д н о с л о в н о е предложение внешне отличается интонацией. По содержанию же между словом *пожар* и однословным предложением *Пожар!* — громадное различие. Слово *пожар* есть просто название определенного класса реальных явлений (и соответствующего понятия), способное в речи обозначать и каждое отдельное явление этого класса. Предложение *Пожар!* — уже не просто название, а утверждение о н а л и ч и и д а н н о г о я в л е н и я, т. е. пожара, в д а н н о й к о н к р е т н о й с и т у а ц и и, в данный момент времени, утверждение, сопровождаемое также теми или иными эмоциональными коннотациями и т. д. Аналогичным образом словоформа *воды* есть название известного вещества, поставленное в определенное отношение к другим словам потенциального контекста. Предложение *Воды!* есть просьба, требование, побуждение к реальному действию в данной конкретной ситуации.

Взяв однословные предложения, содержащие собственно глагольную форму *(Иду! Иди! Пришел? Светает. Светало.)*, мы обнаружим,

что здесь различие между предложением и соответствующим словом (словоформой) более тонкое. Все эти словоформы уже и сами по себе содержат указание на наклонение, а при изъявительном наклонении — и на время; они предикативны, т. е. предназначены быть либо сказуемым, либо, при отсутствии в предложении других членов, целым предложением. И все же различие между словоформой и предложением, состоящим из одной этой словоформы, есть и здесь. Можно сказать, что слово *иду* (также *светало* и т. д.) лишь потенциально соотнесено с любой подходящей ситуацией, тогда как предложение *Иду!* (*Светало* и т. д.) р е а л ь н о соотнесено с какой-то ситуацией, действительной или вымышленной, имеющей или имевшей место в определенный момент времени, в определенной точке пространства и т. д. Словоформа *иди* выражает побуждение, но побуждение, потенциально обращенное к любому собеседнику, а предложение *Иди!* — побуждение, реально обращенное к определенному адресату, в определенной ситуации, в определенный момент времени, притом конкретизированное (интонацией) как просьба, настойчивое требование, категорический приказ и т. д. Слоформа *пришел* не выражает ни утверждения, ни вопроса, а предложения *Пришел?* и *Пришел!*, в зависимости от интонации, выражают либо вопрос, либо утверждение. Ту же картину мы имеем и в отношении неглагольных предикативов (*Жарко. Пора!* и т. п.), только в этих случаях формы наклонений (кроме изъявительного) и времен (кроме настоящего) являются аналитическими.

§ 196. Предложение, реализуемое с о ч е т а н и е м с л о в, чаще всего обладает п р е д и к а т и в н о й с т р у к т у р о й, т. е. содержит либо предикативную словоформу («Солнце *взошло*», «*Летят* журавли», также с неглагольным предикативом «Здесь *жарко*»), либо, и без подобной формы, два четко соотнесенных главных члена — подлежащее и сказуемое *(Он — студент университета; Снег бел; Факт налицо)*. Всюду здесь уже сама конструкция свидетельствует о том, что перед нами предложение. И все же по-настоящему эти конструкции становятся предложениями благодаря интонации, с которой они произносятся (ср. «Солнце взошло» с повествовательной и «Солнце взошло?» с вопросительной интонацией). Наряду с этим и сочетания слов, не обладающие предикативной структурой и нормально не являющиеся предложениями *(белый снег, писать письма, ты и я)*, могут, как и отдельное непредикативное слово (*пожар* и т. д.), становиться предложениями, но лишь в более специальных условиях, например в контексте других предложений (ср. начало «Двенадцати» Блока: «Черный вечер. Белый снег. Ветер, ветер! На ногах не стоит человек»), в назывных предложениях (названиях литературных произведений и т. п.), в диалоге *(Что ты будешь делать вечером? — Писать письма)*. Становясь предложением, такое сочетание (как и отдельное непредикативное слово, становящееся предложением) получает ту или иную коммуникативную установку, связь с определенной ситуацией, а в плане выражения — соответствующую интонацию.

§ 197. Некоторые языковеды, подчеркивая различие между сочетаниями, содержащими предикативное слово, и сочетаниями, такого

слова не содержащими, предпочитают обозначать термином «словосочетание» только последний вид сочетаний. Уместнее представляется, однако, другая точка зрения: словосочетание определяется как любое соединение двух или более знаменательных слов, характеризуемое наличием между ними формально выраженной смысловой связи. Словосочетание может совпадать с предложением или быть частью предложения, а предложение, как сказано, может реализоваться в виде снабженного той или иной интонацией словосочетания, ряда связанных между собой словосочетаний или отдельного слова (также отдельного знаменательного слова, сопровождаемого служебным, например *Придешь ли?*).

Языковеды, изымающие все предикативные словосочетания из объема понятия «словосочетание», разумеется, определяют словосочетание иначе. Например, они включают в свои определения указание на «назывную функцию», на то, что словосочетание «служит обозначением единого, хотя и расчлененного понятия».

б) Синтаксические связи и функции. Способы их формального выражения

§ 198. Синтаксической связью мы называем всякую формально выраженную смысловую связь между лексическими единицами (словами, устойчивыми словосочетаниями), соединившимися друг с другом в речи, в акте коммуникации. Обычно выделяют два главных типа синтаксической связи — сочинение и подчинение.

Примеры сочинительной связи слов: *стол и стул*; *я или ты*; *строг, но справедлив*. Для сочинительной связи характерна равноправность элементов, что проявляется в возможности перестановки без существенного изменения смысла (хотя при союзах *и*, *или* первое место в сочетании обычно обладает бóльшим «весом», чем второе: ср. *жена и я* — *я и жена*). При сочинении связанные элементы однородны, функционально близки; обычно не отмечается, чтобы один из них как-то изменял свою грамматическую форму под влиянием другого.

Примеры подчинительной связи: *ножка стола*, *подушка из пуха*, *пуховая подушка*, *читаю книгу*, *читаю вслух*. Здесь отношения неравноправные: один элемент *(ножка, подушка, читаю)* является главенствующим, определяемым (в широком смысле), другой элемент *(...стола, ...из пуха, пуховая, ...книгу, ...вслух)* — подчиненным, зависимым, определяющим, уточняющим значение первого. Элементы здесь либо вообще нельзя поменять местами (например, в *читаю книгу, читаю вслух*), либо нельзя поменять местами без коренного изменения смысла (*пух из подушки* имеет другое значение, чем *подушка из пуха*, ср. *брат учителя* и *учитель брата*). В русском и во многих других языках выбор грамматической формы подчиненного слова (если оно многоформенное) обычно диктуется формой или фактом наличия слова главенствующего. Впрочем, как мы увидим, маркировка подчинительной связи может даваться и в главенствующем слове. Некоторые лингвисты называют словосочетания с подчинительной связью синтáгмами[1].

Спорным является вопрос о характере связи между подлежащим и сказуемым. К нему мы вернемся ниже (см. § 205).

В связной речи синтаксические связи взаимно переплетаются, причем подчинение используется шире и играет более существенную роль в организации высказывания, чем сочинение.

§ 199. Синтаксической функцией данной единицы (слова, устойчивого словосочетания) называется отношение этой единицы к тому целому, в состав которого она входит, ее синтаксическая роль в предложении или в переменном словосочетании. Имеются в виду функции членов предложения, а также вставных элементов речи (вводных слов, обращений) и т. д. Некоторые из этих функций мы рассмотрим ниже. А сейчас займемся способами формального выражения синтаксических связей и синтаксических функций.

§ 200. Выражение синтаксических связей и функций с помощью форм слова, т. е. морфологическим путем. Сюда входят: 1) согласование, 2) управление, 3) сочетание согласования и управления, 4) обозначение подчинительной связи в главенствующем слове.

1. Согласование состоит в повторении одной, нескольких или всех граммем одного слова в другом, связанном с ним слове. Сюда относится согласование сказуемого с подлежащим в русском и многих других языках, например: *Я читаю*, *Ты читаешь*, *Она поет*, *Мы работаем* и т. д. (в глаголе повторены граммемы лица и числа, содержащиеся в подлежащем); *Он читал*, *Она писала*, *Они работали*, *Книга оказалась интересной*, *Книги оказались интересными* (в сказуемом повторены граммемы рода и числа) и т. д.[2] В ряде языков, как упоминалось, глагол-сказуемое подвергается двойному и тройному согласованию — не только с подлежащим, но и с прямым и даже косвенным дополнением. Согласование широко используется как средство выражения определительных связей, причем граммемы определяемого (господствующего) слова повторяются в определяющем. В русском языке в этом случае повторяются граммемы рода, числа и падежа: *новая книга*, *новую книгу*, *о новой книге*, *новые книги* и т. д. Особое использование согласования наблюдается при замене слова-названия словом-заместителем, например «Брат купил книгу. *Она* оказалась интересной» (повторение в слове-заместителе граммем рода и числа).

2. Управление состоит в том, что одно слово вызывает в связанном с ним другом слове появление определенных граммем, не повторяющих, однако, граммем первого слова. Управление широко используется как средство выражения подчинительных связей. Так, переходный глагол требует в русском и во многих других язы-

[1] В этой книге термин *синтáгма* имеет другое значение (см. § 84).

[2] В случаях *я (ты) читал* и *я (ты) читала* глагол согласуется с подлежащим только в числе (т. е. повторяет граммему числа). Выбор граммемы рода осуществляется исходя из реальной ситуации — в зависимости от пола лица, о котором идет речь.

ках постановки дополнения в винительном падеже («читаю *книгу*»); другие разряды глаголов управляют другими падежами без предлогов — дательным («радуюсь *весне*»), родительным («добиваюсь *результатов*», «лишился *покоя*», «хотел *добра*»), творительным («шевелю *губами*», «казался *счастливым*») и различными предложными сочетаниями («бороться *против пошлости*», «участвовать *в концерте*» и т. д.). Постановки зависимых от них слов в определенных падежах и с определенными предлогами требуют и другие слова — существительные (ср. «жажда *знаний*», «исключение *из правила*»), прилагательные («полный *сил*», «довольный *покупкой*», «склонный *к авантюрам*»), наречия («наравне *со мной*»), неглагольные предикативы («было жаль *беднягу*»). Свои особенности управления имеют (в частности, в русском и других славянских языках) отрицательные предложения (ср. *пишу стихи — не пишу стихов*).

3. Сочетание согласования и управления имеет место, например, в русском языке в группах «числительное + существительное», в которых числительное управляет существительным, требуя его постановки в одних случаях в род. п. мн. ч. (*пять столов*), в других — в особой «счетной форме» (*два шага*) [1], и одновременно согласуется с ним (*пяти столам, пятью столами, два окна*, но *две двери*). В языках так называемого эргативного строя глагол-сказуемое не только согласуется с подлежащим, но одновременно и управляет им, требуя его постановки в «абсолютном» падеже при непереходном глаголе и в «эргативном» [2] падеже — при глаголе переходном (причем подлежащее непереходного глагола оформлено тем же падежом, что и дополнение переходного). Вот примеры из грузинского языка, в котором, однако, картина усложнена еще тем, что подлежащее при переходном глаголе выступает не в одном эргативном, а в трех разных падежах, в зависимости от того, в какой видовременно́й форме употреблен глагол. Ср.:

Настоящее время

(1) *deda* *švils(a)* *zrdis*
'мать (абс. п.) сына (дат. п.) растит, воспитывает'

(2) *deda* *me* *m-zrdis*
'мать меня растит, воспитывает'

(3) *me* *v-zrdi*
'я[3] ращу, воспитываю'

«Прошедшее основное» (аорист)

(4) *dedam* *švili* *ga-zarda*
'мать (эрг. п.) сына (абс. п.) взрастила'

(5) *dedam* *me* *ga-m-zarda*
'мать меня взрастила'

(6) *me* *ga-v-zarde*
'я взрастил'

[1] У громадного большинства существительных «счетная форма», употребляемая в сочетании с *два, три, четыре* и *полтора*, совпадает с род. п. ед. ч., но у некоторых обе формы различаются ударением (ср. *два шагá*, но *ширина шáга*).

[2] *Эргати́вный* — от др.-греч. *ergatēs* 'деятель'.

[3] Местоимение 1-го лица имеет в грузинском языке общую форму для абсолютного, эргативного и дательного падежей.

Перфект (результатив), или «прошедшее заочное»

(7) *dedas* *švili* *gauzrdis*
'мать (дат. п.) сына (абс. п.) оказывается, взрастила'.

Мы видим, что глагол согласуется с подлежащим (ср. префикс 1-го лица субъекта *v-* в примерах 3 и 6 и постфиксы 3-го лица субъекта *-s* и *-a* в остальных примерах) и что он вместе с тем управляет подлежащим (требуя его постановки то в абсолютном, то в эргативном, то в дательном падеже) и дополнением (требуя его постановки то в дательном, то в абсолютном падеже).

4. Случаи морфологического обозначения связи в главенствующем слове представлены в ряде языков. Так, существительное, определяемое другим словом, может выступать в специальной форме, указывающей, что при этом существительном есть зависящее от него слово. В арабском языке такой специальной формой является «сопряженное состояние» (форма, при которой невозможен ни определенный, ни неопределенный артикли), например *θawbu* 'платье' в *θawbu ḥarīrin* 'платье из шелка' (ср. форму с определенным артиклем *'aθ-θawbu*, с неопределенным — *θawbun*). Здесь использование специальной формы определяемого сочетается с управлением (*ḥarīrin* — форма род. п.). В более чистом виде, вне сочетания с управлением, рассматриваемый способ связи встречается в персидском, турецком, азербайджанском и в некоторых других языках. Ср. перс. *ketábe xub* 'хорошая книга' (*ketab* 'книга' + показатель связи *-e* и прилагательное *xub* 'хороший' без каких-либо морфологических показателей), турецк. *üniversite kütüphanesi* 'университетская библиотека' или 'библиотека университета' (*üniversite* в им. п. и *kütüphane* 'библиотека' с показателем связи *-si*), азерб. *ат баши* 'голова лошади' (*ат* 'лошадь' в им. п. и *баш* 'голова' с показателем связи *-и*) и т. д.[1]

§ 201. Выражение синтаксических связей и функций с помощью аранжировки (порядка слов). Различаются следующие случаи.

1. Соположение (т. е. постановка рядом) того, что связано по смыслу, выражение смысловой связи слов через их позиционную близость. Когда соположение оказывается единственным средством обозначения синтаксической связи, его называют позиционным примыканием. Ср. в русском языке примыкание наречия: «Он *громко* спорил, *долго* не соглашался, но *наконец* уступил»; «*Очень* старательный, но неопытный»; «Старательный, но *очень* неопытный» и т. д.; в английском — примыкание прилагательного-определения к существительному: *an English book* 'английская книга', *a sweet smell* 'сладкий запах', *red roses* 'красные розы'.

В рамках соположения в ряде случаев существенно различать препозицию и постпозицию. В русском языке постпозиция числительного служит выражению оттенка приблизительности (см. § 141). Для

[1] В грамматиках ряда восточных языков рассмотренные здесь конструкции называют арабским термином *изафе́т* (букв. 'присоединение'). Но термин этот неоднозначен, он применяется и к некоторым другим типам определительных словосочетаний.

определения-прилагательного в одних языках правилом является препозиция по отношению к существительному (русск. *красный флаг*), а в других — постпозиция (фр. *drapeau rouge* с тем же значением); отступления от этого правила, где они возможны, несут стилистические функции, служат для особого подчеркивания определения и т. п. При совпадении форм существительного и прилагательного общее правило, предписывающее ту или иную их расстановку, создает возможность их разграничения: ср. *сладкое второе*, т. е. 'второе блюдо, являющееся сладким на вкус', и *второе сладкое*, т. е. 'вторая порция сладкого'. В сочетаниях типа англ. *stone wall* 'каменная стена' существительное, стоящее в препозиции к другому существительному, выполняет функцию определения и практически не отличается от прилагательного.

2. Тенденция к закреплению определенных мест в предложении за определенными членами предложения наблюдается во многих языках, однако там, где члены предложения четко разграничены морфологическими средствами, тенденция эта может постоянно нарушаться. Именно такова картина в русском языке: рядом с наиболее привычным «прямым» порядком слов (подлежащее — глагол — дополнение, или S — V — O) [1] широко представлена инве́рсия, или «обратный» порядок в разных вариантах. Например, не только *Отец любит дочку*, но еще пять разновидностей: *Дочку любит отец*, *Отец дочку любит*, *Дочку отец любит*, *Любит отец дочку* и *Любит дочку отец*. Но иногда и в русском языке роль порядка слов в разграничении членов предложения оказывается решающей, например, если у существительных, выступающих в качестве подлежащего и дополнения, именительный падеж совпадает с винительным: *Мать любит (любила) дочь*, *Весло задело (заденет) платье*, *Бытие определяет сознание*, *Мотоцикл обгоняет (обогнал) грузовик* и т. д. Во всех этих предложениях ни окончания падежей, ни согласование глагола не указывают, которое из двух существительных является подлежащим. Только порядок слов заставляет нас понимать первое существительное как подлежащее, а второе — как прямое дополнение.

В примерах такого типа инверсия подлежащего и дополнения либо вовсе не применяется, либо возможна лишь в особых случаях, когда разграничение этих членов предложения обеспечивают какие-то дополнительные факторы: параллелизм построения соседних предложений (поддержанный параллелизмом интонационным) в примерах типа «В этой семье *сына* любит отец, а *дочь* любит мать» (*мать* остается подлежащим) либо лексические значения слов, подсказывающие одно определенное направление связи как единственно естественное («Весло *порвало* платье», с инверсией — «Платье *порвало* весло», поскольку платье рвется, а весло нет). В языках, в которых падеж подлежащего и падеж дополнения не разграничиваются морфологически у всех или у громадного большинства слов, определенный порядок следования этих членов предложения уже не является только «тенденцией». Он становится обязательным правилом, и мы говорим, что для данного языка характерен фиксированный порядок слов. Так, в англ. *The father loves the son* 'Отец любит сына' или фр. *Le père aime le fils* с тем же значением инверсия подлежащего и дополнения невозможна (перестановка соответствующих слов создаст другой смысл: 'сын любит отца'), хотя некоторые другие виды инверсии (выдвижение в начало предложения обстоятельства времени, обстоятельства места, косвенного дополнения и т. п.) в этих языках встречаются.

[1] **О символах, применяемых при записи порядка «мест» и вообще структурных схем предложения, см. ниже пояснения к рис. 4.**

3. Порядок слов характеризует типы предложений. Так, в русском и в некоторых других языках в бессоюзных условных придаточных предложениях глагол всегда ставится на первое место: «*Назвался* груздем, полезай в кузов» (т. е. «*Если* назвался...»), «*Окажись* он поблизости, все обошлось бы благополучно» (т. е. «*Если бы* он оказался...») и т. д. В немецком языке в главном предложении собственно глагол стоит на втором месте, а в придаточном предложении (кроме бессоюзных условных) — на самом конце. В ряде языков в общевопросительном предложении, т. е. таком, которое содержит запрос о правильности или ложности некоторого допущения и рассчитано на ответ *да* или *нет*, глагол всегда выдвигается на первое место. Ср. повествовательное и общевопросительное предложения: англ. «The house *has* a garden» 'При доме есть сад' — «*Has* the house a garden?» 'Есть ли при доме сад?', нем. «Er *kommt* morgen» 'Он придет завтра' — «*Kommt* er morgen?» 'Придет ли он завтра?' В русском языке, как показывают переводы примеров, такое изменение порядка слов тоже наблюдается, но оно не стало у нас обязательным правилом.

4. О порядке слов как средстве выражения актуального членения см. § 210 и след.

§ 202. О роли фразовой интонации и ее отдельных компонентов в оформлении предложения и его членении на синтагмы, как и в особом подчеркивании каких-то частей высказывания, речь была выше (см. § 84). Здесь мы остановимся на использовании интонации в некоторых типах предложений и синтаксических конструкций.

1. Интонация вопросительных предложений. Как отмечал А. М. Пешковский (1878—1933), вопросительная интонация в русском языке чаще всего характеризуется «особо высоким произношением того слова, к которому преимущественно относится вопрос» [1]. Если это слово стоит в середине или в начале вопросительного предложения, то за резким повышением тона на его ударном слоге неизменно следует понижение (например, «Ты вчера *был* с ним в театре?» при главном ударении на *был*). Но если соответствующее слово является последним по порядку, все предложение заканчивается с повышением тона (особенно, если само это слово заканчивается ударным слогом), например: *Ты пойдешь*? *Он пришел*? «Ты вчера был с ним *в кино*?»

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С.393.

(при главном ударении на *в кино*). В специально-вопросительном предложении, т. е. в таком, которое содержит вопросительное слово — член предложения и предполагает ответ, дающий конкретную информацию соответственно значению этого слова (например, *Кто пойдет?*), мелодический рисунок оказывается сходным с мелодическим рисунком повествовательных предложений: поскольку вопросительность выражена специальным словом, необходимость в ее интонационном выражении отпадает. Даже и там, где вопросительность передается инвертированным порядком слов *(Пришел он?)*, вопросительная интонация не является обязательной. Зато она совершенно обязательна в таких вопросительных предложениях, которые ничем, кроме интонации, не отличаются от невопросительных (*Это ты? Он пришел?* и т. п.).

2. Интонация перечислительных конструкций характеризуется однородными движениями тона на каждом члене перечисляемого ряда (повторением мелодического рисунка), паузами, отделяющими каждый член от предыдущего, в русском языке обычно дополнительным удлинением гласных ударных слогов. Ср. *Швед, русский колет, рубит, режет* (Пушкин); *Ночь, улица, фонарь, аптека* (Блок).

3. Интонационное примыкание создается паузой между поставленными рядом словами, заставляющей слушателя воспринимать их как не связанные между собой и относить одно из них по смыслу к слову, более отдаленному в тексте. Ср. позиционное примыкание в «*Вечно нахмуренная* свекровь | портила ей настроение» (вертикальной чертой обозначаем паузу) и примыкание интонационное в «*Вечно* | нахмуренная свекровь *портила* ей настроение» (т. е. вечно портила).

§ 203. Выражение синтаксических связей и функций с помощью с и н т а к с и ч е с к и х с л у ж е б н ы х с л о в. Имеются в виду сочинительные союзы, оформляющие связи между словами, словосочетаниями и целыми предложениями: *и, а, или, но, однако, ни...ни* и т. д.; подчинительные союзы, вводящие разного рода придаточные предложения (причинные, целевые и т. д.): *потому что, так как, чтобы, так что, хотя, если*; «относительные слова» (местоимения и наречия): *который, когда, где, куда* и т. д. Синтаксическими служебными словами являются также вопросительные частицы вроде *ли, разве, неужели* и слова, оформляющие сказуемое, например связка *есть, был, будет* и т. д., связка *это* («Наши дети — *это* наше будущее»). Иногда бывает трудно провести грань между синтаксическим служебным словом и словом знаменательным. В частности, это относится к так называемым «полусвязочным» глаголам (или «знаменательным связкам») вроде *стать, становиться, оказаться*.

§ 204. Выражение синтаксических связей с помощью с и н т а к с и ч е с к о г о о с н о в о с л о ж е н и я. Обычно сложение используется как словообразовательный прием, средство создания новой номинативной единицы — слова. Возникая на базе словосочетания, сложное слово может в той или иной мере сохранять синтаксические отношения между своими компонентами (*каменоломня* = 'место, где ломают камень', *пылесос* = 'то, что сосет пыль', *целеустремленный* = 'устремленный к цели', *плодоносить* = 'приносить плоды'), но эти

отношения оказываются как бы окаменевшими, они не участвуют в синтаксическом построении предложения или словосочетания. Наряду с такими сложными словами — номинативными единицами словаря — встречаются сложные слова иного типа: эквиваленты переменных синтаксических сочетаний. В русском языке таковы сложные слова с первым компонентом — числительным, например: *девяти-, двенадцати-, шестнадцатиэтажный, тридцатипятиметровый, тридцатисемирублевый, двухсотпятидесятистраничный* и т.д., и т. п. Можно сказать, что в принципе все такие слова не узуальны, а о к к а з и о н а л ь н ы[1]. Как и равнозначные им словосочетания *(дом) высотой в... этажей*, (что-то) *длиной в 35 метров*, *ценой в 37 рублей, толщиной в 250 страниц*, эти сложные слова строятся по определенной модели в самом процессе высказывания, они не существуют «заранее», до акта речи в памяти говорящего (вернее, существуют там лишь как модель и образец, т. е. таким же образом, как и все другие синтаксические конструкции). Если угодно, мы имеем здесь известное противоречие между структурной и функциональной стороной: по структуре — слово, а по функции — словосочетание[2].

В русском языке синтаксическое основосложение применяется на сравнительно узких участках языковой структуры (кроме сочетаний с числительными можно указать на слова типа *бело-розовый, красно-бело-зеленый*, на известные явления в технической терминологии). Но в некоторых языках синтаксическое основосложение получило широкое развитие. Так, в немецком языке определительное сочетание из двух (или нескольких) существительных всегда может быть заменено окказиональным сложным существительным. Например, вместо *die Reise nach Harz* 'поездка в Гарц' Гейне употребил сложное существительное с первым компонентом — именем собственным: *die Harzreise*. Совершенно нормально звучат по-немецки и другие подобные существительные: *Londonreise* 'поездка в Лондон', *Afrikareise* 'поездка в Африку' и т. д. Возможны *Goethebeispiel*, *Shillerbeispiel* 'пример из Гете (из Шиллера)', *Beethovenstraße* 'улица Бетховена' и т. д.

Есть языки, в которых синтаксическое основосложение используется еще шире, не только при выражении определительных отношений, но и при выражении отношений между действием и его объектом, и даже такие, в которых целое предложение может быть оформлено наподобие сложного слова. В этих случаях говорят об и н к о р п о р а́ ц и и[3] — полной (если все предложение строится как единый «инкорпоративный комплекс») или частичной. Вот пример полной

---

[1] *Узуа́льный* (от лат. *usus* 'обычай, обыкновение') — принятый в употреблении, регулярно используемый; *окказиона́льный* (от лат. *occasio* 'случай') — случайный, обусловленный данным конкретным контекстом, созданный применительно к данному высказыванию.

[2] Ср. обратную картину во фразеологизмах и других устойчивых словосочетаниях и в аналитических формах: по структуре — сочетание слов, а по функции — слово или форма слова.

[3] *Инкорпора́ция* или *инкорпори́рование* (от лат. *in* 'в, внутрь' и *corpus* 'тело') — букв. 'включение (чего-то) в тело, в состав (слова)'.

инкорпорации из языка индейского племени нутка:

unikw-ihl-'minih-'is-it-a
1 2 3 4 5 6
корни аффиксы

Значения корней: 1) 'огонь' или 'гореть', 2) 'дом'. Значения аффиксов: 3) мн. ч., 4) уменьшительность, 5) прош. вр., 6) изъявит. накл. Значение целого: 'Несколько огоньков было в доме'.

Пример частичной инкорпорации из нивхского языка:

урла-нивх *пила-тьо-къу-дь*
1 2 3 4 5 6

Значения частей: а) в первом комплексе — 1) 'хороший', 2) 'человек, нивх'; б) во втором комплексе — 3) 'большой', 4) 'рыба', 5) 'ловить, убивать на охоте', 6) аффикс предикативности. Значение всего предложения: 'Хороший нивх большую рыбу ловит'. Во всех этих случаях инкорпоративный комплекс не дан в языке заранее, не воспроизводится подобно слову, а как переменное словосочетание конструируется в процессе речи.

§ 205. Теперь займемся спорным вопросом о характере предикативной связи, т. е. о том, как соотносятся подлежащее и сказуемое.

Согласно одной точке зрения связь эта подчинительная, и главенствующим членом является подлежащее. Основанием для такого решения служит то, что во многих языках сказуемое согласуется с подлежащим, как бы демонстрируя тем самым свою зависимость от него. На этой позиции в русской науке стояли Фортунатов, Шахматов, Пешковский и др. А. А. Шахматов (1864—1920) называл подлежащее с его определениями «господствующим», а сказуемое с его дополнениями и обстоятельствами — «зависимым составом» [1].

Другие лингвисты уравнивают оба «главных члена предложения» (подлежащее и сказуемое) в правах и усматривают в их соотношении особый вид связи, не являющийся ни подчинением, ни сочинением. Эта точка зрения (восходящая к формальной логике с ее равноправными субъектом и предикатом) в наши дни развивается авторами академической «Русской грамматики». Согласование сказуемого с подлежащим они изымают из понятия «согласование» и называют «координацией», при которой подлежащее и сказуемое «формально уподоблены друг другу» [2].

Третья концепция признает предикативную связь подчинительной, но господствующим словом, доминантой предложения (по крайней мере в глагольном предложении) считает сказуемое. Это так называемая вербоцентрическая концепция предложения, разработанная французским лингвистом Люсьеном Теньéром (1893—1954), а у нас А. А. Холодовичем (1906—1977) [3] и др.

Оценивая эти три подхода, подчеркнем, что способ формального выражения связи не может служить критерием в рассматриваемом

[1] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. С. 31 и след.
[2] Русская грамматика М., 1980. Т. 2. С. 94, 242—245.
[3] См.: *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 293—298.

вопросе. Мы видели выше, что в некоторых языках сказуемое вообще не согласуется, а в других согласуется не только с подлежащим, но и со своими дополнениями (см. § 186) и вместе с тем управляет в равной мере и дополнениями, и подлежащим (см. § 200,3). Вообще есть случаи, когда несомненно подчинительная связь маркируется не только в подчиненном, но и в главенствующем или даже только в главенствующем слове (см. § 200,4). Все это говорит о том, что вопрос должен решаться не с помощью формального, а с помощью функционального критерия. А функциональный критерий решает его, по крайней мере применительно к глагольному предложению, в пользу сказуемого. Именно глагол-сказуемое «задает» схему такого предложения.

в) Грамматическая структура глагольного предложения

§ 206. Глагольное предложение соответствует некоторой реальной или вымышленной ситуации — событию, процессу, состоянию и т. д.; в эту ситуацию вовлечены какие-то «участники» — партиципáнты ситуации (лица, предметы и т. д.).

Независимо от того, названы ли в предложении партиципанты ситуации, их наличие предусмотрено самим значением глагола. Так, глагол *писать* по своему лексическому значению предполагает: 1) действующее лицо, или áгенса,— *кто* пишет, 2) объект действия, или пáциенс,— *что* пишут, 3) орудие — *чем* и 4) материал — *на чем* пишут, а при значении 'сообщать в письменной форме' еще 5) тему — *о чем* и 6) адресата — *кому* пишут. Каждому партиципанту может соответствовать актáнт — член предложения, называющий данного участника ситуации («*Я* пишу», «Пишу *письмо*» и т. д.), а некоторые партиципанты (разные в зависимости от строя языка и типа предложения, но чаще всего агенс) получают морфологическое выражение в самой глагольной форме (например, в личном окончании формы *пишу*).

Кроме того, описываемая в предложении ситуация обладает множеством разнообразных признаков (время, место, темп протекания и т. д.), которые, однако, не обусловлены лексическим значением соответствующего глагола. Признаки, важные для смысла высказывания, могут быть названы в предложении с помощью разного рода обстоятельственных слов — сирконстáнтов («писал *вчерá*, пишу *за столом*, *старáтельно*» и т. д.), а некоторые признаки (обычно время, часто — хаpáктер протекания) получают грамматическое выражение с помощью форм времени и вида.

§ 207. Выше (см. § 168) было разъяснено понятие валентности. Способность глагола сочетаться с актантами, «открывать» для них «места» называется валéнтностью глагола. В зависимости от количества этих мест различают одновалентные глаголы (*лежит* — кто или что?), двухвалентные (*любит* — кто? кого или что?), трехвалентные (*дает* — кто? что или кого? кому?) и т. д. Есть

и нульвалентные глаголы, обозначающие некую нечленимую ситуацию и потому неспособные иметь хотя бы один актант (*светает*). С этой классификацией пересекается другая — по характеру отношений между глаголом и его актантами. Так, среди трехвалентных глаголов выделяют глаголы с адресатом (пример выше), глаголы с орудием (*рубит* — кто? что? чем?), глаголы лишения (*берет* кто? что? у кого?) и т. д.

Приведенные примеры иллюстрируют содержательную валентность. От нее отличается валентность формальная, определяющая внешнюю форму актантов. Так, содержательно нульвалентные глаголы в некоторых языках требуют фиктивного актанта — формального подлежащего (англ. «*It* is raining», нем. «*Es* regnet», фр. «*Il* pleut» — все со значением 'идет дождь') [1]. Среди одновалентных глаголов одни требуют именительного падежа актанта (*Собака бежит*; *Я мерзну*; *Я не сплю*), другие — косвенного падежа (*Меня знобит*; *Мне не спится*). Ср. и среди двухвалентных: *люблю* кого? или что?, но *любуюсь* кем? или чем? или еще: *хочется* кому? чего? но *везет* кому? в чем? и т. д.

Далее валентность может быть реализуемой обязательно или лишь факультативно. По-русски можно сказать «пойду» и «я пойду», а по-английски только *I'll go*: в русском актант, называющий агенса, здесь факультативен, а в английском — обязателен (что, конечно, связано с морфологической выраженностью агенса в русском глагольном окончании и отсутствием такой выраженности в английском глаголе). Иногда тот или иной партиципант прямо назван уже в корне глагола, ср. *пилить*='разреза́ть пилой'. В этих случаях соответствующий актант возможен только со специфическим, но не с общим значением: *пилить тупой пилой*, но не «пилить пилой» (кроме случаев специального противопоставления: *пилить не напильником, а пилой*). Обязательность или необязательность актанта может носить чисто традиционный характер. Так, в русском языке *писать* может употребляться без актантов (*Пишу*), а *нарушать* обязательно требует актанта — дополнения в винительном (при отрицании — в родительном) падеже: *нарушать правила* (*Он не нарушил правил*).

§ 208. Если глагол способен иметь два и более актантов, между ними обязательно существует иерархия: один из них противопоставляется другим как подлежащее — дополнениям [2]. П о д л е ж а щ е е — главный актант. Чем же определяется его грамматическое «первенство» среди прочих актантов?

Опять-таки оно определяется глаголом. Кроме валентности всякий более чем одновалентный глагол обладает так называемой о р и е н т а ц и е й — способностью ориентировать свое значение на один из актантов и тем самым выделять этот актант в качестве грамматически «первого». Глаголы, описывающие одну и ту же ситуацию, но различающиеся своей ориентацией, называются взаимноконверсивными. Таковы, например, *давать* и *получать*, *покупать* и *продавать*, *обладать* и *принадлежать*, (*я*) *имею* и (*у меня*) *есть*. Адресат действия *давать* по существу остается тем же адресатом, когда мы употребляем глагол *получать*, и вместе с тем, благодаря иной ориентации глагола, этот адресат осмысляется как своего рода агенс и выражается с помощью подлежащего. Наряду с лексическими конверсивами — разными глаголами — используется грамматическая категория, создающая конверсивы,— категория залога. В ряде языков выступает система двух противопоставленных залогов — акти́ва и пасси́ва. Активом, или действительным залогом, называется такая форма глагола, при которой подлежащее соответствует агенсу («*Рабочие* строят дом»), а пассивом, или страдательным залогом,— такая, при которой подлежащее, напротив, соответствует пациенсу («*Дом* строится рабочими», «*Дом* строится», «*Дом* был построен» и т. п.) или — в некоторых языках — также адресату (англ. «*He* is given a book» 'Ему дали книгу'). В языках мира известны и другие залоги, маркирующие в формах глагола иные типы отношений между партиципантами и актантами.

Д о п о л н е н и я обычно классифицируются по их форме на прямые и косвенные, беспредложные и предложные и т. д., а с и р к о н с т а н т ы — по их значению на обстоятельства времени, места, образа действия, цели, причины и т. д. Спорным является вопрос о границе между дополнениями и обстоятельствами в некоторых случаях, в частности о том, как квалифицировать приглагольный член со значением места в предложениях вроде «Он проживает *в Ленинграде*», «Он отправился *домой*». Выделенные курсивом слова традиционно рассматриваются как обстоятельства места. Но глаголы, к которым они относятся, без подобных «обстоятельств» не употребляются. «Обстоятельство» принадлежит здесь к числу обязательных «восполнителей» глагола, а потому часто трактуется как особый актант.

§ 209. По традиции в число членов предложения включают еще а т р и б у т (о п р е д е л е н и е). Но обычное определение (словоформа *больной* в *Она помогала больной матери*) по существу не член предложения, а только член (непредикативного) словосочетания: такое определение никогда не подчинено непосредственно глаголу-сказуемому. Напротив, предикативное определение (*больная* в *Мать вернулась домой больная*) — компонент сложного глагольно-именного сказуемого, и соответствующие предложения не являются чисто глагольными, а представляют собой контаминацию глагольного и именного предложений (*мать вернулась домой* + *мать была больная*).

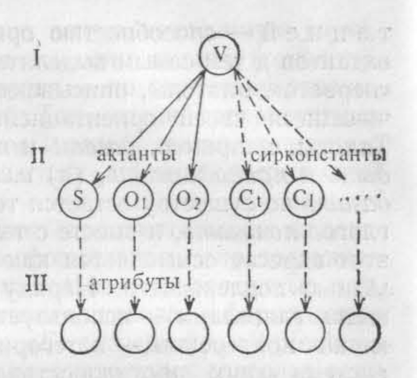
В заключение приведем обобщенное графическое изображение грамматической структуры предложения с трехвалентным глаголом (рис. 4).

[1] Ситуация, обозначаемая нульвалентным глаголом, может быть выражена и иначе — существительным типа *дождь* в однословном («бытийном») предложении либо в сочетании с «вербализатором» — глаголом очень общего значения: *идет дождь*. Ср. также *светает — наступает рассвет*.

[2] У одновалентных глаголов противопоставление подлежащего дополнениям нейтрализовано, но их единственный актант, в зависимости от своей формы, традиционно трактуется либо как подлежащее (*я не сплю*), либо как «дополнение со значением носителя признака» (*мне не спится*).

Рис. 4. Грамматическая структура предложения с трехвалентным глаголом

I — доминанта предложения, *II* — члены предложения, подчиненные ей непосредственно, *III* — подчиненные этим членам члены определительных словосочетаний; V (лат. verbum) — сказуемое, выраженное глаголом, S (лат. subjectum) — подлежащее, O_1 (лат. objectum) — прямое дополнение, O_2 — косвенное дополнение, C_t (лат. circumstantia temporis) — обстоятельство времени, C_l (лат. circumstantia loci) — обстоятельство места, многоточия — другие возможные сирконстанты и атрибуты. Размещение узлов схемы не отражает линейной последовательности элементов в реальных предложениях. Сплошные стрелки соответствуют валентностям глагола-сказуемого, пунктирные — остальным синтаксическим связям

г) Актуальное (коммуникативное) членение предложения

§ 210. Кроме определенной формально-синтаксической структуры каждое предложение (исключая однословные) характеризуется той или иной линейно-динамической структурой, воплощающей его так называемое актуальное членение. Для того чтобы уяснить себе эти понятия, сопоставим следующие русские предложения:

(1) *В четверг я дам тебе книгу.*
(2) *Книгу я дам тебе в четверг.*
(3) *В четверг я дам книгу тебе.*
(4) *В четверг книгу дам тебе я.*
(5) *В четверг книгу я тебе дам.*

Во всех пяти случаях говорится об одном и том же факте действительности; все пять предложений передают о д н у и т у ж е в е щ е с т в е н н у ю и н ф о р м а ц и ю. Содержание этой информации явствует из грамматической структуры данного предложения и из его лексического наполнения, которые во всех пяти вариантах остаются теми же. Во всех вариантах *дам* является сказуемым, *я* — подлежащим, *книгу* — прямым дополнением, *тебе* — косвенным дополнением, а *в четверг* — обстоятельством времени. Вместе с тем любой носитель русского языка отчетливо чувствует, что каждое из пяти предложений отличается по смыслу от четырех других. В чем же здесь дело? Какова природа этих смысловых различий?

Совпадая по передаваемой ими вещественной информации, эти предложения различаются по содержащейся в них а к т у а л ь н о й и н ф о р м а ц и и. Цель, которую ставит перед собой говорящий, здесь каждый раз другая. Избирая первый вариант, он либо хочет сообщить о факте в целом, не выделяя особо отдельных моментов, либо, при более сильном ударении на последнем слове, подчеркнуть, что даст он именно книгу (а не, скажем, конспект лекций и т. п.). Во втором — четвертом вариантах выделяются другие моменты: что книга будет дана в четверг (а не в другой день), будет дана адресату сообщения (а не другому лицу), что даст ее именно говорящий (а не кто-либо другой). В пятом варианте подчеркивается, что передача книги действительно состоится, что факт этот будет иметь место

непременно (такой вариант уместен, например, в случае, если было высказано сомнение или был задан вопрос, будет или не будет дана книга). Очевидно, варианты второй — пятый (и первый при усиленном ударении на слове *книгу*) используются в тех случаях, когда говорящий хочет информировать о какой-то стороне факта, в остальном уже известного собеседнику. Только ради сообщения об этой еще неизвестной стороне факта и реализуется данное высказывание. Таким образом, актуальная информация есть как бы тот у г о л з р е н и я, под которым подается вещественная информация, то, без чего сама вещественная информация теряет свою целенаправленность.

Актуальная информация передается линейно-динамической организацией предложения, т. е. п о с л е д о в а т е л ь н о с т ь ю е г о э л е м е н т о в и м е с т о м л о г и ч е с к о г о у д а р е н и я, а также использованием некоторых других грамматических и лексических средств, обслуживающих членение предложения на две взаимно соотнесенные части — так называемые те́му и ре́му.

Т е м а — это то, что служит отправной точкой, своего рода «трамплином» для развертывания актуальной информации и что обычно (но не всегда) в какой-то мере известно адресату сообщения или самоочевидно для него. Р е́ м а — это то, что сообщается о теме, что составляет «ядро» и основное содержание высказывания [1].

§ 211. В простейших случаях тема может совпадать с подлежащим, а рема (здесь и в примере § 212 она выделена курсивом) — со сказуемым, например «Брат *уехал*», но нередко отношение оказывается обратным: «Уехал *брат*» (ответ на вопрос «Кто уехал?»). Ср. далее: «Молоко *привезли*», «У девочки *грипп*», «В доме *кто-то был*». Тема, как правило, дана ситуацией общения или предшествующим контекстом и потому даже может быть опущена без ущерба для понятности предложения (все приведенные примеры можно превратить в неполные предложения, сохранив в них только часть, набранную курсивом). Рема, напротив, не может быть опущена. Так, если указание на лицо говорящего или собеседника не входит в рему, соответствующее личное местоимение в им. п. в русском и в некоторых других языках часто опускается: «Книгу дам тебе *в четверг*»; «Эту работу можете *закончить*». Однако, если указание на лицо входит в рему, пропуск личного местоимения — подлежащего абсолютно невозможен: «Книгу дам тебе *я*»; «Работу закончишь *ты*».

Иногда рема целиком состоит из одного только нового, неизвестного для собеседника: «Секретаря зовут *Михаил Семенович*»; «Сойдите *на четвертой остановке*». Часто, однако, рема содержит элементы, уже известные, и новизна заключается только в их соотнесении с темой: «Это сделаю *я*»; «Я еду *в Москву*».

Существуют предложения, в которых и тема и рема состоят из «нового» (обычно в начале речи), например «Жили-были *дед и баба*»; «Однажды *играли в карты у конногвардейца Нарумова*» (первые слова «Пиковой дамы» Пушкина). В русском языке в подобных предложениях глагол часто стоит на первом месте или, во всяком случае, пред-

[1] Др.-греч. *rhēma* первоначально и значило 'высказываемое, сказанное'.

шествует подлежащему. В языках с фиксированным порядком слов (см. § 201,2) нередко перед глаголом ставится «формальное подлежащее», а основное подлежащее (являющееся ремой) следует за глаголом: нем. «Es war einmal *ein König*» 'Жил-был однажды король'.

В связном повествовании, в диалоге и т. д. рема предшествующего предложения обычно становится темой последующего.

§ 212. В рассмотренных до сих пор примерах тема линейно предшествует реме. Такую последовательность чешский языковед В. Матéзиус (1882—1945), разработавший основы теории актуального членения предложения, называл «объективным порядком», при котором «мы движемся от известного к неизвестному, что облегчает слушателю понимание произносимого»[1]. Существует и обратный порядок — «субъективный» (по Матезиусу), когда рема выдвигается в начало, что придает ей особую значимость. В этом случае предложение всегда характеризуется особым интонационным контуром, специальным подчеркиванием ремы, а в плане содержания — большей эмоциональностью и экспрессивностью. Ср. «*Я* дам тебе книгу» — с усиленным ударением на *я*.

§ 213. Помимо интонации и порядка слов есть и другие средства передачи актуальной информации: некоторые лексические элементы (усилительно-выделительные частицы, местоимения), специальные синтаксические конструкции, артикли, залоговые трансформации (например, замена актива пассивом и наоборот) и т. д.

Так, частица *даже* выделяет и подчеркивает рему: «*Даже она* этого не знала»; «Она *даже этого* не знала»; «Она этого *даже не знала*»; а энклитическая частица *-то* иногда подчеркивает тему: «*Я-то* этого не знал», «*Ему-то* я говорил». Неопределенные местоимения чаще сопровождают рему, а указательные — тему. Ср. «*Такую* (или *эту*, или *вот какую*) историю рассказал мне *один* знакомый (или *кто-то* из друзей)».

Оборот с *что касается* оформляет тему («Что касается меня, то я этого не знал»). А примером синтаксических конструкций, оформляющих рему, когда она оказывается подлежащим в предложении, могут служить англ. *that is he who*…, фр. *c'est lui qui*… и т. п., например «*That was Mr. Brown who* told me this story» 'Эту историю рассказал мне мистер Браун'; «*C'est moi qui* ai fini le premier» 'Первым кончил я'. Значительная распространенность подобного выделительного оборота в ряде языков связана с тем, что в этих языках порядок слов служит средством в первую очередь формально-синтаксического членения предложения (§ 201,2) и лишь в очень ограниченных размерах может привлекаться для передачи актуального членения. Подобным же образом строятся выделительные конструкции для ремы, выступающей в функции других членов предложения. Ср. фр. «*C'est le style que* j' admire» 'Я восхищаюсь стилем' (именно стилем, а не чем-либо другим.)

[1] *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 244.

Употребление неопределенного артикля нередко характерно для ремы, а определенного артикля — для темы. Ср. нем. «Die Tür öffnete sich, und *ein Greis* trat ins Zimmer» 'Дверь открылась, и в комнату вошел старик' — «Die Tür öffnete sich, und *der Greis* trat ins Zimmer» 'Дверь открылась, и старик вошел в комнату'.

Замена залога может быть связана с изменением актуального членения предложения. В английском предложении *John loves Mary* всегда, а в аналогичном русском *Ваня любит Машу* при отсутствии логического ударения на *Ваня* первое слово составляет тему или входит в нее. Если же по ситуации темой должны быть *Mary* и *Маша*, а ремой *John* и *Ваня*, то в русском языке мы можем изменить либо место логического ударения (*Вáня* любит Машу), либо порядок слов (Машу любит *Ваня*), либо еще и залог (Маша любима *Ваней*), причем последнее вовсе не обязательно. В английском языке изменение порядка слов без изменения залога в данном случае невозможно, а потому трансформация в пассив становится главным средством, с помощью которого может быть передано изменение актуального членения: «Mary *is loved by John*» (иной способ — использование приведенной выше выделительной конструкции «*That was John who* loves Mary»). Сходным образом обстоит дело во французском, немецком и в ряде других языков.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ

1. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

§ 214. Проблема происхождения человеческого языка является частью более общей проблемы антропогенеза (происхождения человека) и социогенеза, и решаться она должна согласованными усилиями ряда наук, изучающих человека и человеческое общество. Процесс становления человека как биологического вида Homo sapiens («человек разумный») и одновременно как существа «наиболее общественного из всех животных» [1] продолжался миллионы лет.

Предшественниками человека были не те виды человекообразных обезьян, которые существуют сейчас (горилла, орангутанг, шимпанзе и др.), а другие, восстанавливаемые по ископаемым останкам, обнаруженным в разных частях Старого Света. Первой предпосылкой очеловечения обезьяны было углублявшееся разделение функций ее передних и задних конечностей, усвоение прямой походки и вертикального положения тела, что освободило руку для примитивных трудовых операций. Освобождением руки, как указывает Ф. Энгельс, «был сделан *решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку*» [2]. Не менее важно, что человекообразные обезьяны жили стадами, и это в дальнейшем создавало предпосылки для коллективного, общественного труда.

Известный по раскопкам древнейший вид человекообразных обезьян, усвоивших прямую походку,— это а в с т р а л о п и т é к (от лат. *austrālis* 'южный' и др.-греч. *píthēkos* 'обезьяна'), живший 2—3 млн. лет тому назад в Африке и южных частях Азии. Австралопитеки еще не изготовляли орудий, но уже систематически применяли в качестве орудий охоты и самозащиты и для выкапывания кореньев камни, сучья и т. п.

Следующая ступень эволюции представлена древнейшим человеком эпохи раннего (нижнего) палеолита — сперва п и т е к á н т р о п о м (букв. «обезьяночеловеком») и другими близкими разновидностями, жившими около миллиона лет тому назад и несколько позже в Европе, Азии и Африке, а затем н е а н д е р т а л ь ц е м [3] (до 200 тыс. лет тому назад). Питекантроп уже обтесывал по краям куски камня, которые использовал как рубила — орудия универсального

[1] *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 488.
[2] Там же. С. 486.
[3] Название от долины *Neandertal* в Германии (современная территория ФРГ), где в 1856 г. были найдены кости первобытных людей этого типа.

применения, и умел пользоваться огнем, а неандерталец изготовлял из камня, кости и дерева уже специализированные орудия, разные для разных операций, и, по-видимому, знал начальные формы разделения труда и общественной организации. «...Развитие труда,— как указывал Ф. Энгельс,— по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу» [1]. На этой ступени произошел большой скачок в развитии мозга: исследование ископаемых черепов показывает, что у неандертальца мозг был почти вдвое больше, чем у питекантропа (и в три раза больше, чем у гориллы), и уже обнаруживал признаки асимметрии левого и правого полушарий (см. § 14), как и особого развития участков, соответствующих зонам Брокá и Вéрнике. С этим согласуется и то, что неандерталец, как показывает изучение орудий той эпохи, преимущественно работал правой рукой. Все это позволяет считать, что у неандертальца уже был язык: потребность в общении внутри коллектива «создала себе свой орган» [2].

§ 215. Каким же был этот первобытный язык? По-видимому, он выступал в первую очередь как с р е д с т в о р е г у л и р о в а н и я с о в м е с т н о й т р у д о в о й д е я т е л ь н о с т и в складывавшемся человеческом коллективе, т. е. главным образом в апеллятивной и контактоустанавливающей, а также, конечно, и в экспрессивной функции (см. § 7), как это мы наблюдаем на определенной ступени развития у ребенка (см. § 15). «Сознание» первобытного человека запечатлевало не столько предметы окружающей среды в совокупности объективно присущих им признаков, сколько «способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей» [3]. Значение «знаков» первобытного языка было диффузным: это был призыв к действию и вместе с тем указание на орудие и продукт труда.

«Природная материя» первобытного языка тоже была глубоко отлична от «материи» современных языков и, несомненно, кроме звуковых образований широко использовала ж е с т ы. У типичного неандертальца (не говоря уже о питекантропе) нижняя челюсть не имела подбородочного выступа, и полости рта и зева были в сумме короче и иной конфигурации, чем у современного взрослого человека (полость рта скорее напоминала соответствующую полость у ребенка на первом году жизни). Это говорит о довольно ограниченных возможностях образования достаточного количества дифференцированных звуков. Способность сочетать работу голосового аппарата с работой органов полости рта и зева и быстро, в доли секунды, переходить от одной артикуляции к другой тоже не была еще развита в нуж-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 489.
[2] Там же.
[3] *Маркс К.* Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 377.

ной мере. Но мало-помалу положение менялось: «...неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим» [1].

§ 216. В эпоху позднего (верхнего) палеолита (около 40 тыс. лет тому назад, если не раньше) на смену неандертальцам приходит неоа́нтроп, т. е. 'новый человек', или *Homo sapiens*. Он уже умеет изготовлять составные орудия (типа топор + рукоятка), что не встречается у неандертальцев, знает многоцветную наскальную живопись, по строению и размерам черепа принципиально не отличается от современного человека. В эту эпоху завершается становление звукового языка, выступающего уже как полноценное средство общения, средство общественного закрепления формирующихся понятий: «...после того как умножились и дальше развились... потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам... предметов» [2]. Знаки языка постепенно получают более дифференцированное содержание: из диффузного слова-предложения мало-помалу выделяются отдельные слова — прототипы будущих имен и глаголов, а язык в целом начинает выступать во всей полноте своих функций как инструмент познания окружающей действительности.

Подытоживая все изложенное, мы можем сказать словами Ф. Энгельса: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг» [3].

2. РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ В РАЗНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ

§ 217. Поскольку отдельные коллективы наших далеких предков были еще слабо связаны между собой, закрепление в их языке определенного содержания за определенным экспонентом не было одинаковым даже в пределах сравнительно небольших территорий. Поэтому сформировавшиеся родовые языки были изначально хотя и довольно сходными, но все же разными. Однако в меру расширения брачных и иных контактов между родами, а затем и хозяйственных связей между племенами начинается взаимодействие между их языками. В последующем развитии языков прослеживаются процессы двух противоположных типов: процессы дивергéнции, распадения единого языка на два или несколько различающихся между собою, хотя и родственных языков, и процессы конвергéнции, сближения разных языков и даже замены двух или нескольких языков одним.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 489.
[2] Там же. Т. 19. С. 377.
[3] Там же. Т. 20. С. 490.

Схема дивергентного развития изображена на рис. 5: единый язык A распадается сперва на диалекты A_1, A_2, A_3. . . которые затем превращаются в самостоятельные языки B, C, D. . . При этом в каждом из них сохраняются какие-то черты их общего предка, в чем и проявляется языковое родство (см. § 251 и след.).

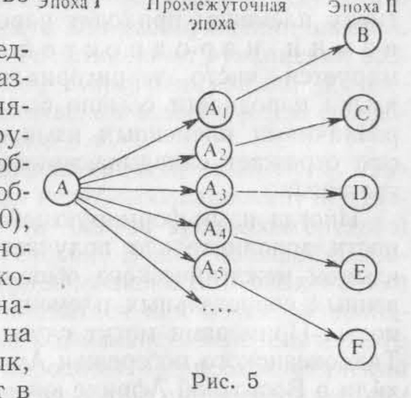

Рис. 5

Схема конвергентного развития представлена на рис. 6 и 7. Исконно разные языки A, B и т. д. либо, сохраняясь как разные, сближаются друг с другом в той или иной степени (в подобных случаях принято говорить об образовании «языкового союза», см. § 260), либо же происходит «поглощение» одного языка другим, т. е. какой-то языковой коллектив вместо своего первоначального языка начинает общаться на другом языке. Обычно при этом язык, оказавшийся «победителем», впитывает в большей или меньшей мере отдельные черты поглощенного языка (ср. пунктирную стрелку на рис. 7). В этом случае мы имеем дело с развитием на базе субстра́та либо в контакте с суперстра́том (см. § 254). Особые случаи представляет а) образование койнé — общего языка, возникающего на базе смешения родственных диалектов (из которых какой-то один оказывается ведущим) [1] и б) превращение одного из контактирующих языков в так называемую ли́нгва фра́нка — более или менее регулярное средство межэтнического общения, не вытесняющее из обихода каких-либо других языков, а сосуществующее с ними на одной территории и подвергающееся их воздействию [2].

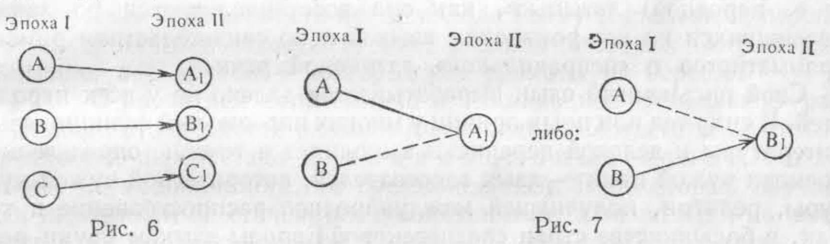

Рис. 6 Рис. 7

В реальной истории языков процессы дивергенции и конвергенции постоянно сочетаются и переплетаются друг с другом.

[1] *Койнé* (др.-греч. *hē koinē diálektos* 'общий язык') — первоначально общегреческое наречие, сложившееся с IV в. до н. э. на базе аттического диалекта (разговорного языка Афин) с примесью ионического и других диалектов, а позже — всякий общий язык, образованный по такому типу.
[2] Позднелат. *lingua franca* букв. 'франкский язык', т. е. язык, на котором франки, завоевавшие в V в н. э. Галлию, общались с местным населением (романизованными кельтами). Позже так стали называть и другие языки межэтнического общения.

§ 218. Развитие языков всегда было тесно связано с судьбами их носителей и, в частности, с развитием устойчивых социальных форм объединения людей.

В эпоху разложения первобытнообщинного строя, с возникновением частнособственнических отношений и появлением классов на смену племенам приходят народности. Соответственно, складываются языки народностей. Взамен племенной организации формируется чисто территориальная. Поэтому диалектное членение языка народности обычно бывает лишь отчасти связано со старыми различиями племенных языков или диалектов; в большей степени оно отражает складывающиеся территориальные объединения и их границы.

Иногда язык формирующейся или уже сформировавшейся народности дополнительно получает функции лингва франка, становясь языком межэтнического общения для ряда родственных и неродственных сопредельных племен, даже и не объединяющихся в народность. Примерами могут служить языки чину́к у индейских племен Тихоокеанского побережья Америки, ха́уса в Западной Африке, суахи́ли в Восточной Африке южнее экватора, малайский язык на островах Юго-Восточной Азии.

С возникновением и распространением письма начинается формирование письменных языков. В условиях массовой неграмотности такой язык — достояние крайне узкого слоя, владение этим языком достигается лишь в результате специальной профессиональной выучки. Кроме того, письменный язык консервативен, он придерживается авторитетных образцов, нередко рассматриваемых как священные. Разговорный же язык народа развивается по своим законам. Постепенно разрыв между письменным и разговорным языком становится все больше. Примером может служить разрыв между классической латынью, представленной памятниками литературы, и «вульгарной (т. е. народной) латынью», как она восстанавливается по данным развившихся из нее романских языков и по свидетельствам римских грамматистов о «неправильной» латинской речи.

Свой письменный язык вырабатывается далеко не у всех народностей. В силу тех или иных причин у многих народностей функции языка литературы и деловой переписки выполняет в течение определенного времени чужой язык — язык завоевателей, авторитетной чужой культуры, религии, получившей международное распространение и т. д. Так, в большинстве стран средневековой Европы языком науки, религии и в значительной мере языком деловой переписки и литературы была «средневековая латынь» — язык, по-своему продолжавший традиции классической латыни. Он отчасти использовался и в устном общении внутри узкого слоя образованных, но не являлся родным ни для одного из народов, населявших эти страны. На Ближнем Востоке такие же функции длительное время выполнял арабский язык. Иногда в одной стране существовало даже несколько письменных языков. Так, в средневековой Монголии языком деловой переписки был маньчжурский, а языком религии и культовой литературы — тибетский.

Однако с течением времени повсюду возникает письменность и на

родном языке. Во-первых, у всех народов существовало устное народное творчество, произведения которого со временем стали записывать и обрабатывать. Во-вторых, и в деловой письменности, а в определенных случаях и при действиях, связанных с религиозным культом, начали прибегать к языку народа, поскольку было важно обеспечить общепонятность того или иного документа или распоряжения властей, понятность проповеди и т. д. Так, рядом с латинскими рукописями возникают рукописи на древнеанглийском, старофранцузском, древневерхненемецком, старочешском, древнепольском языках, рядом с арабскими рукописями — рукописи тюркские и т. д.

Своеобразно сложились языковые отношения в Древней Руси. Языком церкви и церковной литературы был церковнославянский, продолжавший традиции старославянского (в основе древнеболгарского) языка, первого литературного языка славян. В силу большой близости славянских языков друг другу церковнославянский язык не был совершенно непонятным, он мог восприниматься как некая разновидность «своего» языка, что обеспечивало возможность неограниченного взаимодействия между ним и языком народным. Церковнославянский текст произносился на русский лад, затем уже и писался иначе, чем первоначально, возникал своеобразный русский «извод» (вариант) церковнославянского языка (подобным же образом в Сербии складывался его «сербский извод» и даже в болгарских землях так называемый «среднеболгарский извод»). Вместе с тем, однако, и русский язык испытывал глубокое влияние церковнославянского. Возникали литературные тексты, соединявшие в себе черты народного русского и церковнославянского языков. Древнерусский литературный язык — язык «Слова о полку Игореве», язык летописей — формировался как своеобразный синтез этих двух начал. Ближе к народному языку стоял язык деловой письменности (грамот, юридических текстов и т. д.), но и он вобрал в себя немалое количество церковнославянских элементов. В результате древнерусская письменность представляла гамму постепенных переходов между такими полюсами, как, с одной стороны, Остромирово евангелие, а с другой — новгородские грамоты на бересте.

§ 219. С развитием капитализма и ликвидацией феодальной раздробленности народности развиваются в нации. Соответственно языки народностей перерастают в национальные языки. Но это процесс не механический, не прямолинейный. В некоторых случаях язык народности не становится национальным, а низводится на положение диалекта того или иного национального языка. В других случаях, напротив, из языка одной народности формируется два-три разных, хотя и близкородственных, национальных языка.

Национальный язык обслуживает нацию не только в сфере устного общения, как это часто бывает с языком народности, а обязательно и в сфере письменного общения в качестве ее литературного языка. С повышением народной грамотности письмо и письменный язык становятся орудием общения широких масс. Там, где литературный язык был чужим, совершается постепенный переход письменности на язык народный. Вслед за художественной литературой на народный язык переходит наука, нередко и церковь. В тех странах, где литера-

турный язык был хотя и не совсем чужим, но все же довольно далеким
от народного, наблюдается его сближение с народным языком, укреп-
ление его народной основы. В эту эпоху встает вопрос о единой
норме литературного языка в его письменном, а затем
и в устном употреблении — вопрос, который ранее либо не возникал
(допускалось сосуществование нескольких региональных норм), либо
не имел той остроты, какую он приобретает в период формирования
нации. Ведь устно-разговорный народный язык характеризуется
значительной диалектной раздробленностью. Поэтому приближение
литературного языка к народному чревато утратой единства литера-
турного языка. Между потребностью в единстве языка и стремлением
сблизить литературный язык с народным возникает противоречие.
Во многих случаях оно разрешается таким образом, что в основу еди-
ной нормы ложится один из диалектов — тот, который ходом истори-
ческого развития выдвигается на первое место.

Так, в основу норм французского литературного языка лег диа-
лект области Иль-де-Франс, т. е. Парижа и его окрестностей, в основу
английского — диалект Лондона и прилегающей территории, в основу
испанского — диалект Кастилии, т. е. Толедо и Мадрида. Укрепление
народной основы русского литературного языка протекало как его
сближение в первую очередь с говором Москвы и прилегающей террито-
рии. Именно поэтому нормой литературного произношения стало
аканье (общее у Москвы с южнорусскими говорами) и взрывное [g]
(общее у Москвы с говорами севернорусскими).

Конечно, вырабатывающиеся нормы литературного языка не были
простой копией закономерностей и особенностей диалекта столицы и
ее окружения. Во-первых, кое-что вносили и другие диалекты, во-вто-
рых, видную роль играли традиции предшествующего периода разви-
тия литературного языка, часто не связанные с данной областью стра-
ны. В частности, для русского литературного языка исключительную
роль играло церковнославянское наследие, традиции того синтеза двух
языковых стихий — церковнославянской и народной русской,— кото-
рый был успешно осуществлен уже в развитии литературного языка
предшествующего периода. Церковнославянскими по происхождению
являются не только огромные пласты лексики современного русского
литературного языка (вся «неполногласная» лексика, т. е. слова типа
власть, время, плен, храбрый; слова с *жд* и *щ* вместо *ж* и *ч* типа *рож-
дать, освещать, мощь* и т. д.), но также целые словообразовательные
разряды (типы существительных на *-тель, -ствие, -ство, -ание, -ение,
-изна, -ыня*, прилагательных на *-ейший, -айший*, глаголов с префикса-
ми *воз-, низ-, пред-*) и даже отчасти формообразование (причастия на
-щий, -ший, -вший, -мый).

У некоторых народов формирование национальных языков проте-
кало в условиях отсутствия объединяющего центра, в обстановке
конкуренции или последовательной смены нескольких центров и дли-
тельного сохранения феодальной раздробленности. Так было в Европе
у немцев, у итальянцев.

Наконец, многие народности развиваются в нации, вообще не имея
своего государства, в условиях более или менее сильного националь-

ного угнетения. Это, разумеется, накладывает отпечаток на развитие соответствующих языков, затрудняет формирование их литературной нормы. Так, в Норвегии, длительное время (1397—1814) бывшей под властью Дании, возникли два конкурирующих литературных языка — стихийно норвегизованный датский и второй, искусственно составленный в XIX в. на базе норвежских диалектов (теперь происходит сознательно поощряемое сближение этих двух языков).

§ 220. Для периода колониальных захватов характерно появление так называемых пи́джинов и крео́льских языков. Пиджин — это своего рода лингва франка (см. § 217), вспомогательный «торговый» язык, ни для кого не являющийся родным и используемый как ограниченное средство общения европейских колонизаторов с туземцами, а затем и разноязычных туземцев между собой [1]. Пиджин всегда сильно редуцированный язык с упрощенной грамматикой и бедным словарем, содержащий наряду с искаженными элементами какого-нибудь европейского языка значительное количество местных элементов.

Креóльский язык в отличие от пиджина используется как «первый» (т. е. родной) язык хотя бы одной этнической группой в колониальной или зависимой стране. Креольские языки возникают в результате массового, но неполного усвоения языка метрополии местным населением, вносящим в усваиваемый язык свои местные особенности. Нередко также язык, образовавшийся как пиджин, становится благодаря смешанным бракам (главным образом между разноязычными туземцами) первым языком для нового поколения. Оказавшись основным средством общения, такой язык обогащается лексически и развивается грамматически. К наиболее старым из креольских языков принадлежат те, которые возникли на португальской основе в эпоху великих географических открытий начиная с XVI в. Позже к ним присоединились другие, в частности, креольские языки на французской или на английской основе.

§ 221. Принципиально новый этап в развитии национальных языков связан с Великой Октябрьской социалистической революцией и с последовавшим за нею мощным подъемом национально-освободительных движений во всем мире. В СССР более сорока народов бывших отсталых окраин царской России получили после Октябрьской революции возможность для разработки научно обоснованной письменности и имеют теперь свои литературные языки. Наряду с этими языками русский язык широко используется как средство межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР, как средство взаимного обмена опытом и овладения мировой культурой.

В современном мире с крушением колониальных империй, в особенности после второй мировой войны, на историческую арену вышли многие десятки новых наций со своими национальными языками.

Вместе с тем в ряде молодых государств, сбросивших цепи колониального рабства, сложились своеобразные языковые ситуации: большая дробность местных народных, а порой даже племенных языков

[1] *Пи́джин* (искажение англ. *business* в значении 'деловой') — от названия одного из таких языков, Pidgin English.

7 № 3471

делает иногда очень трудным обоснованный выбор какого-то из них в качестве базы для создания литературного языка. В этих условиях на роль официального языка нового государства иногда выдвигается лингва франка, получившая значительное распространение на соответствующей территории, хотя и являющаяся родным языком лишь для меньшинства населения (так, например, обстояло дело в Индонезии, в Малайзии). Иногда государственным языком провозглашается язык, используемый официальной религией (например, урдý в Пакистане — родной только для 7% населения); иногда же тот европейский язык (английский, французский или португальский), который был в этой стране официальным в колониальный период и потому в той или иной мере знаком хотя бы части населения. В ряде случаев новые государства имеют по два официальных языка, пока признаваемых равноправными (например, в Индии — хи́нди и английский, в Танзании — суахи́ли и английский, в Мавритании — арабский и французский). Для молодых наций Африки широкое использование европейских языков облегчает на первых порах усвоение достижений мировой культуры и науки, обеспечивает быстрейшие темпы наверстывания того, что было упущено за длительный период колониального рабства.

В общем, все же если для докапиталистических формаций, с их узким распространением грамотности, было характерно в ряде случаев сосуществование в одной стране п а р а л л е л ь н ы х «функциональных», т. е. специализированных, языков (разговорный язык, язык церкви, язык деловой переписки), то для нового времени более типично е д и н с т в о национального языка у каждого народа, причем язык этот выступает в многообразии функциональных стилей (см. § 24).

§ 222. Характерной чертой нового времени наряду с развитием наций и национальных языков является также неуклонный рост международных связей, всесторонних и все более массовых к о н т а к т о в между народами, в том числе контактов языковых. Большое распространение получают в современном мире двуязычие и многоязычие больших групп населения. Велика и все больше возрастает роль языков межнационального общения и международных организаций — английского, французского, испанского, русского, китайского, арабского (эти шесть языков являются официальными и рабочими языками Организации Объединенных Наций), далее португальского, в отдельных сферах науки и культуры немецкого, итальянского, японского, в отдельных регионах — хинди, индонезийского, суахили. Кроме того, довольно широкое применение получили в ряде стран искусственные международные языки, особенно эспера́нто [1].

Во всех языках мира наблюдается непрерывный рост общих элементов — и н т е р н а ц и о н а л и з м о в (см. § 236—237).

[1] Язык эсперанто, изобретенный в 1887 г. Л. Заменгофом (1859—1917), имеет очень простую и рационально построенную грамматику и словообразование, а корни его слов отобраны из наиболее распространенных европейских языков, чаще всего из романских. См.: *Сергеев И. В.* Основы эсперанто. М., 1961; *Бокарев Е. А.* Эсперанто-русский словарь. М., 1974.

3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ

а) Основные процессы в развитии лексики

§ 223. Словарный состав представляет собой ту сторону языка, которая более всех других подвержена историческим изменениям. Если изменения в фонологической системе и звуковой «материи» языка, в его грамматическом строе трудно заметить на протяжении жизни одного поколения, то изменения в словарном составе наблюдаются повседневно: любое нововведение в технике, в быту, в общественной жизни, в области идеологии и культуры сопровождается появлением новых слов и выражений либо новых значений у старых слов, и наоборот, устаревание и уход в прошлое тех или иных орудий, форм быта, общественных институтов неуклонно влекут за собой и уход из языка соответствующих слов. Бывает и так, что слова меняют свои значения и даже вовсе выходят из употребления без какой-либо связи с изменениями в соответствующих денотатах или же денотаты меняют свои словесные обозначения, нисколько не меняя, однако, своей природы или роли в жизни человека.

§ 224. Важнейший процесс — появление н е о л о г и́ з м о в, т. е. новых лексических единиц и новых значений в связи с появлением нового в жизни данного языкового коллектива. Так, на протяжении XX в. в русском языке появились, например, следующие неологизмы: *большевик* — после II съезда РСДРП (1903 г.), сперва в речи членов партии и в партийной печати, затем в общенародном употреблении; *совет* в смысле 'выборный орган нового типа' (Советы рабочих депутатов — уже во время революции 1905—1907 гг.), а затем 'орган Советской власти'; прилагательное *советский* и ряд устойчивых сочетаний с ним; позже слова *колхоз, совхоз, комсомол, соцсоревнование*; слова, связанные с техническим прогрессом,— *комбайн, вертолет, телевидение, космонавт, космодром, прилунение, лазер* и множество других.

Конечно, понятие неологизма относительно. Становясь привычным, слово уже не воспринимается как неологизм, а в отдельных случаях может даже устареть, как случилось, например, со словами *партячейка, красноармеец* — неологизмами первых лет революции, сейчас уже неупотребительными.

Пути формирования неологизмов разнообразны. Это прежде всего образование новых слов по продуктивным словообразовательным моделям (см. § 177) с помощью аффиксов (*большевик, прилунение, ленинизм*) или сложения основ (*вертолет*), а также стяжение терминологического словосочетания в сложносокращенное слово (*колхоз* из *коллективное хозяйство, комсомол* из *Коммунистический Союз Молодежи*). Далее это филиация значений, т. е. придание слову нового значения; в этом случае можно говорить о семантическом неологизме. Примерами могут служить *совет* 'орган Советской власти', *спутник* в смысле 'искусственный спутник'. Здесь мы имеем дело с «конденсацией значения»: значение целого сочетания («Совет рабочих депутатов», «Совет крестьянских депутатов», затем «Совет рабочих и солдатских депутатов», в наше время «Совет народных депутатов», «искусственный спутник Земли») переносится на одно слово (соответственно *совет* и

спутник). Затем, получив новое значение, слово становится базой для новых аффиксальных образований, для словосложения *(горсовет, райсовет)* и т. д. Наконец, важным средством пополнения словаря является заимствование из других языков (например, *комбайн, лазер* — из английского), а также из диалектов и профессиональных подъязыков самого данного языка.

§ 225. Процесс, противоположный возникновению неологизмов,— выпадение лексических единиц и отдельных значений слов из нормального, повседневного употребления. Здесь нужно различать два главных случая. Если выпадение вызывается исчезновением соответствующих предметов и явлений, мы говорим об уходящих лексических единицах и значениях как об и с т о р и з м а х. Если же предметы и явления остаются, а уходят по той или иной причине только слова, их обозначавшие, такие слова, а иногда и отдельные значения мы называем а р х а и з м а м и.

Историзмы, следовательно,— это обозначения реалий [1], отошедших в прошлое, например названия вышедших из употребления орудий труда *(соха)*, старинного оружия и снаряжения *(бердыш, колчан)*, средств передвижения *(дилижанс, конка)*, общественных состояний, учреждений и должностей прошлых эпох (*приказ* в Московской Руси — нечто вроде министерства, *граф, статский советник, предводитель дворянства, городовой, барин, лакей* в царской России). Историзмы продолжают употребляться, когда речь идет о прошлом, а также в специфическом «музейном» контексте. Некоторые из приведенных слов, став в своих прямых значениях историзмами (или также «экзотизмами» — обозначениями чужой действительности), сохраняют переносные значения, часто с отрицательной коннотацией (ср. слова *барин, лакей*).

Примерами архаизмов могут служить (в скобках приводим современные обозначения тех же денотатов): *чело* (лоб), *ланиты* (щеки), *выя* (шея), *рамена́* (плечи), *перси* (грудь), *перст* (палец), *уста* (рот), *вежды* (веки). Архаизмы используются как элементы «высокого», поэтического стиля либо, напротив, как средство иронии. Они могут сохраняться в составе устойчивых сочетаний *(из уст в уста, один как перст)*. Архаизмами являются и отдельные значения вполне употребительных и стилистически нейтральных слов. Так, среди значений слова *живот* архаическим является значение 'жизнь' (ср. во фразеологизме «не на живот, а на смерть»), среди значений слова *язык* — значение 'народ'.

§ 226. В качестве особого процесса выделяют и з м е н е н и е з н а ч е н и я лексических единиц языка. По существу, здесь сочетаются два процесса: а) появление нового и б) отмирание старого значения. Так, в русском языке слово *подлый* еще в XVIII в. значило 'простонародный, неродовитый, принадлежащий к низшему сословию' (т. е. не к дворянству или духовенству). Поскольку идеология господствующих классов связывала с представлением о «простом народе» представление о низких моральных качествах, слово *подлый* приобрело отрицательные

[1] Реа́лиями (от позднелат. *realia* 'вещественные', ср. *res* 'вещь, предмет') называют предметы материальной и явления духовной культуры какого-либо общества.

коннотации, которые постепенно переросли в значение 'бесчестный, нравственно низкий'. Старое значение понемногу забывалось и превратилось в историзм. Ср. развитие значения слова *мещанин*. Первоначально оно значило 'горожанин, житель города', со второй половины XVIII в. стало официальным обозначением одного из сословий царской России. В конце XIX в. появляется новое значение: 'человек с мелкими, ограниченными интересами и узким кругозором'. Для современного языка именно это значение является основным, исходное же значение стало историзмом. В немецком подобное развитие проделало слово *Bürger* 'горожанин' → 'человек с ограниченным кругозором, с мелкобуржуазной идеологией'.

Пример несколько другого рода — история слова *гора́* в болгарском языке. Первоначально оно имело то же значение, что и русск. *гора*. Следы этого состояния сохранились в производных словах (*го́ре* 'вверху, вверх', *го́рен* 'верхний' и др.), но само слово *гора́* имеет в современном языке значение 'лес'. Новое значение возникло, как и в других рассмотренных выше примерах, в порядке метонимии (см. § 112): леса на Балканском полуострове в изобилии растут по склонам гор и в горных ущельях; именно в таких местах, плохо приспособленных для земледелия, они и меньше вырубались. Сходное развитие наблюдается в исп. *monte* с той разницей, что первоначальное значение 'гора' (ср. лат. *mons* 'гора', род. п. *montis*) продолжает сосуществовать здесь с новым. Те же два значения имеет сейчас и сербскохорв. *гȍра*. Можно указать и на обратный процесс: нем. *Wald* 'лес' в составе некоторых сочетаний и сложных слов используется как обозначение горных цепей (например, *Thüringer Wald, Schwarzwald*).

Приведем теперь примеры метафорических переносов. Среди переносных значений слова *голова* есть метафорическое значение 'главное лицо', 'начальник' (ср. с изменением грамматического рода — *городской голова*). Сходным было положение с лат. *caput* 'голова', оно тоже, в частности, могло значить и 'начальник, вожак'. Во французском языке латинское *caput*, превратившееся в результате закономерного фонетического развития в *chef* /šef/, не сохранило первоначального прямого значения и значит теперь только 'начальник, старший' (откуда и наше заимствованное *шеф*). Русское слово *глаз* первоначально значило 'шар' или 'круглый, гладкий камень' (ср. польск. *głaz* 'камень'). Затем это название было перенесено на орган зрения, а старое значение было полностью утрачено.

Рассматривая семантическую эволюцию с точки зрения объема понятия, выраженного словом, говорят о сужении и расширении значения. Примером с у ж е н и я з н а ч е н и я служит история слова *порох* в русском языке. Первоначальное значение — не 'взрывчатое вещество', а вообще 'вещество, состоящее из мелких частиц, пыль' (ср. значение параллельного, церковнославянского по происхождению, *прах*, а также производных *порошок, запорошить, пороша*; в родственных славянских языках значение 'пыль' сохранено, например, в укр. *по́рох* и др., как и в некоторых русских народных говорах). Пример р а с ш и р е н и я з н а ч е н и я — история слова *палец*, первоначально обозначавшего 'большой палец' (это значение сохранено в ряде

современных славянских языков); в русском языке (также в украинском, белорусском и польском) значение расширилось, и слово стало обозначать любой из пальцев на руках и даже на ногах.

§ 227. С процессами, рассмотренными в предыдущем параграфе, сравним процессы п е р е и м е н о в а н и я, т. е. смены словесного обозначения без смены соответствующих денотатов.

Один из типов переименования связан с явлениями так называемого т а б у́. В собственном смысле термином «табу» (заимствованным из одного из полинезийских языков) обозначают разного рода запреты, обусловленные теми или иными религиозными верованиями и суевериями, в частности представлениями о магической силе слова. Это запрет прикасаться к определенным предметам, совершать определенные действия, заходить в те или иные места, запрет, обусловленный боязнью вызвать гнев и месть злых духов. В речевом поведении — это запрет произносить те или иные слова, чтобы «не накликать беды». Существует «охотничье табу» — боязнь называть зверя, на которого охотятся, его «настоящим» именем, так как это якобы может отрицательно повлиять на ход охоты. Наряду с такого рода явлениями, восходящими своими корнями к глубокой древности, встречаются запреты, налагаемые соображениями общепринятого этикета, приличия и т. д.

Запрет употреблять те или иные слова ведет к необходимости их замены какими-то другими. Так появляются «смягчающие выражения» — э в ф е м и́ з м ы[1]. Чем категоричнее запрет, чем в большем числе ситуаций он соблюдается, тем больше шансов, что табуируемая единица и вовсе исчезнет, заменится эвфемизмом.

Явлениями древнего табу объясняют многообразие и неустойчивость в индоевропейских языках названий некоторых животных, опасных для человека или же считавшихся предвестниками несчастья. Яркий пример — названия змеи: лат. *serpens* (откуда фр. *serpent*), древнегерм. *slango* (современное нем. *Schlange*), англ. *snake* значили первоначально 'ползущий', наше *змея* (*змей* и т. д.) произведено от *земля*, т. е. 'земная', диалектное и белорусское *смок* 'змея' (встречается со значением 'уж', 'дракон' и т. д. и в других славянских языках) — скорее всего от *смоктать*, т. е. 'сосущий'; все это — очевидные эвфемизмы, табуистические замены какого-то старого названия, повсеместно либо вовсе утраченного, либо сохранившегося в суженном значении и в ограниченном употреблении[2]. Эвфемизмами являются и такие выражения, как *нечистая сила* вместо *черт* или *бес*.

Табу, обусловленное требованиями этикета, обычно ведет не к исчезновению слова, а только к обогащению языка «смягчающими» синонимами. Ср. рядом со словом *старый* эвфемистические синонимы *почтенного возраста*, *немолодой*, *в летах*.

С некоторыми явлениями в общественной жизни, идеологии связаны такие переименования понятий в русском языке советского периода, как уже упоминавшиеся выше (см. § 122) *заработная плата* (*зарплата*) вместо старого *жалованье*, *домашняя работница* (*домработница*) вместо старого *прислуга*. Аналогично, например, и в шведском языке, где старое название домработницы *piga* (собственно 'девка') было еще в XIX в. вытеснено словом *jungfru* (первоначально значившим 'барышня'), а позже и это слово — новообразованиями *hembiträde* или *husassistent* 'домашняя помощница'. Отталкивание от нежелательных коннотаций проявилось в замене обращений *господин*, *госпожа*, *милостивый государь* и т. п., принятых в дореволюционной России, новыми обращениями *гражданин* и *товарищ* и неофициальными типа *девушка*.

Особо следует указать на сознательные, официально устанавливаемые замены по идеологическим мотивам имен собственных — названий городов, улиц и т. д. Так, бывшее *Царское Село* было переименовано в *Детское Село*, а позже в *город Пушкин*. Первая замена была актом сознательного отталкивания от названия, напоминавшего о царизме[1]. Вторая замена имела другую причину: стремление выразить уважение к памяти поэта (переименование было произведено в 1937 г., когда отмечалось столетие со дня гибели Пушкина). Почти все замены названий, закрепляемые официальными постановлениями органов власти, относятся к одному из этих двух типов либо представляют собой их сочетание. Так, в переименовании *Петербург → Петроград* в 1914 г. проявилось отталкивание от немецкой формы названия, порожденное войной с Германией, а в переименовании *Петроград → Ленинград* после смерти В. И. Ленина — стремление закрепить память о великом вожде революции. Подобные замены имен собственных, распространившиеся в наш век в разных странах, имели место и в прошлом. Так, после подавления восстания Пугачева река *Яик* указом Екатерины II была переименована в *Урал* (по имени гор, в которых она берет начало) с тем, чтобы вытравить из сознания народа даже воспоминание о яицком казачестве, составившем ядро отрядов Пугачева.

§ 228. Иногда изменение лексики связано с «семантическим изнашиванием» слов, с потребностью в э м о ц и о н а л ь н о - э к с п р е с с и в н о м о б н о в л е н и и с л о в а р я. В порядке такого обновления рядом с *хорошо*, *прекрасно* и т. д. появляются *блеск*, *лады́*, рядом с *наверняка* — *железно*, рядом с *дурак* — *дуб*, рядом с *трудиться* — *вкалывать*, рядом с *безразлично* — *до лампочки* и т. п. Литературная норма в наши дни в большинстве случаев успешно сопротивляется распространению подобных экспрессивных слов, особенно тех, которые воспринимаются как нарочито грубые (так называемые «какофемизмы»)[2]. Многие из них остаются поэтому лишь элементами молодежного сленга, а другие, просуществовав недолго, выходят из употребления. В эпоху, когда нормированный литературный язык был достоянием узкого слоя общества, сопротивление литературной нормы проникно-

[1] *Эвфеми́зм* — от др.-греч. *euphēmismos* 'смягчающее, украшающее выражение' (ср. *éus* 'хороший' и *phēmi* 'говорю').

[2] Старое индоевропейское слово для обозначения змеи, вероятно, представлено в лат. *anguis* 'змея' (параллельном с *serpens*), литов. *angis* 'змея' и — с другим значением — в русск. *уж*.

[1] Название *Царское Село* тоже не было первоначальным: оно возникло как народно-этимологическое переосмысление более старого *Сарское Село* — от финского топонима (название местности) *Саари* (ср. финск. нарицат. *saari* 'остров').

[2] *Какофеми́зм* — термин, построенный по аналогии с *эвфемизм* (ср. др.-греч. *kakós* 'плохой, скверный').

вению подобных слов не могло быть эффективным. Они утверждались в языке, оттесняя своих «неэмоциональных» предшественников.

Так, выше было упомянуто, что фр. *chef*, продолжение лат. *caput*, утратило свое первоначальное прямое значение 'голова'. Почему это произошло? Да потому, что как название части тела оно было вытеснено экспрессивным синонимом *tête*, первоначально *testa*, букв. 'черепок'. В современном французском языке *tête* 'голова' давно утратило экспрессивность, стало стилистически нейтральным и в арго заменяется другими словами, например *bobine* (букв. 'катушка'). Ср. и в других языках экспрессивные синонимы 'головы' — русск. *котелок* («котелок не варит»), болг. *кратуна* (букв. 'тыква'), укр. *макiтра* (букв. 'глиняная посудина'). Сходным образом у нас упомянутый выше *глаз* (см. § 226) потеснил начиная с XVI—XVII вв. старое *око* — общеславянское слово, представленное и в других индоевропейских языках (литов. *akìs*, лат. *ocŭlus* и др.). В русском языке *око* оказалось оттесненным в область поэтического, стилистически приподнятого употребления, и отношения изменились: сейчас именно *око* представляет собой эмоциональный синоним к ставшему нейтральным слову *глаз*. По-видимому, по аналогичной причине превратилось в архаизм слово *уста:* на его место становятся *рот* и *губы:* первое (др.-русск. *ръть*) образовано от *рыть* и собственно значило 'то, чем роют, рыло'; второе в древнерусском встречается только в значениях 'губка' (впитывающая жидкость), 'гриб' (также 'залив', но это скорее омоним).

Иногда эмоционально-экспрессивное обновление осуществляется морфологическим путем — прибавлением суффиксов эмоциональной оценки, уменьшительно-ласкательных или, напротив, увеличительных, «огрубляющих». Ср. *быстренько* рядом с *быстро*; *спатки* рядом с глаголом *спать*; *жарища*, *скучища* рядом с *жара*, *скука*. Иногда исторически исходная, не расширенная суффиксом форма может в дальнейшем выпасть из языка. Так, русск. *отец*, *солнце*, *сердце* представляют собой по происхождению уменьшительные образования, а исходные, неуменьшительные формы давно утрачены. На их существование в прошлом указывают *сердобольный*, *милосердие* и т. п., а также параллели в других индоевропейских языках, например др.-греч. *kardía* 'сердце', лат. *sol* 'солнце' и т. д. Болгарский язык утратил исконное *мышь* и обозначает соответствующее животное суффиксальным по происхождению уменьшительным образованием, именно *мишка*. Французский язык сходным образом утратил старое название пчелы (лат. *apis*), заменив его словом *abeille*, т. е. уменьшительным по происхождению образованием (= лат. *apicŭla* 'пчелка').

§ 229. В ряде случаев обновление лексики литературного языка может объясняться сдвигами в контингенте его носителей, и з м е н е н и я м и е г о д и а л е к т н о й и с о ц и а л ь н о й б а з ы. В русском литературном языке постепенное укрепление его народной основы вело к оттеснению из повседневного употребления ряда церковнославянизмов, к замене их народными русскими словами. В результате многие церковнославянские слова перешли в разряд архаизмов (примеры в § 225), а другие даже вовсе выпали из употребления (*абие* 'тотчас же', *аще* 'если' и др.). В ряде случаев, однако, из двух параллельных форм, бытовавших в памятниках древнерусской письменности, возобладала церковнославянская форма (например, *плен*, *шлем*, *враг*, *храбрый*), а русская народная форма (соответственно *полон*, *шелом*, *ворог*, *хоробрый*) стала архаизмом народнопоэтического стиля, а то и вовсе исчезла из литературного языка (так *веремя* было полностью вытеснено церковнославянской по происхождению формой *время*).

§ 230. Наконец, поскольку лексические единицы языка связаны между собой с и с т е м н ы м и о т н о ш е н и я м и в рамках семантических полей, синонимических рядов и антонимических пар (см. § 104—106), естественно, что изменение в одном звене микросистемы влечет за собой изменения и в соотнесенных с ним других звеньях. Так, упомянутое в § 226 расширение значения слова *палец* сопровождалось переходом в разряд архаизмов слова *перст*, которое не было церковнославянизмом (ср. «бытовое» производное *наперсток*).

б) Заимствование из других языков

§ 231. Общей основой для всех процессов заимствования является взаимодействие между культурами, экономические, политические, культурные и бытовые контакты между народами, говорящими на разных языках. Контакты эти могут носить массовый и длительный характер в условиях совместной жизни на смежных и даже на одной и той же территории либо могут осуществляться лишь через определенные слои общества и даже через отдельных лиц. Они могут носить характер взаимовлияния или одностороннего влияния; иметь мирный характер или выступать в виде противоборства и даже военных столкновений. Существенно, что ни одна культура не развивалась в изоляции, что любая национальная культура есть плод как внутреннего развития, так и сложного взаимодействия с культурами других народов.

Говоря о заимствованиях, различают «материальное заимствование» и «калькирование». При м а т е р и а л ь н о м з а и м с т в о в а н и и (заимствовании в собственном смысле) перенимается не только значение (либо одно из значений) иноязычной лексической единицы (или морфемы), но и — с той или иной степенью приближения — ее материальный экспонент. Так, слово *спорт* представляет собой в русском языке материальное заимствование из английского: русское слово воспроизводит не только значение английского *sport*, но также его написание и (конечно, лишь приблизительно) звучание. В отличие от этого при к а л ь к и р о в а н и и[1] перенимается лишь значение иноязычной единицы и ее структура (принцип ее организации), но не ее материальный экспонент: происходит как бы копирование иноязычной единицы с помощью своего, незаимствованного материала. Так, русск. *небоскреб* — словообразовательная калька, воспроизводящая значение и структуру англ. *skyscraper* (ср. *sky* 'небо', *scrape* 'скрести, скоблить' и *-er* — суффикс действующего лица или «действующего

[1] *Калькúрование* и *кáлька* — от фр. *calquer* 'снимать копию', *calque* 'копия'; ср. *калька* 'прозрачная бумага' и 'копия на такой бумаге'.

предмета»). В словенском языке глагол *brati* наряду с общеславянским значением ‘брать, собирать плоды’ имеет еще значение ‘читать’. Это второе значение — семантическая калька под влиянием нем. *lesen*, которое (как и лат. *lego*) совмещает значения ‘собирать’ и ‘читать’.

Иногда одна часть слова заимствуется материально, а другая калькируется. Пример такой полукальки — слово *телевидение*, в котором первая часть — интернациональная, по происхождению греческая, а вторая — русский перевод латинского слова *visio* ‘ви́дение’ (и ‘виде́ние’) или его отражений в современных языках (ср. с тем же значением и укр. *телебачення*, где второй компонент от *бачити* ‘видеть’).

§ 232. Среди материальных заимствований нужно различать у с т н ы е, происходящие «на слух», часто без учета письменного образа слова в языке-источнике, и заимствования из письменных текстов или, во всяком случае, с у ч е т о м п и с ь м е н н о г о о б л и к а с л о в а. Устные заимствования особенно характерны для более старых исторических эпох — до широкого распространения письма. Более поздние заимствования обычно бывают связаны с более «квалифицированным» освоением чужеязычной культуры, идущим через книгу, газету, через сознательное изучение соответствующего языка. Примером устного заимствования может служить болг. *параход* /parax|ot/ ‘пароход’, пришедшее из русского языка еще в XIX в. В этом слове русская соединительная гласная передана соответственно ее живому звучанию, тогда как в других подобных словах, заимствованных болгарским языком в наши дни (*трудоден*, *самокритика* и др.), в согласии с русской орфографией пишется *о*, которое по-болгарски и читается как /o/.

Заимствование может быть п р я м ы м или о п о с р е д о в а н н ы м (второй, третьей и т. д. степени), т. е. заимствованием заимствованного слова. Так, в русском языке есть прямые заимствования из немецкого, например *эрзац* ‘суррогат, заменитель (обычно плохой)’ (нем. *Ersatz* с тем же значением), *рейхстаг*, *бундестаг* и т. д., а есть заимствования через посредство польского языка, например *бляха* (ср. польск. *blacha* с тем же значением и нем. *Blech* ‘жесть’), *крахмал* (ср. польск. *krochmal* и нем. *Kraftmehl* с тем же значением), *рынок* (ср. польск. *rynek* ‘площадь, рынок’ и нем. *Ring* ‘кольцо, круг’). В языки народов Балканского полуострова за время турецкого ига вошло много «турцизмов», но значительная часть этих слов в самом турецком языке — заимствования из арабского или персидского. Есть заимствованные слова с очень долгой и сложной историей, так называемые «странствующие слова», например *лак:* к нам оно пришло из немецкого или голландского, в эти языки — из итальянского, итальянцы же заимствовали его скорее всего у арабов, к которым оно попало через Иран из Индии (ср. в па́ли, литературном языке индийского средневековья, *lākhā* ‘лак из красной краски и какой-то смолы’). История такого «странствующего слова» воспроизводит историю соответствующей реалии.

§ 233. Заимствование есть а к т и в н ы й п р о ц е с с: заимствующий язык не пассивно воспринимает чужое слово, а так или иначе переделывает и включает его в сеть своих внутренних системных отношений.

Ярче всего активность заимствующего языка выступает в процессах калькирования. Но и при материальном заимствовании она проявляется вполне отчетливо.

Во-первых, все фонемы в составе экспонента чужого слова заменяются своими фонемами, наиболее близкими по слуховому впечатлению; соответственно закономерностям заимствующего языка изменяются слоговая структура, тип и место ударения и т. д. Ср. русское слово *совет* и заимствованные из русского фр. *soviet* /sɔvj|ɛt/, англ. *soviet* /s|oŭviet/ или /s|ɔviet/, нем. *Sowjet* /z|o:vjɛt/ или /zɔvj|ɛt/: несвойственное французскому и другим языкам русское палатализованное /v′/ всюду заменено сочетанием /vj/ или /vi/; поскольку при заимствовании учитывалось написание русского слова, гласный первого слога везде передан буквой *o*, которая читается по правилам соответствующих языков либо как открытый, либо как закрытый гласный, либо как дифтонг; начальный согласный в немецком произносится как звонкий в соответствии с правилами чтения буквы *s*. Подобная субституция (подстановка) фонем происходит, разумеется, и при заимствовании на слух (только в этом случае не примешивается влияние письменного облика слова). Так, в русск. *флигель*, заимствованном из немецкого (нем. *Flügel* ‘крыло’), вместо немецкого /y:/ имеем /i/, вместо /l/ и /g/ соответственно /l′/ и /g′/. Изменение слоговой структуры при заимствовании ярко обнаруживается, например, в японской форме нашего слова *комсомол:* по-японски оно звучит как /komusomoru/ с превращением всех слогов в открытые путем добавления /u/ (а также с заменой /l/ на /r/, поскольку японский язык не знает звука /l/).

Во-вторых, заимствуемое слово включается в морфологическую систему заимствующего языка, получая соответствующие грамматические категории. Так, *система*, *панорама* в русском языке женского рода, как это нам представляется естественным для существительных (не обозначающих лиц), оканчивающихся на *-а*, хотя в греческом их прототипы среднего рода; при этом *-а* превратилось в окончание им. п. ед. ч. и заменяется в других формах другими русскими окончаниями, тогда как в греческом оно принадлежало основе (неусеченная основа systēmat- видна в косвенных падежах, ср. также *систематический*). В иных случаях, напротив, окончание чужого слова воспринимается при заимствовании как часть основы. Так, русск. *рельс*, *кекс* заимствованы из английского (англ. *rail* ‘рельс’, *cake* ‘пирожное, торт’ и т. д.), причем заимствованы были формы множественного числа, осмысленные как формы единственного; поэтому английский аффикс множественного числа вошел в состав основы русского слова. То же наблюдаем в слове *бутсы* (из англ. *boot* ‘ботинок’), но здесь заимствованное слово было сразу оформлено как множественное число, а формы единственного числа (*бутса* и т. д.) были образованы от множественного. Если заимствуемое существительное оканчивается нетипичным для русского языка образом, оно попадает в разряд неизменяемых по падежам и числам, но синтаксически получает все полагающиеся существительному формы (что проявляется в согласовании: *маршрутное такси*, *интересного интервью*, *белому какаду*) и тот или иной грамматический род (чаще всего средний). Заимствованные прилагательные, независимо

от того, как они оформлены в языке-источнике, получают в русском языке один из суффиксов прилагательного, обычно *-н-*, и полагающиеся окончания; глаголы тоже получают все глагольные категории вплоть до специфически славянской категории вида (правда, иногда возникает «двувидовость», т. е. омонимия форм совершенного и несовершенного вида, разграничиваемая контекстом, например, у глаголов *линчевать*, *стартовать*, у многих глаголов на *-ировать*). Естественно, при заимствовании происходит и утрата (вернее, невосприятие) грамматических категорий, чуждых заимствующему языку.

В-третьих, заимствуемое слово включается в систему семантических связей и противопоставлений, наличных в заимствующем языке, входит в то или иное семантическое поле или, в случае многозначности, в несколько полей. Обычно при этом происходит сужение объема значения (ср. англ. *dog* 'собака' и заимствованное русск. *дог* 'короткошерстная крупная собака с тупой мордой и сильными челюстями') или сокращение полисемии: многозначное слово чаще всего заимствуется в одном из своих значений [ср. фр. *dépôt* 1) 'вклад, взнос', 2) 'подача, предъявление', 3) 'отдача на хранение', 4) 'вещь, отданная на хранение', 5) 'хранилище, склад, депо', 6) 'сборный пункт', 7) 'арестантская при полицейском участке', 8) 'осадок, отложение, нагар' и др. и заимствованное русск. *депо*, сохраняющее, и то лишь частично, пятое значение французского слова]. Кроме того, при заимствовании слово часто утрачивает мотивировку (см. § 123).

§ 234. После того как заимствованное слово вошло в язык, оно начинает «жить своей жизнью», независимой, как правило, от жизни его прототипа в языке-источнике. Его звуковой облик еще больше приближается к структурам, типичным для данного языка; так, в заимствованных словах русского языка, по мере их более полного освоения («обрусения»), происходит замена твердых согласных перед орфографическими *е* соответствующими палатализованными (ср., с одной стороны, «необрусевшие» *декольте*, *декорум*, *реквием*, *секанс*, *тембр*, *тент*, *термы*, с другой — «обрусевшие» *декада*, *декрет*, *декан*, *рейс*, *сейф*, *театр*, *телефон*; особенно поучительны сопоставления слов, содержащих исторически одни и те же морфемы, но произносимых по-разному в зависимости от степени «обрусения»: *демос* /d/ — но *демократия* /d'/, *сервис* /s/ — но *сервиз* /s'/, *террарий* /t/ — но *территория* /t'/). Заимствованное слово может подвергаться новым грамматическим преобразованиям, устраняющим черты «чуждости» (ср. переход несклоняемых в литературном языке *пальто*, *жалюзи* и т. д. в просторечии в разряд склоняемых существительных); оно «обрастает» производными, претерпевает семантические изменения наравне с «исконными» словами и может получить совсем новое значение. Так, русск. *стекло*, др.-русск. *стькло* представляет собой старое, еще общеславянское заимствование из готского, где соответствующее слово *stikls* значило 'кубок'; на славянской почве название было перенесено с изделия на материал [1].

[1] На германской почве готск. *stikls* имеет ясную этимологию: оно произведено от корня со значением 'колоть' (совр. англ. *stick*, нем. *stechen*) и первоначально означало 'рог'.

Многие заимствованные слова настолько осваиваются языком, что перестают ощущаться как чужие, а их иноязычное происхождение может быть вскрыто только этимологическим анализом. Так, в русском языке совершенно не ощущаются как заимствованные слова *корабль*, *кровать*, *тетрадь*, *фонарь*, *грамота* (пришли из греческого); *очаг*, *кабан*, *казна*, *кирпич*, *товар*, *утюг*, *карандаш* (из тюркских языков); *лесть*, *князь*, *холм*, *хлеб*, *хижина*, *художник* (старые заимствования из германских языков, в двух последних прибавлены русские суффиксы).

§ 235. Какие элементы языка заимствуются? Главным образом заимствуются, конечно, «номинативные», назывные единицы, и больше всего существительные. Заимствование служебных слов имеет место лишь изредка. В составе знаменательных слов заимствуются корни и могут заимствоваться аффиксы — словообразовательные и редко формообразовательные, причем при благоприятных условиях такие заимствованные аффиксы могут получить продуктивность. Так, многие греческие и латинские словообразовательные аффиксы стали очень продуктивными во многих языках. При контактах между близкородственными языками заимствуются порой и формообразовательные аффиксы. Так, например, русский литературный язык использует в системе причастий суффиксы церковнославянского происхождения (см. § 219).

Устойчивые словосочетания материально заимствуются реже; ср., впрочем, *тет-а-тет* из фр. *tête-à-tête* 'с глазу на глаз' (букв. 'голова к голове') или *сальто-мортале* из итал. *salto mortale* 'смертельный прыжок' и некоторые другие. Однако устойчивые сочетания, пословицы и т. п. часто калькируются, буквально переводятся «своими словами». Ср.: др.-греч. *typhlòs ho érōs* = русск. *любовь слепа*; лат. *divĭde et impĕra* = русск. *разделяй и властвуй*; фр. *le jeu ne vaut pas la chandelle* = русск. *игра не стоит свеч*; нем. *aufs Haupt schlagen* = русск. *разбить наголову* (ср. § 131).

§ 236. Среди заимствованной лексики выделяется особый класс так называемых интернационализмов, т. е. слов и строительных элементов словаря, получивших (в соответствующих национальных вариантах) распространение во многих языках мира. Ср., например, русск. *революция*, фр. *révolution* /revɔlysjˈɔ̃/, нем. *Revolution* /re:vo:lu:tˢi:ˈo:n/, англ. *revolution*/revəlˈju:šən/, исп. *revolución*, итал. *rivoluzione*, польск. *rewolucja*, чешск. *revoluce*, сербскохорватск. *револу̑ција*, литовск. *revoliucija*, эст. *revolutsioon* и т. д.

Каковы источники интернационализмов?

Прежде всего это греко-латинский фонд корней, словообразовательных аффиксов и готовых слов, заимствуемых целиком. Так, из греческого в состав интернациональной лексики целиком вошли (привожу русские варианты) *атом*, *автономия*, *автомат*, *демократия*, *философия*, *софист*, *диалектика*, *эвристика*, *тезис*, *синтез*, *анализ* и многое другое, из латыни — *нация*, *республика*, *материя*, *натура*, *принцип*, *федерация*, *индивид*, *прогресс*, *университет*, *факультет*, *субъект*, *объект*, *либеральный*, *радикальный*, *генеральный* и т. д. Далее назовем греческие строитель-

ные элементы интернациональной лексики: *био-* 'жизне-', *гео-* 'земле-', *гидро-* 'водо-', *демо-* 'народо-', *антропо-* 'человеко-', *теле-* 'далеко-', *пиро-* 'огне-', *стомато-* 'рто-', *хроно-* 'време-', *психо-* 'душе-', *тетра-* 'четверо-', *микро-* 'мелко-', *макро-* 'крупно-', *нео-* 'ново-', *палео-* 'древне-', *поли-* 'много-', *моно-* 'одно-', *авто-* 'само-', *син-* 'совместно с', *диа-* 'через, сквозь', *пан-* 'все-', *а-* 'без, не', *псевдо-* 'лже', *-графия* 'описание, наука о...', *-логия* '-словие, наука о...', *-метрия* '-мерие, измерение', *-фил* '-люб', *-фоб* 'ненавистник', *-оид* 'подобный', *-изм*, *-ист* и др. (ср. *биология, биография, автобиография, геология, география, геометрия, гидрография, демография* и др.). Приведем строительные элементы латинского происхождения: *социо-* 'общество-', *аква-* 'водо-', *ферро-* 'железо-', *интер-* 'между', *суб-* 'под', *супер-* 'над', *ультра-* 'сверх, слишком', *квази-* 'как будто', *-аль-*, *-ар-* (в русском всегда с наращением: *-альн-*, *-арн-*) — суффиксы прилагательного. Нередко латинские и греческие элементы комбинируются между собой, например *социология, социализм, телевизор* (в последнем слове вторая часть — из латинского). В принципе любой элемент древнегреческого и латинского словаря может быть использован при необходимости создать новый термин. Сюда же относятся греческие и латинские «крылатые слова» и пословицы, калькируемые национальными языками.

Вторым источником интернационализмов являются н а ц и о н а л ь н ы е я з ы к и. В разные исторические эпохи наиболее существенный вклад в фонд интернациональной лексики был сделан разными народами. Одной из первых стран, вступивших на путь капиталистического развития, была Италия, и она же была первым очагом, из которого стали распространяться в другие языки Европы интернационализмы. В частности, это были (привожу итальянскую и русскую формы) слова, относящиеся к области финансов: *banca* (первоначально 'скамейка менялы', старое заимствование из германских языков, ср. нем. *Bank* 'скамейка') → *банк*, *credito* → *кредит*, *bilancia* (первоначально 'равновесие') → *баланс*, *saldo* → *сальдо*; относящиеся к строительству, архитектуре: *facciata* → *фасад*, *galleria* → *галерея*, *balcone* → *балкон*, *salone* → *салон*; к живописи и музыке: *fresca* ('свежая') → *фреска*, *sonata* → *соната*, *cantata* → *кантата*, *solo* → *соло*, названия нот и нотных знаков; некоторые военные термины: *battaglione* → *батальон* и др.

В XVII—XVIII вв. в центр культурной и политической жизни Европы выдвигается Франция, и теперь уже французский язык пополняет состав интернационализмов многочисленными словами, относящимися к области моды, светской жизни, домашней обстановки, одежды, кулинарии (привожу французскую и русскую формы): *mode* → *мода*, *dame* → *дама*, *étiquette* → *этикет*, *compliment* → *комплимент*, *meuble* → *мебель*, *boudoire* → *будуар*, *paletot* → *пальто*, *bouillon* → *бульон*, *omelette* → *омлет*; такими прилагательными, как *élégant* → *элегантный*, *galant* → *галантный*, *délicat* → *деликатный*, *frivol* → *фривольный*. В конце XVIII в. к этим словам присоединяются общественно-политические термины, в значительной своей части греко-латинского происхождения, но наполнившиеся новым содержанием на почве французского языка в предреволюционную и революционную эпоху: *révolution* → *революция*, *constitution* → *конституция*, *patriotisme* → *патриотизм*, *prolétaire* → *пролетарий*, *réaction* → *реакция*, *terreur* → *террор*, *idéologue* → *идеолог*.

С конца XVIII, в XIX и XX вв. в состав интернациональной лексики вливается поток английских слов, в частности (привожу английскую и русскую формы) термины, относящиеся к общественно-политической жизни и к экономике: *meeting* → *митинг*, *club* → *клуб*, *leader* → *лидер*, *interview* → *интервью*, *reporter* → *репортер*, *import* → *импорт*, *export* → *экспорт*, *dumping* → *демпинг*, *trust* → *трест*, *cheque* → *чек*; спортивные термины: *sport* → *спорт*, *box* → *бокс*, *match* → *матч*, *trainer* → *тренер*, *record* → *рекорд*, *start* → *старт*, *finish* → *финиш*; слова, относящиеся к быту: *comfort* → *комфорт*, *service* → *сервис*, *toast* → *тост*, *flirt* → *флирт*, *jumper* → *джемпер*, *jeans* → *джинсы*, *bar* → *бар* и т. д.

Вклад других национальных языков в интернациональную лексику в силу ряда причин был количественно меньшим. Некоторые немецкие термины вошли в нее в форме калек. Это относится к таким философским терминам, как *Ding an sich* → *вещь в себе*, *Weltanschauung* → *мировоззрение*; к лексике немецкого рабочего движения и научного социализма Маркса и Энгельса, например *Mehrwert* → *прибавочная стоимость*, *Klassenkampf* → *классовая борьба*, *Diktatur des Proletariats* → *диктатура пролетариата*.

Из русского языка до Октябрьской революции в интернациональную лексику вошло лишь немного слов, главным образом обозначающих специфически русские реалии, элементы русского ландшафта и т. д.: *степь* (→ нем, *Steppe*, англ. *steppe* /step/, фр. *steppe*), *самовар*, *тройка*, но также и слова *интеллигенция* (→ англ. *intelligentsia* /ɪntelɪgˈentsiə/, шведск. *intelligentia*, польск. *inteligencja*, болг. *интелигенция*), *нигилист* и *нигилизм* (→ англ. *nihilism* /nˈaɪ̯ɪlɪzm/, нем. *Nihilismus*), хотя и построенные из латинских и отчасти греческих (суф. *-изм*, *-ист*) элементов, но возникшие на почве русской культуры и русской истории XIX в.[1] После Октябрьской революции появляются новые интернационализмы — так называемые «советизмы». Как отмечал еще в 1919 г. В. И. Ленин, «мы достигли того, что слово „Совет" стало понятным на всех языках» [2]. Это же можно сказать о словах *большевик*, *большевизм*, *ленинизм*, *спутник*. Кроме того, ряд русских слов и выражений советской эпохи калькируется другими языками. Ср.: *самокритика* → нем. *Selbstkritik*, фр. *autocritique*, англ. *selfcriticism*. В некоторых языках калькируется также слово *совет* в его новом значении и слово *советский*: ср. укр. *рада*, *радянський*, польск. *rada*, *radziecki*, эстон. *nõukogu*, *nõukogude*.

В числе интернационализмов есть слова, пришедшие из других языков, в частности из чешского (*робот*), польского (*мазурка*), фин-

[1] В английском языке есть слово, похожее на *intelligentsia*, именно *intelligence* /ɪnˈtelɪʤəns/ со значением 'ум, понятливость', также 'разведка'. Но для значения 'интеллигенция' было заимствовано русское слово. В некоторых языках это слово калькировалось (так, чешск. *inteligence* совмещает значения 'ум' и 'интеллигенция'). Слова *нигилизм*, *нигилист* стали известны на Западе благодаря переводам романа Тургенева «Отцы и дети».

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 37.

ского (*сауна*), арабского (*алгебра, алгоритм, алкоголь, адмирал, гарем, зенит, кофе, тариф, цифра*), из языков Индии (*веранда, джунгли, пижама, пунш*), китайского (*женьшень, чай*) [1], японского (*джиу-джитсу, соя*), персидского (*жасмин, караван*), малайского (*орангутанг*), африканских (*шимпанзе*) и т. д.

§ 237. Понятие «лексический интернационализм», конечно, относительно. Так, арабское слово *kitab* 'книга' не вошло в языки Европы, но оно вошло (вместе с большим числом других арабских слов) в языки практически всех народов, культура которых была связана с исламом. Слово *kitab* является, таким образом, зональным интернационализмом, представленным на обширной территории. Многие из приведенных выше интернационализмов тоже остаются только зональными, но принадлежат другому ареалу (европейско-американскому).

Есть языки, в силу тех или иных причин вобравшие вообще мало заимствованных слов, в том числе и мало интернационализмов. Ярким примером является китайский язык (который, однако, сам послужил источником ряда зональных интернационализмов дальневосточного ареала). Невысок удельный вес интернациональных элементов в лексике исландского, финского, венгерского языков. Некоторые интернационализмы в них калькируются при помощи своих образований. Так, в современном исландском 'революция' — *bylting* (букв. 'переворот' или 'переворачивание' — от *bylta* 'переворачивать'), что представляет собой словообразовательную кальку интернационального термина (лат. *revolutio* ведь буквально и значит 'обращение в противоположную сторону, поворачивание').

Наконец, различия между национальными вариантами интернационализмов касаются не только их звукового и морфологического оформления (и написания), степени их употребительности в языке и т. д., но нередко также и их значения. Вот некоторые примеры: фр. *ambition*, англ. *ambition* значат 'честолюбие' (без отрицательного оттенка), 'стремление к какой-то цели', а русск. *амбиция* означает 'самомнение, спесивость, тщеславие' и употребляется с осуждением или иронией. Фр. *partisan*, англ. *partisan* и т. д.— это не только 'партизан', но прежде всего 'сторонник, приверженец'. Фр. *famille*, англ. *family*, нем. *Familie* и т. д.— это 'семья, семейство', а для русского слова *фамилия* такое значение является сейчас устарелым. Фр. *médecine*, нем. *Medizin* кроме значения 'медицина' имеют еще значение 'лекарство', а англ. *medicine* еще и 'колдовство', а также 'талисман, амулет'. Так интернациональные слова, становясь привычными и общеупотребительными, обрастают новыми, часто уже неинтернациональными значениями, а иногда (как случилось со словом *фамилия* в русском языке) утрачивают интернациональные значения. Образуется слой «псевдоинтернационализмов» — «ложных друзей переводчика».

[1] Русск. *чай*, а также монг. *čai*, тюркск. *čai* восходят к северокитайской форме *čhā*, а англ. *tea*, фр. *thé*, нем. *Tee*, итал. *tè*, исп. *té* — к южнокитайской форме *te* (пример «зональных» различий в интернациональной лексике).

Вместе с тем интенсивное международное общение ведет и к противоположным результатам — к нивелировке частично разошедшихся значений в интернационализмах, к семантической конвергенции национальных вариантов интернациональной лексики. Так, за последние годы русск. *альтернатива*, кроме старого значения 'необходимость выбора одного из двух возможных решений', все чаще используется в значении '(противоположный) вариант, иной выход', типичном для этого слова в ряде других языков.

§ 238. При рассмотрении судеб заимствованной лексики немаловажным является вопрос о том, какова общественная оценка заимствований и интернационализмов. У разных народов в разные периоды истории и в разных социальных слоях эта оценка была неодинаковой. В определенных случаях со стороны некоторых общественных групп наблюдалось особое пристрастие ко всему иностранному, мода на иностранные слова, связанная иногда с интенсивным заимствованием достижений более передовой культуры, иногда же — со стремлением верху́шки общества отгородиться от «простонародья». В зависимости от конкретных исторических условий обильное заимствование иноязычных слов могло быть прогрессивным явлением (например, в России при Петре I) либо, напротив, явлением реакционным (например, в России времен Грибоедова, справедливо высмеивавшего «смешенье языков французского с нижегородским»). Чаще в истории наблюдалось другое явление, так называемый пуризм (от лат. *purus* 'чистый') — сознательное противодействие проникновению иноязычных слов, стремление очистить язык от «иностранщины». Пуризм тоже может быть разным по своему общественно-политическому содержанию.

В принципе оправдан пуризм народов, отстаивающих свою политическую или культурную самостоятельность и противодействующих насильственной ассимиляции. Такого рода пуризм сыграл на определенном этапе положительную роль, например в истории исландского или в истории чешского народа, хотя имел и обратную сторону, так как в дальнейшем создал для носителей этих языков добавочные трудности при изучении языков других народов. Вот некоторые примеры из современного исландского языка: 'фотография' по-исландски *mynd* (букв. 'форма, образ, картина'), 'фотографировать' — *mynda* ('изображать'), 'касса' — *sjóður* ('кошелек'), 'партия (политическая)' — *flokkur* (букв. 'отряд, толпа, племя'); во всех этих случаях старым, издавна существовавшим словам были приданы новые значения — отказ от введения в язык интернационального слова компенсировался углублением полисемии. В других случаях создавались сложные слова, например *heimspeki* 'философия' (*heimur* 'вселенная' + *speki* 'мудрость'), *efnishyggia* 'материализм' (*efni* 'материя, вещество' + *hyggia* 'мнение, взгляд'); широко использовались исконные германские аффиксы, например *-il* в *hreyfill* 'мотор' (от *hreyfa* 'двигать', букв. 'двигатель'), *gerill* 'микроб' (от *gera* 'делать').

Говоря о народах, которые не подвергаются опасности насильственной ассимиляции, нужно сделать различие между умеренным и крайним пуризмом.

Умеренно-пуристические установки в известных пределах целесооб-

разны. Их нужно принять для научно-популярной литературы, для газеты, телевидения и радио, вообще в тех случаях, когда широкое использование иностранных слов могло бы нанести ущерб понятности печатного текста или устной речи. Именно в этом смысле В. И. Ленин предлагал повести борьбу со злоупотреблением иностранными словами (конечно, не с употреблением их вообще), т. е. с «употреблением иностранных слов без надобности», с коверканьем русского языка [1]. Интернационализмы нужно вводить постепенно, разъясняя их значение, например «конституция», а в скобках — «основной закон».

Крайний пуризм, т. е. борьба против любого иностранного слова только потому, что оно иностранное, должен быть расценен как реакционное и вредное течение в языковой политике. К тому же он и бесперспективен: в конечном итоге усилия крайних пуристов оказываются напрасными. Контакты между народами неизбежно ведут к взаимодействию между их языками, а в нашу эпоху эти контакты во всем мире становятся все шире и интенсивнее. Во всех языках неуклонно растет фонд интернационализмов. В нем отражается единство человеческой цивилизации, творимой трудом многих народов и воплощающей коллективный исторический опыт человечества.

4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ

§ 239. Исторические изменения происходят во всех сторонах грамматического строя языка. В частности, на протяжении истории наблюдается в о з н и к н о в е н и е   н о в ы х   г р а м м а т и ч е с к и х   к а т е г о р и й или отдельных новых граммем.

Пример появления новой категории — возникновение категории определенности/неопределенности в романских и германских языках. В древнейшую пору ни этой категории, ни ее «носителя» — артикля в этих языках еще не было. Постепенно, однако, расширялось употребление указательного местоимения 'тот', и одновременно шел процесс «угасания» его лексического значения. Из слова, специально подчеркивавшего частную предметную отнесенность существительного (см. § 97), оно превращалось в грамматический показатель определенности, в артикль, способный выступать уже и в случае общей предметной отнесенности. Латинское сочетание *ille canis* еще значило 'та собака', развившаяся из него французская форма *le chien* уже значит '(определенная) собака', а нередко и 'собака как общее понятие'. Вслед за определенным артиклем появляется и неопределенный (*un chien* 'одна собака' → 'неопределенная, какая-то собака' и, наконец, → 'всякая собака').

Пример пополнения уже существующей грамматической категории н о в о й   г р а м м е м о й — развитие будущего времени в ряде языков. Специальные формы для выражения будущего появляются, как правило, на довольно поздней ступени. Они могут возникать как переосмысление форм, выражавших желательность или долженствование. Таково английское будущее время со вспомогательными глаголами *will* (букв. 'хочу') и *shall* (букв. 'должен'), отчасти сохраняющее модальную окраску, сербское, болгарское и румынское будущее время, развившееся из сочетаний с глаголом, значившим 'хочу', западнороманское (типа фр. *j'aimerai* 'буду любить'), восходящее к народнолатинским конструкциям типа *amāre habeo* 'имею любить' и т. д. Другой путь — переосмысление образований со значением начала, становления (немецкое будущее время с *werden* букв. 'становиться', русск. *буду*, первоначально значившее 'стану') или с видовым значением завершенности (русское будущее время типа *напишу* есть по форме настоящее время совершенного вида).

Ясно, что с появлением новой граммемы происходит большее или меньшее изменение всей грамматической категории в целом. Так, с возникновением будущего времени меняется сфера употребления и соответственно объем содержания настоящего.

§ 240. Противоположные процессы — это о т м и р а н и е   о т д е л ь н ы х   г р а м м е м   и   ц е л ы х   г р а м м а т и ч е с к и х   к а т е г о р и й.

Примером утраты отдельных граммем могут служить исчезновение двойственного числа в ряде языков, исчезновение в романских языках среднего рода, имевшегося в латыни, слияние в шведском и датском мужского и женского рода в «общий род», сохраняющий противопоставленность среднему роду. Конечно, утрата граммемы тоже связана с перестройкой всей категории. Значение двойственного числа было поглощено множественным, расширившим сферу своего употребления, само противопоставление чисел стало в языке более обобщенным [1].

Пример утраты целой категории — судьба грамматического рода в английском языке: в древнеанглийском существовали, как и в других германских языках, три рода — мужской, женский и средний, а современный английский, утратив родовые различия в существительных и прилагательных, сохранил только в местоимениях противопоставление *he* : *she* : *it*, причем первые две формы использует в основном для лиц, сообразно их полу, а третью — для животных, предметов и абстрактных понятий вне зависимости от первоначального распределения соответствующих существительных между родами.

§ 241. Яркий пример изменения внешних форм выражения грамматических значений — переход романских, германских и некоторых других языков от синтетических флективных падежей к аналитическому выражению синтаксических связей имени существительного с помощью предложных сочетаний (см. § 180, 1), а также порядка слов (см. § 201, 2). В ряде случаев и в истории русского языка старые беспредложные сочетания косвенных падежей заменились предложными.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 49.

[1] В русском языке к двойственному числу восходит «счетная форма» существительных (см. § 200, 3), кроме того, у отдельных существительных, обозначающих парные предметы, старые формы двойственного числа (*очи, уши, плечи, рога, бока, берега*) получили значение множественного.

Ср. др.-русск. *Мьстиславъ Новѣгородѣ* (местн. п.) *сѣде, придоша Кыеву* (беспредл. дат.) и современ. «сидел *в* Новгороде», «они пришли *в* Киев, *к* Киеву». Однако в языках прослеживается и противоположная тенденция — замена аналитических форм синтетическими, а также развитие новых синтетических форм. Так, древнерусский аналитический перфект *писалъ есмь, писалъ еси* и т. д., утратив вспомогательный глагол, превратился в простую форму прошедшего времени *писал*. В некоторых языках сочетания с послелогами превратились в синтетические падежные формы, а бывший послелог стал падежным окончанием. Известны и другие случаи происхождения грамматических аффиксов из отдельных слов, выступавших в служебной функции (ср. приведенное в § 239 лат. *amāre habeo* и фр. *j'aimerai*). Все это показывает, что неверными были теории, считавшие эволюцию «от синтеза — к анализу» универсальной.

§ 242. В ряде случаев прослеживаются исторические изменения в морфологической структуре слова и его форм, слияние и расщепление морфем либо перераспределение «звукового материала» и компонентов значения между морфемами в составе слова. Эти процессы были описаны В. А. Богородицким (1857—1941), предложившим для обозначения двух важнейших типов таких процессов термины «опро́щение» и «переразложение».

1. О п р о́ щ е н и е есть слияние в одну морфему двух или нескольких морфем, входящих в состав слова (словоформы): так, русск. *пояс* при сравнении с равнозначным литовск. *júosta* обнаруживает в своем составе старый префикс *по-*, который, однако, в современном языке уже невыделим, т. е. перестал быть префиксом и составляет часть корня. В этом слове опро́щение произошло давно: ни в одном славянском языке префикс здесь уже не выделяется, а в некоторых из них его экспонент подвергся и фонетической деформации: ср. польск. *pas* 'пояс', чешск. и словацк. *pás*. В слове *орел* исторически тот же суффикс, что в *козел* (ср. *коза, козий*), но он во всех славянских языках давно слился в единое целое со старым корнем, который без суффикса представлен в нем. (поэтич.) *Aar* 'орел', хеттском *haraš* 'орел' и с другим суффиксом — в др.-греч. *órnis* 'птица' (род. п. *órnithos*). Англ. *lord* 'лорд' происходит из сложного существительного — англосакс. *hlafweord* (букв. 'хранитель хлеба'), а *lady* 'леди' — из *hlafdige* (букв. 'та, что месит хлеб').

Опрощение происходит постепенно, и иногда наблюдаются переходные случаи «полуопрощения»: *вкус* уже нормально не связывается с *кусок, кусать*, хотя в каких-то ситуациях старые связи еще могут «актуализироваться».

2. П е р е р а з л о ж е н и е есть перераспределение «звукового материала» между экспонентами соседних морфем, сдвиг «морфемного шва». Вот некоторые примеры: в парах *обнять — объятия, принять — приятие, поднимать — подымать, предпринимать — предприимчивый* мы наблюдаем чередования /n'/ ∞ /j/ или /n'/ ∞ нуль согласного. Первоначально корень, представленный в древнерусском глаголе *яти*, ст.-сл. *ѩти* не начинался носовым согласным. Появление вариантов с таким согласным — результат переразложения на границе префикса и корня. Префиксы *в-* и *с-* имели параллельные варианты с

носовым согласным на конце, употреблявшиеся перед корнем, который начинался гласным (ср. *внушить* и *ухо, внутрь* и *утроба, внедрить* и *ядро, снискать* и *искать, снедь* и *еда*). Относительная редкость вариантов *вн-* и *сн-* вела к тому, что носовой согласный стал восприниматься как часть корня. Так возникли *нутро, недра* и интересующие нас глаголы типа *обнять, принять* и т. д. (однако не все производные от *яти* получили носовой согласный в начале корня: ср. *взять* и *изъять*). Такое же переразложение происходило на границе предлога и местоимения 3-го лица, откуда в современном языке параллельные формы *его — от него, ему — к нему, им — с ним, ее — в нее, ею — с нею, их — у них* и т. д.[1]

Сходные примеры дают в славянских языках некоторые глаголы, сочетающиеся с префиксом *об-*, который мог переосмысляться как *о-* и «отдавать» свой согласный корню. Так, в болгарском языке глагол, соответствующий русск. *лизать*, выступает в двух вариантах — *ли́жа* и *бли́жа:* второй вариант возник в результате переразложения *об+лижа > о+близка*.

3. При «народно-этимологическом» осмыслении слова (см. § 124) нередко наблюдается явление, противоположное опро́щению,— о с л о ж н е н и е морфологической структуры, замена одной морфемы несколькими (обычно двумя). Так, слово, обозначающее гамак, было заимствовано испанцами из одного туземноамериканского языка в зоне Карибского моря и вошло во многие европейские языки как немотивированное слово с безаффиксной, корневой основой (исп. *hamaca*, фр. *hamac*, русск. *гамак* и т. д.); но в нидерландском и в некоторых других германских языках в результате народной этимологии оно было ассоциировано с глаголом 'висеть' и преобразовано в сложное, двухкоренное: нидерл. *hangmat*, нем. *Hängematte*, шведск. *hängmatta* (букв. 'подвесной коврик, мат' и т. п.).

§ 243. Из приведенного краткого обзора исторических изменений в грамматическом строе можно видеть, что они чрезвычайно разнообразны и протекают в разных языках разными путями, порой даже в противоположных направлениях. В языковедении не раз предпринимались попытки сформулировать, в чем заключается «прогресс в языке» в области грамматического строя, но эти попытки не приводили к убедительным результатам. Они лишь отражали субъективные стремления их авторов представить определенный тип грамматической структуры как «наиболее совершенный».

5. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗВУКОВОЙ СТОРОНЕ ЯЗЫКА. ПОНЯТИЕ О ЗВУКОВОМ ЗАКОНЕ

§ 244. Как все в языке, звуковая его сторона подвергается изменениям на протяжении истории.

Меняется звуковой облик отдельных слов и морфем, их фонемный

[1] В современном русском языке формы с /n'/ получили особую функцию: они указывают, что местоимение связано с предлогом (не просто стоит после предлога, а именно связано с ним: ср. *к нему* и *к ему подобным, для него* и *для его жены*).

состав, их ударение: например, др.-русск. *феврарь* превратилось в *февраль* (см. § 45, *1*); Пушкин произносил *музы́ка*, словари середины XIX в. дают *музы́ка* и *му́зыка*, а сейчас мы говорим только *му́зыка*. Меняются правила дистрибуции фонем, что затрагивает уже не отдельные слова, а целые их классы; так, в древнерусском языке существовали сочетания *гы*, *кы*, *хы*, а в современном русском языке такие сочетания внутри слова не допускаются (за исключением некоторых недавно заимствованных слов вроде *акын*), хотя и фонемы /g/, /k/, /x/, и фонема /ы/ продолжают существовать в русском языке.

Наблюдаются и более глубинные изменения: меняется набор фонем языка и система дифференциальных признаков, по которым фонемы противопоставляются друг другу. Так, в русском языке исчезли существовавшие в нем когда-то носовые гласные (и следовательно, ДП назальность у гласных), фонема, обозначавшаяся в древнерусских текстах буквой *ѣ*, и некоторые другие гласные фонемы. Зато превратились в отдельные фонемы палатализованные согласные, бывшие первоначально комбинаторными вариантами (и, соответственно, признак палатализованности превратился в ДП, очень важный для системы в целом).

Наконец, на протяжении длительных периодов меняются характер ударения и слоговая организация речевого потока и единиц языка. Так, от свободного словесного ударения общеславянской поры чешский и словацкий языки перешли к ударению, фиксированному на начальном, а польский — к ударению, фиксированному на предпоследнем слоге слова. Раннее развитие праславянского языка было связано с устранением закрытых слогов, унаследованных от общеиндоевропейской эпохи; все закрытые слоги тем или иным способом перестраивались в открытые, но в дальнейшем «закон открытого слога» стал нарушаться (уже в старославянском), и в современных славянских языках закрытый слог снова представляет собой нормальный (хотя и менее частотный) тип слога.

Изучением исторических изменений в звуковой стороне языка занимается историческая фонетика и историческая (диахроническая) фонология.

§ 245. Звуковые изменения, наблюдаемые в истории языков, можно подразделить на регулярные и спорадические.

С п о р а д и ч е с к и е изменения бывают представлены лишь в отдельных словах или морфемах и объясняются какими-либо особыми условиями их функционирования. Так, слова семантически мало «весомые» и вместе с тем широко употребительные (стандартные обращения, формулы вежливости, приветствия при встрече и прощании) подвергаются особенно сильному фонетическому разрушению: они часто произносятся скороговоркой, небрежно, поскольку содержание их и так понятно. Поэтому старая английская формула прощания *God be with you!* 'Бог да будет с вами' превратилась в *Good-bye* 'До свиданья', а испанское почтительное обращение *Vuestra Merced* 'Ваша милость' — в *Usted* 'Вы'. По-русски пишут *здравствуйте*, но произносят обычно *здрасте* или *драсте* (при быстром темпе даже *драсть*), а вводное слово *говорит*, вставляемое в цитируемую чужую речь, пре-

вращается в *грит* и даже *г-т* [gt̥]. Более или менее спорадический характер носят и некоторые диссимиляции (приведенные выше *феврарь*> *февраль*), метатезы (перестановки) вроде укр. *ведмідь* из *медвѣдь*, литовск. *kèpti* 'печь, жарить' из более старого **pekti* (ср. наше *пеку*) и т. п. Хотя за такими изменениями, конечно, стоят определенные общие тенденции, связанные с механизмом произношения (см. § 45, 75), эти тенденции проявляются от случая к случаю, «поражая» только отдельные лексические единицы.

Гораздо важнее, конечно, изменения р е г у л я р н ы е, проявляющиеся по отношению к определенной фонетической позиции или фонологической единице во всех или почти всех случаях, когда такая позиция или единица наличествует в языке, независимо от того, в каких конкретно словах и формах она встречается. Именно при наличии такого регулярного изменения и говорят о звуковом (фонетическом) законе.

Так, замена упомянутых выше древнерусских сочетаний *гы*, *кы*, *хы* современными *ги*, *ки*, *хи* подходит под понятие звукового закона, поскольку она коснулась всех слов с такими сочетаниями, не оставив исключений. Вместо *гыб(ь)нути*, *богыни*, *кыпѣти*, *Кыевъ*, *хытрость*, *хыщ(ь)никъ*, *ногы*, *рукы* и т. д. мы везде имеем *гибнуть*, *богиня*, *кипеть*, *Киев*, *хитрость*, *хищник*, *ноги*, *руки*. Сочетания /gы/, /kы/, /xы/ возможны теперь только в недавних заимствованиях, главным образом из тюркских языков, и на границе слов, в том числе предлога *к* и последующего слова: *к Ире* /kˈыr'i/.

§ 246. Звуковой закон не имеет того универсального характера (в смысле «независимости от места и времени»), какой присущ законам естественных наук. Напротив, он сугубо и с т о р и ч е н, действителен в конкретно-исторических рамках определенного языка или диалекта определенной эпохи. Уже, например, в ближайшем родственном русскому языку — украинском — замены /kы/ и т. д. на /k'i/ не было (старые /ы/ и /i/ совпали здесь в одном гласном). Да и в русском языке этот звуковой закон действовал лишь в течение определенного периода. Именно поэтому слова, содержащие заднеязычный согласный перед /ы/, но вошедшие в русский язык позже, уже не подпадают под действие этого закона.

Пока звуковой закон действует, он является ж и в ы м. Примером может служить русское «аканье», т. е. замена в литературном русском языке и в большинстве говоров (кроме «окающих») /о/ ударного слога на /а/ (фонетически [ʌ] или [ъ]) в безударном. Этот закон проявляется на каждом шагу в живом чередовании /о/ ~ /а/, он охватывает и новые слова, входящие в язык, в частности заимствования: ср. /matˈor/, /trˈaktar/ и т. д.[1] Закономерное исключение составляют односложные неударенные в предложении слова, сохраняющие /о/, например союзы *но*, *то. . .то* и междометие *ого*[2].

[1] В более редких иностранных словах вроде *боа*, *колье*, *де-факто* и в именах собственных вроде *Флобер*, *Палермо* произнесение безударного /о/, предписываемое орфоэпической нормой, служит именно признаком их «чуждости», неполной освоенности.

[2] В этих случаях само сохранение /о/ должно рассматриваться как слабая степень ударенности, реализуемая качественным, тембровым ударением (см. § 77).

После того как звуковой закон, перестав действовать, перешел в разряд и с т о р и ч е с к и х, в языке остаются его результаты, порожденные им сдвиги звучания, созданные им чередования фонем и т. д.

§ 247. Регулярные звуковые изменения можно подразделить на (позиционно или комбинаторно) обусловленные и фронтальные (традиционный термин «спонтанные»).

1. Примеры о б у с л о в л е н н ы х изменений — упомянутые выше явления: замена /о/ на /а/ в безударном слоге, обнаруживаемая при сравнении древнерусских и современных форм (изменение, обусловленное позиционно) и переход /ы/ в /i/ после /g/, /k/, /x/, сопровождающийся смягчением этих согласных (изменение, обусловленное комбинаторно). Вне указанных условий «старое качество» сохранялось: в ударном слоге /о/ не переходило в /а/; вне сочетания с предшествующим заднеязычным /ы/ не изменялось в /i/. Другой пример, относящийся к более древней эпохе,— так называемая первая палатализация — общеславянский переход заднеязычных в шипящие перед гласными переднего ряда: ср., например, русск. *четыре* с равнозначным литовск. *keturì*. В других позициях заднеязычные сохранялись: ср. русск. *корова*, *кривой* соответственно с литовск. *kárvė* и *kreĩvas* (те же значения).

2. Пример ф р о н т а л ь н о г о изменения — утрата носовых гласных в русском и в большинстве других славянских языков. Эти гласные отражены старославянскими памятниками, в которых они обозначались особыми буквами: носовой заднего ряда (в транскрипции õ или ǫ) — «юсом большим» (ѫ), а носовой переднего ряда (ẽ или ę) — «юсом малым» (ѧ), например *дѫбъ* 'дуб', *рѫка* 'рука', *несѫ* 'несу', *пѧть* 'пять', *жѧти* 'жать'. Теперь эти гласные сохранились (хотя в измененной фонетической реализации и с рядом перегруппировок) в польском. Во всех остальных славянских языках носовые гласные изменились в неносовые, причем превращение это произошло во всех фонетических позициях, почему мы и называем его фронтальным. При таком, можно сказать, глобальном характере процесса ничто не указывает на его возможные причины, процесс кажется «самопроизвольным» (отсюда старый термин «спонтанное изменение»).

§ 248. Формулировка любого звукового закона предполагает сравнение. В разных случаях используются три вида формулировок:

1. З в у к о в о й п е р е х о д предполагает сравнение диахроническое, т. е. сравнение более раннего и более позднего состояния одного языка (или языка-предка и языка-потомка) и записывается с помощью знаков > или < (острие в сторону более поздней формы): например, др.-русск. /kы/ > соврем. русск. /k'i/, то же в отдельных словах (*Кыевъ* > *Киев* и т. д.) и в «обратной записи» (соврем. *Киев* < др.-русск. *Кыевъ*). Во многих случаях более раннее состояние не засвидетельствовано в памятниках и восстанавливается гипотетически, «под звездочкой»: праслав.* *õ* > русск. /u/, или **dõbъ* > *дуб* и т. д. «Обратная запись» возможна в данном случае для слов (*дуб* < **dõbъ*), но общая формула «русск./u/ < праслав. **õ*» была бы неполной, так как в русском языке есть и другое /u/, не происходящее из носового глас-

ного, например в словах *ухо*, *думать*. Любой звуковой закон есть закон диахронический и должен быть сформулирован в конечном счете как переход. Но там, где переход реально не засвидетельствован в памятниках, его реконструкция опирается либо на звуковое соответствие (2), либо на чередование (3).

2. З в у к о в о е с о о т в е т с т в и е устанавливается сравнением фактов двух разных языков, если эти факты (чаще всего и сами языки) генетически связаны (о родстве языков см. § 251 и след.). Обычно соответствие записывается знаком «равенства»: ст.-сл. *ѫ* (или польск. *ą*, а в определенных случаях *ę*) = русск. /u/ (орф. *у*), или в отдельных словах: ст.-сл. *дѫбъ*, *рѫка* (польск. *dąb*, *ręka*) = русск. *дуб*, *рука*; литовск. *k* (перед гласным переднего ряда) = слав. /č/ (литовск. *keturì* = русск. *четыре*, болг. *четири* и т. д.). Приведем еще пример соответствий в области согласных между германскими и другими индоевропейскими языками, в частности следующих:

негерманские языки	германские языки	соответствия
русск. *полный*	англ. *full* 'полный'	и.-е. p = герм. f
русск. *три*, лат. *trēs* '3'	англ. *three* '3'	и.-е. t = герм. /θ/
др.-греч. *kýōn* 'собака'	англ. *hound* 'охотничья собака', нем. *Hund* 'собака'	и.-е. k = герм. h
лат. *lăbium* 'губа'	англ. *lip*, нем. *Lippe* 'губа'	и.-е. b = герм. p
русск. *десять*, лат. *dĕcĕm* '10'	англ. *ten* '10'	и.-е. d = герм. t
русск. *еда*, лат. *ĕdo* 'ем'	англ. *to eat* 'есть'	
лат. *gĕnu* 'колено'	нем. *Knie* 'колено'	и.-е. g = герм. k

Факт соответствия, наблюдаемый при сравнении языков, позволяет реконструировать звуковой переход, имевший место в прошлом и недоступный непосредственному наблюдению. Именно так был выявлен в истории русского языка переход носовых гласных в неносовые, в ранней истории славянских языков — «первая палатализация» заднеязычных, в ранней истории германских языков — так называемое первое передвижение согласных (переход и.-е. /p/ > /f/ и т. д.).

3. Ч е р е д о в а н и е наблюдается при синхроническом рассмотрении одного языка. Констатируя чередование, мы сравниваем различающиеся формы, сосуществующие в одном языке в одну и ту же эпоху. Знаки, служащие для записи чередования (~ и ∞), хорошо известны из предшествующего изложения. Чередования возникают только в результате обусловленных изменений. При изменении фронтальном, когда «старое качество» не сохраняется ни в одной позиции, чередованию, естественно, нет места. Исходя из факта чередования (например, *к* ∞ *ч* в *теку — течение*, *х* ∞ *ш* в *грех — прегрешение* и т. д.) мы можем реконструировать переход, происходивший в прошлом (во взятом примере — общеславянский переход заднеязычных в шипящие). Подобная реконструкция, опирающаяся на чередования, вообще на отношения внутри одного языка одной эпохи, называется внутренней.

§ 249. Пока звуковой закон является живым, возможны лишь отдельные отступления от него, объяснимые особыми условиями функционирования отдельных слов или разрядов слов (ср. исключения из

закона аканья, § 246). Но после того как звуковой закон стал историческим, его результаты — исторические чередования фонем и звуковые соответствия между языками — уже ничем не «защищены» и могут подвергаться далеко идущим нарушениям и преобразованиям.

1. Во-первых, они нередко охватываются действием более поздних звуковых законов; происходит н а л о ж е н и е н о в ы х п р о ц е с с о в на результаты старых. Так, значительно позже, чем общеславянская «первая палатализация», произошел в русском языке переход в определенной позиции ударного /e/ в /o/: ср. /p′ič′oš/, /ž′oltьj/ вместо более старых форм с /e/ (отраженным орфографией). В результате шипящие, развившиеся когда-то перед /e/, /i/ и т. д. из заднеязычных, уже не стоят в подобных формах перед гласным переднего ряда. После первого, общегерманского передвижения согласных имело место второе передвижение, охватившее только верхненемецкие говоры, на базе которых позже сформировался немецкий литературный язык. В результате этого второго передвижения, например, общегерманское /t/ было заменено, в зависимости от позиции, либо аффрикатой (соврем. нем. /tˢ/), либо щелевым согласным (соврем. нем /s/, не чередующееся с /z/ и обозначаемое на письме обычно как *ß* или *ss*): ср. нем. *zehn* '10', *essen* 'есть' (= англ. *ten*, *eat*) или нем. *Fuß* 'нога' (= англ. *foot* 'нога'). Учитывая подобные «наслоения» звуковых законов, можно устанавливать относительную хронологию звуковых изменений, т. е. их последовательность во времени относительно друг друга.

2. Во-вторых, картина соответствий нарушается позднейшими з а и м с т в о в а н и я м и. Так, в русском языке слово *вензель* заимствовано из польского и содержит сочетание /en/, отражающее — в нарушение нормальных соответствий — польское *ę* слова *węzeł* 'узел, связка' (нормальное старое соответствие польскому *ę* в русском *узел*). Также при нормальном соответствии лат. *pēs* (род. п. *pēdis*) 'нога' = англ. *foot* в англ. *pedestrian* 'пешеход' — ученом заимствовании из латыни — согласные корня не подверглись передвижению. В ряде случаев нарушение соответствий дает возможность опознать заимствования. Так, русск. *князь*, ст.-сл. *кънѧзь*, сербскохорв. *кнêз* с тем же значением, словацк. *kňaz* 'священник' и т. д. при сопоставлении с англ. *king* 'король', нем. *König* с тем же значением, др.-верхненем. *kuning* и т. д. обнаруживает отклонение от нормальных соответствий согласных[1] и, следовательно, представляет собой заимствование, относящееся к эпохе после общегерманского передвижения согласных (по-видимому, это слово заимствовано праславянским из прагерманского или из готского). Если приблизительно известно время возможных контактов между теми или иными народами, заимствования с нарушениями обычных соответствий могут пролить свет уже и на абсолютную хронологию звуковых изменений. Так, фонема латинского языка, обозначавшаяся на письме буквой *c*, в классической латыни звучала как заднеязычный согласный [k]. В современных романских языках в тех

[1] Нормально слав. /k/=герм. /h/ (например, *ковать* соответствует нем. *hauen* 'бить, рубить'), а герм. /k/=слав. /g/ (нем. *kahl* 'лысый' соответствует нашему *голый*, англ. *cow* и нем. *Kuh* 'корова' — др.-русск. *говядо*, ср. *говядина*).

случаях, когда за этой фонемой следовали гласные переднего ряда (и дифтонг *ae*, «стягивавшийся» в [e]), мы находим переднеязычные аффрикаты или щелевые; например, лат. *caelum* или *coelum* 'небо' соответствуют ит. *cielo* /čj′elo/, фр. *ciel* /sjɛl/, исп. *cielo* /θi̯′elo/ с тем же значением. Таким образом, здесь произошел процесс, несколько напоминающий «первую палатализацию» славянских языков. Но когда он имел место? Лат. *Caesar* (имя собственное, а затем нарицательное 'император') было заимствовано рядом языков, и в частности, дало в готском *kaisar* и в немецком *Kaiser* 'император'. Эти германские формы своим начальным согласным и нестяженным дифтонгом отражают звучание имени *Caesar*, каким оно было в момент заимствования. Поскольку германцы не могли заимствовать это слово раньше I в. до н. э. (Юлий Цезарь жил с 100 до 44 г. до н. э.), ясно, что стяжение дифтонга и палатализация латинского /k/ произошли после этого срока. На основании ряда других данных устанавливают, что стяжение дифтонга распространилось около III в. н. э., а палатализация /k/ — начиная с V в.

3. В-третьих, как мы знаем, даже живые, а тем более исторические чередования фонем могут нарушаться или, напротив, распространяться п о а н а л о г и и (см. § 67). Так, чередования /k/ ∞ /č/, /g/ ∞ /ž/ в *пеку — печешь*, *могу — можешь* устраняются (точнее — заменяются другим чередованием) в диалектных формах *пекёшь*, *мóгешь*, а в глаголе *ткать* формы с /k′/ вместо /č/ стали литературными. Здесь действовала пропорция (запишем в транскрипции, но без указания ударений):

$$\frac{\text{idu}}{\text{id'oš}} = \frac{\text{n'isu}}{\text{n'is'oš}} = \frac{\text{v'izu}}{\text{v'iz'oš}} \left(\text{короче, } \frac{\text{непалатализ. согл. в 1-м л.}}{\text{палатализ. согл. во 2-м л.}}\right) = \frac{\text{tku}}{x},$$

откуда $x = $ tk′os (*ткёшь* вместо старого *тчёшь*).

В украинском языке, где нет чередования непалатализованного согласного в 1-м л. с палатализованным во 2-м и следующих лицах (ср. укр. *йду*, *йдеш* с твердым /d/), устранение чередования /k/ ∞ /č/ пошло в другом направлении, и мы имеем в современном языке *печу*, *печеш* (а также и *можу*, *можеш*). С другой стороны, от недавних заимствований из западноевропейских языков *пиджак*, *фрак*, *блок* в русском языке образуются *пиджачный*, *фрачный*, *блочный*, и чередование /k/ ∞ /č/ оказывается перенесенным в морфемы, которых в праславянском не было.

§ 250. Открытие звуковых законов сыграло громадную роль в развитии нашей науки и сделало возможным начиная с XIX в. серьезное сравнительно-историческое изучение языков. Понятие звукового закона сложилось до возникновения учения о фонеме, до выработки сознательного функционального подхода к языку и к его истории. Но современный, функциональный, фонологический подход позволяет глубже понять природу исторических звуковых изменений и по-новому осмыслить проблему звуковых законов. Так, например, стало ясно, что обусловленное звуковое изменение (см. § 247, 1) само по себе еще не ведет к появлению новой фонемы и может остаться «внутрифонемным». Если возникает новая фонема, то это связано не с большей степенью

отделения нового звучания от старого (ведь мы знаем, что диапазон вариантов фонемы может быть очень широким), а только с характером функционирования данной единицы: если бы шипящие, возникшие из заднеязычных, встречались в праславянском только в позиции перед гласным переднего ряда, они оставались бы всего лишь комбинаторными вариантами заднеязычных. Но рядом с ними очень рано появились [ž], [č], [š] из другого источника — из сочетаний [gj], [zj], [kj], [xj], [sj]. Эти сочетания и соответственно возникшие из них шипящие могли находиться и перед гласными заднего ряда (например, *кожа* < * *kozjā*, первоначально 'козья шкура', *сеча*, *суша*, *ноша* — старые образования с суффиксом *-j-*). Тем самым все [ž], [č], [š] праславянского языка в любых позициях получили статус самостоятельных фонем /ž/, /č/, /š/.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

1. МАТЕРИАЛЬНОЕ СХОДСТВО И РОДСТВО ЯЗЫКОВ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

§ 251. Выше мы не раз встречались с понятием родства языков. Теперь рассмотрим это понятие подробнее. Родство языков проявляется в их систематическом материальном сходстве, т. е. в сходстве (точнее, в связанности закономерными звуковыми соответствиями, см. § 248, 2) того материала, из которого (оставляя в стороне позднейшие заимствования) построены в этих языках экспоненты морфем и слов, тождественных или близких по значению.

Например, русское числительное *три* по звучанию сходно с литовск. *trys*, лат. *trēs*, исп. *tres*, фр. *trois*, др.-греч. *trêis*, др.-инд. *tráyas*, хеттск. *tri*, англ. *three*, нем. *drei* — все с тем же значением. Согласные в этих словах отчасти просто совпадают, отчасти же не совпадают, но все равно объединяются межъязыковыми звуковыми соответствиями, регулярно повторяющимися и в других словах и морфемах. Так, соответствие русск. /t/ = англ. /θ/ = нем. /d/ повторяется еще в *тонкий* — англ. *thin* 'тонкий, худощавый' — нем. *dünn* 'тонкий'; в *треск*, *трещать* — англ. *thrash*, *thresh* 'бить, молотить' — нем. *dreschen* 'молотить'; в *тянуть* — англ. *thong* 'ремень, плеть' — нем. *dehnen* 'тянуть' и др. Значения сравниваемых слов или морфем могут быть тождественными, как в примере с числительным '3', или же исторически выводимыми одно из другого, как в последних примерах.

Аналогично и в грамматических морфемах: окончание 1-го л. ед. ч. в русских формах *ем*, *дам* материально сходно с окончанием др.-инд *bhārāmi* 'несу', др.-греч. *eimí* 'я есмь', лат. *sum*, готск. *im*, англ. *I am* с тем же значением.

Когда материальное сходство проявляется в таких словах, как *мяукать*, *кукушка*, т. е. в звукоподражательных словах (или корнях) нескольких разных языков, это представляется более или менее естественным, обусловленным самой природой соответствующей вещи. В какой-то мере естественным, продиктованным природой может быть и материальное сходство в разных языках слов, восходящих к детскому лепету, и некоторых междометий. Но за пределами перечисленных групп лексики вопрос о «естественных» причинах материального сходства решается отрицательно: в большинстве случаев между содержанием языкового знака и материальным составом его экспонента в принципе отсутствует «естественная», самой природой предуказанная связь (см.

§ 34, 4). Ясно, что в «природе» числа '3' нет ничего такого, что могло бы заставить обозначать это число именно сочетанием «переднеязычный шумный + дрожащий + гласный» (т. е. сочетанием типа русск. *три*, англ. *three* и т. д.). И действительно, в других языках число '3' обозначается совершенно несхожими комбинациями звуков, например в финском *kolme*, в турецк. *üç* /Yč/, в кит. *sān* и т. д. Равным образом и в «природе» 1-го л. ед. ч. нет ничего такого, что могло бы заставить выражать это грамматическое значение звуком [m] или сочетанием звуков [mi]. Чем же может объясняться материальное сходство между разными языками в этих и в других подобных случаях?

Если материальное сходство обнаруживается в одном-двух словах или корнях (незвукоподражательных, немеждометных и не восходящих к детскому лепету) или же в одном-двух аффиксах каких-либо двух языков, оно может объясняться случайным совпадением. Так, безусловно случайным является звуковое сходство между древнегреческим словом *theós* 'бог' и словом *teotl* 'бог' в доколумбовой Мексике. Но если сходство повторяется в ряде слов и морфем, укладывается в схемы регулярных звуковых соответствий, да к тому же еще соединяет целые группы языков, оно не может быть случайным. Такое материальное сходство говорит об исторической связи соответствующих языков: материально сходные слова и морфемы являются генетически тождественными.

§ 252. Нужно разграничить два вида исторической связи языков: с одной стороны — контакт, вызванный географическим, территориальным соседством, контактом цивилизаций, двусторонними или односторонними культурными воздействиями и т. д.; с другой стороны — исконное родство языков, развившихся в процессе дивергенции (см. § 217) из одного более или менее единого языка, существовавшего ранее. Контакты языков ведут к заимствованию слов, отдельных выражений, а также корневых и некоторых аффиксальных (обычно словообразовательных) морфем, о чем говорилось выше (см. § 231—235). Однако некоторые разряды языковых элементов, как правило, не заимствуются. Это прежде всего аффиксы формообразования — показатели соответствующих грамматических категорий, обычно также служебные слова. Есть и разряды знаменательных слов, для которых заимствование является менее типичным, например: термины ближайшего родства, названия частей тела, числительные — обозначения сравнительно небольших количеств (особенно в рамках от 1 до 10), глаголы — названия наиболее элементарных действий, слова-заместители разного рода и некоторые другие. Если в каких-либо языках наблюдается более или менее систематическое материальное сходство в области формообразовательных аффиксов и в перечисленных сейчас разрядах слов, такое сходство свидетельствует не о влияниях и заимствованиях, а об исконном родстве этих языков, о том, что эти языки являются разными историческими «продолжениями» одного и того же языка, существовавшего прежде.

Ср. определение языкового родства, сформулированное французским лингвистом Антуáном Мейé (1866—1936): «...два языка называются родственными, когда они обаявляются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше»[1]. Этот язык — общий «предок» родственных языков, т. е. язык, постепенно превратившийся в ходе «двух различных эволюций» в каждый из родственных языков или распавшийся на родственные языки, называется их праязыком, или языком-основой, а всю совокупность родственных между собой языков называют языковой семьей.

Так, русский, литовский, латынь, французский, испанский, греческий, древнеиндийский, английский, немецкий, вымерший хеттский и ряд других живых и мертвых языков вместе составляют индоевропейскую семью языков. Она возникла в результате распадения общеиндоевропейского языка-основы (праиндоевропейского) и длительного самостоятельного развития его обособившихся территориальных ответвлений — диалектов, постепенно превращавшихся в отдельные, хотя и родственные между собой языки.

Индоевропейский язык-основа не зафиксирован памятниками письменности: он прекратил свое существование в качестве относительно единого (хотя, по-видимому, имевшего диалекты) языка задолго до первых письменных памятников, во всяком случае не позже конца III тысячелетия до н. э.; слова и формы этого языка лишь предположительно реконструируются учеными на основании сравнения фактов возникших из него родственных языков.

§ 253. Обычно языковая семья представляет собой некое множество языков, внутри которого выделяются группы, объединенные более тесным родством, так называемые ветви. Так, в индоевропейской семье выделяются славянская, германская, романская, индийская и другие ветви (см. § 258, I). Языки каждой ветви восходят к своему языку-основе — праславянскому, прагерманскому (иначе — общеславянскому, общегерманскому) и т. д., в свою очередь являющемуся ответвлением от праязыка всей семьи, в данном случае общеиндоевропейского. Праславянский, прагерманский и т. д. существовали в качестве относительно единых языков в эпоху более позднюю, чем общеиндоевропейский, но также предшествующую письменным памятникам (праславянский, например, вероятно, до VI—VII вв. н. э.).

Внутри ветвей выделяются подмножества, объединенные еще более близким родством. Пример такого подмножества — восточнославянская группа, охватывающая русский, украинский и белорусский языки. Языком-основой этих трех языков был древнерусский (древневосточнославянский) язык, существовавший как более или менее единый (хотя и подразделявшийся на племенные диалекты) язык в эпоху Киевской Руси.

Соотношение ветвей и групп внутри одной языковой семьи схематически изображают в виде «родословного древа». Однако действительные отношения между родственными языками намного сложнее: распадение языка-основы происходит не в один прием (какие-то ответвле-

[1] *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 50.

ния обособляются раньше, другие позже), отдельные инновации, возникая в разных местах и в разное время, неравномерно охватывают ветви и группы. В итоге, например, славянская ветвь одними чертами теснее связана с балтийской (т. е. литовским, латышским и древнепрусским языками), другими чертами — с иранской ветвью, некоторыми чертами — с германской ветвью и т. д.

Сходным образом обстоит дело также в других языковых семьях, перечисленных ниже в § 258.

§ 254. Как сказано выше (см. § 217), дивергенция постоянно переплетается с конвергенцией. Нередко в силу тех или иных причин происходит массовое усвоение данного языка населением, говорящим на другом языке. Это усвоение сопровождается массовыми нарушениями норм усваиваемого языка, причем эти нарушения в каждом случае закономерно обусловлены влиянием родного языка соответствующего этнического коллектива. Усваивая, скажем, язык пришельцев, аборигены бессознательно, но регулярно вносят в него свои произносительные привычки, свои словообразовательные модели и синтаксические конструкции, бессознательно, но систематически элиминируют в своей речевой деятельности все наиболее трудное и специфическое в усваиваемом языке. Если таких аборигенов много, может быть, больше, чем пришельцев, если они пользуются вновь усвоенным языком постоянно, как основным, тысячекратно повторенное искажение становится нормой и язык получает новое, другое звучание и другой облик. В этих случаях имеет место развитие языка на базе субстрáта. Термином с у б с т р á т (лат. *substrātum* 'подстилка, нижний слой') обозначают тот язык (чаще всего язык коренного населения), который оказался вытесненным из употребления другим языком (чаще всего языком пришельцев), но оставил более или менее отчетливые следы в вытеснившем его языке как в виде материальных заимствований, так и главным образом в виде кáлек (семантических, словообразовательных, синтаксических) и тех или иных особенностей фонетики.

Примером развития на базе субстрата могут служить романские языки. Их отличия друг от друга не в последнюю очередь объясняются тем, что народная латынь, из которой они происходят, в разных покоренных Римом районах Европы усваивалась разными народами, т. е. накладывалась на разные субстраты.

Нередко, однако, бывает и так, что в борьбе между языком аборигенов и языком пришельцев победителем выходит местный язык. Но за время конкуренции двух языков и связанного с нею более или менее широкого двуязычия населения, этот местный язык успевает все же перенять какие-то черты из языка пришельцев. В этих случаях говорят о влиянии с у п е р с т р á т а, т. е. о наслоении чуждых черт на исконную основу местного языка. Яркий пример суперстратного влияния — французские наслоения в английском языке, проникшие в него после нормандского завоевания в связи с длительным господством в Англии французского языка.

Рассматривая вопросы языкового родства, следует подчеркнуть, что оно в общем случае не связано с родством «по крови», с кровнородственными связями между народами или с общностью расы. Ведь

язык передается не в порядке биологического наследования. Он у с в а и в а е т с я, и в истории известно немало случаев, когда целые племена и народы переходили на другой язык, постепенно забывая свой первоначальный.

§ 255. Изучение языкового родства относится к области сравнительно-исторического языковедения. Метод сравнительно-исторического языковедения предполагает т а к о е с р а в н е н и е я з ы к о в, к о т о р о е н а п р а в л е н о н а в ы я с н е н и е и х и с т о р и ч е с к о г о п р о ш л о г о. Работая сравнительно-историческим методом, ученые сравнивают между собой генетически тождественные слова и формы родственных языков и восстанавливают (разумеется, предположительно, «под звездочкой») их первоначальный вид, их а р х е т и п ы, или п р а ф о р м ы. В итоге получается приблизительная реконструкция по меньшей мере отдельных сторон языкового строя, каким он был до обособления соответствующих языков или ветвей языков. Так, определенным образом направленное сравнение позволяет раздвинуть рамки исторического исследования, проникнуть в те эпохи жизни языка, от которых не дошло прямых свидетельств в виде письменных памятников.

1. Например, ни в одном из славянских языков не сохранилось окончание *-s* в им. п. ед. ч. существительных мужского рода, но на раннем этапе истории праславянского, когда начиналось его обособление от остального массива индоевропейских языков, такое окончание несомненно было, как об этом ясно свидетельствуют совпадающие факты ряда ветвей индоевропейской семьи. Ср. русск. *волк*, укр. *вовк*, чешск. *vlk*, польск. *wilk*, болг. *вълк*, сербскохорв. *ву̑к*, ст.-сл. *влькъ* с литовск. *vil̃kas*, латыш. *vìlks*, др.-инд. *vŕ̥kaḥ* (где ḥ < *s*), др.-греч. *lýkos*, готск. *wulfs* (все с тем же значением) или русск. *сын*, чешск., польск. *syn*, укр., болг. *син*, ст.-сл. *сынъ* с литов. *sūnùs*, древнепрусск. *souns*, др.-инд. *sūnúḥ*, готск. *sunus*, др.-греч. *hyiós* (все со значением 'сын'). Утрата на славянской почве окончания *-s* (как и других окончаний на согласный) была связана с более общей закономерностью, действовавшей в праславянском, с законом открытого слога, по которому все закрытые слоги так или иначе превращались в открытые (см. § 244).

2. Иногда и показания древних письменных памятников по-настоящему разъясняются на основе сравнения с данными живых родственных языков. Так, еще в первой четверти XIX в. привлечение польских фактов позволило А. Х. Востокову (1781—1864) установить, что старославянскими буквами Ѫ и Ѧ (большим и малым юсом) обозначались носовые гласные, утраченные всеми живыми славянскими языками, кроме польского (см. § 247, *2*). В соответствующих морфемах индоевропейских языков имеем сочетание неносовой гласный + носовой согласный. Ср. русск. *рука* = ст.-сл. *рѫка*, польск. *ręka*, уменьш. *rączka* = литовск. *rankà* с тем же значением (и *renkù* 'собираю'); русск. *пять* — ст.-сл. *пѧть*, польск. *pięć* = литовск. *penkì*, др.-греч. *pénte*, др.-инд. *páñca*, нем. *fünf* и т. д. Сравнение этих данных позволяет реконструировать следующие этапы эволюции: 1) сочетание «неносовой

гласный + носовой согласный», 2) носовой гласный, 3) неносовой гласный. Неславянские языки представляют первый (дославянский) этап, старославянский — второй этап, русский — третий этап. Переход от первого этапа ко второму был обусловлен действием упомянутого выше закона открытого слога: закрытые слоги типа *ran-, *pen- превращались в открытые типа *rǭ-, *pę̄-, гласный как бы «поглощал» следующий за ним носовой согласный. Там же, где за этим согласным следовал еще один гласный, носовой согласный отходил к следующему слогу и потому сохранился вплоть до современного русского языка. Так, литовск. *minti* 'мять, топтать' соответствует ст.-сл. *мѧти*, польск. *miąć* 'давить, мять' и русск. *мять (мял, мятый)*, но литовск. *minù* (настоящее время) — ст.-сл. *мьнѫ*, польск. *mnę*, русск. *мну* (из др.-русск. *мьну*, ср. *разминать*) с сохранением носового согласного.

3. Известно много случаев, когда праформы, восстановленные с помощью сравнительно-исторического метода, т. е. воссозданные предположительно, позже были обнаружены во вновь найденных древних текстах. Так, еще в XIX в. ученые пришли к выводу, что словоформы классической латыни *ager* 'поле', *sacer* 'священный' и т. д. восходят к более старым формам типа *agros, *sacros (как восстановленные гипотетически эти формы писались «под звездочкой»). Затем, при раскопках одного из римских форумов, была найдена латинская надпись VI в. до н. э., содержавшая форму *sakros*.

§ 256. Материальное сходство языков далеко не всегда «видно невооруженным глазом». Порой слова, очень далекие по звучанию, бывают связаны закономерными, хотя и сложными, фонетическими соответствиями и, следовательно, являются генетически тождественными. Так, ст.-сл. *азъ* и русск. *я* генетически тождественны нем. *ich* 'я', наше *зуб* — нем. *Kamm* 'гребень', наше *два* — армянск. *erku* '2'. Во всех этих случаях мы имеем последовательное наслоение ряда звуковых законов, сильно изменившее первоначальный облик соответствующих слов. Для примера разберем соответствие согласных в ст.-сл. *азъ* и нем. *ich*. Верхненем. *ch* по закону «второго передвижения» (см. § 249, 1) соответствует общегерм. *k* (ср. готск. и нижненем. *ik* 'я'), а это последнее, по закону «первого передвижения»,— звуку *g* в ряде ветвей индоевропейской семьи (ср. лат. *ego*, греч. *ego* 'я') и (в ряде случаев) звуку *z* в славянском (ср. еще др.-греч. *gignōskō* 'узнаю, знаю', где корень *-gnō-*, и русск. *знаю*). В русской форме *я* конечный согласный отпал (ср. др.-русск. *язъ*), как отпал он и в английской форме *I* 'я'.

Есть и обратные примеры, когда сходство звучания оказывается обманчивым, не говорящим о генетическом тождестве. Так, нем. *Feuer* 'огонь' и фр. *feu* 'огонь' могут показаться связанными по происхождению. Однако немецкому (вообще германскому) *f* должно отвечать *p* других индоевропейских языков (см. § 248, 2). И мы действительно находим соответствия нем. *Feuer* и англ. *fire* в др.-греч. *pyr* 'огонь' (откуда *пиротехника*), умбрском *pir*, армянск. *hur* (армянск. *h* = *p* других индоевропейских языков, например армянск. *hayr* 'отец' = лат. *pater*, армянск. *hing* '5' = др.-греч. *pénte*, русск. *пять* и т. д.). Фр. же *feu* соответствует итал. *fuoco*, исп. *fuego* 'огонь, очаг' и вместе с ними восходит к лат. *focus* 'очаг'. Несомненным кажется на первый взгляд и генетическое тождество нем. *habe* 'имею' и лат. *habeo* 'имею', однако в действительности немецкому глаголу соответствует лат. *capio* 'беру': и.-е. *k* = герм. *h*, а семантическая связь глаголов 'брать' и 'иметь' естественна (ср. и русск. *иметь*, производное от *яти*, *иму* 'взять').

В любых случаях сравнительно-исторический метод дает прочную опору этимологическому исследованию.

§ 257. В своих реконструкциях сравнительно-историческое языковедение опирается на н е о д и н а к о в о с т ь р а з в и т и я родственных языков, на различия в характере и направлении языковых изменений, а также в темпе развития процессов, направленных в одну сторону. Обычно из общего наследия что-то одно сохраняется в относительно неизменном виде в одной части родственных языков, что-то другое — в другой; собирая эти реликты прошлого, исследователь воссоздает первоначальную картину. Там же, где развитие оказывается во всех родственных языках более или менее одинаковым, метод сравнительно-исторической реконструкции не имеет нужной «зацепки». Это существенно ограничивает его возможности. Ведь родственные языки часто бывают сходны не только по унаследованному материалу, но и по тенденциям развития: независимо друг от друга они развивают такие формы, которые трудно отличить от унаследованных.

Иногда и при неодинаковости развития в отдельных языках или ветвях бывает нелегко отличить сохранившиеся р е л и к т ы от позже возникших и н н о в а ц и й. Так, долгое время считалось, что богатая синтетическими формами система древнегреческого и древнеиндийского глагола лучше представляет древнее индоевропейское состояние, чем глагольные системы других ветвей, переживших различные утраты и упрощения. Но после открытия и расшифровки в начале XX в. текстов хеттского языка, во многом очень архаичного, положение это подверглось пересмотру. Стало ясно, что дренегреческая и древнеиндийская системы отражают ряд общих диалектных инноваций индоевропейского праязыка, не затронувших тех его диалектов, на базе которых сложился хеттский.

Объективные трудности реконструкции праязыкового состояния ведут к тому, что восстанавливаемая картина пестрит там и сям «белыми пятнами», а какие-то части этой картины оказываются противоречащими друг другу. В итоге реконструкции мы получаем, собственно, не язык, реально существовавший в какой-то период времени, а скорее лишь некую совокупность языковых фактов, существовавших отчасти одновременно, отчасти неодновременно и объединенных только тем, что каждый из них схвачен в древнейшем, доступном нашему познанию состоянии.

На протяжении последних 50—60 лет идет разработка относительной хронологии языковых процессов, восстанавливаемых сравнительно-историческим исследованием. В результате теперь ученые разграничивают ближнюю и дальнюю реконструкцию, увереннее говорят о разных периодах в развитии языка-основы. Иногда удается нащупать явления, отражающие диалектное членение праязыковой общности. Наконец, в ряде случаев были обнаружены признаки более отдален-

ного родства языков, что позволяет ставить вопрос об объединении некоторых языковых семей в более крупные совокупности языков, так называемые макросемьи (см. § 258) [1].

2. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

§ 258. Приведем перечень основных языков, сгруппированный по рубрикам генеалогической классификации. Географическое распространение каждой семьи и ветви указывается на специальных картах языков [2].

I. Индоевропейские языки.

1. Славянские: восточные — русский, украинский, белорусский; западные — польский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкий (на юге ГДР); южные — болгарский, македонский, сербскохорватский, словенский. К южной группе принадлежит и мертвый старославянский (древнеболгарский) язык.

2. Балтийские: литовский, латышский; мертвый — древнепрусский.

3. Германские: английский, немецкий, нидерландский, африкаанс (в ЮАР), идиш (новоеврейский); шведский, норвежский, датский, исландский и др. Мертвый — готский.

4. Кельтские: ирландский, валлийский, бретонский и др.

5. Романские: испанский, португальский, французский, итальянский, румынский, молдавский и др. Романские языки возникли в результате дивергентного развития народной латыни, составлявшей вместе с классической латынью и некоторыми другими мертвыми языками италийскую ветвь.

6. Албанский язык.

7. Греческие языки: новогреческий и его предок древнегреческий.

8. Иранские языки: фарси́ (новоперсидский), пушту́ (афганский), таджикский, курдский, осетинский и др. Мертвые: авестийский, древнеперсидский, согдийский, скифский и др.

9. Индоарийские: хи́нди, урду́, бенгальский, мара́тхи, панджа́би, непальский, цыганский и др. Из мертвых — древнеиндийский (ведийский и санскри́т) и ряд среднеиндийских (пракри́тов).

10. Армянский язык.

Из вымерших ветвей индоевропейских языков лучше известны две: анатолийская (хеттский, лувийский и другие в древней Малой Азии) и тохарская (в Синьцзяне).

II. Афразийские (семито-хамитские) языки.

1. Семитские: арабский, амхарский (в Эфиопии), иври́т и др.; вымершие — аккадский, угаритский, финикийский, арамейский и др.

2. Кушитские, в частности сомалийский.

3. Берберские (в Северной Африке).

4. Чадские, в частности ха́уса (в Западной Африке, южнее Сахары).

К афразийским языкам в качестве их особой ветви принадлежал также древнеегипетский язык (и коптский).

III. Картвельские языки: грузинский, мегрельский, чанский и сванский.

IV. Абхазско-адыгские языки: абхазский, адыгейский, кабардинский (кабардино-черкесский) и др.

V. Нахско-дагестанские языки.

1. Нахские: чеченский, ингушский, бацбийский.

2. Дагестанские: аварский, лакский, даргинский, лезгинский и ряд других.

VI. Дравидийские языки (Южная Индия): те́лугу, тамильский и др.

VII. Уральские языки.

1. Финно-угорские: обско-угорские — венгерский, хантыйский и мансийский; прибалтийско-финские — финский (суо́ми), эстонский, карельский и некоторые другие; волжские — марийский и два мордовских (э́рзя и мо́кша); пермские — удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий; составляющий отдельную ветвь — лопарский (саами).

2. Самодийские языки: не́нецкий и др.

VIII. Тюркские: турецкий, азербайджанский, туркменский, узбекский, киргизский, казахский, татарский, башкирский, чувашский, якутский, тувинский, каракалпакский, карачаево-балкарский и др. Мертвые языки — орхонский, древнеуйгурский, а также языки хазар, волжских булгар, печенегов и половцев.

IX. Монгольские: монгольский, бурятский, калмыцкий и др.

X. Тунгусо-маньчжурские: эвенкийский, эвенский, нанайский, удэгейский и др., а также выходящий из употребления маньчжурский.

XI. Чукотско-камчатские: чукотский, ительменский (камчадальский), корякский и др.

XII. Эскимосско-алеутские: алеутский и ряд эскимосских.

XIII. Китайско-тибетские: китайский, бирманский, тибетский и др.

XIV. Тайские: тайский, лаосский и др.

XV. Австроазиатские: вьетнамский, кхмерский и др.

XVI. Австронезийские языки (малайско-полинезийские).

1. Индонезийские: малайский и возникший на его базе индонезийский, яванский и ряд других языков в Индонезии, тагальский (на Филиппинах), мальгашский (на о-ве Мадагаскар) и др.

2. Океанийские: гавайский, таити, фи́джи и др.

XVII. Конго-кордофанские языки.

1. Языки ба́нту: суахи́ли и др.

---

[1] Из литературы о сравнительно-историческом методе укажем: *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954; *Курилович Е.* О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4. С. 400—433; *Тронский И. М.* Общеиндоевропейское языковое состояние: Вопросы реконструкции. Л., 1967; *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980; Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и проблемы. М., 1981.

[2] См. в БСЭ (3-е изд.) карты «Языки народов мира» (т. 30, вклейка между с. 480 и 481) и «Народы СССР» (т. 24, кн. 2, вклейка между с. 32 и 33), а также Атлас народов мира / Под ред. С. И. Брук, В. С. Апенченко. М., 1964.

2. Бантоидные: фу́льбе, йо́руба, и́бо и др.
3. Кордофанские.

XVIII. Н и л о - с а х а р с к и е языки (возможно, несколько семей).

XIX. К о й с а н с к и е языки: готтентотский, бушменский и др.

Некоторые из перечисленных семей иногда сводят в бо́льшие единства, предположительно связанные более отдаленным родством, например III, IV и V — в «кавказскую семью», VIII, IX и X — в «алтайскую семью» и даже I, II, III, VI, VII, VIII, IX и X — в «ностратическую макросемью».

Остальные языки мы объединяем по географическому принципу, причем каждая группа охватывает по нескольку (может быть, десятки) семей.

XX. Американские индейские (а м е р и н д е й с к и е) языки. Наиболее известны: ке́чуа (в Перу, Боливии, Эквадоре), гуарани́ (главным образом в Парагвае); майя (в Центральной Америке), ацтекские (в Мексике), на́вахо, хопи и др. (в индейских резервациях США и в Канаде).

XXI. П а п у а с с к и е (на о-ве Новая Гвинея).

XXII. А в с т р а л и й с к и е: ара́нта и многие другие.

Наконец, ряд языков стоит в генеалогической классификации одиноко, в н е с е м е й. В частности, в Европе таково положение баскского, мертвого этрусского; в Азии — японского, корейского, некоторых языков в СССР (юкагирского, нивхского, кетского) и др., а из мертвых — шумерского, эламского и ряда других.

3. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

§ 259. Наряду с чертами материального сходства (и соответственно различия) между языками мира наблюдаются с х о д с т в а и р а з л и ч и я с т р у к т у р н о г о (т и п о л о г и ч е с к о г о) п о р я д к а — сходства и различия не в языковом материале, а в принципах его организации. Так, название числа '80' во французском и в грузинском языках материально несходны и никогда не были материально сходными: ср. фр. *quatre-vingts* /katrœv|ɛ̃/ и груз. *otxmoci*. Но структурно они сходны, так как оба построены из элементов, обозначающих '4' (фр. *quatre*, груз. *otxi*) и '20' (фр. *vingt*, груз. *oci*). Соответственно являются материально несходными, но сходными структурно и названия числа '90' в обоих языках: фр. *quatre-vingt-dix* и груз. *otxmocdaati*— букв. 'четыре двадцатки (и) десять'. Другой пример: болг. *и́скам* 'желаю, хочу' и исп. *querer* 'желать, хотеть' также абсолютно несходны по материалу, но оба слова возникли в результате одинакового семантического развития глагола, значившего 'искать' (др.-болг. *искати*, лат. *quaerĕre*), т. е. в результате одинакового движения мысли.

Или: румынский определенный артикль *-ul*, *-l*, *-le* и т. д., присоединяемый к существительному в виде окончания (например, *omul* 'человек', *codrul* 'лес', *laptele* 'молоко' — ср. без артикля: *om*, *codru*, *lapte*), материально сходен с французским определенным артиклем *l'*, *le* и т. д. (например, *l'homme* 'человек', *le bois* 'лес', *le lait* 'молоко'),

причем и тот и другой генетически восходят к латинскому указательному местоимению *ille* 'тот'. Однако в структурном отношении румынский артикль, как постпозитивный (т. е. 'стоящий после'), объединяется не с препозитивным французским, а с постпозитивными же болгарским, албанским, армянским и скандинавским определенным артиклями; ср. болг. *човекът* 'человек', *гората* 'лес', *млякото* 'молоко' (без артикля: *човек*, *гора*, *мляко*), шведск. *mannen* 'человек', *skogen* 'лес', *mjölken* 'молоко' (без артикля: *man*, *skog*, *mjölk*) и т. д. Болгарский артикль генетически восходит к указательному местоимению *тъ*, *та*, *то* (ср. русск. *том*, *та*, *то*) [1], скандинавский постпозитивный артикль — к другому местоименному корню, представленному в русск. *он*, нем. *jener* 'тот'.

§ 260. Какими причинами может объясняться структурное сходство языков при отсутствии сходства материального?

Очевидно, либо 1) структурным заимствованием, т. е. к а л ь к и р о в а н и е м в одном языке семантической, словообразовательной или синтаксической структуры, представленной в другом, либо 2) независимым р а з в и т и е м п о с х о д н ы м з а к о н а м, т. е. самостоятельной реализацией в разных языках одинаковых тенденций, коренящихся в выразительных возможностях человеческого языка вообще.

Калькирование естественно предположить, если структурное сходство наблюдается в языках, находящихся или в прошлом находившихся в длительном контакте друг с другом или в контакте с каким-то третьим языком, играющим роль их общего субстрата или суперстрата. Там же, где подобные контакты маловероятны, остается предполагать самостоятельное развитие структурно сходных черт. Приведенные примеры иллюстрируют обе эти возможности.

Так, постпозиция артикля в румынском, болгарском и албанском языках скорее представляет собой случай калькирования. Указанные языки в течение длительного времени находились в контакте в условиях совместной жизни их носителей на Балканском полуострове; очень вероятно также их развитие на базе одного и того же общебалканского субстрата. Гипотеза о калькировании подтверждается, кроме того, наличием между этими языками и многих других черт структурного сходства. Однако между скандинавскими языками и языками Балканского полуострова сколько-нибудь интенсивные контакты вряд ли когда-либо имели место. Очевидно, скандинавская постпозиция артикля возникла и развивалась совершенно независимо от балканской. По-видимому, генетически не связана ни со скандинавской, ни с балканской и армянская постпозиция артикля. Независимое развитие следует предполагать также в болг. *искам* и исп. *querer*, как и в построении числительных по двадцатиричному принципу, представленному в той или иной степени в различных территориально далеких друг от друга языках.

Если в языках одного географического района наблюдается струк-

[1] Это указательное местоимение превращается в подобие постпозитивного артикля и в ряде северорусских говоров (ср. формы типа *мужик-от*, *баба-та*).

турное сходство не в одной-двух, а в ряде особенностей, можно считать, что эти языки образуют некую исторически сложившуюся общность. В отличие от исконной унаследованной общности, т. е. ветви или семьи языков, исторически сложившуюся общность обозначают термином языковой союз. Примером может служить балканский языковой союз, объединяющий болгарский, македонский, румынский, молдавский, албанский и новогреческий языки (т. е. представителей четырех разных ветвей индоевропейской семьи). Характерными «балканизмами» являются вытеснение инфинитива личными формами глагола, совпадение родительного и дательного падежей (или замещающих их предложных конструкций), постпозиция артикля (исключение составляет новогреческий, имеющий, как и древнегреческий, только препозитивный артикль) и некоторые другие черты. Изучение языковых союзов составляет задачу ареальной лингвистики, исследующей территориальное распространение языковых явлений как в диалектах одного языка, так и в родственных и неродственных географически смежных языках.

Исследование черт структурного сходства независимо от их территориального распространения и, в частности, структурного сходства языков неродственных, географически далеких и исторически между собой не связанных составляет задачу типологического языковедения, или лингвистической типологии,— учения о типах языковой структуры. Лингвистическая типология может строиться на основе самых разных структурных признаков — фонологических, морфологических, синтаксических, семантических и т. д.

§ 261. Для фонологической типологии самый существенный признак — характер основной фонологической единицы языка. Там, где в качестве такой единицы выступает фонема, мы говорим о языках «фонемного строя» (к этому типу принадлежит большинство языков мира). Там же, где основной фонологической единицей оказывается слог (силлабема) или финаль и инициаль слога, мы говорим о языках «слогового строя» (см. § 70). Другая важная черта — просодическая характеристика слога и слова: тональные, или политонические, языки противопоставляются монотоническим (см. § 83), языки со свободным словесным ударением — языкам с разными типами фиксированного и полуфиксированного ударения (см. § 80) и таким, в которых словесного ударения практически нет или оно является лишь потенциальным (см. § 82). Далее языки различаются по использованию тех или иных дифференциальных фонологических признаков: «слоговые» языки — по характеру инициалей и финалей слога, а «фонемные» — по степени разработанности и богатства фонемного инвентаря и специально репертуара гласных и согласных фонем и по относительной частоте употребления тех и других в тексте. Примером языков с богатой системой гласных могут служить французский (16 гласных и 20 согласных фонем), а также английский, немецкий, шведский; примером языков, в системе которых мало гласных,— русский (6 гласных и 35 согласных), польский, арабский. В большинстве языков согласные преобладают над гласными в потоке речи, однако есть языки с обратным соотношением. Так, финский язык имеет

всего 8 гласных фонем, но в финском тексте гласные преобладают над согласными в пропорции 100 : 96.

§ 262. Наиболее разработанной является морфологическая типология, учитывающая ряд признаков. Из них самыми важными являются: 1) общая степень сложности морфологической структуры слова и 2) типы грамматических морфем, используемых в данном языке, в частности в качестве аффиксов. Оба признака фактически фигурируют уже в типологических построениях XIX в., а в современном языковедении их принято выражать количественными показателями, так называемыми типологическими индексами. Метод индексов был предложен американским лингвистом Дж. Гринбергом, а затем усовершенствован в трудах ученых разных стран [1].

§ 263. Общая степень сложности морфологической структуры слова может быть выражена количеством морфов, приходящимся в среднем на одну словоформу. Это так называемый индекс синтетичности, вычисляемый по формуле $\frac{M}{W}$, где M — количество морфов в отрезке текста на данном языке, а W (от англ. *word*) — количество речевых слов (словоупотреблений) в этом же отрезке. Разумеется, для подсчета нужно брать естественные и более или менее типичные тексты на соответствующем языке (обычно берутся тексты длиной не менее 100 словоупотреблений). Теоретически мыслимым нижним пределом для индекса синтетичности является 1: при такой величине индекса количество морфов равно количеству словоупотреблений, т. е. каждая словоформа является одноморфемной. В действительности нет ни одного языка, в котором каждое слово всегда совпадало бы с морфемой, поэтому при достаточной длине текста величина индекса синтетичности всегда будет выше единицы. Наиболее низкую величину Гринберг получил для вьетнамского: 1,06 (т. е. на 100 слов 106 морфов). Для английского он получил цифру 1,68, для санскрита — 2,59, для одного из эскимосских языков — 3,72. Для русского языка, по подсчетам разных авторов, получены цифры от 2,33 до 2,45.

Языки с величиной индекса ниже 2 (помимо вьетнамского и английского, китайский, персидский, итальянский, немецкий, датский и др.) называют аналитическими, с величиной индекса от 2 до 3 (помимо русского и санскрита, древнегреческий, латынь, литовский, старославянский, чешский, польский, якутский, суахили и др.) — синтетическими и с величиной индекса выше 3 (помимо эскимосских, некоторые другие палеоазиатские, америндейские, некоторые кавказские языки) — полисинтетическими.

С качественной стороны аналитические языки характеризуются тенденцией к раздельному (аналитическому) выражению лексических и грамматических значений (см. § 180): лексические значения выражаются знаменательными словами, чаще всего не содержа-

[1] См.: *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 60—94; Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.

щими в себе никаких грамматических морфем, а грамматические значения — главным образом служебными словами и порядком слов. В ряде аналитических языков сильно развиты тоновые противопоставления (см. § 83, 164). Аффиксы используются в малой степени, а в некоторых аналитических языках, так называемых изолирующих (вьетнамском, кхмерском, древнекитайском), их почти вовсе нет. Встречающиеся в этих языках неодноморфемные слова, как правило, являются сложными (обычно двухкорневыми). Поскольку знаменательное слово почти никогда не несет здесь в самом себе никаких показателей синтаксической связи с другими словами в предложении, оно оказывается как бы изолированным (откуда название «изолирующие») [1]. Некоторые лингвисты, подчеркивая роль порядка слов в изолирующих языках, называют их «позиционными».

Синтетические языки с качественной стороны характеризуются тенденцией к синтезированию, объединению в рамках одной словоформы лексической (иногда ряда лексических) и одной или нескольких грамматических морфем. Эти языки, следовательно, довольно широко пользуются аффиксами. В еще большей мере нанизывание в одном слове ряда аффиксов типично для полисинтетических языков. Общее обозначение для обеих групп — а ф ф и к с а л ь н ы е я з ы к и. Для всех этих языков характерно высокое развитие формообразования, наличие богато разветвленных, сложных формообразовательных парадигм, построенных как ряды синтетических (иногда отчасти и аналитических) форм. В некоторых полисинтетических языках, кроме того, в более или менее широких масштабах используется инкорпорация. По этому признаку, характеризующему уже не столько структуру слова, сколько структуру синтаксических единиц, подобные языки называют «инкорпорирующими» (примеры см. в § 204).

§ 264. Синтетические и полисинтетические языки разбивают на группы и по признаку преимущественного использования различных типов аффиксальных морфем. Так, разным является в разных языках удельный вес словообразовательных и формообразовательных аффиксов. Разными являются и позиционные характеристики аффиксов. Есть языки, для которых типичны префиксы (например, языки банту), и такие, в которых преобладают постфиксы (тюркские, большинство финно-угорских). Все эти различия могут быть выражены соответствующими индексами (например, указывающими количество морфов данного позиционного или функционального класса, разделенное на количество словоупотреблений в том же тексте). В рамках аффиксации, прежде всего формообразовательной, различают две противоположные тенденции — ф л е к т и в н у ю (характеризующуюся наличием окончаний), или ф у з и о н н у ю («сплавливающую»), и а г г л ю т и н а т и в н у ю («склеивающую»). Первая ярко представлена в русском и многих других индоевропейских языках (флективные языки), вторая — в финно-угорских, тюркских, грузинском, японском,

[1] Раньше, выделяя эту группу языков, их называли «аморфными», т. е. «бесформенными» (что неудачно, так как форма в языке не может быть сведена к аффиксации), или еще «корневыми»: их слова содержат «голые корни» или сочетания таких корней.

корейском, суахили и др. (агглютинативные языки). Важнейшие различия между этими тенденциями сводятся к следующему:

1. Флективная тенденция характеризуется постоянным совмещением в одном формообразовательном аффиксе нескольких значений, принадлежащих различным грамматическим категориям, закрепленностью аффикса за комплексом разнородных граммем. Так, в русских падежных окончаниях всегда совмещены значения падежа и числа, а у прилагательных — еще и рода. В глагольных окончаниях значение лица или (в прошедшем времени и сослагательном наклонении) рода совмещается со значением числа, а также времени и наклонения; в суффиксах причастий — значение залога со значением времени. Это явление мы назовем с и н т е т о с е м и́ е й (букв. «сложнозначностью», ср. др.-греч. *sýnthetos* 'составной, сложный') [1]. Как видно из приведенных примеров, синтетосемия особенно типична для окончаний.

Агглютинативная тенденция, напротив, характеризуется г а п л о с е м и́ е й («простозначностью», ср. др.-греч. *haploos* 'простой'), закрепленностью каждого формообразовательного аффикса только за одной граммемой и отсюда — нанизыванием аффиксов для выражения сочетания разнородных граммем. Так, в турецк. *dallarda* 'на ветках' постфикс *-lar-* выражает значение множественного числа, а второй постфикс *-da-* — значение местного падежа (ср. местн. п. ед. ч. *dalda* 'на ветке', где число выражено нулевым аффиксом, а падеж — тем же постфиксом *-da*, и другие падежи множественного числа, где после *-lar-* стоят иные падежные постфиксы, например дат. п. *dallara* 'веткам'). Гаплосемичные формообразовательные аффиксы агглютинативных языков обычно не называют «окончаниями». Иногда их обозначают термином «прилепы».

2. Флективная тенденция характеризуется о м о с е м и́ е й формообразовательных аффиксов, наличием ряда параллельных аффиксов для передачи одного и того же значения или комплекса значений. И эта особенность прежде всего касается окончаний, отчасти также и суффиксов (примеры см. в § 166). Соответственно многообразию параллельных аффиксов в рамках одной части речи выделяются формальные разряды — деклинационные и конъюгационные классы и подклассы (см. § 146).

Агглютинативная тенденция, напротив, характеризуется отсутствием омосемии формообразовательных аффиксов, с т а н д а р т н о с т ь ю а ф ф и к с о в, т. е. закрепленностью за каждой граммемой только одного монопольно обслуживающего ее аффикса, и соответственно отсутствием параллельных формальных разрядов, т. е. одинаковостью склонения всех существительных, одинаковостью спряжения всех глаголов, одинаковостью образования степеней сравнения у всех слов, способных их иметь, и т. д. Экспонентное варьирование аффиксов нередко имеет место, но оно носит совершенно регулярный характер в соответствии с законами фонемных чередований. Так, в турецком языке

[1] Синтетосеми́ю можно также назвать «одновременной многозначностью», отграничивая ее уточнением «одновременная» от обычной полисемии, т. е. от сменности (варьирования) значения.

постфикс множественного числа *-lar* или (по законам «гармонии гласных», см. § 45, 1) *-ler* оформляет множественное число всех без исключения существительных, а также 3-е л. мн. ч. местоимений и глаголов. Это монопольный (кроме двух первых лиц) показатель множественности. Подобным же образом постфикс местного падежа *-da* или (по законам «гармонии гласных» и ассимиляции согласных) *-de*, *-ta*, *-te* оформляет местный падеж всех существительных и местоимений. Такими же монопольными показателями являются здесь и постфиксы всех других падежей.

3. Флективная тенденция характеризуется случаями взаимного наложения экспонентов морфем, явлениями переразложения, опрóщения, поглощения целых морфем или отдельных частей их сегментных экспонентов соседними морфемами (см. § 242), а также широким использованием чередований в качестве «симульфиксов» (см. § 161). К приведенным выше примерам прибавим здесь такие, которые иллюстрируют поглощение формообразовательных аффиксов: доисторические славянские формы ** leg-ti* и ** pek-ti* превратились в *лечь*, *печь*, где аффикс инфинитива поглощен корнем, но одновременно вызывает в его последнем согласном историческое чередование; окончания русских прилагательных образовались из сочетаний именного падежного окончания и местоимения в том же падеже (*белого* < *бѣла его* и т. д.). Агглютинативная тенденция, напротив, характеризуется четкостью границ морфемных сегментов, для нее малотипичны явления опрóщения и переразложения, как и использование «симульфиксов».

4. Наблюдается различие в использовании нулевых аффиксов: в языках, в которых преобладает флективная тенденция, нулевые аффиксы используются как в семантически исходных формах (например, в русском языке в им. п. ед. ч.), так и в формах семантически вторичных (например, в род. п. мн. ч. вроде *рук*, *сапог*); в языках, где сильна агглютинативная тенденция, нулевые аффиксы обычно встречаются только в семантически исходных формах, для таких форм наиболее типичными показателями являются именно нулевые аффиксы.

5. Основа слова или группы форм в языках флективного типа часто несамостоятельна, т. е. не может быть употреблена в качестве одной из словоформ этого слова. Таково, например, положение многих глагольных основ в русском языке: *виде-*, *терпе-*, *зва-*, *бушева-* и т. д. не существуют как словоформы. В агглютинативных языках основа без аффиксов представляет собой нормальный тип слова и обычно выступает как семантически исходная словоформа; создается впечатление, что аффиксы косвенных форм присоединяются здесь не к основе, а прямо к исходной словоформе. Ср. турецк. *dal* 'ветка' и формы *dalda*, *dallarda* и др. (см. п. 1).

В результате всех перечисленных особенностей в агглютинативных языках не только формообразующие основы слов, но и аффиксы — «прилепы», используемые в каждой словоформе, оказываются значительно более самостоятельными и психологически более «весомыми» языковыми элементами, чем в языках флективных.

Нередко элементы флективной и агглютинативной тенденций совмещаются в строе одного языка. Так, в русском языке, в основном флективном, чертами агглютинативности обладает глагольный постфикс *-ся*/*-сь*: он гаплосемичен, т. е. каждый раз несет только одно значение (либо залоговое, либо значение непереходности), и присоединяется не к основе, а к готовой словоформе.

§ 265. Синтаксическая типология языков разрабатывалась акад. И. И. Мещаниновым (1883—1967) и рядом других ученых у нас и за рубежом. Важнейшим типологическим признаком в области синтаксиса является оформление основных синтаксических связей — отношений между действием, действующим лицом и объектом действия. Оставляя в стороне инкорпорацию, выделяют три главных типа построения предложения: активный, эргативный и номинативный.

Суть активного строя — в резком противопоставлении глаголов действия (динамических) и глаголов состояния (статических), суть эргативного строя — в столь же резком противопоставлении переходных и непереходных глаголов. Оба строя характеризуются в отличие от номинативного отсутствием единого грамматического оформления субъекта: в зависимости от характера глагола на субъект указывают разные ряды аффиксов в глаголе, да и сам субъект выражается разными падежами: падеж субъекта динамических (при активном) или только переходных (при эргативном строе) глаголов оформляется особым падежом (активным или эргативным), тогда как субъект глаголов других групп (статических или соответственно всех непереходных) ставится в том падеже, которым оформлен объект переходных глаголов (пример эргативного построения см. § 200, 3). Активный строй предложения представлен в ряде америндейских языков, а в пережитках — и в языках других ареалов; эргативный строй — в кавказских языках, в баскском, в шумерском, древнетибетском, в ряде языков Австралии и Америки и в некоторых современных иранских и индийских языках.

Номинативный строй предложения (наиболее широко распространенный в языках мира) характеризуется одинаковостью оформления подлежащего, независимо от значения и формы глагола. Глагол в языках номинативного строя обычно не имеет полиперсонального спряжения, а если согласуется, то только с подлежащим, которое при наличии в данном языке изменения по падежам ставится в именительном падеже (номинативе).

Синтаксическая типология может строиться и на базе других признаков: языки со свободным порядком слов противопоставляются «позиционным» (ср. § 201); языки с преобладанием препозиции прилагательного — языкам с преобладанием его постпозиции и т. д.

§ 266. Многие структурно-типологические признаки оказываются определенным образом взаимосвязанными. Так, установлено наличие определенной зависимости между фонологическим признаком — богатством фонемного инвентаря и средней длиной сегментной морфемы: одна величина обратно пропорциональна другой. Или чем шире используются в языке формообразовательные аффиксы, тем более свободным является в нем порядок слов.

ПИСЬМО

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 267. Письмо является вторым по важности — после звукового языка — средством общения людей. Оно возникло значительно позже языка в раннеклассовом обществе в связи с усложнением хозяйственной жизни и появившейся потребностью как-то фиксировать информацию для сохранения ее во времени и для передачи на расстояние. Предшественниками письма были знаки, не связанные с языком и выполнявшие чисто мнемонические функции, т. е. служившие средством напоминания о тех или иных фактах (событиях, количестве каких-либо предметов и т. п.) совершенно независимо от языковой формы воплощения соответствующей информации. Но постепенно такое «предписьмо» превращалось в письмо: оно все теснее связывалось с языком, начинало все полнее и точнее передавать языковое сообщение, и притом не только его содержание, но и его внешнюю (звуковую) форму. Со временем письмо начинает оказывать влияние на язык, что становится особенно ощутимым с распространением грамотности.

§ 268. Аналогично тому, как мы различаем язык и речь, так, говоря о письме, мы должны различать, с одной стороны, систему письма (инвентарь начертательных знаков и правила их функционирования), а с другой — конкретные акты использования этих знаков и возникающие при этом письменные тексты.

Начертательные знаки, составляющие и н в е н т а р ь п и с ь м а,— это буквы, цифры, знаки препинания и разные другие фигуры и изображения. Каждый знак может рассматриваться как определенный элемент в данной системе письма, т. е. как абстрактная, многократно повторяющаяся в текстах единица — г р а ф е м а[1]. В конкретном тексте мы имеем дело с экземплярами графемы — отдельными гра́фами. Граф относится к графеме так же, как фон — к фонеме, морф — к морфеме и т. д. По своему начертанию графема может быть составной; такова, например, графема *ch*, выступающая с разным значением в латинском письме ряда народов.

Графема обычно имеет варианты — а л л о г р а ф е́ м ы, в частности и такие, которые по начертанию мало похожи друг на друга и объединяются в одну графему только функционально. Среди аллографем следует различать стилистические (например, печатные и соответствующие рукописные буквы), факультативные (например, русские рукописные *д* и *д*: *дядя* и *дядя*), позиционные (греческая «сигма» в форме σ в начале и середине слова и в форме ς на конце слова), комбинаторные (например, в арабском письме, где многие буквы имеют до 4 вариантов, используемых в зависимости от наличия или отсутствия справа и слева определенных других букв). Что касается отношений (например, в современном русском письме) между прописной и соответствующей строчной буквами, то с точки зрения своих звуковых значений эти буквы должны были бы рассматриваться как аллографемы одной графемы; вместе с тем наличие у прописных букв ряда специальных функций обособляет их в отдельный подкласс, противостоящий подклассу строчных букв, и тем самым до некоторой степени придает прописным буквам качество отдельных графем.

В зависимости от того, какого рода языковая единица обозначается письменным знаком, различают два вида письма — ф о н о г р а́ ф и ю, т. е. «запись звуков», и и д е о г р а́ ф и ю, т. е. «запись идей», и соответственно два главных типа графем — фонограммы и идеограммы.

§ 269. Ф о н о г р а́ м м ы — такие письменные знаки, которые обозначают звуковые единицы или звуковые особенности языка[1]. Они только косвенно — через передачу звучаний — связываются со смыслом.

Среди фонограмм могут быть выделены: 1) фонемограммы, соответствующие отдельным фонемам (например, все буквы в слове *рука*); 2) силлабограммы, соответствующие слогам (от др.-греч. *syllabē* 'слог') или по крайней мере сочетаниям согласной и гласной фонем в рамках слога (русские буквы *я, ю, е, ё* в положении не после согласных букв, например в *я, пою, её*, также и в *яд, поют* и т. д., где конец того же слога обозначен фонемограммой, знаки письма кана́, применяемые японцами для записи грамматических морфем слова и в некоторых других случаях); 3) знаки для сочетаний фонем, не соотносимых с делением на слоги (латинское *x* /ks/); 4) знаки для дифференциальных признаков фонем (буква *ь*, указывающая в русском письме на палатализованность согласного, например в *конь, мальчик*; надстрочный знак ´, указывающий в чешском, словацком, венгерском письме на долготу гласного); 5) разного рода просодемограммы, например знаки ударения, применяемые в отдельных случаях в русском письме, знаки тонов в современном вьетнамском письме (` ˆ ˜ над гласной буквой); 6) знаки удвоения (цифра *2* после слова в индонезийском письме, например *orang ² = orang orang* 'люди'). Встречаются и смешанные типы фонограмм (например, в русском письме буквы *я, е, ю, ё* после согласной буквы обозначают определенную гласную фонему и одновременно ДП предшествующей согласной фонемы, именно ее палатализованность).

§ 270. И д е о г р а́ м м а м и мы называем письменные знаки, передающие значащие единицы языка непосредственно (не через передачу звучания этих единиц). Типичными примерами идеограмм являются

[1] *Графе́ма* — от др. греч. *graphō* 'пишу', по образцу терминов *фонема, морфема* и т. д.

[1] Не смешивать с омонимом *фонограмма* 'механическая запись каких-либо звуков, нанесенная на пленку, магнитную ленту и т. п.'

цифры, знаки +, =, $\sqrt{\ }$, % и т. п. Когда мы пишем цифру *5*, мы передаем некоторую идею, не обращаясь к звучанию и к фонемному составу слова 'пять' в том или ином языке, будь то русск. *пять*, англ. *five* или узбек. *беш*. Поэтому русский, англичанин и узбек, читая цифру *5*, «озвучат» (произнесут) ее по-разному, но поймут одинаково. В отличие от фонограмм идеограммы, как правило, не предполагают точного соответствия определенным формам языка. Так, знак = может быть прочитан и как 'равно' (*а = 1* 'а равно единице'), и как 'равняется', и в соответствующем контексте как форма того или иного косвенного падежа слова *равный* (например, в сочетании *при а = 1* 'при *а*, равном единице').

Важнейшим типом идеограмм являются логограммы (лексемограммы), соотносимые с целыми словами (примеры были только что приведены). Встречаются также морфемограммы, служащие обозначениями морфем: так, в немецком письме точка после цифры соответствует суффиксу порядкового числительного (*9* без точки читается *neun* 'девять', а *der 9.* как *der neunte* 'девятый'). Особое место занимают идеограммы-разделители (пробел между словами, знаки препинания) и идеограммы-классификаторы, выделяющие какой-либо класс значащих единиц, например прописная буква, когда она указывает, что перед нами имя собственное (город *Орел* в отличие от нарицательного *орел*) или, в немецком письме, что перед нами имя существительное (*Kraft* 'сила' в отличие от *kraft* 'в силу'). Наконец, есть знаки, соответствующие целым сообщениям, их можно назвать фразограммами: стрелки — указатели направления, знаки собственности, знаки запрета, торговые знаки (значения таких знаков: 'этот предмет или животное принадлежит такому-то роду или такому-то хозяину', 'этот предмет неприкасаем' и т. д.). Но фразограммы, строго говоря, стоят уже вне собственно письма, всегда предполагающего так или иначе расчлененную передачу языкового сообщения.

Идеограммы можно разделить на разновидности и по иному принципу. Некоторые из них содержат элементы наглядной изобразительности, т. е. своим начертанием как-то напоминают предмет, обозначаемый данным словом или словосочетанием. Таковы некоторые фразограммы, например «предметные» вывески (изображение очков как знак магазина оптики), и логограммы, например римские цифры I, II, III, также цифра V, схематически изображающая контур руки с растопыренными пальцами, цифра X — соединение двух цифр V. С другой стороны, есть чисто условные идеограммы, например арабские цифры, знаки арифметических действий и др.

2. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПИСЬМА

§ 271. Рассмотренные выше типы письменных знаков не только сосуществуют в разных системах письма в той или иной пропорции, но и выстраиваются в определенную стадиально-историческую последовательность. Идеограммы как тип возникают в принципе раньше,

чем фонограммы, а внутри каждого класса знаки, соотнесенные с высшими, более сложными единицами языка, возникают раньше, чем знаки, соотнесенные с единицами низшими и более простыми. Так, первые фразограммы предшествуют возникновению собственно письма, которое начинается с логограмм. Возникающие позже силлабограммы старше фонемограмм, а фонемограммы старше, чем знаки для отдельных ДП. Связано это с тем, что люди лишь постепенно научились анализировать свою речь, причем смысловые единицы были осознаны раньше, чем звуковые, и осознание более сложных единиц, таких, как предложение, слово, а также слог, произошло раньше, чем осознание простейших, элементарных единиц — морфемы и фонемы, а тем более ДП фонемы.

Рис. 8. Индейский наскальный рисунок вблизи крутой горной тропы в штате Нью-Мексико. Предупреждает, что по этой тропе вскарабкается горная коза, лошадь же здесь свалится в пропасть

Кроме того, в историческом развитии идеограмм прослеживается движение от изобразительных знаков к знакам условным, но еще сохраняющим наглядную мотивировку, а затем уже к чисто условным знакам, утратившим всякий след наглядной изобразительности.

§ 272. Предшественниками письма были, с одной стороны, как сказано выше, мнемонические знаки (бирки, зарубки и т. д.), с другой — так называемая пиктография (от лат. *pictus* 'нарисованный'), т. е. наскальные и иные рисунки, служившие, помимо магической и, возможно, уже зарождавшейся эстетической функции, средством напоминания о содержании информации безотносительно к языковой форме передачи этого содержания. Пример информативной пиктографической композиции воспроизводится на рис. 8. Другой пример (рис. 9) содержит кроме изображений предметов также знаки с чисто условным значением.

Первые системы письма в подлинном смысле слова, как можно думать, были по значению используемых знаков логографическими: они передавали речевое сообщение более или менее пословно, слово за словом, но еще сохраняли в начертании и во «внутренней форме» знаков связь с пиктографией предписьменного периода.

Однако древнейшие системы письма, известные науке,— древнеегипетская иероглифическая (с конца IV тысячелетия до н. э.) [1], шумерская (с начала III тысячелетия до н. э.), древнекитайская (со II тысячелетия до н. э.) и ряд других в Старом Свете, а в Новом Свете систе-

[1] *Иероглифами* (от др.-греч. *hierós* 'священный' и *glyphe* 'выдолбленное изображение') греки называли знаки египетского письма (в своих основах логографического). Теперь это название применяют также к знакам других типологически сходных систем.

ма майя (I тысячелетие до н. э.) — уже не представляют в чистом виде логографическую стадию, а носят в той или иной мере переходный характер. Как и типологически более примитивные (хотя относящиеся к недавнему прошлому) факты из практики некоторых народов Африки, аборигенов Америки и Австралии, они позволяют в общих чертах проследить основные этапы становления и ранней эволюции письма.

Рис. 9. Деловое письмо индейцев Северной Америки. Запись условий обмена (косой крест) шкурок 30 бобров, убитых на охоте (изображение ружья), на бизона, выдру и еще какое-то животное

Так, мы можем отметить внешнюю эволюцию знаков: их форма постепенно упрощалась, изображения становились все более схематичными и условными (табл. 3). Менялось также (и остается разным в разных существующих сейчас системах письма) направление строки: слева направо, справа налево (в арабском и еврейском письме), сверху вниз (у китайцев, корейцев) или попеременно направо и налево (так называемый бустрофедóн). Но более существенна внутренняя эволюция систем письма, заключавшаяся прежде всего в формировании знаков для «непредметных» слов — глаголов, прилагательных и абстрактных существительных либо путем использования изобразительных знаков в «переносных» значениях, либо путем образования новых, в частности сложных, знаков (табл. 4, 5).

Не является случайностью то, что логографический принцип не стал ни в одной системе письма единственным и всеобъемлющим. Последовательно проведенная логография потребовала бы колоссального количества знаков (отдельный знак для каждой лексемы!) и при этом — особенно для языков с синтетическим формообразованием — осталась бы все равно очень неточным средством передачи устной речи, так как не могла бы передавать всех тех грамматических отношений между словами, которые выражаются служебными морфемами — частями слов. В действительности люди не стали придумывать для каждой лексемы новую логограмму, а начали на основе самых разнообразных ассоциаций широко использовать уже имевшиеся знаки для обозначения с их помощью новых слов, как производных от того же корня или связанных с данным словом по смыслу, так и для тождественных или даже только близких по звучанию.

Внешняя эволюция некоторых изобразительных логограмм

а) В шумерском письме и в более поздней месопотамской клинописи [1]

Первоначальное начертание	Дальнейшая эволюция в шумерской	Дальнейшая эволюция в ранневавилонской клинописи	Дальнейшая эволюция в ассирийской	Значение
				птица
				рыба
				осел
				бык
				колос, зерно
				сад
				нога, идти, стоять
				солнце, день

[1] Специфическое изменение внешней формы клинописных знаков было связано с техникой этого письма: знаки наносились на мокрую глину посредством вдавливания. Вязкость глины и потребность в ускорении процесса письма диктовали переход от нанесения непрерывных (и особенно неудобных изогнутых) линий к передаче изображения с помощью нескольких разовых вдавливаний орудия письма, оставлявших короткие прямые следы, утолщенные на одном конце и сходящие на нет на другом.

б) В древнеегипетском письме[1]

Иероглиф (классическая форма)	Первоначальное значение	Позднейшее развитие начертания: в иератическом письме	в демотическом письме
	лист тростника		
	нога		
	вода		
	пьедестал		
	сова		

в) В китайском письме

Древняя форма (письмо инь)	Современная форма[2]	Значение	Древняя форма (письмо инь)	Современная форма	Значение
	日	солнце		子	ребенок
	山	гора		犬	собака
	目	глаз		馬	лошадь
	口	рот		魚	рыба

[1] Иероглифы в их классических начертаниях, близких к первоначальным, продолжали использоваться на протяжении всей истории Древнего Египта для монументальных надписей, как высекавшихся на камне, так и исполнявшихся красками. Но в текстах, писавшихся кисточкой на мягком материале (папирусе) уже с III тысячелетия до н. э., как правило, используется скорописное, так называемое иерати́ческое (букв. 'жреческое') письмо. Позже, с VIII—VII вв. до н. э., в Египте появляется еще более упрощенная скорописная разновидность письма, так называемое демоти́ческое (букв. 'народное') письмо, постепенно получившее наибольшее распространение.

[2] Здесь воспроизведена печатная форма соответствующих знаков. Скорописные формы являются еще более упрощенными.

Таблица 4

Использование изобразительных знаков в переносных значениях

Знак	Его значение	Мотивировка	Знак	Его значение	Мотивировка
а) В пиктографическом письме североамериканских индейцев					
	ловкость	человек с крыльями вместо рук		любовь	соединенные сердца
	дружба	соединенные руки		смерть	животное вниз головой
				внимание, слух	голова с линиями от ушей
б) В древнеегипетском письме					
	старый, старость, возраст	человек с посохом		идти	шагающие ноги
	свежий, свежесть	кувшин и струя воды		властвовать	посох как знак власти
в) В китайском письме					
囚	пленник	человек в ограде	采	рвать	рука над деревом
畺	граница	межа на поле	吠	лаять	рот и собака
言	слово	рот с выходящим дыханием	鳴	петь	рот и птица
明	светлый	солнце и месяц	聞	слышать	дверь и ухо

Таблица 5

Некоторые составные логограммы в шумерском письме

	'дикий бык' (= бык + гора)
	'есть' (= рот + хлеб)
	'госпожа' (= женщина + платье)
	'родить' (= птица + яйцо)

§ 273. Переносы знака на целые ряды связанных смысловыми ассоциациями слов (например, 'нога' → 'идти, стоять' или 'глаз' → 'видеть, смотреть, внимание, зоркость' и т. д.), естественно, создавали и увеличивали полисемию знаков логографического письма. Там же, где логограмму начинали употреблять для обозначения слова, тождественного или близкого по звучанию, возникала принципиально новая ситуация: ведь такой перенос вел к фонетизации логограммы, к превращению ее из знака слова в знак определенного комплекса звуков, соответствующего двум или нескольким совершенно разным по значению словам. Фонетизованные логограммы широко представлены уже в древнейших, исторически известных системах письма. Например, древние египтяне передавали глагол 'становиться' изображением навозного жука , так как корни соответствующих слов содержали одинаковые согласные, а прилагательное 'большой' (на таком же основании) — изображением ласточки .

Дальнейший шаг состоял в том, что знак, указывавший на слово как на некий звуковой комплекс, начинал применяться уже не только для сходно звучащих слов, но и для сходно звучащих частей слова и в таком употреблении уже вообще переставал быть логограммой. Он мог теперь, указывая на определенное звучание, передавать ту или иную часть слова, значащую (суффикс, окончание и т. д.) или незначащую (звуковой отрезок той или иной протяженности, слог, наконец, и отдельный звук). Так у письменных знаков появляется функция

настоящих фонограмм, совмещающаяся в одном знаке со старой, логографической функцией (табл. 6).

Таблица 6

Совмещение логографических и фонографических функций в знаках древнеегипетского письма

Иероглиф	Логографическое значение	Фонографическое значение	Иероглиф	Логографическое значение	Фонографическое значение
	Примеры «односогласных» знаков				
	лист тростника	j + любой гласный [1]		рот	r + любой гласный
	птенец, цыпленок	w + »		тростниковая ограда	h + »
	нога, идти	b + »		водоем	š + »
	цоколь, табурет	p + »		корзина	k + »
	рогатая змея	f + »		пьедестал	g + »
	сова	m + »		хлеб	t + »
	волна, вода	n + »		ладонь	d + »
	Примеры «двусогласных» знаков [2]				
	горшок	nw		заяц	wn
	лев	rw		опахало	mś

[1] В частном случае и нуль гласного.

[2] «Двусогласные» знаки обозначали сочетание указанных в таблице согласных с любыми гласными или с нулем гласных.

Выступая в фонографическом значении и комбинируясь с логограммами, такие знаки позволяют дифференцировать на письме разные грамматические формы одного слова и разные производные одного корня. Это существенно повышает точность письма, полноту его соответствия языковой форме высказывания. У разных народов в той или иной мере развивается тенденция — корни слов записывать идеографически (логограммы превращаются при таком использовании в своего

рода морфемограммы), а аффиксы — фонографически, соответственно их звучанию [1].

§ 274. Картина развития усложнялась там, где письмо заимствовалось народом, говорившим на другом языке. Классический пример— заимствование шумерского письма аккадцами, пришедшими в долину Тигра и Евфрата в середине III тысячелетия до н. э. У аккадцев заимствованные письменные знаки используются как «г е т е р о г р а́ м м ы» (от др.-греч. *héteros* 'другой, чужой'), т. е. сохраняют традиционное шумерское звуковое чтение и вместе с тем начинают читаться по-аккадски. Так, знак, представлявший собой первоначально изображение звезды и имевший у шумеров значение 'небо' (шум. *an*) и 'бог' (шум. *dingir*), а наряду с этим значение слогового знака 'an', стали читать еще как *šamu* и *ilu*, соответственно звучанию аккадских слов, обозначавших 'небо' и 'бог' (а также и в качестве слогового знака 'il').

§ 275. Широко представлены в письме разных народов и другие формы сочетания логографии и фонографии. Так, добавляя фонограмму («фонетический комплемент») к многозначной логограмме, можно было указать, какой из возможных синонимов имеется в виду в данном случае (табл. 7). Можно было заменить логограмму одного слова сочетанием логограмм других (более коротких) слов по принципу ребуса: в этих случаях используемые логограммы выступали как фонограммы, обозначая (точно или приблизительно) отдельные звуковые сегменты передаваемого слова. Подобные «р е б у с н ы е» н а п и с а н и я особенно широко применялись там, где логографическая передача слова была затруднительной или даже невозможной, в частности при письменной фиксации более абстрактных понятий и некоторых имен собственных. Примером может служить написание в ацтекской рукописи термина *teocaltitlan* 'храмовый персонал' комбинацией знаков *ten*- 'губы', *o*- 'дорога', *cal*- 'дом' и *tlan*- 'зубы' (причем предпоследний слог *ti*- остается необозначенным, а конечный носовой слова 'губы' игнорируется). Китайцы, сохранившие архаическую систему лого- или морфемографического письма, и сейчас пользуются ребусным принципом при передаче иностранных имен, так что, например, русская фамилия *Алексеев* пишется по-китайски шестью знаками, которые читаются как «*a-le-ke-se-e-fu*» и в своем прямом логографическом значении дают следующий «смысл» (или, скорее, бессмыслицу): холм + ряд + одолеть + благодарить + дело + прозвание.

Таблица 7

Дифференциация синонимов с помощью «фонетических комплементов» в древнеегипетском письме

Чистая логограмма 'идти'	Та же логограмма с фонографическими добавлениями		
	'š' для синонима š—m[2]	's' для синонима s—b	'j' для синонима j—w

[1] Ср. наши написания типа 2-го, 2-му и т. п.

[2] Прочерком заменяется гласный (см. сноску на с. 250).

§ 276. Стремление сделать более надежным правильное прочтение многозначных логограмм вело также к выработке так называемых с е м а н т и ч е с к и х к л а с с и ф и к а т о р о в, или ключей (детерминативов). Ключ сопровождает в тексте логограмму, указывая, к какой смысловой сфере, к какой области действительности относится данное слово. Обычно в качестве ключей выступали логограммы с наиболее широкими значениями (соответствующие гиперонимам для данной группы гипонимов), такими, как 'дерево', 'растение' и т. п. (табл. 8). Ключи широко применялись в древнеегипетском, шумерском и аккадском письме и в других сходных системах. Более 200 ключей используется в современном китайском письме. Близкие по звучанию, различающиеся только тоном китайские слова 'мать', 'конопля', 'лошадь' (см. § 83) передаются модификациями одного и того же знака, первоначально означавшего 'лошадь' (этот знак приведен в табл. 3-в).

Таблица 8

Некоторые семантические детерминативы, использовавшиеся в древнеегипетском письме

Модификация создается добавлением соответствующих ключей: для 'матери' добавляется ключ 'женщина', для 'конопли' — ключ 'трава'.

§ 277. Магистральная линия развития состояла, однако, не в использовании семантических классификаторов, а во все более последовательной и полной фонетизации письма. Решительный скачок происходит тогда, когда основная часть графем, употребляемых в данной системе, утрачивает логографические функции (кроме «цифровой» — функции обозначения чисел). Этого скачка еще не проделали древние египтяне, хотя у них уже фактически выработались знаки для каждой (или почти каждой) согласной фонемы их языка, точнее — для сочетаний типа «определенный согласный + любой гласный (или нуль гласного)» [1]. Но эти же знаки параллельно продолжали употребляться и в своих старых логографических значениях, и потому древнеегипетское письмо, даже на самой поздней стадии, еще не стало фонографическим.

Не проделало решающего перехода к фонографии и традиционное китайское письмо. Оно до сих пор остается иероглифическим (т. е. лого- или морфемографическим), хотя в нем до 90% используемых знаков составляют фонетические логограммы (или фонетические морфемограммы). Сохранению архаического характера письма способствовали здесь типологические особенности китайского языка (невозможность морфемной границы внутри слога, частое совпадение слога и слова). Конечно, такое письмо сопряжено с громадными неудобствами, и прежде всего с большой трудностью овладения грамотой. Для того чтобы быть в состоянии только читать китайскую газету, необходимо знать 6—7 тысяч графем.

Первыми известными науке чисто фонографическими системами письма являются древние западносемитские системы, из которых наиболее важной оказалась финикийская (надписи с XII—X вв. до н. э.). Графемы финикийского письма обозначают звуковые последовательности типа «определенный согласный + любой гласный или нуль гласного». Каких-либо логографических функций эти графемы уже не имеют (кроме цифровых значений, связанных с алфавитным порядком графем). Письмо такого типа обычно называют консонантным, или безогласовочным. Необозначение гласных в финикийской и в других близких системах, как и у египтян, обычно объясняют тем, что в ряде афразийских языков (особенно в семитских) корень слова обычно состоит из одних согласных, тогда как гласные, вставляемые в корень в качестве трансфикса (см. § 155, 6), являются в слове изменчивым, непостоянным элементом с грамматическим значением. Поэтому на стадии, на которой письмо давало только пословную, а не поморфемную запись текста, обозначение гласных было еще ненужным.

§ 278. В дальнейшем постепенно вырабатывались те или иные способы обозначать гласные. Пути этого развития в разных системах оказались разными.

---

[1] Из-за того что различия гласных не обозначались, чтение гласных в древнеегипетских текстах остается неизвестным.

1. В одних случаях безогласовочный характер письма в основном сохраняется, например в современном еврейском и арабском письме. В этих системах гласные обозначаются лишь отчасти (причем, так сказать, «по совместительству» — буквами для некоторых согласных) и в значительной мере факультативно (дополнительными значками над и под строкой, регулярно используемыми в школьных учебниках, в священных текстах — Библии и Коране, и т. п.).

2. В других случаях на базе или под влиянием безогласовочного древнесемитского письма развиваются системы, которые принято считать силлабографическими. Таковы индийские системы, из которых наиболее широко известно письмо деванáгари, развившееся к XI—XIII вв. н. э. и являющееся сейчас официальным государственным письмом республики Индия. Существуют и такие силлабографические системы, в которых (в отличие от индийского письма) слоговой знак не членится на элементы, которые можно было бы соотнести с фонемами в составе слога. Именно таково японское письмо канá [1].

3. Третья линия эволюции консонантного письма — постепенное превращение его в полную фонемографию. Классическим примером такого развития является греческое письмо (древнейшие известные надписи относятся к VIII в. до н. э.). Греки заимствовали буквы у финикийцев, причем некоторые буквы они стали использовать для обозначения гласных уже не «по совместительству», а специально и исключительно (Α, Ε, Η, Ι и Ο), а две гласные буквы — Υ и Ω — ввели дополнительно (табл. 9). Так возникла система, в которой каждый знак обозначает либо гласную, либо согласную фонему, причем фонемы обоих классов фиксируются на равных основаниях, в одной строке, и весь текст записывается пофонемно (фонема за фонемой), так что последовательность букв соответствует последовательности фонем [2].

§ 279. К греческому письму так или иначе восходят и другие европейские и некоторые неевропейские системы фонемографического письма: прежде всего (через этрусское посредство) латинское письмо (табл. 10) и, по-видимому, руническое письмо древних германцев, далее славянское письмо в его двух разновидностях — кириллице и глаголице, готское письмо, коптское письмо в Египте и др.; греческое влияние во многом определило также характер армянского и грузинского письма.

§ 280. Из двух вариантов письма, возникших у славян, глаголица в какой-то мере связана с греческим минýскулом (скорописным письмом), но в ряде отношений самостоятельна и в общем представляет собой очень продуманную и тонко разработанную систему. По-видимому, именно она и была создана творцом славянской письменности Кириллом (до принятия монашества — Константин) во второй поло-

---

[1] Канá используется, как правило, в комбинации с китайскими иероглифами: обычно иероглиф, читаемый либо по-китайски (в словах более книжной лексики), либо, чаще, по-японски, обозначает корень слова, а слоговыми знаками записываются аффиксы.

[2] Только одна фонема древнегреческого языка — /h/ — не получила в греческом алфавите буквенного обозначения. Ее фиксировали с помощью надстрочного знака.

Таблица 9

Соотношение между финикийским и греческим письмом

Формы букв						Звуковые и цифровые значения букв		Названия букв	
финикийские	греческие					у финикийцев [1]	у греков	семитские (еврейские) [2]	греческие
	архаичные	восточные	западные	классические	соврем. печатные				
𐤀	ΑΔ	ΑΔ	ΑΑ	Α	Α	,^{x} 1	a (или $\bar{a}$) 1	ʼалеф	альфа
𐤁	ΒΒ	ΒΒ	Β	Β	Β	b^x 2	b 2	бет	бета
𐤂	ΓΓΛ	ΛΛ	Λ	Γ	Γ	g^x 3	g 3	гимел	гамма
𐤃	Δ	ΔD	ΔD	Δ	Δ	d^x 4	d 4	далет	дельта
𐤄	ΕΕ	ΕΕ	ΕΕ	Ε	Ε	h^x 5	e (первонач. и $\bar{e}$) 5	хе	эй, позже эпсилон [3]
𐤅			Ϝ	ς		w^x 6	v или w[4] 6	вав	вау, позже дигамма [5]
𐤆	≢	Ι		Ι	Ζ	z^x 7	з (d^z) 7	зайин	дзета
𐤇	ΗΘ	ΗΘ	Θ	Η	Η	$\dot{h}^x$ 8	$\bar{e}$ (первонач. и западн. h) 8	хет	эта
𐤈	⊕Θ	⊗⊕	⊗⊕	Θ	Θ	$\dot{t}^x$ 9	t^h 9	тет	тета
𐤉	ϟ	Ι	Ι	Ι	Ι	j^x 10	i (или $\bar{i}$) 10	йод	йота

Продолжение табл. 9

Формы букв						Звуковые и цифровые значения букв		Названия букв	
финикийские	греческие					у финикийцев	у греков	семитские (еврейские)	греческие
	архаичные	восточные	западные	классические	соврем. печатные				
𐤊	ΚΚΚ	ΚΚ	Κ	Κ	Κ	k^x 20	k 20	каф	каппа
𐤋	ΛΛ	Λ	Λ	Λ	Λ	l^x 30	l 30	ламед	ламбда
𐤌	ΜΜ	Μ	Μ	Μ	Μ	m^x 40	m 40	мем	ми (мю)
𐤍	ΝΝ	ΝΝ	ΝΝ	Ν	Ν	n^x 50	n 50	нун	ни (ню)
𐤎		≢Ξ	Χ	Ξ	Ξ	s^x 60	ks 60	самех	кси
𐤏	ΟC	Ο	Ο	Ο	Ο	ʻ^x 70	о (первонач. и $\bar{o}$) 70	ʻайин	омикрон [3]
𐤐	ΓΓ	ΓΠ	ΓΠ	Γ	Π	p^x 80	p 80	пе	пи
𐤑	Μ			Ͳ		ts^x 90	s 900	цаде	сан [5]
𐤒	ϘϘ	Ϙ		ϟ		$\dot{k}^x$ 100	$\dot{k}$ 90	коф	коппа [5]

Формы букв						Звуковые и цифровые значения букв			Названия букв	
фини-кийские	греческие					у финикий-цев	у греков		семитские (еврейские)	греческие
	архаич-ные	восточ-ные	западные	класси-ческие	соврем. печатные					
Ɐ	PPP	PRD	PPR	P	Ρ	r^x 200	r	100	реш	ро
W		ϟΣξ	ϟΣξ	Σ	Σ	$š^x$ 300	s	200	шин (син)	сигма
X+	TY	TT	T	T	Τ	t^x 400	t	300	тав	тау
	YYV	VY	YYV	Y	Υ		y (или ȳ, в диф-тонгах u̯)	400		ипсилон [3]
		ΦΦ	Φ	Φ	Φ		p^h	500		фи
	Ψ	X+	ΨΨ	X	Χ		k^h (зап. ks)	600		хи
		ΨΨ		Ψ	Ψ		ps (зап. k^h)	700		пси
	⊙	Ω		Ω	Ω		ō	800		омега [3]

Примечания к таблице 9

[1] Приводимые ниже написания типа $'^x$, b^x и т. д. читай: «определенный согласный (', *b* и т. д.) + любой гласный или нуль гласного».

[2] Финикийские названия букв неизвестны, но, по-видимому, они были близки к еврейским; греческие названия большинства букв несомненно происходят от финикийских названий.

[3] Определение *psilón* букв. 'голое, лысое' было позже добавлено к названиям букв Е и Υ в порядке противопоставления букве Н и сложной графеме ΟΥ, обозначавшей первоначально дифтонг [ou̯], а затем — фонему /ū/. Определения *mikrón* и *méga* значат, соответственно, 'малое' и 'большое' (т. е. 'краткое' и 'долгое').

[4] В классическую эпоху перестало произноситься.

[5] *Дигáмма, сан* и *кóппа* не вошли в классический греческий алфавит, но продолжали употребляться в цифровом значении.

Таблица 10

Отношение латинского письма к западногреческому и этрусскому

Формы букв					Звуковые значения букв		
западно-греческие	этрусские		латинские		западно-греческие	этрус-ские	латинские (первона-чальные)
	ранние	классиче-ские	первоначальные	добав-ленные позже			
ΔA	A	AA	AA	*A*	a	a	a
BB	B		BB	*B*	b	(b)[1]	b
ΛC	<C	Ɔ>	Ɔ	*C*	g	k/g	k, g[2]
ΔD	D		D	*D*	d	(d)	d
Ǝ	Ǝ	Ǝ	Ǝ	*E*	e	e	e
FC	F	Ǝ		*F*	v	v	f[3]
I	I	I‡		*(Z)*	*Z*	з	z	z[4]
BH	B	BB	B	*H*	h	h	h
ΘⓍ	ΘⓍ	ΘⓍ			t^h	t^h	
I	I	I	I	*I*	*J*	i	i	i, j[5]
K	K	K	K	*K*	k	(k)	k[6]
L	L	L	L	*L*	l	l	l
M	M	M	M	*M*	m	m	m
N	N	N	N	*N*	n	n	n
	⊞					(s)	
O	Θ		O	*O*	o	(o)	o
Γ	P	1	ΓΡ	*P*	p	p/b	p
	M	M				(s)	
Ϙ	Ϙ	Ϙ	Ϙ	*Q*	k	(k)	k^{v}[7]
PR	P	Q	Q	*R*	r	r	r
Sξ	ξ	SS	SS	*S*	s	s	s

Формы букв						Звуковые значения букв		
	этрусские		латинские					
западно-греческие	ранние	классические	первоначальные		добавленные позже	западно-греческие	этрусские	латинские (первоначальные)
Т	Т	†	Т Т	*T*		t	t/d	t
Y V	Y Y	'V Y	V	*V*	*YU*	u	u	u, u̯[8]
X +	+		X	*X*		ks	ks	ks
Φ φ	φ	Φ				p^h	p^h	
Ψ ↓	Ψ	Ψ ↓				k^h	k^h	
		8 8 8					f	

Примечания к таблице 10

[1] В скобки взяты звуковые значения букв, рано исчезнувших из этрусского письма в связи с их ненужностью (этрусский язык, по-видимому, не различал звонких и глухих смычных, не имел фонемы /o/, вероятно, не нуждался в нескольких буквах для [s]).

[2] В латинском языке /k/ и /g/ были разными фонемами, однако первоначально, под влиянием этрусского письма, они обозначались одной буквой. Только в III в. до н. э. путем небольшого видоизменения буквы *C* была создана отдельная буква для /g/, но и позже в некоторых сокращениях имен собственных *C* традиционно сохраняло значение /g/ (например, *C* = *Gaius*). Звуковое значение аффрикаты /c/ развилось у буквы *C* лишь в V в. н. э.

[3] В латыни первоначально не было фонемы /v/, а было лишь неслоговое [u̯] как вариант фонемы /u/; поэтому буква *F* могла быть использована для глухого /f/.

[4] В немногочисленных надписях — памятниках архаической латыни — буква *Z* не засвидетельствована, но римские источники сообщают о ее существовании. Она рано перестала употребляться, так как /z/ > /r/ уже в IV в. до н. э. На освободившееся алфавитное место была поставлена новая буква *G*. В I в. до н. э. буква *Z* была снова включена в алфавит (но уже поставлена в конце его) и использовалась в заимствованиях из греческого.

[5] В латыни не было фонемы /j/, а неслоговое [i̯] было вариантом фонемы /i/. Буква *J* (*j*) как отдельная буква была создана лишь в XVI в. (причем была использована одна из разновидностей параллельно употреблявшихся начертаний графемы *I*).

[6] Буква *K* была у римлян почти полностью вытеснена из употребления буквой *C*.

[7] Так называемый «лабиовелярный»; буква *Q* рано специализировалась в этом значении и использовалась почти всегда в сочетании с *V*.

[8] Буква *Y* была включена в классическую эпоху (около I в. до н. э.) и применялась в заимствованиях из греческого. Разграничение букв *V* и *U* (*v* и *u*) было осуществлено (на базе использования вариантов одной графемы) только в XVI в., но сейчас оно обычно проводится также при издании или цитировании текстов и отдельных слов и форм античного периода (в частности, и в этой книге). Буква *W* была добавлена в процессе приспособления латинского письма для передачи фонем других языков; в состав собственно латинского алфавита она не входит.

вине IX в. Однако в силу ряда причин глаголица постепенно вышла из употребления. О времени возникновения к и р и л л и ц ы идут споры. Ее буквы по большей части воспроизводят начертания букв греческого «унциáльного» (уставного) письма (использовавшегося в богослужебных книгах). Греческие буквы спорадически применялись для записи славянского текста, вероятно, еще до создания глаголицы, но кириллица как система сформировалась уже после глаголицы и под ее явным воздействием. Для фонем старославянского языка, не имевших аналогий в греческом, были созданы новые буквы (приводим начертания кириллицы):

Б — путем небольшой модификации начертания греческой «беты» (которая, кроме того, была заимствована и без изменения в качестве буквы *В*); *Ц*, Ч, *Ш* — путем модификации букв еврейского письма — «цаде» (צ) и «шин» (ש); Ж, Ъ, Ь, ы, Ѣ, Ю, Ѫ, Ѧ и некоторые другие.

§ 281. При Петре I в России была осуществлена реформа кириллицы, устранившая ряд ненужных для русского языка букв и упростившая начертания остальных. Так возникла русская «г р а ж д а н к а» («гражданская азбука» в противоположность «церковной»). В «гражданке» были узаконены некоторые буквы, не входившие в первоначальный состав кириллицы — *э*, *я*, позже *й* и затем *ё*; а в 1918 г. из состава русского алфавита были изъяты буквы *i*, *ѣ* («ять»), *ѳ* («фита») и ѵ («и́жица») и одновременно отменено употребление «твердого знака» на конце слов.

Различным изменениям подвергалось на протяжении веков и латинское письмо: были разграничены *i* и *j*, *u* и *v* (см. примечания к табл. 10), добавлялись отдельные буквы, отчасти разные для разных языков (*w*, *œ*, *ä*, *ö*, *å*, *č*, *š* и др.).

Более существенное изменение, касавшееся всех современных систем, состояло в постепенном введении о б я з а т е л ь н о г о с л о в о р а з д е л а, а затем и знаков препинания, в функциональном разграничении (начиная с эпохи изобретения книгопечатания) прописных и строчных букв (впрочем, последнее разграничение отсутствует в некоторых современных системах, например в грузинском письме).

§ 282. В современном мире наибольшее распространение получила, как известно, латиница, выступающая в ряде национальных вариантов. Она принята в большинстве стран Европы (кроме Греции, Болгарии, отчасти Югославии и большей части СССР), в Америке и Австралии, во многих странах Африки (кроме Эфиопии и арабских стран), в нескольких странах Азии, в частности в Турции, Индонезии и Вьетнаме. Кириллица, выступающая также в ряде национальных вариантов, принята в СССР (кроме Эстонии, Латвии и Литвы, использующих латиницу, и кроме Грузии и Армении), а также в Болгарии, в Монголии, отчасти в Югославии. Арабское письмо, имеющее также ряд вариантов, применяется во всех арабских странах Азии и Африки, а также в Иране, Афганистане и Пакистане. Свои особые системы письма имеют, как

сказано выше, Китай, Япония и Индия, а также Бирма, Таиланд, Шри Ланка, КНДР, Южная Корея, Израиль, Эфиопия, Греция и некоторые другие страны, а в СССР — Армения и Грузия.

3. АЛФАВИТ, ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

§ 283. При рассмотрении фонемографических систем письма выделяют понятия «алфавит», «графика» и «орфография».

1. А л ф а в и т[1] — это та часть инвентаря графем фонемографического письма, которая упорядочена в стандартной последовательности, в определенном «алфавитном порядке». Так, в современный русский алфавит входят все буквы, используемые в русском письме, включая *ь* и *ъ*, но не входят знаки ударения и переноса, знаки препинания. Для алфавита важно не столько то или иное звуковое значение графемы, сколько самый факт ее прикрепления к определенному месту в условной последовательности графем. Например, для русского алфавита существенно не столько то, что буква *ю* имеет разное звуковое значение в словах *юг* и *люк*, сколько место этой буквы относительно других при традиционном перечислении букв.

2. Графика и орфография вместе охватывают всю совокупность правил функционирования графем фонемографического письма. Правила эти распадаются на два цикла:

а) Первый цикл составляют правила г р а ф и к и — правила о соответствиях, связывающих в данной системе письма отдельные графемы и их комбинации с теми или иными звуковыми, фонологически существенными единицами языка (фонемами, слогами, ДП фонем, просодемами) и их сочетаниями. Соответствия эти могут формулироваться двояко: либо в виде правил чтения графем и их комбинаций (например, в русском письме буква *у* всегда читается как /u/; в английском письме сочетание *ea* может читаться как /i:/, /e/, /ei̯/ или /iə̯/), либо в виде правил обозначения на письме фонем, их сочетаний, просодических явлений и т. д. (например, фонема /u/ после парного мягкого согласного всегда передается в русском письме буквой *ю*).

б) Второй цикл составляют правила о р ф о г р а ф и и — правила написания значащих единиц языка, прежде всего морфем и слов, а также письменного оформления словосочетаний и предложений. Орфография предполагает наличие соответствующих орфоэпических предписаний, устанавливающих «правильное произношение», т. е. более или менее строго определенное прочтение («озвучивание» в процессе чтения) значащих единиц, записанных по ее нормам.

Правила орфографии строятся на базе правил графики, поскольку во всяком фонографическом письме господствует принцип передачи значащих языковых единиц путем передачи их звучания. Там, где правила графики указывают на то или иное соответствие как на единственное в известных фонетических условиях, орфография ничего не добавляет к этим правилам: ср. написание слов *кум*, *трюм*, в которых употребление всех букв исчерпывающе определяется одной только графикой. Но там, где правила графики указывают на наличие нескольких параллельных возможностей, не зависящих от различия в фонетических условиях, орфографическое правило обычно выбирает для каждой данной значащей единицы какую-то одну возможность и предписывает только ее, отбрасывая все остальные. Так фонема /a/ в безударном слоге обозначена по предписанию русской орфографии в одних словах (и соответственно морфемах) посредством буквы *а* (*сапог*, *разбить*), в других — посредством буквы *о* (*водить*, *колени*, *отрез*).

Орфография включает также правила обозначения на письме границ между языковыми единицами (в частности, правила о слитном, раздельном написании и написании через дефис); правила употребления прописных букв и письменных сокращений, наконец, технические правила переноса со строки на строку неуместившейся части слова.

§ 284. Выбор между параллельными возможностями написания, предоставляемыми графикой, осуществляется на основе того или иного о р ф о г р а ф и ч е с к о г о п р и н ц и п а. Выделим пять таких принципов.

1. Первый принцип обычно называют «ф о н е т и ч е с к и м» и выражают формулой «как слышится, так и пишется». Однако не всякое написание, прямо отражающее произношение, определяется «фонетическим» принципом орфографии: в словах *кум*, *трюм*, *соль*, *дым*, *пурга* все буквы употреблены в прямом соответствии с произношением, но по законам русской графики на данных местах просто не могут стоять никакие другие буквы, так что здесь орфографии «не из чего выбирать». Другое дело — написание слов *карман*, *здесь* и др., где принципиально возможен выбор, поскольку графически допустимы и написания «корман», «сдесь», «здезь». Выбор буквы *а* для первого слога слова *карман*, выбор первой и предпоследней букв в слове *здесь* осуществлен действительно на основе определенного орфографического принципа. Опираясь на изложенное выше (см. § 47—67) учение о фонеме, точнее было бы назвать этот принцип фонематическим[1]. Применительно к написаниям типа *раскол* (ср. *розыск*) рассматриваемый принцип может быть у́же определен как «принцип фиксации живых чередований фонем». Последовательнее, чем в русской орфографии, он используется, например, в белорусской орфографии при выборе гласных букв (ср. белорусск. *нага*, *гара* при мн. ч. *ногі*, *горы*; *сястра* при мн. ч. *сёстры*), в сербской орфографии — при выборе согласных букв (ср. *слатко* 'варенье' при *сладак* 'сладкий').

2. Второй принцип обычно называют «морфологическим», или «этимолого-морфологическим», а точнее можно назвать м о р ф е м а-

[1] Слово *алфавит* (др.-греч. *alphábētos*) составлено из названий двух первых по порядку букв греческого алфавита — «áльфы» и «бéты», в более позднем произношении «виты»; ср. старую славянскую кальку этого греческого слова — *азбука* (по двум первым буквам славянского алфавита *азъ* и *буки*).

[1] Заметим, что действительно фонетический принцип орфографии в практическом письме вообще вряд ли возможен. Ведь такое письмо (в отличие от фонетической транскрипции) не имеет знаков для обязательных вариантов фонем, поскольку эти варианты нормально не осознаются носителями языка.

тическим. Суть его состоит в стремлении подчеркнуть единство морфемы, несколько сгладив на письме (в пределах, допускаемых графикой) реальное варьирование ее экспонента. Чаще всего морфематический принцип проявляется в игнорировании, неотражении живых чередований фонем (почему московская фонологическая школа, исходя из своей теории чередований, его-то и называет «фонематическим»). Такое игнорирование довольно последовательно проводится в русской орфографии: ср. *вода* через *о* ввиду *вод*, *водный* и *вод* с *д* — ввиду *вода*, *водный*; написание приставок (кроме *из-*, *воз-*, *низ-*, *без-* и особенно *раз-*) и предлогов и т. д. Игнорирование живых чередований звонких и глухих согласных фонем характерно для польской, чешской, болгарской, немецкой и ряда других орфографий. Во французской орфографии в ряде случаев игнорируются исторические чередования фонем.

При всей противоположности двух рассмотренных принципов орфографии между ними возможен компромисс. Он представлен, например, в немецком письме, где для фонем /ɛ/ и /ɔʏ/ в тех морфемах, в которых они чередуются соответственно с /a/ и /ao̯/, применяются особые буквенные обозначения — *ä* и *äu* (вместо *e* и *eu*), например *Gast* 'гость' — мн. ч. Gäste /gˡɛstɛ/, *Haus* /hao̯s/ 'дом' — мн. ч. *Häuser* /hˡɔʏzɛr/. Ср. и в польском письме обозначения *ó* для /u/, чередующегося с /o/; *rz* — для /ž/, чередующегося с /r/.

3. Третий принцип орфографии иногда называют «символико-морфологическим»; мы назовем его грамматическим принципом. Суть его состоит в стремлении обозначить единым письменным знаком граммему, т. е. член грамматической категории, распространить этот письменный знак и на формы, реальное звучание которых не дает для этого оснований. Так, в русском письме буква *ь* указывает на женский род (и соответствующий тип склонения) существительного в формах вроде *ночь*, *мышь*, *рожь*, *вещь* и на повелительное наклонение в формах вроде *плачь*, *плачьте*, *ешь*, *ешьте*, *режь*, *режьте*. В этих случаях указание на мягкость является либо избыточным (в формах, написанных с *чь* и *щь*), либо даже противоречащим фактическому звучанию (в формах с *шь* и *жь*): ведь /č/ и /šč/ являются в русском языке всегда только мягкими, а /š/ и /ž/ только твердыми. Следовательно, *ь* пишется во всех этих формах лишь по аналогии с формами *кость*, *тень* и *встань*, *встаньте*, *сядь* и т. д., которые, принадлежа к тем же граммемам, действительно характеризуются мягкостью.

4. Четвертый принцип называют дифференцировочным (иногда также «символическим», или «иероглифическим»). Он состоит в стремлении разграничить на письме лексические омонимы, закрепив за каждым из них разные написания. Ср. в старой русской орфографии различение слов *миръ* 'покой, тишина, отсутствие войны' и *міръ* 'вселенная' и 'крестьянская община'; во французской орфографии написания *la* (артикль) и *là* 'там, туда'; в испанской орфографии *di* 'скажи' и *dí* 'я дал (дала)'. Иногда разграничение омонимов на письме возникает как побочный результат применения других орфографических принципов, например второго (*луг* и *волы* в отличие

от *лук* и *валы*) или третьего (*тушь* и *плачь* в отличие от *туш* и *плач*, ср. § 116, В, 2).

5. Пятый принцип орфографии называют «историческим», «консервативным» или, лучше, традиционным. Это принцип сохранения написания, установившегося и ставшего привычным, но не отвечающего ни реальному произношению, ни морфологическим отношениям в современном языке. Ср. правила русской орфографии, предписывающие написание буквы *о* в первых слогах слов *горох*, *молоко*, буквы *б* в слове *общий*, буквы *г* в окончаниях прилагательных *-ого*, *-его*. Разновидность того же принципа — сохранение в заимствованных словах черт, имитирующих иностранное написание, например *майор* вместо графически возможного *маёр*, *аллея* с двумя *л* и т. п.[1]

§ 285. Написания по фонематическому принципу, а также написания, полностью определяемые правилами графики, могут быть объединены как написания, непосредственно проверяемые произношением (т. е. произношением самой соответствующей формы). Написания по морфематическому и грамматическому принципам являются косвенно проверяемыми произношением: они проверяются по произношению либо той же морфемы в других положениях (*столы* с *о* ввиду *стол*), либо других форм, относящихся к той же граммеме (*ешь* с «мягким знаком» ввиду *брось*). Дифференцировочные и консервативные написания являются не проверяемыми произношением, беспроверочными. Можно сказать, что они в наибольшей мере представляют собой отступление от фонографического характера письма.

Обычно в рамках орфографии одного языка в той или иной пропорции сочетаются разные принципы. В современной русской орфографии ведущим является морфематический принцип, известную роль играют также «фонетический» (в частности, при написании приставок, оканчивающихся на *-з*/*-с*) и грамматический. Довольно велик удельный вес консервативных написаний; однако до реформы русского письма, проведенной в 1918 г., консервативных написаний было значительно больше, причем существенно сложнее была и графика. В немецкой, французской и особенно в английской орфографии в силу ряда исторических причин консервативных написаний много больше, чем в русской. Шире, чем у нас, применяется там и дифференцировочный принцип орфографии. К тому же в английском письме очень суженной является зона действия «окончательных» правил графики и, соответственно, слишком широкой зона действия чисто орфографических предписаний и запретов. Противоположный пример — финское письмо, в котором (если отвлечься от иностранных имен) написание слова всецело определяется графикой, почти не отличающейся от фонематической транскрипции, а орфография занимается, собственно, только иностранными словами, употреблением прописной буквы и т. п.

[1] См.: *Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л., 1983. С. 97—100.

4. ТРАНСКРИПЦИЯ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

§ 286. В некоторых случаях отдельные слова и формы или целые тексты бывает необходимо записать не с помощью письма, принятого для данного языка, а с помощью какого-то другого, специального или иноязычного, письма. Это имеет место: а) когда нужно более точно, чем позволяет обычное письмо, передать фонемный состав или детали фонетической реализации каких-либо языковых единиц или речевых образований, и б) нередко, когда тексты или слова одного языка (например, имена собственные) нужно воспроизвести в тексте, предназначенном для прочтения носителями другого языка.

В случаях, указанных под а), используется научная фонематическая или фонетическая транскрипция (см. § 50), в указанных под б) — либо специальная научная транслитерация, либо так называемая практическая транскрипция и транслитерация.

Всякая транскрипция исходит из з в у ч а н и я и стремится передать его с той или иной степенью точности. Транслитерация, напротив, исходит из н а п и с а н и я, из буквенного (графемного) состава передаваемого слова или формы[1]. Ср. передачу русской фамилии *Егоров:* в фонематической транскрипции — /jegˈoraf/ или /йэгˈораф/, в латинской транслитерации — *Egorov*.

§ 287. Научная транслитерация должна строиться по принципу взаимно-однозначного соответствия между транслитерационными знаками и графемами подлинника. Это обеспечивает стопроцентную обратную переводимость транслитерированной записи. Например, в научной латинской транслитерации русской кириллицы необходимо обеспечить разную передачу русских букв *е* и *э* или *и* и *й*. Подобные разграничения достигаются добавлением к латинским буквам диакритических значков, а иногда и заимствованием тех или иных элементов из нелатинских алфавитов.

Практическая транскрипция и транслитерация обычно бывают ограничены традиционным набором знаков, используемых в данной системе письма. Такова, например, транслитерация, принятая у нас для международных телеграмм и опирающаяся на французский вариант латиницы.

При включении иноязычных имен в русский текст используют сочетание транскрипции и транслитерации. Примером транскрипции может служить передача французского имени *Henri* в виде *Анри*, а примером транслитерации — передача французской же фамилии *Hugo* в виде *Гюго*: по-французски начальная буква *H* не произносится ни в том, ни в другом слове, но во втором случае русское написание воспроизводит эту букву в виде *Г*. В последнее время наблюдается бо́льшая склонность применять принцип транскрипции, а не транслитерации (ср. у Ломоносова *Невтон*, у Пушкина *Чильд Гарольд* и современные формы *Ньютон, Чайльд Гарольд*).

[1] *Транслитера́ция* — как бы 'побуквенное переписывание, передача по буквам' (от лат. *littera* 'буква').

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После того как в предыдущих главах книги были рассмотрены все разделы курса «Введение в языкознание», целесообразно подвести общие итоги, еще раз подчеркнув те принципиальные особенности современной советской науки о языке, которые противопоставляют ее другим, методологически неудовлетворительным, эклектическим, идеалистическим, а зачастую и откровенно реакционным направлениям современной зарубежной лингвистики.

Выше мы видели, что советское языковедение, опираясь на методологическую основу диалектического и исторического материализма, рассматривает язык в теснейшей связи с обществом, с общественной практикой людей, с конкретной историей народа. Тем самым оно принципиально противостоит концепциям тех зарубежных лингвистов-структуралистов, которые призывают изучать язык «в себе и для себя», как «сетку чистых отношений», как «чистую форму», в отрыве от общества, от истории, от самого говорящего человека с его практическими, социально обусловленными интересами и потребностями.

Выше мы видели также, что советское языковедение исходит из неразрывной диалектической связи языка и мышления, языка и сознания, что оно во внешних формах языка видит своеобразные, порой очень сложные и тонкие средства для достижения определенной цели — для оформления и выражения мысли и передачи ее другим людям в процессе общения, в ходе бесконечно углубляющегося познания действительности. Тем самым советское языковедение отвергает бесплодный формализм в науке о языке, стремление (особенно некоторых американских лингвистов) «обойтись вовсе без значения» при описании любых языковых фактов. Вместе с тем советское языковедение отвергает и то, что называют «голой семантикой», т. е. субъективное постулирование таких значений и оттенков смысла, которые никак и ничем не выражены объективно, не воплощены так или иначе в звуковой материи языка (или в сопровождающем нашу речь материальном жесте, движении глаз и т. п.). Анализируя тонкие соотношения содержания и формы, советские языковеды, как мы видели, подчеркивают, что, хотя языковая форма отнюдь не безразлична для выражаемой мысли, глубоко неправы те ученые, которые полагают, будто мышление и практическое поведение людей и целых народов определяются формами их языка.

Решительно и бескомпромиссно наше советское языковедение отвергает любые проявления расизма и шовинизма в рассуждениях о языке, любые попытки реакционных псевдоученых «доказать» неравноценность языков и говорящих на них народов и, превознося один (обычно свой) язык как «самый совершенный», дискредитировать другие как «неполноценные» и «ущербные». Мы констатируем существующую в современном мире фактическую разнородность языков, проявляющуюся в различиях их общественного статуса, в объеме функций, в степени разработанности их словаря, синтаксиса, системы функциональных стилей. Но мы понимаем эту разнородность как обусловленную не «расовой неполноценностью» того или иного народа, а сложившимися культурно-историческими условиями. В принципиальном плане мы в духе интернационализма отстаиваем идею равноценности всех языков, «больших» и «малых», письменных и бесписьменных, равное право их всех вносить свою лепту в сокровищницу общечеловеческой культуры и, в частности, быть для языковеда объектом научного исследования[1].

Как и все советские ученые, советский языковед не может быть только кабинетным теоретиком. Он всегда должен быть готов применить свои знания на практике, в любой работе, связанной с языком,— как в деле просвещения и развития культуры своего народа, так и в деле укрепления связей между народами на благо мира во всем мире.

[1] Более подробная критика чуждых нам взглядов в науке о языке дана в книгах: *Будагов Р. А.* Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М., 1978; Язык и идеология: критика идеалистических концепций функционирования и развития языка. Киев, 1981.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]

I. Классики марксизма-ленинизма о проблемах языка

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С.16—30, 427.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25.

Ленин В. И. К вопросу о диалектике // Полн. собр. соч. Т. 29.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.

II. Труды отечественных и зарубежных языковедов

Вандриес Ж. Язык. М., 1937.

Введение в языкознание: Хрестоматия. 2-е изд. / Сост. Б. Ю. Норман, Н. А. Павленко. Минск, 1984.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма. М., 1982.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.

Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

Общее языкознание / Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1983.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.

Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.

Сепир Э. Язык. М.; Л., 1934.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.

Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

III. Словари лингвистических терминов

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.

Нечаев Г. А. Краткий лингвистический словарь. Ростов-на-Дону, 1976.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; 3-е изд. М., 1985.

Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.

[1] В приводимый список не вошли, за некоторыми исключениями, работы, упомянутые в сносках.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

* Цифры отсылают к номерам параграфов. Отсылки к определениям терминов выделены курсивом.

ОГЛАВЛЕНИЕ